

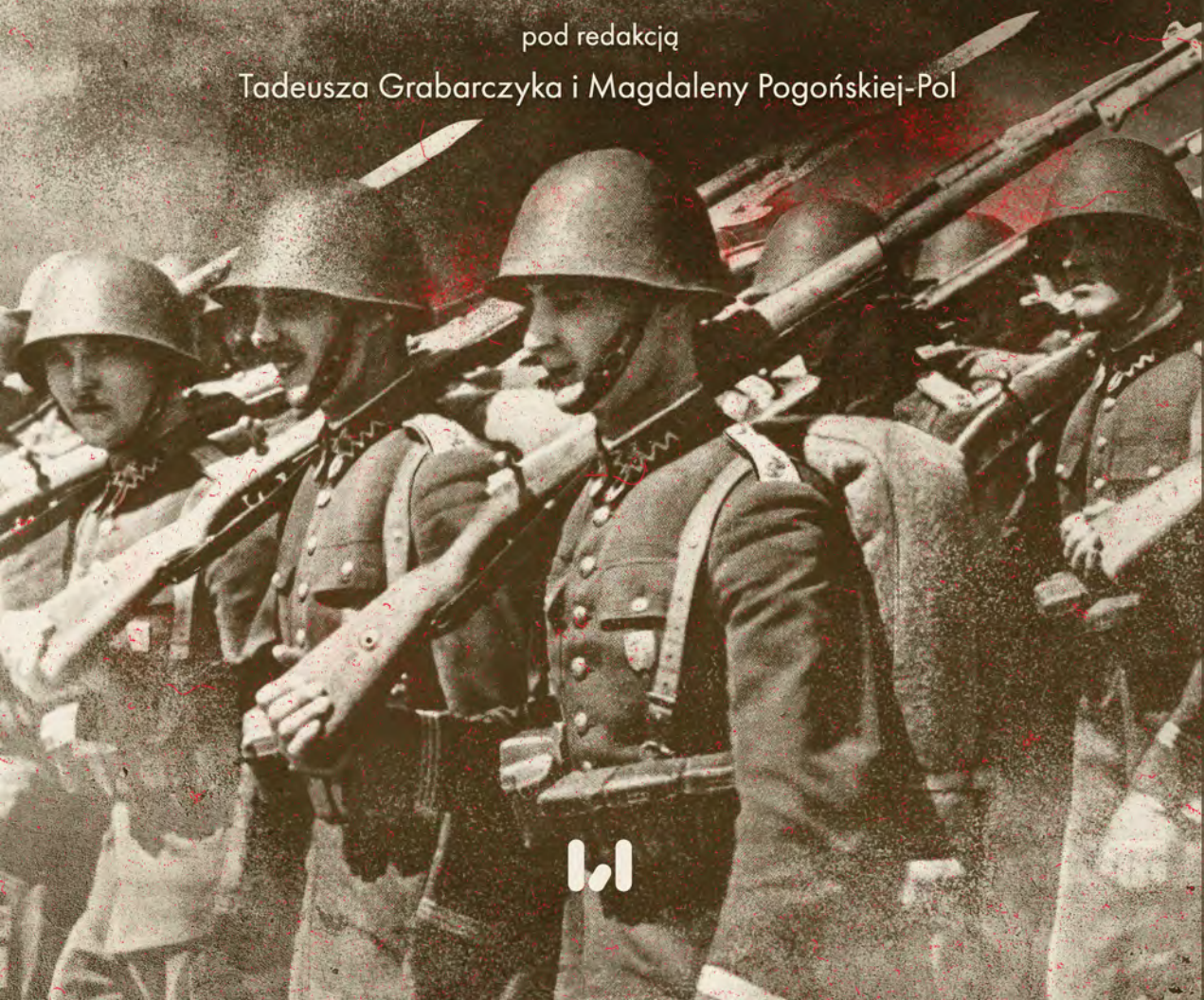
OBLICZA WOJNY

TOM 7

Przed bitwą

pod redakcją

Tadeusza Grabarczyka i Magdaleny Pogońskiej-Pol

OBLICZA WOJNY

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

OBLICZA WOJNY

TOM 7

Przed bitwą

pod redakcją

Tadeusza Grabarczyka i Magdaleny Pogońskiej-Pol

 WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

Łódź 2023

OBLICZA WOJNY

REDAKCJA NAUKOWA TOMU • EDITORS OF THIS VOLUME

Tadeusz Grabarczyk • Uniwersytet Łódzki • Wydział Filozoficzno-Historyczny

• Katedra Historii Średniowiecznej • 90-219 Łódź, ul. A. Kamińskiego 27a

Magdalena Pogońska-Pol • Uniwersytet Łódzki • Wydział Filozoficzno-Historyczny

• Katedra Historii Polski i Świata po 1945 r. • 90-219 Łódź, ul. A. Kamińskiego 27a

RADA NAUKOWA • EDITORIAL BOARD

Radosław Bania (Wydział Studiów Międzynarodowych i Politologicznych UŁ) • Aleksander Bołdyrew (Wydział Filozoficzno-Historyczny UŁ) • Tadeusz Grabarczyk – Przewodniczący | Editor-in-Chief (Wydział Filozoficzno-Historyczny UŁ) • Witold Jarno (Wydział Filozoficzno-Historyczny UŁ) • Bartosz Kałużny (Uniwersytet Łódzki) • Jarosław Kita (Wydział Filozoficzno-Historyczny UŁ) • Jacek Lasota (Wydział Wojskowy, Akademia Sztuki Wojennej w Warszawie) • Robert Majzner (Wydział Humanistyczny, Uniwersytet Jana Długosza w Częstochowie) • Mariusz Mielczarek (Instytut Archeologii i Etnologii, Polska Akademia Nauk, Warszawa) • Magdalena Pogońska-Pol – Sekretarz naukowy | Scientific secretary (Wydział Filozoficzno-Historyczny UŁ) • Ferenc Sebök (Wydział Nauk Humanistycznych i Społecznych, Uniwersytet w Szeged, Węgry) • [Leontiy Voitovych] (Katedra Historii Bizancjum, Lwowski Uniwersytet Narodowy im. Iwana Franki, Lwów, Ukraina) • Myroslav Voloshchuk (Wydział Historii, Politologii i Stosunków Międzynarodowych, Przykarpaccy Uniwersytet Narodowy im. Wasyla Stefanyka, Ivano Frankivsk, Ukraina)

O TEJ KSIĄŻCE • ABOUT THIS BOOK

Jest to siódmy tom z serii *Oblicza Wojny*, wydawanej przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego od 2020 r.

This is the seventh volume of the series *Oblicza Wojny* published since 2020 by the Lodz University Press.

RECENZENCI • REVIEWERS

Jerzy Gapys • Andrzej Niewiński

Publikacja została wydana w ramach programu *Doskonała nauka – Wsparcie monografii naukowych* nr DNM/SP/548611/2022 finansowanego ze środków Ministerstwa Edukacji i Nauki

ADRES REDAKCJI • EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Redakcja „Oblicza Wojny”

ul. A. Kamińskiego 27a

90-219 Łódź, Polska/Poland

www.obliczawojny.uni.lodz.pl

obliczawojny@uni.lodz.pl

REDAKTOR INICJUJĄCY • MANAGING EDITOR

Natasza Koźbiał

KOREKTA • PROOFREADING

Rebecca Górznińska • Oleg Hański • Karolina Płoska • Aneta Tkaczyk • Denys Toyichkin • Myroslav Voloshchuk

KOREKTA TECHNICZNA • TECHNICAL EDITING

Wojciech Grzegorzczak

SKŁAD • TYPESETTING

Agent PR

OPRACOWANIE GRAFICZNE • GRAPHIC DESIGN

Tadeusz Grabarczyk • Magdalena Pogońska-Pol

PROJEKT OKŁADKI • COVER DESIGN

Sebastian Buzar

NA OKŁADCE • ON THE COVER

Polska piechota w 1939 r. • Polish infantry in 1939

Źródło: https://pl.m.wikipedia.org/wiki/Plik:23425565672_polish_army.jpg

© Copyright by the Authors, Łódź 2023

© Copyright for this edition Uniwersytet Łódzki, Łódź 2023

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0>

WYDAWCA • PUBLISHER

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

Published by Lodz University Press

Wydanie I. First edition. W.10939.22.0.K

Ark. wyd. 17; ark. druk. 20,875

Publisher's sheets 17; printing sheets 20.875

ISBN 978-83-8331-303-0

e-ISBN 978-83-8331-304-7

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ

ŁÓDŹ 2023 • ISBN 978-83-8331-303-0

SPIS TREŚCI • CONTENTS • СОДЕРЖАНИЕ

Tadeusz Grabarczyk, Magdalena Pogońska-Pol	
Słowo wstępne.....	7
Editors' Preface	9
Предисловие.....	11
Josef Hložek, Petr Menšík, Olgierd Ławrynowicz	
Prehistoric and Early Medieval Fortified Settlements and High Medieval Castles on the Bohemian-Bavarian Borderland: Means of War, Power, or Symbols of Strength?.....	13
Myroslav Voloshchuk (Мирослав Волощук)	
В канун захвата Мстиславом Мстиславовичем Галича (конец марта – начало апреля 1221 г.). Просопография участников битвы	41
Silviu Oța	
The Teutonic Knights in the Southern Hungarian Kingdom. Preparation for Battle .	95
Zoltán Szolnoki	
Preparing for a Vendetta. Family Feuds in Medieval Tuscany.....	127
Jan Szymczak	
'Harce', or Single Combat before the Battle.....	143
Yaroslav Andrusyak (Ярослав Андрусак), Yana Tovtyn (Яна Товтин)	
Битва при Мохаче 1526 г. и её влияние на геополитическую ситуацию в центрально-восточной Европе	161
Taras Kovalets	
Mobilisation of the Armies of the Polish-Lithuanian Commonwealth before the Battle of Pereyaslav in 1630	177
Klára Andresová	
Central European Infantry Handbooks in the Time of Early Modern Military Revolution.....	195
Leontiy Voitovych (Леонтий Войтович)	
Крепость Николаев в системе обороны Галичины во второй половине XIX и в начале XX века.....	213

Taras Piatnychuk (Тарас Пятничук)	
Концепция «Морской Силы» и испано-американская война 1898 г.: рефлексия капитана А.Т. Мэхэна	245
Urszula Kurcewicz	
Pro-defence Activities of Women's Organisations during the Wars for Independence and the Establishment of the Polish Borders in the Years 1914–1921	261
David Hubený (Давид Губены), Nadezda Kruglova (Надежда Круглова)	
Чехословацкая армия и велосипедные отряды 1918–1939 гг.	283
Helena Diakova (Елена Дьякова)	
Формирование движения сопротивления в Харькове в первые месяцы войны с гитлеровской Германией	303
Adam Mordzak	
British Diplomatic and Military Preparations for the Pacific War from 17 October to 7 December 1941	315
O Autorach • About Authors • Об Авторах	331

Tadeusz Grabarczyk

University of Lodz

 ORCID ID: 0000-0002-6197-9457

Magdalena Pogońska-Pol

University of Lodz

 ORCID ID: 0000-0001-7525-6260

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 7-8

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.01>

SŁOWO WSTĘPNE

Tom, który oddajemy w Państwa ręce, zawiera 14 artykułów autorstwa historyków i archeologów z Polski, Rumunii, Ukrainy i Węgier. Przygotowany został jako kolejna, siódma część serii wydawniczej *Oblicza Wojny* (*Faces of War*).

Od zarania dziejów – w myśl zasady *si vis pacem, para bellum* – państwa, sojusze militarne, siły zbrojne, a wreszcie poszczególne społeczności przygotowywały się do konfliktów. Owo „szykowanie się” do walki przyjmowało różnorakie formy, od działań o charakterze politycznym, ekonomicznym, przez przygotowania armii, infrastrukturalne, po akcje społeczne. Zawartość niniejszego tomu nawiązuje do jego tytułu: *Przed bitwą*, ukazując działania poprzedzające przystąpienie do wojny lub bitwy.

Ten tom ujawnia, jak różnorodne mogły być preparacje do zbrojnych rozstrzygnięć. Można w nim przeczytać o przygotowaniach rodzin do vendetty w XIII-wiecznej Toskanii. Nie mogło też tutaj zabraknąć artykułu o harcach poprzedzających przedbitewne starcie, tym razem omówionych na przykładzie średniowiecznej Polski. Najliczniejszą grupę tekstów stanowią te poświęcone rozbudowie wojennej infrastruktury na potrzeby przewidywanych konfliktów – dotyczące umocnień na granicy Czech i Bawarii w okresie od czasów prehistorycznych do średniowiecza, krzyżackich zamków nad Dunajem oraz galicyjskiej twierdzy w Mikołajowie (obwód lwowski) funkcjonującej na przełomie XIX i XX w.

W kolejnych zaś tekstach podjęto tematykę przygotowań do walki różnych formacji – na przykład mobilizacji polskich sił przed wyprawą na Perejaśław (1630), a także organizacji i wyposażenia oddziałów rowerowych armii czechosłowackiej przed II wojną światową. Artykuły nawiązują też do bezpośredniego

czasu przed konfrontacją, jak ten o preparacjach do zdobycia Halicza w 1221 r., do bitwy pod Mohaczem w 1526 r. czy o aktywności dyplomacji brytyjskiej tuż przed wojną na Pacyfiku w 1941 r. Znajdziemy tu ponadto tekst odnoszący się do tworzenia ruchu oporu w Charkowie w czasie II wojny światowej, artykuł o środkowoeuropejskich podręcznikach wojskowych z lat 1550–1650, zwracający uwagę na nie dość dobrze poznany aspekt materiałów służących do szkolenia dowódców piechoty, oraz omówienie koncepcji Alfreda T. Mahana w XIX w., zawierające zalecenia dotyczące poprawy stanu armii, a szczególnie marynarki wojennej.

W zamieszczonych w tym tomie pracach przygotowania do konfliktów zbrojnych ujęte zostały wieloaspektowo. Artykuły te, choć różnorodne pod względem poruszanej problematyki, łączy solidny warsztat Autorów oraz oryginalność prezentowanych treści. W większości wypadków wykorzystano bowiem nieprzebadane bądź mało znane źródła. Jeśli natomiast badacze sięgali po te, które były już przedmiotem badań, potrafili wydobyć z nich wątki dotychczas niedostatecznie zgłębione czy wręcz pominięte oraz wyciągnąć na ich podstawie nowe i oryginalne wnioski. Wszystko to czyni z tego tomu pozycję godną polecenia zarówno profesjonalistom, jak i miłośnikom historii – nie tylko militarnej.

Tadeusz Grabarczyk

University of Lodz

 ORCID ID: 0000-0002-6197-9457

Magdalena Pogońska-Pol

University of Lodz

 ORCID ID: 0000-0001-7525-6260

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 9-10

EDITORS' PREFACE

The volume we present to you contains 14 papers written by historians and archaeologists from Poland, Romania, Ukraine, and Hungary. It was prepared as a part (seventh volume) of the *Oblicza Wojny* (*Faces of War*) series.

Since the dawn of history – according to the *si vis pacem, para bellum* principle – countries, military alliances, armed forces, and finally communities have been preparing for conflicts. These ‘preparations’ for battle took many forms, from political and economic activities, through military and infrastructure preparations, to social actions. The content of this volume refers to its title: *Before the Battle*, showing the activities that preceded the entry into war or battle and the diversity of preparations for armed conflicts – for instance, the reader can find here information about specific families’ preparations for vendetta in 13th-century Tuscany. A book such as this would not be complete without an article on *harce* – single combat skirmishes before a battle, which this time were shown using the example of medieval Poland. The most numerous group of texts are those dedicated to the development of wartime infrastructure for anticipated conflicts, including articles on the fortifications on the border between Bohemia and Bavaria from prehistoric times to the Middle Ages and on the Teutonic castles on the Danube. The fortifications are also the subject of the paper on the Galician fortress in Mykolaiv (Lviv Oblast in Ukraine) that operated at the turn of the 19th and 20th centuries.

Several texts are dedicated to another subject that could not be missing from this volume, namely preparations for battle by various military formations. Thus, there are articles discussing the mobilisation of Polish forces before the expedition to Pereyaslav (1630) and the organisation and equipment of the bicycle

units of the Czechoslovak army before World War II. Some papers refer to the time immediately before the confrontation, such as those describing the preparations for the capturing of Halych in 1221, the Battle of Mohács in 1526, and the preparations by British diplomacy for the war in the Pacific in 1941. Yet another text deals with the formation of the resistance movement in Kharkiv during World War II. The paper on Central European infantry handbooks from the years 1550–1650 draws attention to an under-researched aspect of the materials used to train infantry commanders. The reader will also find recommendations for the improvement of armies, the navy in particular, for armed conflict in the article on Alfred T. Mahan's ideas in the 19th century.

Thus, the papers collected in this volume cover the topic of getting ready for armed conflict in a diverse and multidimensional manner. Although the papers discuss seemingly different problems are united by the authors' sound academic studies and the originality of the content presented. In most cases, the authors made use of previously unresearched or little-known sources. At the same time, where the researchers used sources that had already been studied, they were able to extract from them content that had not yet been sufficiently explored or even was previously ignored and drew new and original conclusions. All of this makes this volume a highly recommended publication for both professionals and history lovers – not only in the field of military history.

Тадеуш Грабарчик

Лодзинский университет

 ORCID ID: 0000-0002-6197-9457

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWAŃ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 11-12

Магдалена Погоньская-Поль

Лодзинский университет

 ORCID ID: 0000-0001-7525-6260

ПРЕДИСЛОВИЕ

Том который сегодня отдаем в Ваши руки содержит 14 статей историков и археологов из Польши, Румынии, Украины и Венгрии. Он подготовлен как очередная часть (седьмая) издательской серии *Луки войны* (*Oblicza Wojny*).

С начала времен – по принципу *si vis pacem, para bellum* – к конфликтам готовились государства, военные союзы, вооруженные силы и, наконец, общество стран участников. Эта «подготовка» к войне принимала различные формы: от политической и экономической деятельности до армейских приготовлений, инфраструктурной и, наконец, общественной деятельности. Содержание этого тома связано с его названием: *Перед битвой*, показывающим действия, предшествующие вступлению в войну или битву.

Эта книга показывает, как разнообразно могла выглядеть подготовка к военным действиям. Здесь Вы можете прочитать о подготовке к вендетте тосканских семей в XIII в. Книга не могла обойтись без статьи о поединках перед сражениями, на этот раз они были показаны на примере средневековой Польши. Наибольшую группу текстов составляют статьи, посвященные развитию военной инфраструктуры для нужд ожидаемых конфликтов. В эту группу входят статьи об укреплениях на границе между Чехией и Баварией в период от доисторических времен до средневековья и о тевтонских замках на Дунае. Фортификационные сооружения также рассматриваются в статье, посвященной одной из важнейших крепостей Галичины – в Николаеве (Львовская область Украины), функционировавшей на рубеже XIX–XX вв.

Следующие тексты были посвящены предмету, который также не мог не присутствовать в книге, а именно подготовке к бою различных формирований. Такая статья посвящена мобилизации польских войск перед походом на Переяслав (1630 г.). Также обсуждались вопросы, связанные с организацией и оснащением велосипедных частей чехословацкой армии перед Второй мировой войной.

В статьях также говорится о непосредственном периоде перед конфронтацией, например о подготовке к отбитию Галича в 1221 г., битве при Мохаче в 1526 г. и о действиях британской дипломатии по подготовке к войне на Тихом океане в 1941 г. Тут же найдём текст, относящийся к созданию движения сопротивления в Харькове во время Второй мировой войны. В статье о центральноевропейских военных учебниках периода 1550–1650 гг. обращается внимание на недостаточно известный аспект материалов, используемых для подготовки пехотных командиров. Рекомендации по улучшению состояния армии и особенно флота для вооруженного конфликта можно найти в статье о концепции Альфреда Т. Мэхэна в XIX в.

В работах, вошедших в этот том, подготовка к вооруженным конфликтам представлена во многих аспектах. Эти статьи, хоть и разнородные по поднимаемой проблематике, объединяет солидное мастерство Авторов и оригинальность излагаемого содержания. В большинстве случаев использовались неисследованные или малоизвестные источники. Если же исследователи обращались к темам, которые уже были предметом исследования, то они смогли раскрыть недостаточно изученные факты или даже опущенную информацию и сделать новые и оригинальные выводы. Все это делает этот том достойным внимания как профессионалам, так и любителям истории – причем не только военной.

Josef Hložek

University of West Bohemia in Pilsen

 ORCID ID: 0000-0002-8613-1460

Petr Menšík

University of West Bohemia in Pilsen

 ORCID ID: 0000-0001-7858-450X

Olgierd Ławrynowicz

University of Lodz

 ORCID ID: 0000-0003-3663-9183

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 13-40

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.02>

PREHISTORIC AND EARLY MEDIEVAL FORTIFIED SETTLEMENTS AND HIGH MEDIEVAL CASTLES ON THE BOHEMIAN- -BAVARIAN BORDERLAND: MEANS OF WAR POWER, OR SYMBOLS OF STRENGTH?

Summary. The paper discusses the phenomenon of the persistence of the military, political, and social function of the present-day Bohemian-Bavarian borderland, shaped by the mountain ranges of the Bohemian Forest and the Šumava. The authors have traced the development of settlement patterns in prehistory, the Middle Ages, and the modern period, extending their studies to cover also to recent times. The discussed area constituted a barrier that limited cultural influences from both sides, which is reflected in the discovered relics of material culture. The paper also discusses, using numerous examples, the symbolic role of strongholds and castles located on mountain peaks, which came down to demonstrating the presence of power over the surrounding territory. The Bohemian-Bavarian frontier can also be seen as a peculiar landscape of conflict, which through its morphological characteristics imposed a timeless borderland form of political, military and social organisation.

Keywords: prehistory, middle ages, Bohemian-Bavarian border, borders, castle, stronghold, fortified settlement, hill-top site, landscape of conflict

Introduction

The Czech-Bavarian border (fig. 1), dominated by the hills of the Upper Palatine Forest (*Český les*) and the mountain range of the Bohemian Forest (*Šumava*), runs through a diverse geomorphological landscape. Since

prehistory, both sides of the current border have been connected by a number of paths which also existed in the Middle Ages and the Modern Period.¹ Despite their mutual influence and cultural exchange, we are, in many aspects, able to observe significantly different development of settlement, economic, and power structures on either side of the border. During prehistory and the Middle Ages, the border areas on both sides were continuously used to extract and process a wide spectre of raw materials, and, moreover, for targeted colonisation.² From the Middle Ages to the Modern Period, the discussed area has been plagued by political conflicts and military campaigns that have left their marks in the landscape. Among the conflicts and campaigns which marked at least certain segments of this cultural landscape and left archaeological evidence are the clashes between Otto II of Bavaria and the Přemyslid kings in the middle of the 13th century which influenced the wider Sušice region,³ the Hussite Wars,⁴ Bohemian-Bavarian dispute in the second half of the 15th century and at the beginning of the 16th century,⁵ some of the Thirty Years' War campaigns,⁶ Bohemian-Bavarian frontier wars in 1809, and, last but not least, the foundation of the impervious Iron Curtain.⁷ The decades-long period of communist repression can be treated as the domain of 'archaeology of

¹ Vide: R. ŠIROKÝ, K. NOVÁČEK, *K počátkům Norimberské cesty na Tachovsku*, "Archaeologia Historica" 1998, vol. 23, no. 1, pp. 59–71; E. MAUR, *Řezenská cesta a zemské stezky na Domažlicku*, "Západočeský historický sborník" 2001, vol. 7, pp. 5–40.

² Vide: J. KUDRNÁČ, *Středověká těžba zlata v horských pásmech Šumavy*, "Výběr – časopis pro historii a vlastivědu jižních Čech" 1991, vol. 28, pp. 301–309; T. DURDÍK, *Královské brady a královská města v Čechách 13. století*, "Archaeologia Historica" 1995, vol. 20, no. 1, pp. 331–337; V. RAZÍM, *K tendencím v ochraně hranic českého státu ve 13. století*, "Archaeologia Historica" 2004, vol. 29, pp. 141–160; J. FRÖHLICH, *Hraniční horský brádek na Ostrém na Šumavě*, "Castellologica Bohemica" 1996, vol. 5, pp. 101–106; V. ŠREIN *et al.*, *Zlatonosná mineralizace v okolí Horské Kvildy na Šumavě, Česká republika*, "Bulletin mineralogicko-petrologického oddělení Národního muzea v Praze" 2008, vol. 16, no. 2, pp. 153–176.

³ For more information on Sušice vide: J. LHOTÁK, *Počátky města Sušice*, "Jihočeský sborník historický. Supplementum" 2016, vol. 7, pp. 149–213.

⁴ J. LENKOVÁ, V. PAVLÍK, *Nejdůležitější bitvy v českých dějinách*, Frýdek-Místek 2007, p. 136.

⁵ J. JÁNSKÝ, *Kronika česko-bavorské hranice*, vol. 4, Domažlice 2004, pp. 168–184.

⁶ V. MATOUŠEK, *Třebel – Obraz krajiny s bitvou*, Praha 2006.

⁷ Vide: P. VAŘEKA *et al.*, *Archeologický výzkum vesnic středověkého původu na Tachovsku zaniklých po roce 1945*, "Archaeologia Historica" 2008, vol. 39, pp. 101–117; M. RAK, L. FUNK, M. VÁŇA, *Vesnice v zajetí železné opony. Možnosti archeologického poznání studené války*, "Antropowebzin" 2012, vol. 3, pp. 241–251.

contemporary armed conflicts,' in the case of which studies on communist-era material relics can be called the 'archaeology of totalitarianism.'⁸ The 'archaeology of conflict,' often unexplored by historical research, is the landscape of conflict – the spatial expression of this Cold War heritage.⁹

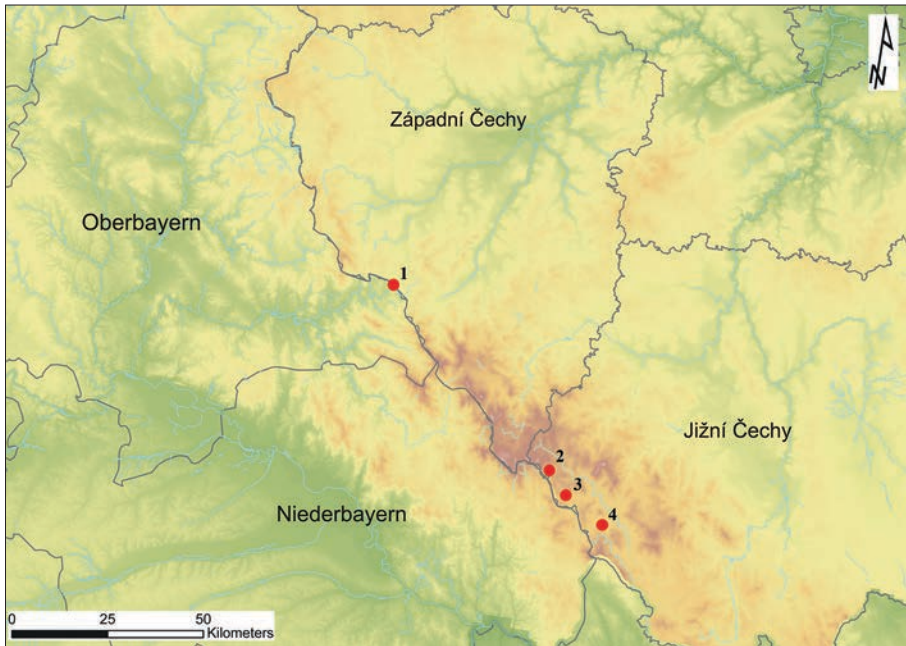

Fig. 1. Definition of the region of interest: 1. The Castle of Velký Ostrý, 2. Kunžvart Castle, 3. The Castle of Stožecká Skála, 4. The Castle of Hausberg (map by P. Menšík and J. Hložek)

⁸ P. VAŘEKA, Z. VAŘEKOVÁ, *Stan i perspektywy badań archeologicznych nad reżimem komunistycznym na terenie Czech*, [in:] *Archeologia totalitaryzmu 1939–1956. Ślady represji*, eds O. ŁAWRYNOWICZ, J. ŻELAZKO, Łódź 2015, pp. 393–395; M. RAK, *Ślady totalitaryzmu w krajobrazie zachodnich Czech*, [in:] *Poszukiwanie i identyfikacja ofiar zbrodni systemów totalitarnych. Doświadczenia polskie w kontekście europejskim*, ed. M. ZWOLSKI, Białystok–Warszawa 2018, pp. 290–305. E.g.: N.J. SAUNDERS, *Killing Time. Archaeology and the First World War*, Sutton 2007; I.A. ZALEWSKA, *Archeologia współczesnych konfliktów zbrojnych jako praktykowanie prospołecznej archeologii. Przykład wartości epistemologicznej i aksjologicznej*, [in:] *Archeologia współczesności. Pierwszy Kongres Archeologii Polskiej*, ed. I.A. ZALEWSKA, Warszawa 2016, pp. 125–140.

⁹ P.A. SHACKEL, *Archaeology, Memory, and Landscapes of Conflict*, "Historical Archaeology" 2003, vol. 37, no. 3, pp. 3–13; *Matériel Culture. The Archaeology of Twentieth-Century Conflict (One World Archaeology)*, eds C.M. BECK, W.G. JOHNSON, J. SCHOFIELD, New York 2012; O. ŁAWRYNOWICZ, *Archaeology of Us and the Local Identity. An Interdisciplinary Context*, "Acta Universitatis Lodziensis. Folia Archaeologica" 2019, no. 34, p. 47.

Despite this troubled history, the area has also had a rich joint history in both cultural and economic spheres from prehistory through the Middle Ages to the Modern Period. However, archaeological and historical sources are sparse considering the vast time span. With regards to the geographical extent of the monitored area and its transformation in the past, we will focus on three topics: first, prehistoric hill-top settlements on the Bohemian-Bavarian border in the Eneolithic and the Bronze Age; second, the use and purpose of hill-top settlements in the Early Medieval Period; and third, the network foundation of guard castles on the peaks of the Bohemian Forest in the second half of the 13th century.

Prehistoric Hill-top Settlements on the Bohemian-Bavarian Border in the Eneolithic and the Bronze Age (3350–750 BC)

The first scarce evidence of a hill-top settlement on the border of Bavaria and southwestern Bohemia can be traced back to the Neolithic. A more distinctive representation of these yet unfortified sites is, however, to be seen in the early and middle phases of the Eneolithic (3350–2900 BC), known for the Cham culture settlement. This culture is notable for its settlement of predominantly strategic, but not very extensive, hill-top sites; we do not know of any flatland settlements or burial sites from this culture in the discussed region, although there are some exceptions in Bavaria where such sites can be found.¹⁰ In western Bohemia, the hill-top settlements are scattered around the whole area (with the exception of elevations higher than 600 MASL) and reach as far as the foothills of the Bohemian Forest.¹¹ The size of settlements ranges from several

¹⁰ M. NADLER *et al.*, *Der lange Weg in eine neue Gesellschaft, Die Kupferzeit*, [in:] *Archäologie Fenster zur Vergangenheit in Bayern*, ed. S. SOMMER, Regensburg 2006, pp. 76–99; J. JOHN, *Výšinné lokality středního eneolitu v západních Čechách*, Plzeň 2010, pp. 9–11, including literature and sites' depiction.

¹¹ J. PROSTŘEDNÍK, *Chamská kultura v západních Čechách*, "Praehistorica" 2001, vol. 25–26, pp. 7–177; J. JOHN, *op. cit.*; M. METLIČKA *et al.*, *Pravěk a raný středověk jihozápadních Čech. Katalog expozice. Pohled do minulosti Plzeňského kraje. Archeologie od počátku do 10. století*, Plzeň 2015, pp. 50–55, fig. 4; M. DOBEŠ, *Hradiště v eneolitu – Burgwälle des Äneolithikums; Jistá a nejistá eneolitická hradiště – Sichere und Unsichere Äneolithische Burgwälle*, [in:] *Atlas pravěkých a raně středověkých hradišť v Čechách – Atlas de Vor- und Frühgeschichtlichen Bürgwalle in Böhmen*, ed. M. SALAČ, Praha–Schleswig 2019, pp. 35–39, fig. 9, 10.

dozen metres to half a hectare in diameter. According to some modern theories, this settlement pattern had ritual significance; in older literature, defense and refuge purposes have been proposed as explanation for the layout. However, we do not possess enough evidence to support either of these theories. Although there are several fortified settlements in western Bohemia,¹² it is impossible to date them back to the Middle Eneolithic due to the lack of knowledge. Despite the lack of hard evidence of contacts between Bavaria and western Bohemia, certain distribution of Bohemian chipped-stone industry can be observed in Bavaria.

In the Bronze Age (2300–750 BC), fortified and unfortified hill-top sites appeared on both sides of the border, although with a short hiatus. The beginning of hillforts and hill-top sites in the area is typical for the end of the Middle Bronze Age (2300–1600 BC). In the beginning of the Middle Bronze Age, the settlement pattern of hill-top sites fades away, only to emerge in the end of the Middle Bronze Age with a significant increase in the Urnfield Period, and the Late and Final Bronze Age.¹³ In the above-mentioned periods, a network of irregularly distributed hill-top fortified settlements appears, some at least being multi-functional in scale. Our knowledge has been, unfortunately, rather limited so far.¹⁴ In Late Bronze Age Bavaria, the Straubing culture gradually dispersed into local groups under the influence of the Madarovce-Veterov Culture from the East until the beginning of the Middle Bronze Age. Hill-top sites and fortified settlements appear from phase Bz A2, with a hiatus during the transition period in phase Bz A2/B1. Out of 60 hill-top sites in Bavaria and Baden-Württemberg, only five can be confirmed

¹² M. DOBEŠ, *op. cit.*, fig. 9, 10.

¹³ P. ETTTEL, *Die frühbronzezeitlichen Höhensiedlungen in Mitteldeutschland und Mitteleuropa – Stand der Forschung*, [in:] *Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Elites zu Macht und Reichtum kamen, Talungen des Landesmuseums für Vorgeschichte*, eds H. MELLER, H. BERTEMES, Halle (Saale) 2010, pp. 351–380; R. GEBHARD, R. KRAUSE, *Bernstorf. Archäologisch-naturwissenschaftliche Analysen der Gold- und Bernsteinfunde von Bernstorfer Berg bei Kranzberg, Oberbayern, Bernstorf-Forschungen 1. Abhandlungen und Bestandskataloge der Archäologischen Staatssammlung*, vol. 3, München 2016.

¹⁴ M.M. RIND *et al.*, *Von Händlern und Handwerkern – Die Bronzezeit*, [in:] *Archäologie Fenster...*, pp. 100–123; M. METLIČKA *et al.*, *op. cit.*, fig. 5; P. MENŠÍK *et al.*, *Die Höhensiedlung und der Burgwall Katovice „Kněží hora“. Ein Überregionales Zentrum im Urzeitlichen und Frühmittelalterlichen Südböhmen*, “Archaeologische Korrespondenzblatt” 2019, vol. 49, no. 4, p. 40, fig. 11 – see individual maps with site distribution in literature list.

as Early Bronze Age fortified settlements. The sites are not located near the Bohemian border but are placed around the fertile Danube basin and its surrounding trade routes, running eastwards along the river. On the other side of the border, despite the Únětice culture spreading across Bohemia, the western part of the land was left mostly unsettled until the late phases of the Early Bronze Age, when it was settled by the early Tumuli culture (the so-called *staromohylový horizont*). In the wider Bohemian Forest region, ten fortified or unfortified hill-top sites have been identified so far,¹⁵ including the sites at Weltenburger Frauenberg, Freisinger-Dom, Bogenberg by Straubingu in Bavaria,¹⁶ and Plzeň-Hradiště¹⁷ in western Bohemia. In most cases, the settlement is located at a prominent and well-protected place of variable area ranging from several to several dozen hectares. Fortification was made of timber-laced ramparts and ditches (stone was mostly used later in the Middle Bronze Age period). In this period, the hill-top sites can be considered real centres of the world of that time from the large amount of evidence of trade and cultural influence from the southeast (pottery, loaf-of-bread idols, bronze, amber), metallurgy and bronze industry deposition. The importance of such a site can be further confirmed by the presence of bronze hoards in its surrounding area, which may be seen as indirect evidence of bronze metallurgy and production at the site. Moreover, the sites can also be linked to long-range trade routes related to the flow of raw material. Even though the fortified settlements were located on both sides of the border, there is no evidence of mutual contact. However, this might be caused by the state of current knowledge on both sides of the border. Despite this fact, the fortified settlements themselves must have been the seats of local elites and been in communication with the surrounding settlement structures. The presence of

¹⁵ M. METLIČKA *et al.*, *op. cit.*, pp. 59–60; P. MENŠÍK *et al.*, *op. cit.*, p. 44, fig. 12.

¹⁶ *Vide:* M.M. RIND, *Der Frauenberg oberhalb Kloster Weltenburg I. Regensburger Beiträge zur Prähistorischen Archäologie*, vol. 6, Regensburg 1999; M. BANKUS, *Der Freisinger Domberg und sein Umland. Untersuchungen zur prähistorischen Besiedlung*, Freising 2004; J. BAŠTA, D. BAŠTOVÁ, *Pravěké osídlení Sedmiboří*, “Archeologické rozhledy” 1988, vol. 40, pp. 477–479; *idem*, *Nová staromohylová sídliště v západních Čechách*, “Archeologické rozhledy” 1989, vol. 41, pp. 273–275.

¹⁷ L. ŠMEJDA, *Hradiště u Plzně. A Preliminary Report on an Interdisciplinary Research of a Hillfort in Pilsen, West Bohemia*, “Fines Transire” 2014, vol. 23, pp. 239–251; L. ŠMEJDA *et al.*, *Archeologický výzkum opevnění lokality Hradiště u Plzně v letech 2012–2013*, “Archeologie západních Čech” 2015, vol. 9, pp. 25–43.

the elite can be evidenced through imported wares, architecture, and artefacts representing power symbols, but direct evidence of this is inconclusive, as the assemblages from hill-top sites are similar to those from flatland sites.

The Bohemian-Palatinate Tumulus culture shows characteristics of the Middle Bronze Age, when the building of both fortified and unfortified hill-top sites declined throughout Central Europe. However, in the Bohemian part of the borderland, five hill-top sites can be identified while there are none on the Bavarian side.¹⁸ Only one of the remote exceptions in Bavaria is maybe located outside the monitored area in Bernsdorf, where a complicated system of ditch and box rampart fortifications has been found, together with hoards of golden and amber artefacts; however, the authenticity of these finds is in question.¹⁹

During the Urnfield Period, the Milavče culture (1300–1000 BC) developed in western Bohemia, followed by the Nynice culture (1000–700 BC). Together with the Křnovíz culture and the bordering eastern Bavarian area, they create a unified Bohemian-eastern Bavarian cultural area, the so-called ‘Upper Danube Urnfield group,’ though certain local differences may be observed.

Evidence of both fortified and unfortified hill-top sites in Central Europe grew during the Urnfield Period, with certain sites reaching the status of a local centre. Ranging from 1 to 90 hectares in size, hill-top sites are usually structured into a central part (acropolis) and a bailey. At some sites, a farmstead can be identified and is sometimes considered a predecessor of Hallstatt ‘Herrenhoff’ farmsteads.²⁰ The trend described is mostly visible in the late Bronze Age.

¹⁸ *Bronzezeit*, [in:] *Beiträge zur Geschichte und Kultur der mitteleuropäischen Bronzezeit*, eds M. CHROPOVSKÝ, J. HERMANN, Berlin–Nitra 1990, pp. 495–514; M. METLIČKA *et al.*, *op. cit.*, p. 65, fig. 6; P. MENŠÍK, *Hradiště doby bronzové – Burgwälle der Bronzezeit; Hradiště starší a střední doby bronzové – Burgwälle der Älteren und Mittleren Bronzezeit; Hradiště starší a střední doby bronzové (Chronologický vývoj); Burgwälle der Älteren und Mittleren Bronzezeit (Chronologische Entwicklung); Hradiště mladší a pozdní doby bronzové – Burgwälle der Jüngeren und Späten Bronzezeit; Hradiště mladší a pozdní doby bronzové (Chronologický vývoj) – Burgwälle der Jüngeren und Späten Bronzezeit (Chronologische Entwicklung)*, [in:] *Atlas pravěkých...*, fig. 13.

¹⁹ M. MOOSAUER, T. BACHMAIER, *Bernstorf. Das Geheimnis der Bronzezeit*, Stuttgart 2005; R. GEBHARD, R. KRAUSE, *op. cit.*; K. VERKOOIJEN, *Report and Catalogue of the Amber Found at Bernstorf near Kranzberg, Freising District, Bavaria, Germany*, “Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte” 2017, vol. 96, pp. 139–230.

²⁰ S. GERLACH, *Urnfelderzeitliche Höbenedlungen Nordbayerns in ihrem siedlungsgeschichtlichen Zusammenhang*, [in:] *Vorträge des 16. Niederbayrischen Archäologentages*, ed. K. SCHMOTZ, Degendorf 1998, pp. 125–156; A. BJÖRN-UWE, *Eliten auf mächtigen Burgen – Die Urnfelderzeit*, [in:]

The settlement structure had changed, as evidenced by both large sites built at dominant locations with a wide view of the landscape and smaller promontory fortifications.²¹ The ramparts were made of clay and stone, sometimes interlaced by timber beams, and the front wall was lined with dry-laid stones. A stockade was put on top of the wall coping. The rampart was also surrounded by a forward ditch. Several types of gates were built in the entrance places: a simple gateway, a 'street' gate, or a pincer gate – Zangentor. However, some minor strategic locations were settled with no evidence of fortification. In western Bohemia along the Bavarian border there are approximately 15 fortified and unfortified hill-top sites, with a certain concentration in the southern part of the region.²² The most prominent of these sites, Okrouhlé Hradiště, is located on a flat-topped mountain, with the approximate size of the site of 51 hectares with an encircling rampart 3.5 kilometres long. During the rescue excavation at the site 30 sunken huts were found carved into the bedrock, in addition to other features. There was a significant concentration of settlements on the Bavarian side of the border (including hill-top sites), especially in the Danube Basin area, without any visible links to the Bohemian settlements as the closest sites are located 30–40 km from the current border. In Bavaria, many hill-top fortified sites can be found ranging in size from 1.5 to 90 hectares. A few categories of such sites can be identified: the first category is represented by the Bogenberg hillfort, a significant proto-urban site occupied throughout the Urnfield Period. The second category is constituted by sites of central importance such as Weltenburger Frauenberg and Kallmünz – large fortified settlements ranging around 50 hectares, structured into several separate areas (acropolises and baileys). Moreover, these settlements include traces of farmsteads, sometimes also considered predecessors of 'Herrenhof' farmsteads. Heunischenburg represents the third category, as it

Archäologie Fenster..., pp. 124–149; M. METLIČKA *et al.*, *op. cit.*, pp. 94–97, fig. 8; P. MENŠÍK, *op. cit.*, pp. 46, 48, fig. 14, 15.

²¹ V. ŠALDOVÁ, *Sociálně-ekonomické podmínky vzniku a funkce hradišť pozdní doby bronzové v západních Čechách*, "Památky archeologické" 1977, vol. 68, pp. 117–163.

²² Okrouhlé Hradiště: EADEM, *Westböhmen in der späten Bronzezeit. Befestigte Höhensiedlungen – Okrouhlé Hradiště*, Praha 1981, fig. 2; Podražnice: EADEM, *Pozdně bronzové a pozdně halštatské nálezy z opevněného výšinného sídliště u Podražnice, okr. Domažlice*, "Památky archeologické" 1998, vol. 89, pp. 216–226; Svržno – Černý vrch: M. CHYTRÁČEK, *Übersicht zur bronzezeitlichen Besiedlung im Flußgebiet der oberen Radbuza, Kr. Domažlice*, [in:] *Archäologische Arbeitsgemeinschaft Ostbayern/West- und Südböhmen. 5. Treffen*, eds J. MICHÁLEK, K. SCHMOTZ, Espelkamp 1996, pp. 68–81.

is an enclosed settlement of small area (1.5 ha), fortified by dry-laid walls with a massive gate which is considered a Mediterranean influence, and is one of the best examples of Central European fortification of that time. The main purpose of the site was probably strategic as it overlooked paths leading to areas of copper extraction²³ (fig. 3).

As in the previous stages of the Bronze Age, there is, besides cultural affinity, no known evidence of contact between the two monitored regions. We are not able to observe any traces of communication over the mountain range of Bohemian Forest. Much like those of the late Bronze Age, the Urnfield Period bronze hoards, presumed metallographic centres, and hill-top sites are not all consistent.

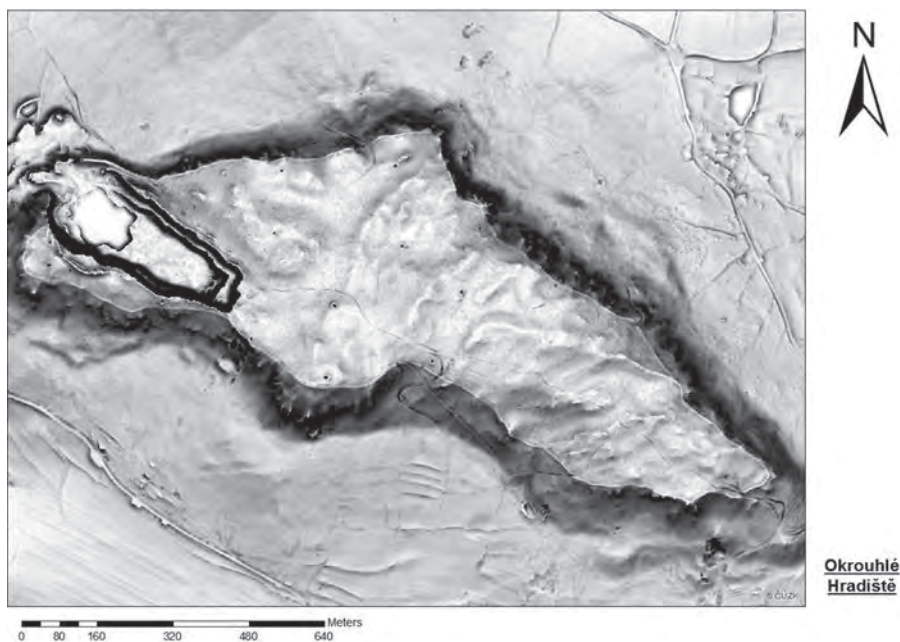

Fig. 2. Okrouhlé Hradiště, Tachov district. Terrain model created on the basis of aerial laser scanning (Created by L. Starková)

²³ R. ECKES, *Die Urnenfelderkultur in Ostbayern. Arbeiten zur Archäologie Süddeutschlands*, vol. 3, Büchenbach 1996; S. GERLACH, *op. cit.*; U. PFAUTH, *Beiträge zur Urnenfelderzeit in Niederbayern. Materialien zur Bronzezeit in Bayern*, vol. 2, Regensburg 1998; A. BJÖRN-UWE, *The Heunischenburg bei Kronach. Eine späturnenfelderzeitliche Befestigung*, Regensburg 2002.

Fig. 3. Heunischenburg, Kronach district. Fortification of the stronghold
(Source: <http://www.hasslacherberg.de/Heunischenburg>, access: 8 VIII 2021)

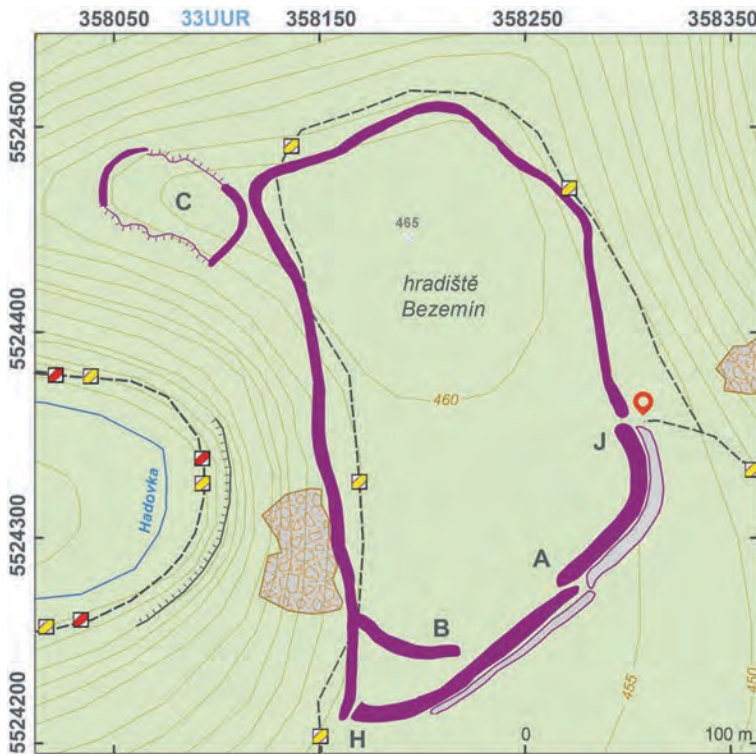

Fig. 4. Bezemín, Tachov district. Fortification of the stronghold
(Source: M. KUNA et al., *Archeologický atlas Čech. Vybrané památky od pravěku do 20. století*, Praha 2015, pp. 50–52)

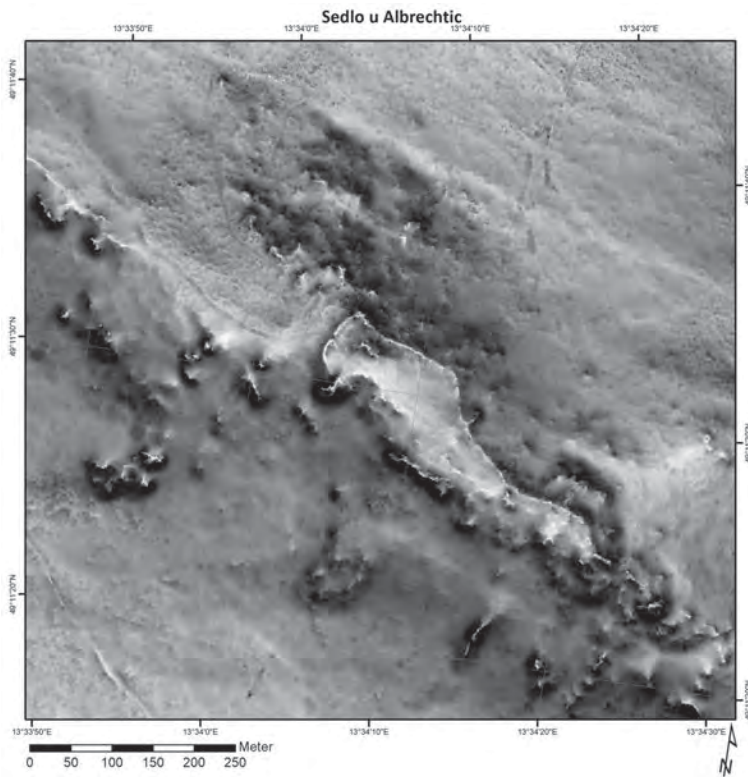

Fig. 5. Albrechtice-Sedlo, okr. Prachatice. Terrain model created on the basis of aerial laser scanning (Source: O. CHVOJKA, P. MENŠÍK, L. STARKOVÁ, *Vorgeschichtliche Burgwälle und Höhenfundstellen im südböhmischen Bereich des Böhmerwaldes*, "Fines Transire" 2019, vol. 28, pp. 95–120, fig. 2, 3)

Use and Function of Fortified Hill-top Sites in the Early Medieval Period – the Middle Hillfort Period (800–950 AD)

Although there is a network of evenly distributed [hill-top] fortified settlements within the observed region located in southwestern Bohemia, there are no such sites near the border in Bavaria, possibly due to the high elevation of the bordering mountain ranges of the Bohemian Forest and Upper Palatine Forest. In Bavaria, most hillforts are densely located in fertile areas around the Danube basin. Moreover, a whole range of eastern Danube (e.g., Avar ironwork) and western (Carolingian coins) imports have been found at these sites. It is therefore possible to identify mutual contact and possible communication paths across the passes of the

Bohemian Forest. However, the question remains about the cause of the demise of the above-mentioned [hill-top] fortified settlements – whether it was due to invader activities (Avars), who had probably been headed to Germany, or due to Přemyslid power extending into southwestern Bohemia. One prominent but remote centre that includes four hillforts is located in the west of South Bohemia;²⁴ we have evidence of the violent demise of one of these hillforts,²⁵ which may have been connected with nomad raids from the southeast.²⁶

The first evidence of strategic site settlement is evidenced from the 8th century CE. The locations of that time were probably not fortified, or used the remains of prehistoric fortifications.²⁷ Eventually, an orderly network of [hill-top] fortified settlements was established (mostly in the 9th and 10th centuries)²⁸ of both small and large fortified areas, ranging from up to one hectare to between 5 and 15 hectares,²⁹ The older and smaller hillforts were usually unstructured, while the larger ones were structured into an acropolis and one to three baileys. The ramparts were usually timber-laced with dry-laid stones on the outer side. There was usually a large ditch in front of the rampart.³⁰ Fortified settlements in the Early Medieval Period combined military, social, economic, and spiritual functions.³¹ From the 9th century onwards, craftsmanship such as blacksmithing,

²⁴ P. MENŠÍK *et al.*, *op. cit.*, fig. 1.

²⁵ Hradec u Nemětic: J. MICHÁLEK, M. LUTOVSKÝ, *Hradec u Nemětic. Sídlo halštatské a raně středověké nobility v českobavorském kontaktním prostoru*, Strakonice–Praha 2000.

²⁶ E.g., M. LUTOVSKÝ, J. MICHÁLEK, *Archeologie násilného zániku: pád Hradce u Nemětic*, [in:] *Konference Pohansko 1999: 40 let od zahájení výzkumu slovanského hradiska Břeclav–Pohansko*; 3.–4. VI. 1999. *Archaeologia Mediaevalis Moravica et Silesina 1*, ed. Z. MĚŘÍNSKÝ, Brno 2001, pp. 133–142.

²⁷ Svržno – Černý vrch; *vide*: M. CHYTRÁČEK, M. METLIČKA, *Höhensiedlungen der Hallstätt- und Laténezeit in Westböhmen*, “Památky archeologické – Supplementum” 2004, vol. 16, pp. 256–257.

²⁸ *Vide*: M. LUTOVSKÝ, *Raně středověká hradiště střední doby hradištní (RS 3) – Frühmittelalterliche Burgwälle der mittleren Burgwallzeit (FM 3)*, [in:] *Atlas pravěkých...*, p. 70, map 28.

²⁹ E.g., Tasnovice – Šitavy: D. BAŠTOVÁ, J. BAŠTA, *Slovanské osídlení v povodí dolní Radbuzy*, “Sborník Západočeského muzea v Plzni – Historie” 1990, vol. 5, p. 47.

³⁰ For additional information *vide*: M. LUTOVSKÝ, *Doba hradištní bez hradišť? Úvaha nad strukturou, chronologií a terminologií raně středověkých fortifikací v Čechách*, [in:] *Archeologie doby hradištní v České a Slovenské republice*, eds P. DRESLER, Z. MĚŘÍNSKÝ, Brno 2009; L. KOS, *Raně středověké fortifikace s čelní kamennou plentou ve střední Evropě*, “Studia Mediaevalia Pragensia” 2012, vol. 11, pp. 117–175.

³¹ E.g., Bezemín (fig. 4) and Šipín in Tachov district, *vide*: J. KUDRNÁČ, *Slované v západních Čechách*, “Archeologické rozhledy” 1951, vol. 3, pp. 185–190; M. KUNA *et al.*, *Archeologický atlas Čech. Vybrané památky od pravěku do 20. století*, Praha 2015, pp. 50–52.

armouring, weaponsmithing, or jewellery making was concentrated at fortified sites, and from the end of the 9th century, churches – first wooden, later stone – were built on the acropolises of the most prominent hillforts. Smaller hill-top sites were probably chosen for their strategic defense value, and had no visible fortification. In southwestern Bohemia, an evenly distributed network of [hill-top] fortified settlements appeared within the observed area³² with a slight concentration within the Domažlice region.³³ Some finds from Domažlice indicate a link to Bavarian Slavs, especially to the so-called ‘Naab Slavs.’ There are six [hill-top] fortified settlements located close to the border³⁴ (fig. 5), but no sites are located in the bordering areas with higher elevation associated with the Bohemian and Upper Palatine Forests. Again, most of the [hill-top] fortified settlements are densely distributed in the fertile area of the Danube Basin³⁵ (fig. 6), with the exception of the sites at Cham, Haderstadl, and Nabburg, located in the Domažlice region on the other side of the border³⁶. Therefore, mutual communication between Bohemian and Bavarian areas may be assumed at least via the so-called ‘Golden Path’ which was clearly used from at least the 10th century, and, as evidenced by similarities between cultures on both sides of the border, likely since prehistory.³⁷

The cause of the demise of certain sites remains unknown. In the meantime, we can work with the abovementioned hypotheses of Avar raids, or the influence of the Přemyslid dynasty encroaching into southwestern Bohemia.

³² M. METLIČKA *et al.*, *op. cit.*, pp. 154, 159–160, fig. 13.

³³ P. BŘICHÁČEK, M. METLIČKA, *Domažlická sídelní aglomerace v raném středověku*, “Archeologie ve středních Čechách” 1999, vol. 3, pp. 259–282.

³⁴ E.g., Darmyšl: D. BAŠTOVÁ, J. BAŠTA, *op. cit.*, pp. 13–15; Albrechtice-Sedlo, lately: O. CHVOJKA, P. MENŠÍK, L. STARKOVÁ, *Vorgeschichtliche Burgwälle und Höhenfundstellen im südböhmischen Bereich des Böhmerwaldes*, “Fines Transire” 2019, vol. 28, pp. 99–100, fig. 2, 3.

³⁵ P. ETTTEL, *Frühmittelalterlichen Burgenbau in Nordbayer und Südthüringen 7. bis zum 11. Jahrhunderts*, [in:] *Burgen in Thüringen: Geschichte, Archäologie und Burgenforschung*, Jahrb. *Stiftung Thüringer Schlösser u. Gärten 10*, ed. H.E. PAULUS, Regensburg 2007, pp. 88–110; A. BOOS, K. SCHMOTZ, *Befestigungen des frühen und älteren Mittelalters im ostbayerischen Donaauraum*, [in:] *Vorträge des Niederbayerischen Archäologentages*, eds L. HUSTY, K. SCHMOTZ, Rahden/Westf. 2012, pp. 147–225.

³⁶ P. MENŠÍK *et al.*, *op. cit.*, fig. 1.

³⁷ P. ZAVŘEL, O. CHVOJKA, J. JOHN, *Otázka existence pravěkých stezek v jihočeské části Šumavy*, “Praehistorica” 2016, vol. 33, no. 1–2, pp. 479–485; F. KUBŮ, P. ZAVŘEL, *Böhmische-bayerische Kontakte über den mittleren Böhmerwald von den Vorgeschichte bis zum Hochmittelalter*, “Fines Transire” 2019, vol. 28, pp. 293–310.

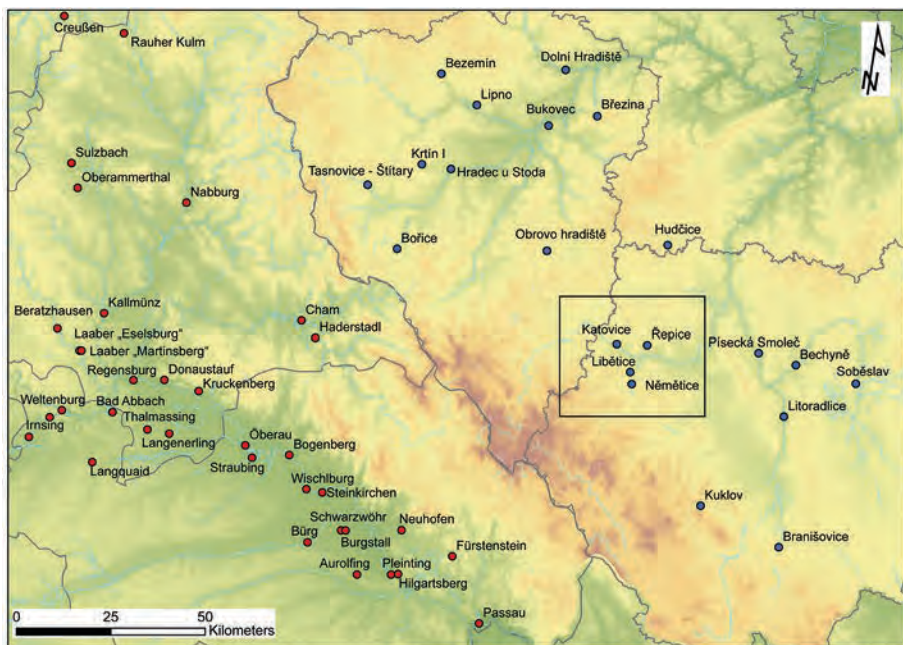

Fig. 6. Map of fortifications of the early Middle Ages in the area of interest (Source: P. MENŠÍK et al., *Die Höhensiedlung und der Burgwall Katovice „Kněží hora“. Ein Überregionales Zentrum im Urzeitlichen und Frühmittelalterlichen Südböhmen*, "Archaeologische Korrespondenzblatt" 2019, vol. 49, no. 4, p. 40, fig. 1)

Fig. 7. A. The Castle of Velký Ostrý. Historical image of a block of rock with a moat at the head of the castle (Source: T. DURDÍK, *Ilustrovaná encyklopedie českých hradů*, Praha 1999, p. 413)

Fig. 7. B. The Castle of Velký Ostrý. View of the castle area. Photo by A. Pojarová (A. POJAROVÁ, *Problematika tzv. horských hrádků na Šumavě*, nepublikovaná bakalářská práce obhájená na Katedře archeologie Západočeské univerzity v Plzni, Plzeň 2016, p. 49)

The Origin of Guard Castles in the Bohemian Forest in the Second Half of the 13th Century. The So-Called ‘Mountain Castles’ and Their Importance in Context of Bohemian-Bavarian Border

The most significant evidence of changes at Bohemian-Bavarian border in the High Middle Ages is represented by so-called ‘mountain castles’ built atop the ridges of the Bohemian Forest at the end of the 13th century and the beginning of the 14th century.³⁸ A significant part of the bordering mountains between Nýrsko and Vimperk were controlled by the Counts of Bogen and as a result, some colonisation activity was led by the Bogens together with the Bogen-affiliated Premonstratensian monastery in Windberg. Subsequently, the ownership of Sušice probably passed to the house of Bogen upon to the marriage of Count Albert III to Ludmila of the Přemyslid dynasty. A remainder of the medieval border in the Sušice region is evidenced by a pair of castles located at Petrovice u Sušice and on the nearby Hrnčíř hill. However, the border soon changed.

³⁸ T. Durdík, *K otázce demonstrační architektury na českých hradech*, “Zprávy památkové péče” 2004, vol. 64, pp. 118–123.

With the death of Count Albert IV in 1242, the Bogen family died out, and its inheritance fell to Otto II, Duke of Bavaria. As a relative of the house of Bogen, Ottokar II of Bohemia laid claim to their entire holdings, causing a long-standing dispute that began with Ottokar II storming Bavaria in 1251 and plundering the surroundings of Cham. His efforts were fruitless, however, since according to a treaty signed in Cham in 1257, the duke of Bavaria kept not only the county of Bogen in Bavaria, but also the Sušice region in Bohemia. However, the House of Wittelsbach was not able to hold the land for long, as the Bohemian king gradually gained more territory. The duke of Bavaria was therefore able to keep Sušice only until 1271, when he relinquished his claims to the Sušice region and all former Bogen land in Bohemian territory and in return, Ottokar II of Bohemia denounced his claims to the counties of Bogen and Deggendorf.³⁹ To support the newly-acquired territory, a castle was built by Otokar II of Bohemia atop Velký Ostrý mountain, in the most elevated part of the Bohemian Forest.⁴⁰ Additional castles were founded in its surroundings at the turn of the 13th and 14th century, at equally elevated locations. Primarily, they were built as Bohemian royal border strongholds guarding key communication routes over the mountains. Surprisingly though, these castles lacked presence of military personnel. Considering their small size and location in hard-to-reach but visible positions, they can be interpreted as pompous architecture, declaring Přemyslid power on their side of border rather than actually protecting it. The real source of military and economic power can be seen in large royal cities and castles built in wider Bohemian-Bavarian borderlands from the 13th century.

The Castle of Velký Ostrý

The prominent peaks of Velký Ostrý and Malý Ostrý are among the highest in the Bohemian Forest, visible from as far as the city of Pilsen in the centre of Western Bohemia. The castle on Velký Ostrý (elevation of 1293 MASL) is the highest-built castle in modern Czechia. The origins of this castle (fig. 7) can be

³⁹ E.g., J. ANDERLE, *Petrovické hrad – Die Petrovitzer Burgen*, “Castellologica Bohemica” 1993, vol. 3, pp. 111–116; V. HOLÝ, *Královský hvozď na Šumavě*, Domažlice 2007; J. LHOŤÁK, *op. cit.*

⁴⁰ J. FRÖHLICH, *op. cit.*

dated to the end of the 13th century.⁴¹ The first written records about this area come from 1273 when Ottokar II gained control of the land between Nýrsko and Vimperk, which had previously been part of the Bogen domain. The current Bohemian-Bavarian border divides the castle ruin. A rather small castle, it had a simple, unstructured square disposition of approximately 30 x 30 metres. From the southwestern side, the castle layout is delimited by a boulder which could also serve as a windbreak. From the front the castle is separated from the surrounding area by a rock-carved ditch 1.6–2 metres wide, the only remnant of medieval construction. On the other two sides the castle is protected by steep rock slopes. The castle itself (likely including the residential area) was built on a plateau about 30 x 30 metres, where later a chalet was built at the end of the 19th century. Judging by the 19th century description of the masonry remains, those may have originally come from a residential tower;⁴² unfortunately, the current terrain is a result of massive earthworks conducted during the building of the chalet in 1897.⁴³ During the 1862 excavation, a ‘dump or rampart’ was described in the southern part of the layout, consisting of burnt clay and charcoal. Moreover, animal bones and pottery fragments were also discovered not too deep underground.⁴⁴ The first regular archaeological research was able to be conducted after the fall of the Iron Curtain in 1992, and revealed a small assemblage of pottery fragments and a flint fire striker, that can be dated to the end of the 13th century to the 14th century.⁴⁵

Kunžvart Castle

The castle of Kunžvart, the name of which is a distortion of the original ‘Königswarte,’ was founded in the first half of the 14th not only as a stronghold guarding the border, but also to overlook the Vimperk branch of the Golden Path. The castle is first mentioned by written sources in 1369, when it was, together with the

⁴¹ J. STEINER, *Šumava – Královský Hvozd, území svobodných Královských rycht I*, Klatovy 2001, p. 5.

⁴² J. FRÖHLICH, *op. cit.*, p. 101.

⁴³ T. DURDÍK, *K problematice pohraničních tzv. horských hrádků*, “Archaeologia Historica” 2004, vol. 29, p. 345, fig. 6, 7.

⁴⁴ J. FRÖHLICH, *op. cit.*, pp. 102–103.

⁴⁵ *Ibidem*, pp. 103–104.

castles of Vimperk, Hus, and 36 additional villages, granted in fief to the House of Janovice. The castle retained its function until the first half of the 16th century.⁴⁶

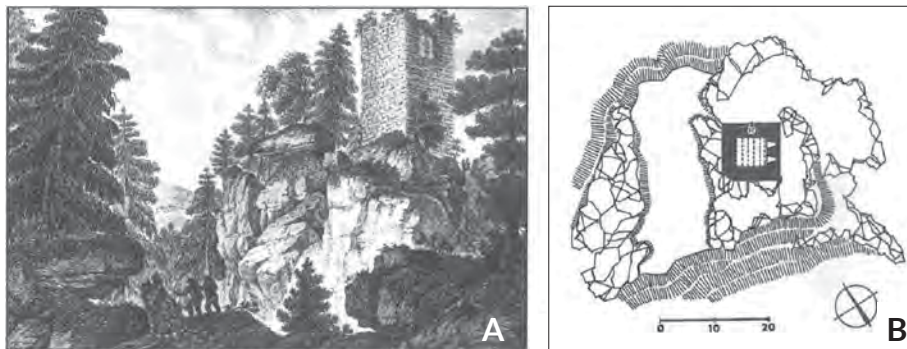

Fig. 8. Kunžvart Castle. A. Historical illustration of the castle; B. Floor plan of the castle
(Source: T. DURDÍK, *Ilustrovaná encyklopedie českých hradů*, Praha 1999, p. 311)

The small castle of Kunžvart (fig. 8) near the Bohemian-Bavarian border was built on the highest peak of the Strážný mountain above the village of the same name, at an elevation of 1032 MASL.⁴⁷ Constructed on a distinctive rock formation which forms an irregular square block defined by rock faces on three directions⁴⁸ from the front side, the castle is delimited by a wider crevasse, enlarged to a ditch.⁴⁹ No evidence of circumferential fortification remains. Considering the nature of the construction site, the encirclement, if it once existed, might have been constructed of timber.⁵⁰ The only stone-built feature was a square residential tower situated in the middle of the northwestern side. The rest of the layout shows no remains of clearly interpretable features, earthworks, or fortification. The residential tower, with an area of 10.5 x 10.7 m, was built of quarry stone.⁵¹ The most exposed corner of the tower was rounded above the entrance. The fragmented tower is preserved up to the second floor. The ground floor, illuminated by a pair of small windows opening to the inner part of the castle, is accessible through a small

⁴⁶ T. DURDÍK, V. SUŠICKÝ, *Zříceniny hradů, tvrzí a zámků. Jižní Čechy*, Praha 2002, p. 57.

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ T. DURDÍK, F. KUBŮ, P. ZAVŘEL, *Hrad na Stožecké skále*, "Castellologica Bohemica" 1998, vol. 6, no. 2, p. 272, fig. 15.

⁴⁹ T. DURDÍK, V. SUŠICKÝ, *op. cit.*, p. 58; T. DURDÍK, F. KUBŮ, P. ZAVŘEL, *Hrad Kunžvart*, "Castellologica Bohemica" 2002, vol. 8, p. 162.

⁵⁰ T. DURDÍK, *K problematice...*, p. 349.

⁵¹ T. DURDÍK, F. KUBŮ, P. ZAVŘEL, *Hrad Kunžvart*, p. 163, fig. 14.

corridor,⁵² which contradicts contemporary architectural solutions. Based on this fact, we have to consider the possible existence of circumferential fortification, the most important part of which could have been the rock formation encircling the castle layout.⁵³ The ground floor was flat-ceilinged. A wooden staircase connecting the individual levels of the tower is presumed to have existed, though no traces of it or any other stair remains. The first floor was illuminated by two small windows situated in the middle of southeastern and northeastern sides respectively. This floor, much like the ground floor, held operational functions;⁵⁴ the second floor was residential. Its interior did not have rounded corners and was illuminated by a pair of large windows placed in rectangular, segmentally arched niches. There was another opening in the southwestern wall near the southern corner of the room; although it was destroyed at the beginning of the 19th century, it is depicted in A. Langweil's illustration from 1810 in the form of segmentally arched opening, comparable to the surviving windows of the southwestern side.⁵⁵ The castle's exposed frontal wall is not pierced by any openings, as they are mostly situated in the protected wall facing the castle interior. Moreover, castle window layout was also determined by natural conditions, especially strong winter winds blowing in such exposed locations. In the case of the castle of Velký Ostrý, the windbreak was present in the form of a rock formation, protecting the castle from the southwestern side. Although we do not know the layout of Kunžvart castle, we can assume there was a residential tower based on similar sites.

The Castle of Stožecká Skála

The castle of Stožecká Skála (fig. 9) was founded on a distinctive rock ridge at an elevation of 937 MASL, overlooking the Prachatice branch of the Golden Path.⁵⁶ The castle layout was unstructured, and had an irregular oval floor plan. The dimension of the layout adjoining the massive ridge is approximately 33 x 14 m, similar in size to the castle of Velký Ostrý. There was a round, mortar-built circumferential wall adjacent to the ridge, the remains of which can

⁵² T. DURDÍK, V. SUŠICKÝ, *op. cit.*; T. Durdík, *K problematice...*, p. 349.

⁵³ T. DURDÍK, V. SUŠICKÝ, *op. cit.*

⁵⁴ *Ibidem.*

⁵⁵ T. DURDÍK, F. KUBŮ, P. ZAVŘEL, *Hrad Kunžvart*, p. 167.

⁵⁶ IDEM, *Hrad na Stožecké skále*, p. 257; T. DURDÍK, *Hrady na Šumavě*, [in:] *Šumava*, ed. M. AN-DĚRA, Praha 2003, p. 438.

be seen today in form of a rampart-like relict most prominent on the northern and eastern sides of the layout.⁵⁷ The only stone-built building, probably a residential tower, was located on the opposite side of the layout behind a small courtyard;⁵⁸ however, only a pile of rubble remains of this building. It can be assumed that timber was also used in the tower's construction. An assemblage comprised of stove vessel-tiles with rectangular openings was found which can be dated to between the end of the 13th century to the middle of the 15th century, with the majority of the material dating to the 14th and the beginning of the 15th century. The castle is not mentioned in written records. It is possible that the Vyšehrad Chapter may have instigated the castle's foundation as it had gained land in the sparsely inhabited Prachatice region, and the uninhabited border forest along the Golden Path fell under its jurisdiction up until the Hussite Wars. However, the interest in visual control of the border land and part of the Golden Path seems a more plausible reason for the castle construction.⁵⁹

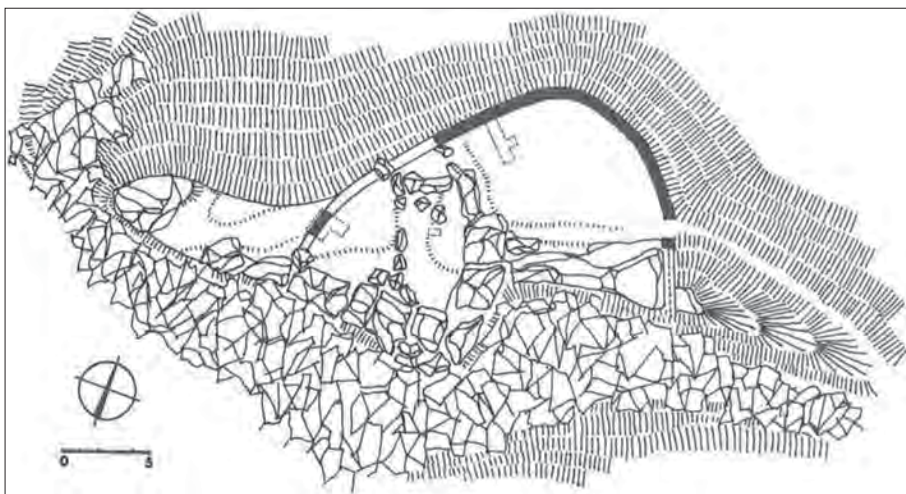

Fig. 9. The Castle of Stožecká Skála. Floor plan of the castle (Source: T. Durdík, *Ilustrovaná encyklopedie českých hradů*, Praha 1999, p. 173)

⁵⁷ T. Durdík, F. Kubů, P. Závřel, *Hrad na Stožecké skále*, p. 266.

⁵⁸ T. Durdík, *Hrady na Šumavě*, p. 439.

⁵⁹ T. Durdík, F. Kubů, P. Závřel, *Hrad na Stožecké skále*, pp. 266, 257–259.

The Castle of Hausberg

The castle of Hausberg (fig. 10) was founded on a distinctive hill called Hradiště (940 MASL). The castle overlooked the upper course of the Vltava river and the southeastern side of border forest.⁶⁰ This castle also does not appear in written records. A sizeable pottery assemblage gathered through surface collection can be dated back to the turn of the 13th and 14th centuries. The highest part of the fortified area is formed by a ridge from the southern side, adjacent to a pair of rocky platforms, 30 x 10 m and 10 x 15 m respectively. The layout was protected by steep slopes and rock walls from three sides. The main communication route to the castle led along the ridge-top, strategically preventing wide assaults – a similar layout to that of other Bohemian Forest mountain castles. At the front of the castle, the communication was crossed by a shallow ditch, the width of which did not exceed 4 m, carved into the ridge itself. The castle front is formed by a rampart-like feature adjacent to the northeastern part of the ridge. Based on the accumulation of boulders on the western slope encircling the castle layout, it is safe to assume that the circumferential fortification was made of a stone wall, possibly dry-laid, as evidenced by the absence of mortar. Although the appearance of the gate remains unknown, it is possible to assume the gate was simple, judging by the overall simplicity of the layout. In the western part of the layout, a tower-like stone structure not exceeding 15 x 15 m (although it likely was smaller) may have been built. From its northern side, the proposed tower would have been adjacent to the ridge. The building is indirectly evidenced by a massive accumulation of worked stone on the southeastern slope under the castle. On the eastern and northeastern sides, the castle layout turns into a steep cliff, which, especially on the northeastern side, was created after carving a second ditch separating the castle layout from the northeastern course of the ridge. Thus, a slope of approximately 6–8 metres was created, which is barely visible at present due to the collapse of the rock wall. The eastern edge of the layout is formed by a stepped rocky surface, slowly passing into a steep slope. The slightly sloping southeastern side of the castle consists of two distinct platforms, which could be

⁶⁰ T. DURDÍK, *Hrady na Šumavě*, p. 439; IDEM, *K problematice...*, p. 344.

the remnants of an outer bailey. Although the castle was situated in a rather dominant location, considerable attention was paid to its fortification as it was protected by two lines of ditches on the most exposed sites, together with a dry-laid wall and possibly an outer bailey.

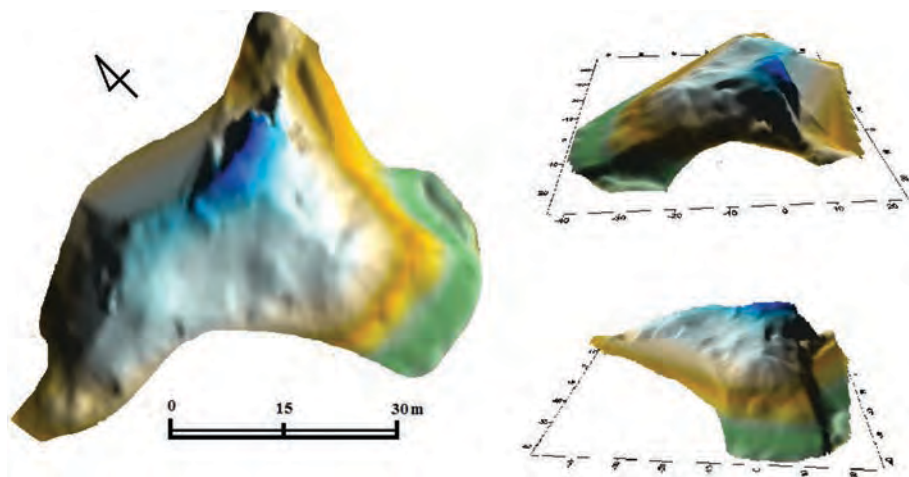

Fig. 10. The Castle of Hausberg. 3D model of terrain relief. Visualisation by J. Hložek and A. Pojarová (Source: A. POJAROVÁ, *Problematika tzv. horských hrádků na Šumavě*, nepublikovaná bakalářská práce obhájená na Katedře archeologie Západočeské univerzity v Plzni, Plzeň 2016, p. 70)

Conclusion

The natural boundary of the mountain range that determines the current Bohemian-Bavarian border has influenced settlement patterns from prehistory to the Modern Period.⁶¹ Despite limited accessibility and long-lasting shifts in property ownership, the border has been culturally penetrable, as reflected in material culture on both sides of the mountains. The foundation of strongholds atop the border mountains and ridges can be thus seen as an example

⁶¹ G. LUKÁČ, *Zamki graniczne w północno-wschodniej Słowacji i ich znaczenie na polsko-węgierskim obszarze pogranicznym w średniowieczu*, "Archaeologia Historica Polona" 1996, vol. 3, pp. 247–258; S. BRZEZIŃSKI, *Ciągłość i zmiana w historii granicy polsko-węgierskiej/polsko-siedmiogrodzkiej w XVI–XVII wieku. Wybrane problemy*, [in:] „Granice” i „pogranicza” w badaniach historycznych i antropologicznych. *Materiały z III Międzynarodowej Sesji Humanistycznej*, Warszawa, 27–29 maja 2011 r., eds P. FIGURSKI, M. SAS, Warszawa 2012, p. 38.

of ostentatious architecture meant to declare the presence of power, and the ability to overlook the border forests and paths crossing the mountain range.⁶² The foundation of the castle of Velký Ostrý can be associated with the shift of Bohemian-Bavarian border after the incorporation of the vast holdings of the Bogen family into the lands of the Czech Crown.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Opracowania • Secondary sources • Литература

- ANDERLE J., *Petrovické hrady – Die Petrovitzer Burgen*, “Castellologica Bohemica” 1993, vol. 3, pp. 111–116.
- BANKUS M., *Der Freisinger Domberg und sein Umland. Untersuchungen zur prähistorischen Besiedlung*, Freising 2004.
- BAŠTA J., BAŠTOVÁ D., *Nová staromohylová sídliště v západních Čechách*, “Archeologické rozhledy” 1989, vol. 41, pp. 258–281.
- BAŠTA J., BAŠTOVÁ D., *Pravěké osídlení Sedmihoří*, “Archeologické rozhledy” 1988, vol. 40, pp. 378–400, 477–479.
- BAŠTOVÁ D., BAŠTA J., *Slovanské osídlení v povodí dolní Radbuzy*, “Sborník Západočeského muzea v Plzni – Historie” 1990, vol. 5, pp. 5–58.
- BJÖRN-UWE A., *Eliten aufmächtigen Burgen – Die Urnenfelderzeit*, [in:] *Archäologie Fenster zur Vergangenheit in Bayern*, ed. S. SOMMER, Regensburg 2006, pp. 124–149.
- BJÖRN-UWE A., *The Heunischenburg bei Kronach. Eine späturnenfelderzeitliche Befestigung*, Regensburg 2002.
- BOOS A., SCHMOTZ K., *Befestigungen des frühen und älteren Mittelalters im ostbayerischen Donaauraum*, [in:] *Vorträge des 30. Niederbayerischen Archäologentages*, eds L. HUSTY, K. SCHMOTZ, Rahden/Westf. 2012, pp. 147–225.
- BŘICHÁČEK P., METLIČKA M., *Domažlická sídelní aglomerace v raném středověku*, “Archeologie ve středních Čechách” 1999, vol. 3, pp. 259–282.
- BRZEZIŃSKI S., *Ciągłość i zmiana w historii granicy polsko-węgierskiej/polsko-siedmiogrodzkiej w XVI–XVII wieku. Wybrane problemy*, [in:] „*Granice*” i „*pogranicza*” w badaniach historycznych i antropologicznych. *Materiały z III Międzynarodowej Sesji Humanistycznej, Warszawa, 27–29 maja 2011 r.*, eds P. FIGURSKI, M. SAS, Warszawa 2012, pp. 37–43.

⁶² E.g., T. DURDÍK, *K otázce demonstrační architektury...*; A. ZEUNE, *Burgen – Symbolen der Macht*, Regensburg 1996.

- CHVOJKA O., MENŠÍK P., STARKOVÁ L., *Vorgeschichtliche Burgwälle und Höhenfundstellen im südböhmischen Bereich des Böhmerwaldes*, "Fines Transire" 2019, vol. 28, pp. 95–120.
- CHYTRÁČEK M., *Übersicht zur bronzezeitlichen Besiedlung im Flußgebiet der oberen Radbuza, Kr. Domažlice*, [in:] *Archäologische Arbeitsgemeinschaft Ostbayern/West- und Südböhmen. 5. Treffen*, eds J. MICHÁLEK, K. SCHMOTZ, Espelkamp 1996, pp. 68–81.
- CHYTRÁČEK M., METLIČKA M., *Höhensiedlungen der Hallstatt – und Laténezeit in Westböhmen*, "Památky archeologické – Supplementum" 2004, vol. 16, pp. 256–257.
- DOBEŠ M., *Hradiště v eneolitu – Burgwälle des Äneolithikums; Jistá a nejistá eneolitická hradiště – Sichere und Unsichere Äneolithische Burgwälle*, [in:] *Atlas pravěkých a raně středověkých hradišť v Čechách – Atlas de Vor- und Frühgeschichtlichen Bürgwalle in Böhmen*, ed. M. SALAČ, Praha–Schleswig 2019, pp. 35–39.
- DURDÍK T., *Hrady na Šumavě*, [in:] *Šumava*, ed. M. ANDĚRA, Praha 2003, pp. 435–448.
- DURDÍK T., *Ilustrovaná encyklopedie českých hradů*, Praha 1999.
- DURDÍK T., *K otázce demonstrační architektury na českých bradech*, "Zprávy památkové péče" 2004, vol. 64, pp. 118–123.
- DURDÍK T., *K problematice pohraničních tzv. horských brádků*, "Archaeologia Historica" 2004, vol. 29, pp. 343–356.
- DURDÍK T., *Královské hrady a královská města v Čechách 13. století*, "Archaeologia Historica" 1995, vol. 20, no. 1, pp. 331–337.
- DURDÍK T., SUŠICKÝ V., *Zříceniny hradů, tvrzí a zámků. Jižní Čechy*, Praha 2002.
- DURDÍK T., KUBŮ F., ZAVŘEL P., *Hrad Kunžvart*, "Castellologica Bohemica" 2002, vol. 8, pp. 139–172.
- DURDÍK T., KUBŮ F., ZAVŘEL P., *Hrad na Stožecké skále*, "Castellologica Bohemica" 1998, vol. 6, no. 2, pp. 257–274.
- ECKES R., *Die Urnenfelderkultur in Ostbayern. Arbeiten zur Archäologie Süddeutschlands*, vol. 3, Büchenbach 1996.
- ETTEL P., *Die frühbronzezeitlichen Höhensiedlungen in Mitteldeutschland und Mitteleuropa – Stand der Forschung*, [in:] *Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Elites zu Macht und Reichtum kamen, Talungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 5*, eds H. MELLER, H. BERTEMES, Halle (Saale) 2010, pp. 351–380.
- ETTEL P., *Frühmittelalterlichen Burgenbau in Nordbayer und Südthüringen 7. bis zum 11. Jahrhunderts*, [in:] *Burgen in Thüringen: Geschichte, Archäologie und Burgenforschung*, Jahrb. Stiftung Thüringer Schlösser u. Gärten 10, ed. H.E. PAULUS, Regensburg 2007, pp. 88–110.
- FRÖHLICH J., *Hraniční horský brádek na Ostrém na Šumavě*, "Castellologica Bohemica" 1996, vol. 5, pp. 101–106.
- GEBHARD R., KRAUSE R., *Bernstorf. Archäologisch-naturwissenschaftliche Analysen der Gold- und Bernsteinfunde von Bernstorfer Berg bei Kranzberg, Oberbayern, Abhandlungen und Bestandskataloge der Archäologischen Staatssammlung*, München 2016.

- GERLACH S., *Urnenfelderzeitliche Höbenseniedlungen Nordbayerns in ihrem siedlungsgeschichtlichen Zusammenhang*, [in:] *Vorträge des 16. Niederbayrischen Archäologentages*, ed. K. SCHMOTZ, Deggendorf 1998, pp. 125–156.
- HOLÝ V., *Královský hvozď na Šumavě*, Domažlice 2007.
- JÁNSKÝ J., *Kronika česko-bavorské hranice*, vol. 4, Domažlice 2004.
- JOHN J., *Výšinné lokality středního eneolitu v západních Čechách*, Plzeň 2010.
- KOS L., *Raně středověké fortifikace s čelní kamennou plentou ve střední Evropě*, “*Studia Mediaevalia Pragensia*” 2012, vol. 11, pp. 117–175.
- KUBŮ F., ZAVŘEL P., *Böhmische-bayerische Kontakte über den mittleren Böhmerwald von den Vorgeschichte bis zum Hochmittelalter*, “*Fines Transire*” 2019, vol. 28, pp. 293–310.
- KUDRNÁČ J., *Slované v západních Čechách*, “*Archeologické rozhledy*” 1951, vol. 3, pp. 185–190.
- KUDRNÁČ J., *Středověká těžba zlata v horských pásmech Šumavy*, “*Výběr – časopis pro historii a vlastivědu jižních Čech*” 1991, vol. 28, pp. 301–309.
- KUNA M. et al., *Archeologický atlas Čech. Vybrané památky od pravěku do 20. století*, Praha 2015.
- LENKOVÁ J., PAVLÍK V., *Nejdůležitější bitvy v českých dějinách*, Frýdek-Místek 2007.
- LHOTÁK J., *Počátky města Sušice*, “*Jihočeský sborník historický. Supplementum*” 2016, vol. 7, pp. 149–213.
- LUKÁČ G., *Zamki graniczne w północno-wschodniej Słowacji i ich znaczenie na polsko-węgierskim obszarze pogranicznym w średniowieczu*, “*Archaeologia Historica Polona*” 1996, vol. 3, pp. 247–258.
- LUTOVSKÝ M., *Doba hradištní bez hradišť? Úvaha nad strukturou, chronologií a terminologií raně středověkých fortifikací v Čechách*, [in:] *Archeologie doby hradištní v České a Slovenské republice*, eds P. DRESLER, Z. MĚŘÍNSKÝ, Brno 2009, pp. 5–9.
- LUTOVSKÝ M., *Raně středověká hradiště střední doby hradištní (RS 3) – Frühmittelalterliche Burgwälle der mittleren Burgwallzeit (FM 3)*, [in:] *Atlas pravěkých a raně středověkých hradišť v Čechách – Atlas de Vor- und Frühgeschichtlichen Burgwälle in Böhmen*, ed. M. SALAČ, Praha–Schleswig 2019, pp. 70–71.
- LUTOVSKÝ M., MICHÁLEK J., *Archeologie násilného zániku: pád Hradce u Němčic*, [in:] *Konference Pohansko 1999: 40 let od zahájení výzkumu slovanského hradiště Břeclav–Pohansko; 3.–4. VI. 1999. Archaeologia Mediaevalis Moravia et Silesina 1*, ed. Z. MĚŘÍNSKÝ, Brno 2001, pp. 133–142.
- LAWRYNOWICZ O., *Archaeology of Us and the Local Identity. An Interdisciplinary Context*, “*Acta Universitatis Lodzensis. Folia Archaeologica*” 2019, vol. 34, pp. 45–57.
- Matériel Culture. The Archaeology of Twentieth-Century Conflict (One World Archaeology)*, eds C.M. BECK, W.G. JOHNSON, J. SCHOFIELD, New York 2012.
- MATOUŠEK V., *Třebel – Obraz krajiny s bitvou*, Praha 2006.
- MAUR E., *Řezenská cesta a zemské stezky na Domažlicku*, “*Západočeský historický sborník*” 2001, vol. 7, pp. 5–40.

- MENŠÍK P., *Hradiště doby bronzové – Burgwälle der Bronzezeit; Hradiště starší a střední doby bronzové – Burgwälle der Älteren und Mittleten Bronzezeit; Hradiště starší a střední doby bronzové (Chronologický vývoj); Burgwälle der Älteren und Mittleten Bronzezeit (Chronologische Entwicklung); Hradiště mladší a pozdní doby bronzové – Burgwälle der Jüngeren und Späten Bronzezeit; Hradiště mladší a pozdní doby bronzové (Chronologický vývoj) – Burgwälle der Jüngeren und Späten Bronzezeit (Chronologische Entwicklung)*, [in:] *Atlas pravěkých a raně středověkých hradišť v Čechách – Atlas de Vor- und Frühgeschichtlichen Bürgwalle in Böhmen*, ed. M. SALAČ, Praha–Schleswig 2019, pp. 40–49, maps 11–14.
- MENŠÍK P. et al., *Die Höhensiedlung und der Burgwall Katovice „Kněží hora“. Ein Überregionales Zentrum im Urzeitlichen und Frühmittelalterlichen Südböhmen*, “Archaeologische Korrespondenzblatt” 2019, vol. 49, no. 4, pp. 573–592.
- METLIČKA M. et al., *Pravěk a raný středověk jihozápadních Čech. Katalog expozice. Pohled do minulosti Plzeňského kraje. Archeologie od počátku do 10. století*, Plzeň 2015.
- MICHÁLEK J., LUTOVSKÝ M., *Hradec u Němčtic. Sídlo halštatské a raně středověké nobility v českobavorském kontaktním prostoru*, Strakonice–Praha 2000.
- MOOSAUER M., BACHMAIER T., *Bernstorf. Das Geheimnis der Bronzezeit*, Stuttgart 2005.
- NADLER M. et al., *Der lange Weg in eine neue Gesellschaft, Die Kupferzeit*, [in:] *Archäologie Fenster zur Vergangenheit in Bayern*, ed. S. SOMMER, Regensburg 2006, pp. 76–99.
- PFAUTH U., *Beiträge zur Urnenfelderzeit in Niederbayer. Materialien zur Bronzezeit in Bayern*, vol. 2, Regensburg 1998.
- POJAROVÁ A., *Problematika tzv. horských hrádků na Šumavě*, nepublikovaná bakalářská práce obhájená na Katedře archeologie Západočeské univerzity v Plzni, Plzeň 2016.
- PROSTŘEDNÍK J., *Chamská kultura v západních Čechách*, “Praehistorica” 2001, vol. 25–26, pp. 7–177.
- RAK M., *Ślady totalitaryzmu w krajobrazie zachodnich Czech*, [in:] *Poszukiwanie i identyfikacja ofiar zbrodni systemów totalitarnych. Doświadczenia polskie w kontekście europejskim*, ed. M. ZWOLSKI, Białystok–Warszawa 2018, pp. 290–305.
- RAK M., FUNK L., VÁŇA M., *Vesnice v zajetí železné opony. Možnosti archeologického poznání studené války*, “Antropowebzin” 2012, vol. 3, pp. 241–251.
- RAZÍM V., *K tendencím v ochraně hranic českého státu ve 13. století*, “Archaeologia Historica” 2004, vol. 29, pp. 141–160.
- RIND M.M., *Der Frauenberg oberhalb Kloster Weltenburg I. Regensburger Beiträge zur Prähistorischen Archäologie*, vol. 6, Regensburg 1999.
- RIND M.M. et al., *Von Händlern und Handwerkern – Die Bronzezeit*, [in:] *Archäologie Fenster zur Vergangenheit in Bayern*, Regensburg 2006, pp. 100–123.
- ŠALDOVÁ V., *Pozdně bronzové a pozdně halštatské nálezy z opevněného výšinného sídliště u Podražnice, okr. Domažlice*, “Památky archeologické” 1998, vol. 89, pp. 216–226.
- ŠALDOVÁ V., *Sociálně-ekonomické podmínky vzniku a funkce hradišť pozdní doby bronzové v západních Čechách*, “Památky archeologické” 1977, vol. 68, pp. 117–163.

- ŠALDOVÁ V., *Westböhmen in der späten Bronzezeit. Befestigte Höhensiedlungen – Okrouhlé Hradiště*, Praha 1981.
- ŠIROKÝ R., NOVÁČEK K., *K počátkům Norimberské cesty na Tachovsku*, "Archaeologia Historica" 1998, vol. 23, no. 1, pp. 59–71.
- ŠMEJDA L., *Hradiště u Plzně. A Preliminary Report on an Interdisciplinary Research of a Hillfort in Pilsen, West Bohemia*, "Fines Transire" 2014, vol. 23, pp. 239–251.
- ŠMEJDA L. et al., *Archeologický výzkum opevnění lokality Hradiště u Plzně v letech 2012–2013*, "Archeologie západních Čech" 2015, vol. 9, pp. 25–43.
- ŠREIN V. et al., *Zlatoznosná mineralizace v okolí Horské Kvildy na Šumavě, Česká republika*, "Bulletin mineralogicko-petrologického oddělení Národního muzea v Praze" 2008, vol. 16, no. 2, pp. 153–176.
- SAUNDERS N.J., *Killing Time. Archaeology and the First World War*, Sutton 2007.
- SHACKEL P.A., *Archaeology, Memory, and Landscapes of Conflict*, "Historical Archaeology" 2003, vol. 37, no. 3, pp. 3–13.
- STEINER J., *Šumava – Královský Hvozd, území svobodných Králováckých rychet I*, Klattovy 2001.
- TORBRÜGGE W., *Die Mittlere Bronzezeit in Bayern*, [in:] *Beiträge zur Geschichte und Kultur der mitteleuropäischen Bronzezeit*, ed. B. CHROPOVSKÝ, Berlin–Nitra 1990, pp. 495–514.
- VAŘEKA P., VAŘEKOVÁ Z., *Stan i perspektywy badań archeologicznych nad reżimem komunistycznym na terenie Czech*, [in:] *Archeologia totalitaryzmu 1939–1956. Ślady represji*, eds O. ŁAWRYNOWICZ, J. ŻELAZKO, Łódź 2015, pp. 383–403.
- VAŘEKA P., BALÝ R., FUNK L., GALUSOVÁ L., *Archeologický výzkum vesnic středověkého původu na Tachovsku zaniklých po roce 1945*, "Archaeologia Historica" 2008, vol. 39, pp. 101–117.
- VERKOOIJEN K., *Report and Catalogue of the Amber Found at Bernstorf near Kranzberg, Freising District, Bavaria, Germany*, "Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte" 2017, vol. 96, pp. 139–230.
- ZAVŘEL P., CHVOJKA O., JOHN J., *Otázka existence pravěkých stezek v jihočeské části Šumavy*, "Praehistorica" 2016, vol. 33, no. 1–2, pp. 479–485.
- ZEUNE A., *Burgen – Symbole der Macht. Ein neues Bild der mittelalterlichen Burg*, Regensburg 1996.

Josef Hložek, Petr Menšík, Olgierd Ławrynowicz

PREHISTORYCZNE I WCZESNOŚREDNIOWIECZNE GRODY ORAZ ŚREDNIOWIECZNE ZAMKI NA POGRANICZU CZESKO-BAWARSKIM: OBIEKTY WOJSKOWE, MANIFESTACJA WŁADZY CZY SYMBOLE SIŁY?

Streszczenie. W artykule omówiono fenomen trwałości funkcji militarnej, politycznej i społecznej obecnego pogranicza czesko-bawarskiego ukształtowanego przez pasma górskie Lasu Czeskiego i Szumawy. Autorzy prześledzili rozwój układów osadnictwa w prehistorii, średniowieczu i okresie nowożytnym aż do czasów współczesnych. Omawiany obszar stanowił barierę ograniczającą przenikanie się wpływów kulturowych pomiędzy obiema stronami pogranicza, co znajduje odzwierciedlenie w odkrytych reliktach kultury materialnej. W artykule na licznych przykładach omówiono również symboliczną rolę fortyfikacji i zamków zlokalizowanych na szczytach górskich, sprowadzającą się przede wszystkim do demonstrowania władzy nad otaczającymi je terytoriami. Pogranicze czesko-bawarskie może być też postrzegane jako swoisty krajobraz konfliktu, który przez swoje cechy morfologiczne narzucił ponadczasową przygraniczną formę organizacji politycznej, wojskowej i społecznej.

Słowa kluczowe: prehistoria, średniowiecze, pogranicze czesko-bawarskie, granice, zamek, twierdza, gród, grodzisko, krajobraz konfliktu

Иосиф Гложек, Петр Меншик, Ольгерд Лавринович

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМКИ НА ЧЕШСКО-БАВАРСКОЙ ГРАНИЦЕ: ВОЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ, ДЕМОНСТРАЦИЯ ВЛАСТИ ИЛИ СИМВОЛЫ СИЛЫ?

Аннотация. В статье обсуждается феномен долговечности военной, политической и социальной функции современного чешско-баварского пограничья, сформированного горными хребтами Чешского леса и Шумава. Авторы проследили развитие систем расселения от доисторических времен, в Средневековье, новое и новейшее время аж до наших дней. Обсуждаемая территория являлась барьером, ограничивающим проникновение культурных влияний между обеими сторонами пограничья, что нашло отражение в обнаруженных предметах материальной культуры. В статье на многочисленных примерах также рассматривается символическая роль укреплений и замков, расположенных на горных вершинах, сводящаяся прежде всего к демонстрации власти над окружающими территориями. Чешско-баварское пограничье можно также воспринимать как специфический ландшафт конфликта, который своими морфологическими особенностями установил вневременную пограничную форму политической, военной и социальной организации.

Ключевые слова: доисторическое время, Средневековье, чешско-баварское пограничье, границы, замок, крепость, град, городище, ландшафт конфликта

Myroslav Voloshchuk (Мирослав Волощук)

Прикарпатский национальный университет имени
Васыля Стефанька

ORCID ID: 0000-0002-1737-7205

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 41-93

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.03>

В КАНУН ЗАХВАТА МСТИСЛАВОМ МСТИСЛАВОВИЧЕМ ГАЛИЧА (КОНЕЦ МАРТА – НАЧАЛО АПРЕЛЯ 1221 г.) ПРОСОПОГРАФИЯ УЧАСТНИКОВ БИТВЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу состава участников развернувшегося в конце марта – самом начале апреля 1221 г. сражения за город Галич. Ключевыми сторонами конфликта были: король Галичины и венгерский принц Коломан со своими союзниками с одной стороны, и представитель смоленской ветви рода Мстиславовичей, князь Торческа Мстислав Мстиславович со своими – с другой. Значительный объем информации и ее эмоциональная подача в исторических источниках XIII–XVII вв., позволяют с уверенностью отнести упомянутую битву к одной из самых масштабных не только в Галицкой земле (и конкретно – за ее столицу), но и в целом – во владениях Рюриковичей домонгольского времени. Это подтверждается не только результатами просопографических исследований, проведенных в данной публикации, но и уникальным для русско-венгерских междинастических отношений первым и единственным фактом пленения русским князем венгерско-польской венценосной четы, длительного пребывания под стражей и последовавших многоуровневых дипломатических переговоров об условиях ее освобождения. Блистательная победа князя Мстислава обуславливалась как количеством ресурсов, мобилизованных для проведения кампании из Киевской, Смоленской земель, половецкой Степи, так и уверенностью защитников Галича в своем надежном положении. Более чем за год Коломан и его соратники не только укрепились в городе, сперва выгнав, а позже отразив нападения врага, но и атаковали в ответ. Фатальность положения галицкого короля в канун захвата столицы русскими князьями обуславливалась также отсутствием его отца Андрея II в Венгрии. Королевская чета в составе большой делегации в начале марта 1221 г. отправилась к болгарским границам, о чем должен был узнать Мстислав Мстиславович, и что, собственно, не позволило Арпадам оперативно прийти на помощь осажденному Коломану.

Ключевые слова: Коломан, Мстислав Мстиславович, Галич, Галицкая земля, осада, битва, элиты, просопография

История вооруженных конфликтов на Руси на сегодняшний день имеет значительную историографию, тематически охватывая весьма разнообразную проблематику. Летописные источники, в сравнении с западно-европейскими латиноязычными, в целом позволяют реконструировать ход ключевых сражений, вооружение, последствия для каждой из враждующих сторон. Однако для детального анализа состава войск, потерь во время боя, плененных, умерших в плену либо же в последствии отпущенных на свободу необходимо задействовать широкий спектр методов просопографических исследований. Роль отдельного человека в истории, соответственно, видится, таким образом, более четко и одновременно – стереоскопически. К сожалению, до сих пор такого рода работ – не слишком много¹, что объективно объясняется также различным уровнем отображения событий битв в письменных источниках.

Безусловно, исторически из наиболее широко представленных – завершившаяся, как мы полагаем, в самом начале апреля 1221 г. осада города Галича широкой военной коалицией во главе с князем Мстиславом Мстиславовичем († 1228) против венгерского принца и короля Галичины Коломана († 1241), в свою очередь поддерживаемого польскими союзниками его невесты Саломеи († 1268), а также немалым количеством галичских элит². Первое место столкновения в окрестностях столицы 24 марта „на канон[ъ] с[ва]тыя Б[огороди]ца”³ локализуется на поле вблизи сел Крылос, Шевченково и Залуква (Галицкий район, Ивано-Франківська обл., Украина) с дальнейшей осадой и взятием на рубеже марта – апреля дополнительно укрепленного собора Пресвятой Богородицы, находящегося в центре столицы, в самом возвышенном месте так называемого Крылосского городища⁴.

¹ Vide: М. Волощук, *Просопографічні студії битви під Ярославом 17 серпня 1245 року*, [в:] *Colloquia Russica*, серія II, т. 3: *Данило Романович і його часи*, ред. В. НАГІРНИЙ, М. Волощук, Івано-Франківськ–Краків 2017, с. 103–122.

² Хронология, а также другие аспекты битвы, будут детально исследованы в отдельной монографии в соавторстве с Андреем Федоруком (Черновцы, Украина), запланированной во второй серии сборника научных трудов „Галич” на 2024 г.

³ *Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana)*, ред. D. DĄBROWSKI, A. JUSUPOVIĆ, [в:] *Monumenta Poloniae Historica* (далее: МРН), т. 16, Kraków–Warszawa 2017, с. 79.

⁴ Й. ПЕЛЕНСЬКИЙ, *Галич в історії середньовічного мистецтва на основі археологічних досліджень і архівних джерел*, [в:] *Галич. Збірник наукових праць*, серія 2, вип. 4, ред. М. Волощук, Івано-Франківськ 2018, с. 131.

Уникальный для такого случая успех князя Мстислава во многом объяснялся не только невозможностью короля Венгрии Андрея II оперативно помочь своему сыну и его осажденным в Галиче войскам⁵, но и составом мобилизованных соперниками Коломана русских и вспомогательных половецких сил.

В связи с пленением и удержанием до конца 1221 г. венценосных супругов взаперти, количество и качество исторических источников по данному вопросу лучше, чем у свидетельств о каких-либо других военных событиях указанного периода. Соответственно у нас есть возможность по состоянию на март сего года отобразить большинство интересующих нас биографических и просопографических выводов предложенной темы.

СОСТАВ КОАЛИЦИИ РУСЬКИХ КНЯЗЕЙ

1. Мстислав Мстиславович, князь Торчеська (*Мстиславъ же Мстиславичъ изъ Торчеськаго; dux Mstislaus Mstislawicz*)

Верховный главнокомандующий объединенных русько-половецких войск, чья ключевая роль в кампании подтверждается большим количеством источников XIII–XVII вв.⁶ После утраты Галича поздней осенью

⁵ В начале III 1221 г. Андрей II († 1235) вместе со старшей дочерью Марией († 1237), сыном Белой († 1270), и, скорее всего, второй женой Йолантой († 1233) в составе большой делегации отправились в сторону болгарской границы, сопровождая с одной стороны претендента на константинопольский престол родственника королевы Роберта де Куртене († 1228), а с другой – планируя взять участие в свадьбе дочери Марии с царем Иваном II Асенем († 1241), которая могла состояться не ранее 11 IV. Обобщающе *vide*: J. CSÁKÓ, *Az Árpád-kori Magyarország a Francia területen keletkezett elbeszélő kútfők tükrében. Doktori disszertáció*, Budapest 2015, с. 359, 491; *cf.*: A. BÁRÁNY, *Courtenay Róbert Magyarországon (1220–1221)*, [в:] *Pilisi gótika. II. András Francia kapcsolatai. A Ferenczy Múzeumban, Szentendrén megrendezett, 2016. május 16. és június 30. közötti kiállítás katalógusa*, ред. A. BÁRÁNY, E. BENKŐ, Z. KÁRPÁTI, Debrecen–Szentendre 2016, с. 71–75. Граф Роберт де Куртене прибыл в Константинополь до 21 марта, а уже 25 марта его торжественно короновали в соборе Святой Софии.

⁶ „Мстиславъ Мстислави^ч. биса с Угрою и побѣди æ . и изби множество ихъ. и ко[ро]левича æ” (*Лаврентьевская летопись*, с предисл. Б.М. КЛОССА, [в:] *Полное собрание русских летописей* (далее: ПСРА), т. 1, Москва 2001, с. 445); „Поиде князь Мстиславъ и Володимиръ ис

Кыева къ Галицю на королевичи, и выидоша галицане противу, и Чехове и Ляхове и Морава и Угре, и съступишася полкове; и пособи богъ Мьстиславу, и в город Галиць воиде, а королевича руками изима и жену его (...)” – *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, [в:] ПСРА, т. 3, Москва–Ленинград 1950, с. 260–261 (cf.: *Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку*, Санкт-Петербург 1888, с. 210); „Того же лѣта поиде князь великий Мьстиславъ || и князь Володимеръ ис Кыева в Галичь на королевичъ (...)” (*Софийская первая летопись*, выпуск первый, [в:] ПСРА, т. 5, изд. 2, Ленинград 1925, с. 201); „Того же (е) лѣта поиде князь великий Мьстиславъ || и князь Володимеръ ис Кыева в Галичь на королевичъ (...)” (*Софийская первая летопись старшего извода*, [в:] ПСРА, т. 6, вып. 1, Москва 2000, с. 274–275); „Того же лѣта иде Мстиславъ Мстиславичъ и князь Володимеръ Рюриковичъ на Галичь на королевича (...)” (*Летопись по Воскресенскому списку*, с предисловием Б. КЛОССА, [в:] ПСРА, т. 7, Москва 2001, с. 126); „Того же лѣта князь Мстиславъ Мстиславичъ, внукъ Романовъ, правнукъ Ростиславъ, праправнукъ Мстиславъ, препраправнукъ Владимира Маномаха, бися со Угры, и избни множество ихъ, и королевича ять (...)” (*Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с прил. извлечений из монографии Б. КЛОССА „Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков”, [в:] ПСРА, т. 10, Москва 2000, с. 87); „Того же лѣта князь Мьстиславъ Мьстиславичъ и Володимеръ Руриковичъ ис Кыева на Галичь на королевича” (*Летописный сборник, именуемый Тверской летописью*, [в:] ПСРА, т. 15, Санкт-Петербург 1863, с. 333); „Въ лѣто 6730 Мстиславъ Мстиславичъ бися съ Угрою и побѣди я и язви я множество ихъ и королевича ять” (*Симеоновская летопись*, [в:] ПСРА, т. 18, Москва 2007, с. 51); „Того же лѣта Мстиславъ Мстиславичъ бися со Угры, королевича ять” (*Львовская летопись*, [в:] ПСРА, т. 20, Санкт-Петербург 1910, с. 151); „Мстиславъ Мстиславичъ и Володимеръ Рюриковичъ идоша на королевичи к Галичю (...)” (*Ермолинская летопись*, [в:] ПСРА, т. 23, Санкт-Петербург 1910, с. 67); „Того же лѣта иде Мьстиславъ Мьстиславичъ и князь Володимеръ Рюрикович на Галичь, на королевича (...)” (*Московский летописный свод конца XV века*, [в:] ПСРА, т. 25, Москва 1949, с. 116); „Того же лѣта поиде князь великий Мстислав и князь Володимеръ || ис Кыева в Галичь на королевича” (*Вологодско-Пермская летопись*, [в:] ПСРА, т. 26, Москва–Ленинград 1959, с. 66); „Того же лѣта поиде князь великий Мьстислав и князь Володимеръ ис Кыева в Галичь на королевича” (*Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века*, [в:] ПСРА, т. 27, Москва–Ленинград 1962, с. 41); „Мстислав Мстиславичъ бися со Оугры, и королевича ят, и сѣде в Галичи” (*Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)*, [в:] ПСРА, т. 28, Москва–Ленинград 1963, с. 206); „Того же лета Мстислав Мстиславичъ и Володимер Рюриковичъ идоша на королевича к Галичю” (*Холмогорская летопись. Двинской летописецъ*, [в:] ПСРА, т. 33, Ленинград 1977, с. 61); „А Мстислав уже собрався со великою силою, имый со собою Данила Романовича, зятя своего, и его брата Василька, и Володымера Руриковича, Ростислава Давыдича, и Ростислава, сына Мстислава Киевского, вьнука Романова, и Половьцов множество, и совокупившеся бишася крѣпко. И поразил Мстиславъ Угров и Ляхов, и иные въ рѣкахъ потопишася, а Коломанъ ко жене утече въ Галичь, но и тамо его гладом принудиша поддатися” (*Густинская летопись*, [в:] ПСРА, т. 40, отв. ред. В.И. БУГАНОВ, Б.А. РЫБАКОВ, Санкт-Петербург 2003, с. 114 (cf.: *Густинский летописец, упорядник та автор передмови О. Толочко*, [в:] *Гарвардська бібліотека давнього українського письменства*, т. 11, Гарвард 2013, с. 285); „Поиде кн(я)зь Мстислав и Володимер ис Кыева на Галичю на королевича” (*Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского*, [в:] ПСРА, т. 43, Москва 2004, с. 84); „Nec Rutheni remorantur, quatuor enim duces, videlicet Mstislaus Mstislawicz, Włodimirus Rurkovicz, Roscislaus Dawydownicz et alter Roscislaus Mstis-

1219 г.⁷, и безуспешной попытки вернуть его в самом начале 1221 г.⁸ князь, видимо, находился в Киевской земле, может быть даже в самой столице (на что намекает ряд летописных сообщений), где на княжеском престоле находился его кузен Мстислав Романович († 1223). Промежуток времени между январем и мартом 1221 г. был потрачен, как мы считаем, на мобилизацию нужных для нового похода сил, поддержание среди войск надлежащего порядка, а также выжидание отъезда короля Андрея II в Болгарию с целью участия в свадьбе своей старшей дочери Марии и болгарского царя Ивана II Асеня. Исходя из возможной даты рождения князя между 1176–1180/81 гг.⁹, на момент осады Галича его возраст составлял от 41 до 45 лет.

В ходе длившегося не менее недели противостояния, Мстислав Мстиславович проявил себя не только в качестве великолепного руководителя объединенной армией (возглавлял правый фланг)¹⁰: в канун битвы под Галичем 24 марта он лично принимал участие в разведывательной

laucz, ceteris omnibus suas copias destinantibus, adveniunt, Polowczorum deinde exercitus ingens et Hungaricum et Polonicum exercitum geminata superans quantitate” (DLUGOSSII JOANNES, *Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*, ред. Z. KOZŁOWSKA-BUDKOWA et al., Warszawa 1973, lib. 5–6, с. 206 (далее: Длугош); cf. комментарии: Н.И. ЩАВЕЛЕВА, *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, перевод, комментарии*, Москва 2004, с. 354, прим. 349); „прійде Мьсти[слав] рано на гордаго Филю | на оутры съ лахы, | и быс[тъ] бран[ъ] таж[ъ]ка межи ими. И одолъ Мьстиславъ (...) И | побѣдив[ъ]шю же Мьстиславоу, поиде к Галичю” (*Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 79–80, cf.: с. 78–82).

⁷ „Мьстиславоу ж[е] не мог[ъ]шю битис[а] | съ оутры”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 64.

⁸ „Тое же зимы иде на Галичъ Мстиславъ Романовичъ изъ Кіева, и Мстиславъ же Мстиславичъ изъ Торчського, и иніи князи съ ними и съ Половци; пришедшимъ же имъ, и королевичъ затворися во градъ Галичи; они же бишася у града половину дня и разыдошася по земли воевать, и много зла сотвориша, города и села пожгоша, и много полонъ возьмеше поидоша”, *Летопись по Воскресенскому списку*, с. 128. Детальную реконструкцию событий из последнего *vide*: D. DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*, Kraków 2012, с. 104.

⁹ Д. ДОМБРОВСКИЙ, *Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.)*, издание исправленное и дополненное, перевод и вступительное слово к русскому изданию К. Ерусалимского, О. Остапчук, Санкт-Петербург 2015, с. 531–533. В последней из биографий князя к его рождению около 1180/1181 г. склоняется также Александр Головкин (О. ГОЛОВКО, *Князь Мстислав Мстиславич «Удатный» і його доба*, Кам'янець-Подільський 2017, с. 65).

¹⁰ „дон[ъ]деже прійде Мьстиславъ | с Полов[ъ]ци”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 77; „Duas etiam acies Rutheni constituerant: uni Msczyslaus Msczislawicz, alteri Włodimirus dux preerant”, Длугош, с. 207.

деятельности¹¹, сам вел переговоры с укрывшимся за стенами детинца и в храме Пресвятой Богородицы противником, на завершающем этапе пытался добыть победу с минимальными потерями для обеих сторон¹². Утвердившись в Галиче, князь помог смоленской ветви рода Мстиславовичей на протяжении следующих двух лет оставаться доминирующей силой на Руси.

2. Володимир Рюрикович, князь (*Володимиръ ис Кыева; dux Wlodimirus Rurkovicz*)

Самый младший из сыновей Рюрика Ростиславовича († между 1210/1216), князь Володимир († 1239) – второй после Мстислава Мстиславовича по значимости и, вероятно, возрасту¹³ военачальник похода. Его участие подтверждается достоверными летописными известиями новгородского происхождения (с их последующим более поздним дублированием)¹⁴, а также фрагментами так называемой *Утраченной хроники*, вошедшей в состав *Annalium Яна Длугоша* († 1480)¹⁵. Составитель *Густынской летописи* XVII в., упоминающая участником кампании Володимира Рюриковича¹⁶, по всей видимости, пользовался именно работой Я. Длугоша. В начале 1221 г. князь Володимир скорее всего владел престолом в Овруче – прежней резиденции своего отца¹⁷ – откуда, вероятно, и привел часть войск под стены Галича.

¹¹ „Msczislauis autem Msczislauicz quanta hostilis foret potencia conspecturus, in ediciorem locum ascendit, de a Wladimiro duce argutus vehementer (...)”, Длугош, с. 207.

¹² „Msczislauis ad castra reversus (...) iterum personaliter accessit (...) Castro potius Msczislauis luce erumpente ad castellum et ecclesiam Sancte Marie (...) accedens, illud obsidere cepit et sepiusque colloquium cum Colomanno filio regis expecit”, *ibidem*, с. 208–209.

¹³ На время организации кампании ему исполнилось 33 года. *Vide*: Д. ДОМБРОВСКИЙ, *op. cit.*, с. 497–498.

¹⁴ *Новгородская первая летопись...*, с. 260–261 (*cf.*: *Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку*); *Софийская первая летопись*, выпуск первый, с. 201; *Софийская первая летопись старшего извода*, с. 274–275; *Летопись по Воскресенскому списку*, с. 126; *Львовский сборник...*, с. 333; *Ермолинская летопись*, с. 67; *Московский летописный свод конца XV века*, с. 116; *Вологодско-Пермская летопись*, с. 66; *Никаноровская летопись*, с. 41; *Холмогорская летопись. Двинской летописец*, с. 61.

¹⁵ Длугош, с. 206–208. *Vide*: G. LABUDA, *Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji*, Poznań 1983, с. 56.

¹⁶ *Густынская летопись*, с. 114; *cf.*: *Густынский летописец*, с. 285.

¹⁷ *Лаврентьевская летопись*, с. 418.

В сравнении с летописями, воспроизведенная Я. Длугошем *Утраченная хроника* существенно детализировала место и роль князя в событиях под Галичем. Володимир Рюрикович командовал левым флангом объединенных войск¹⁸. Причем, в его подчинении, видимо, находились младшие князья (как следует из описания атаки польских и части венгерских подразделений на его полк), отступившие под польско-венгерским напором, но при поддержке номадов сумевшие возвратиться в бой¹⁹. Однако самого князя Володимира, потерпевшего сокрушительное поражение, поляки длительное время преследовали²⁰, так что о его месте пребывания на завершающем этапе осады и штурма Галича ничего неизвестно.

3. Ростислав Давидович, князь (*dux Roscislaus Dawydowicz; Ростислав Давыдич*)

Упомянутый князь, как участник похода марта 1221 г., известен исключительно из *Annalium* Я. Длугоша с упоминанием в XVII в. *Густынской летописью*²¹. Соответственно, до начала XXI в. генеалогические исследования игнорировали данные известия. Тем не менее, Д. Домбровский, приведя немало косвенных доказательств, хотя и без анализа данных *Густынской летописи*²², увидел в Ростиславе Давидовиче родившегося

¹⁸ Длугош, с. 207.

¹⁹ „Sub eo tempore Polonicum agmen exercitum Wlodimiri fortissime invadit et plurimis Ruthenorum cadentibus exercitus Wlodimiri contritus est et in fugam cum Wlodimiro et aliis duobus ducibus Rosczislao Dawidowicz et Rosczislao Msczislawicz, qui et ipsi in illo constiterant, versus. (...) Duces insuper Rosczislaus Dawidowicz et Rosczislaus Msczislawicz, dum Hungaros se persequi cessasse agnoscunt, fugam sistunt et in pugnam redeunt latius Hungari exercitus invadunt (...)”, *ibidem*.

²⁰ „Redeunt interim Poloni a cede et persecucione Wladimiri (...) Polonorum, qui vel ex cede diffugerant vel ex persecucione Wladimiri redierant”, *ibidem*, с. 207–208.

²¹ *Ibidem*, с. 206–207; *Густынская летопись*, с. 114; cf.: *Густыньский літопис*, с. 285.

²² Отличительной чертой записей *Густынской летописи* является упоминание среди участников похода в марте 1221 г. Даниила и Василька Романовичей (*vide*: прим. 6), причем сразу же за самим князем Мстиславом. Однако данное свидетельство не соответствует действительности, как четко видно из известий *хроники Романовичей XIII в.* Сперва „В то ж[е] время прїйде Лест[ь]ко [Белый, † 1227. – М.В.] на Данила к[ъ] Щекаревоу, | борона ити емоу на помощь Мьстиславоу, тестеви | своемоу” (*Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 77). Соответственно князь-братья в событиях под Галичем отмечены не были, а „Данилови бо прїехав[ъ]ш҃҃ | въ малѣ дружинѣ съ Деманѣм[ъ] тысѣц[ъ]кѣм[ъ], не | бѣ бо прїехал[ъ] въ время то, потѣм[ъ] же прїеха Даниль | къ Мьстиславоу” (*ibidem*, с. 81). Отмечаем в данном случае разве что знания составителя

между 1194/1195–1197 гг. реального исторического персонажа²³. Таким образом, в марте 1221 г. тому исполнилось от 24 до 27 лет. Возможно, под стенами Галича он руководил также частью присланных отрядов половцев, на что намекает Я. Длугош²⁴, но в составе полка во главе с князем Володимиром Рюриковичем. В любом случае теснейшие связи семьи Давида Ростиславовича с половецкой знатю – изучаются давно²⁵. В бою под Галичем князья Володимир, Ростислав Давидович и Ростислав Мстиславович подверглись атаке объединенных венгерско-польских сил, отступили, но позже оба Ростислава смогли при поддержке номадов вернуться в бой²⁶. Применив хитрость, Ростислав Давидович с половцами сумели на голову разбить польские войска, возвращавшиеся отягощенными большим количеством пленных после преследования Володимира Рюриковича²⁷. Действия князя на завершающем этапе осады Галича не описаны.

Место княжения Ростислава – неизвестно, но, по всей видимости, должно было находиться в Киевской или Смоленской землях.

4. Ростислав Мстиславович, князь (*dux Roscislaus Mstislawicz; Ростислав, сын Мстислава Киевского*)

Аналогичная ситуация сложилась с упоминанием *Утраченной хроникой* и *Густынской летописью* участника кампании марта 1221 г. под стенами Галича, сына князя Мстислава Романовича – Ростислава²⁸. Однако, в отличие от Давида Ростиславовича, историчность данной личности, как верно считает Д. Домбровский, подтверждает известие *Лаврентьевской летописи*

Густынской летописи о родственных связях Мстислава Мстиславовича с Даниилом Романовичем, повлекшие за собой, видимо, характерную расстановку персонажей в летописном пассаже.

²³ Д. ДОМБРОВСКИЙ, *op. cit.*, с. 523–526.

²⁴ „Verum a Rosczislao Daudowicz et Polowczis ab omni parte circumsepti, dum neque pugnandi neque evadendi locus esset, occiduntur”, Длугош, с. 207.

²⁵ А.Ф. ЛИТВИНА, Ф.Б. УСПЕНСКИЙ, *Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва 2013, с. 235–237.

²⁶ Длугош, с. 207.

²⁷ „Nec interfectorum poterat numerus estimari, adeo ut flumina [Лимныця, скорее всего, или, может быть Луква. – М.В.] ex cruore rubra forent, et morientium atque vulneratorum vociferatio in castro Halicziensi exaudiretur”, *ibidem*, с. 208.

²⁸ *Ibidem*, с. 206–207; *Густынская летопись*, с. 114; *cf.*: *Густынский летопис*, с. 285.

1231 г.²⁹, а соответственно нет предпосылок подвергать сомнению сведения более поздних источников.

Таким образом, перечень князей-участников сражения за Галич на протяжении последней декады марта 1221 г., попавший в *Annales* Я. Длугоша посредством *Утраченной хроники XIII в.*, можно считать достоверным.

Родившийся между 1200–1206 гг., князь Ростислав в начале 1221 г. был в возрасте 15–20 лет, полностью позволявшем принимать участие в битвах, тем более – при отсутствии в данном походе отца, самого киевского князя, скорее всего предоставившего своему кузену существенную военную помощь³⁰. Сын Мстислава Романовича, как мы считаем, находился на левом фланге объединенных войск, под командованием князя Володимира, вместе с которым не смог сдержать первой венгерско-польской атаки, отступил, но позже вместе с Ростиславом Давидовичем и при половецкой поддержке участвовал в разгроме поляков³¹. Действия князя на завершающем этапе осады Галича неизвестны.

Княжил Ростислав Мстиславович, видимо, также в Киевской или Смоленской земле.

5. N. dux Polowczonum

Присутствие номадов в качестве союзников русских отрядов отмечено как *хроникой Романовичей XIII в.*³², так и последующими источниками, в частности – очень пространно Я. Длугошем³³. Тем не менее, при наличии крупного контингента (*Polowczonum deinde exercitus ingens*), нам неизвестен руководитель данного войска. Предположительно им был некий вельможа, представлявший союз во главе с князем Котяном – тестем Мстислава Мстиславовича – либо же другой союз во главе с половецким князем, более близким родом Ростиславовичей-Рюриковичей или Ростиславовичей-Давидовичей. В любом случае *Annales* упоминают как половцев

²⁹ Д. ДОМБРОВСКИЙ, *op. cit.*, с. 561.

³⁰ Об этом косвенно указывает Я. Длугош: „ceteris [князя. – М.В.] omnibus suas copias destinantibus, adveniunt”, Длугош, с. 206.

³¹ *Ibidem*, с. 207.

³² „Половецкым[ъ] же прїехав[ъ]шим[ъ] | видѣти рати, и оугрѣм[ъ] же и ляхом[ъ] гонящим[ъ] а (...)”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 79.

³³ Длугош, с. 206–209.

под командованием Мстислава Мстиславовича³⁴, так и номадов во взаимодействии с Ростиславом Давидовичем³⁵.

6. Дмитрий, посол (*Demetrius ex suis Ruthenis, caduceator*)

После поражения объединенных венгерско-польских войск под стенами Галича 24 марта 1221 г., уцелевшие во главе с Коломаном и его невестой Саломеей укрепились внутри, дополнительно усиливая обороноспособность собора Пресвятой Богородицы. На этом этапе противостояния князь Мстислав пытался уговорить осажденных сдаться. Вторым из послов, отправленным к ним, стал некий *Demetrius* (Дмитрий)³⁶, вероятно имевший опыт ведения переговоров. Судя по всему, речь идет о ранее несколько раз упоминаемом *хроникой Романовичей XIII в.* тысяцком Дмитрие, поздней осенью 1219 г. оборонявшем от вторжения войск Андрея II по приказу князя Мстислава Городок, имевшего, соответственно, опыт противостояния венграм³⁷. В последнее время о нем было написано несколько биограмм, авторы которых расходятся во мнении насчет возраста вельможи в начале 1221 г.³⁸

7. Добрыня

В киевско-смоленских войсках находился со своим отрядом некий Добрыня, слуга которого отметился пленением одного из ближайших соратников Коломана, а также зятя выдающегося боярина Судислава – Фили (*Fila*)³⁹. Сложно, на первый взгляд, установить – к знати какой

³⁴ „Msczislau cum Polowczis”, *ibidem*, с. 207.

³⁵ „Verum a Rosczislao Daudowicz et Polowczis”, *ibidem*.

³⁶ „Msczislau ad castra reversus, iterum ad eos, qui castrum observabant, caduceatorem Demetrium, unum ex suis Ruthenis, appericionem persuadens (...)”, *ibidem*, с. 208.

³⁷ „Дмитрови | бїюшисл пвд[ъ] городм[ъ], прїдоша на н[ъ] оугре и лахове, || и побъжен[ъ] Дмитрь (...) Мьстиславоу ж[е] стоащю на Зоубрьї, Дмитрь | прибъже к нему. Мьстиславоу ж[е] не мог[ъ]шю битис[а] | сь оугры”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 63.

³⁸ Между 27 и 49 годами (А. JUSUPOVIĆ, *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205–1269). Studium prozopograficzne*, Kraków 2013, с. 135–138, *vide*: с. 135); между 37–41 годами (V. NAGIRNYI, *Urzędnicy ziemi kijowskiej od drugiej połowy XI do pierwszej połowy XIII wieku. Studium prozopograficzne*, Kraków 2021, с. 124–128, *vide*: с. 127).

³⁹ „аеть быс[тъ] величавыи Фила пароб[ъ]ком[ъ] Добрыненым[ъ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 80.

земли принадлежал вельможа по состоянию на март 1221 г. Наверное, все-таки неправ Адриан Юсупович, считающий его представителем галичских элит, получившим, как допускает польский историк, в качестве компенсации какую-то собственность местного, лояльного к Арпадам боярина Жирослава – тайком освободившего Филю из-под стражи⁴⁰. Ведь так называемая *Утраченная хроника*, воспроизведенная Я. Длугошем в его *Annalibus* четко указывает о пленении Фили возвратившимися в бой после преследования под стенами Галича войсками князей Ростислава Давидовича и Ростислава Мстиславовича⁴¹. Поэтому, скорее всего, Добрыня принадлежал к так называемой „новой знати”, пришедшей в Галич вместе с войсками Мстислава Мстиславовича и союзных ему князей. В отличие от Киева, Киевской или Смоленской земель, имя Добрыня в среде галичских вельмож доселе оставалось неизвестным.

8. Н. паробок[ь] Добрыненъ

Непосредственным участником и свидетелем событий падения Галича на рубеже марта – апреля 1221 г. был „паробок[ь]” упоминаемого Добрыни, сумевший намеренно пленить одного из ближайших соратников Коломана, а также зятя боярина Судислава – Филю⁴². Именно за этот „подвиг” он попал на страницы повествования, ведь других сведений о нем не сохранилось.

9. Жирослав, боярин (*Жирославъ*)

Лично знакомым с вельможным Филей, согласно *хронике Романовичей XIII в.*, был боярин Жирослав, позволивший, в какое-то неустановленное позже время, бежать пленному венгру из-под стражи⁴³. Принадлежность

⁴⁰ „егоже в[ь] выл[ь]жи Жирославъ оукрал[ь] бѣ, и обличеноу | емоу быв[ь]шю, про него же погоуби втчиною свою”, *ibidem*, с. 80. *Vide*: А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 134–135.

⁴¹ „Duces insuper Rosczislaus Dawidouicz et Rosczislaus Msczislawicz, dum Hungaros se persequi cessasse agnoscunt, fugam sistunt et in pugnam redeuntes latus Hungari exercitus invadunt plurimisque cesis palatinum Hungarie Tylam capiunt (...)”, Длугош, с. 207.

⁴² *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 80.

⁴³ „аеть быс[ть] величавыи Фила пароб[ь]ком[ь] Добрыненым[ь], | егоже в[ь] выл[ь]жи Жирославъ оукрал[ь] бѣ”, *ibidem*.

имевшего в Галицкой земле имущество⁴⁴ Жирослава к лагерю сторонников князя Мстислава косвенно подтверждается возможностью выкрасть важного пленника. Тем не менее, происхождение Жирослава, скорее всего, связано не с Галичем, а другими землями династии Рюриковичей – Киевской, Новгородской или Черниговской, где это имя среди знати встречается гораздо чаще⁴⁵. Недвижимость в новом для себя крае боярин мог получить между 1217–1219 гг. по результатам первого изгнания князем Мстиславом Коломана. Обстоятельства знакомства с Филей, а также конкретное участие во взятии Галича в 1221 г. остаются неизвестными, хотя по возрасту Жирославу могло исполниться от 25 до 66 лет⁴⁶.

10. *N. aquaeferarius*

Сопоставление *хроники Романовичей XIII в.* с *Утраченной хроникой* при описании защиты венграми и поляками храма Пресвятой Богородицы свидетельствует о катастрофической нехватке у осажденных питьевой воды⁴⁷. В качестве жеста доброй воли „*vas aque illis a | Msczislao transmissum est*“⁴⁸. Имя доставившего воду – неизвестно, однако он, безусловно, был участником боевых действий, начиная с 24 марта 1221 г.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ СВЕТСКОЙ ЗНАТИ

Отдельно следует рассмотреть несколько представителей светской и церковной знати, по всей видимости участвовавших либо наблюдавших, начиная с 24 марта 1221 г. на стороне русских князей сражение за Галич, хотя

⁴⁴ „про него же погоуби втчиноу свою“, *ibidem*; cf.: A. JUSUPOVIĆ, *op. cit.*, с. 299; М. Волощук, «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, ред. А. Войтович, Івано-Франківськ 2014, с. 182–184; IDEM, *Ruthenians (the Rus') in the Kingdom of Hungary (11th to mid-14th Century). Settlement, Property, and Socio-Political Role*, Leiden–Boston 2021, с. 102–104.

⁴⁵ *Vide* например: V. NAGIRNYI, *op. cit.*, с. 173–178, 182–186, 194–196, 202–207, 302–304.

⁴⁶ A. JUSUPOVIĆ, *op. cit.*, с. 299.

⁴⁷ „Онѣм[ъ] | же стрѣляющим[ъ] и каменіем[ъ] мещющим[ъ] на гража|ны, изнемогахъ жажею водою, не бѣ бо воде | в[ъ] них[ъ]“, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 80–81; cf.: „Siti deinde Colomannum et suos premente (...)“, Длугош, с. 209.

⁴⁸ Длугош, с. 209.

expressis verbis в их составе источниками не зафиксированных. Возможность присутствия части из них в армии Мстислава Мстиславовича и его союзников (Володимира Рюриковича, Ростислава Давидовича и Ростислава Мстиславовича) обуславливают соответствующий возраст, статус и дальнейшая служба князьям на протяжении 20–30-х гг. XIII в., а также результаты ряда просопографических исследований последнего десятилетия. В соответствии с хронологией их упоминания в источниках *post quem* речь идет о следующих светских лицах:

1. Держикрай Володиславович (*Дръ|жикрай Волдиславич[ъ]*)

При описании битвы на Калке 31 мая 1223 г., в которой активнейшее участие принял князь Мстислав, упомянуто несколько вельмож, командовавших отдельными отрядами, в частности – *галичскими выгонцами*. Среди таковых – Держикрай Володиславович⁴⁹. Весьма вероятно, он двумя годами ранее, в возрасте не менее 23–24 лет, мог командовать одним из подразделений при взятии Галича.

2. Юргий (Юрий) Домамерич, тысячник? (*Домамтъл[ъ]рѣч[ъ] Юръгѣи, Юръеви то|гда тысящю дрѣжащю*)

Другим командиром в битве на Калке галичских выгонцев, по возрасту и статусу вполне соответствовавший участнику сражения за Галич, начиная с 24 марта 1221 г., упоминался Юргий (вероятно – Юрий) Домамерич⁵⁰. Вопросом остается, не был ли он также тождественен уряднику Мстислава Мстиславича, защитнику Перемышля в 1226 г. – тысячнику Юрию, не сумевшему противостоять войскам Андрея II⁵¹?

⁴⁹ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 95; А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 138–139. Cf.: А. Юсупович, *Галицкие «выгнанцы» или «выгонцы»?*, „Rossica antiqua. Исследования и материалы” 2012, вып. 2 (6), с. 114–133.

⁵⁰ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 95; А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 186–192. В частности, А. Юсупович различает этих персонажей (cf.: с. 183), хотя при описании подготовки к битве на Калке под руководством Держикрая и Юргия „Бѣ бо лш|деи тысяща”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 94. В любом случае время рождения обеих (Юргия Домамерича и перемышльского тысячника Юрия) польский историк датирует промежутком 1198–1202 гг. (А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 183, 186).

⁵¹ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 112.

3. Аарон, Ярон, Ярун, тысячник (*Аронови же тогда тысяццю дръ|жащю*)

Тысячником Перемышля поздней осенью 1219 г. во время вторжения в Галицкую землю войск Коломана, был не справившийся с защитой города Ярун (возможны и другие версии имени)⁵². Поскольку *Новгородская летопись* называет его одним из участников битвы на реке Калка 1223 г.⁵³, не вызывает сомнений его участие и в сражении за Галич в марте 1221 г. Более того, считаем возможным отсутствие у вельможи каких-либо серьезных ранений, не позволивших бы спустя два года выступить со своим князем против монголов. Боевая активность боярина позволяет датировать его рождение ближе к предложенному А. Юсуповичем *terminus ad quem* – 1181 г.⁵⁴

4. Глеб Зеремеевич, боярин (*Глѣбъ Зьеремѣвичъ*)

Активнейшим участником целого ряда военных событий в Галицкой земле первой трети XIII в. был Глеб Зеремеевич. Представитель сперва пересопницкого князя Мстислава Ярославовича „Немого“, а впоследствии – Мстислава Мстиславовича, противостоял различным, находящимся в Галиче силам, начиная с 1214 г.⁵⁵

Вполне вероятно, когда поздней осенью 1219 г. „Мьсти|славъ [Мстиславович. – М.В.] бо бѣ съ всѣми кнѣси роус[ь]кыми и чер[ь]нѣгов[ь]|скыми“, вельможа, согласно своему возрасту (не менее 33 лет) и статусу, руководил присланным отрядом, во главе которого должен был защитить Галич и находящегося там Даниила Романовича от продвигающихся к нему войск Коломана⁵⁶. В дальнейшем после возвращения князем Мстиславом города в марте 1221 г. Глеб Зеремеевич упоминался среди галичских элит, что позволяет „по умолчанию“ считать его участником сражения за город на стороне широкой коалиции руських князей⁵⁷, среди которых, однако, Мстислав Ярославович не зафиксирован.

⁵² *Ibidem*, с. 62.

⁵³ „и послаша въ сторожех Яруна с Половць, а сами станомъ сташа ту. Тогда же Ярунъ съступися с ними, хотя битися, и побѣгоша не успѣвше ничто же Половци назадъ“, *Новгородская первая летопись...*, с. 266.

⁵⁴ А. ЈУСУПОВИЋ, *op. cit.*, с. 176.

⁵⁵ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 50.

⁵⁶ „Данил[ь] же изыде и з Дмитром[ь] тысяц[ь]кым[ь], и съ Глѣбом[ь] | Зьеремѣвичем[ь], и с Мирославом[ь], изыдоша из града“, *ibidem*, с. 66; А. ЈУСУПОВИЋ, *op. cit.*, с. 151.

⁵⁷ *Cf.*: А. ЈУСУПОВИЋ, *op. cit.*, с. 153, прим. 781.

5. Мирослав (*Мирославъ*)

Ближайшим соратником Мстислава Мстиславовича в защите Галицкой земли под конец 1219 г. упомянут некий Мирослав⁵⁸, не являвшийся, как корректно установил А. Юсупович, неоднократно упоминаемым кормильцем Романовичей, а исключительно – его тезкой⁵⁹. Поскольку в дальнейшем его можно увидеть в близкой князю Даниилу среде элит („унаследованной” тем, вероятно после смерти тестя в 1228 г.), мы можем „по умолчанию” также причислить его к участвовавшим в битве за Галич 1221 г. вельможам в возрасте около 30 лет.

6. Воротислав Петрович (*Въротиславъ Петровичъ*)

Проведенные Виталием Нагирным просопографические исследования киевских элит второй половины XI – первой половины XIII в. позволяют нам с долей вероятности увидеть в упоминаемом под 1228/1229 г. *хроникой Романовичей XIII в.* Воротиславе Петровиче нобиля Володимира Рюриковича⁶⁰. Возраст и высокий статус посла, вверенный ему для переговоров с соседним князем, допускают также его участие в битве за Галич несколькими годами ранее.

7. Петр Акерович (*Петръ Акеровиѣ*)

Согласно датированному 1230/1231 г. известию *Лаврентьевской летописи* послом киевского князя Володимира Рюриковича к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу († 1238) числился некий Петр Акерович⁶¹. Уходя от дискуссии о версиях происхождения его предиката, а также вероятной тождественности с отправленным в 1245 г. на Лионский собор

⁵⁸ „Мсти|славъ (...) посла Дмитра Мирослава и Михал[ъ]ка | Глѣбовича противоу им[ъ] [венгерским войскам. – М.В.] к Городкоу”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 62–63. В данном случае не рассматриваем вероятным участником битвы за Галич 1221 г. Михалка Глебовича, о котором после 1219 г. не сохранилось никаких известий (cf.: А. ЈУСУПОВИЋ, *op. cit.*, с. 203–204).

⁵⁹ А. ЈУСУПОВИЋ, *op. cit.*, с. 217–221, cf.: 210–217.

⁶⁰ „Стрѣтоша ж[е] послы Волѣдимера [Рюриковича. – М.В.], | и Михаила [Всеволодовича, † 1246. – М.В.], и Въротиславъ Петрович[ъ], и Юрии, и Толи|гневич[ъ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 129; cf.: V. NAGIRNYI, *op. cit.*, с. 312.

⁶¹ *Лаврентьевская летопись*, с. 455.

архиепископом Петром⁶², считаем уместным по возрасту и статусу предположить участие Петра Акеровича в битве за Галич в составе войск своего сюзерена.

8. Георгий, стольник (*Гюргии столни^к*)

В том же, вышеупомянутом известии *Лаврентьевской летописи* 1230/1231 г. о послах Володимира Рюриковича к Юрию Всеволодовичу в составе делегации назван некий „Гюргии столни^к“⁶³. Учитывая уникальность сведения о занимаемой им при дворе киевского князя должности (*magister dapiferorum, dapiferatus*) и возраст⁶⁴, его участие в битве за Галич 1221 г. выглядит, на наш взгляд, вполне допустимым.

9. Иван Славнович, тысячник (*Иван Славновичъ*)

В 1231/1232 г. тысячником и воеводой киевских князей Володимира Рюриковича и его сына Ростислава *Лаврентьевская летопись expressis verbis* называет Ивана Славновича⁶⁵, вошедшего в столь высокий статус, как подсчитал В. Нагирный, между 1223–1231 гг., и вполне имевшего для этого генеалогические основания⁶⁶. Место жительства, возраст и опыт позволяли Ивану Славновичу взять участие в походе на Галич в составе войск Ростислава Мстиславовича.

10. Данило Жирович или Нажирович, воевода (*Данил Жировичъ*)

Интереснейшим эпизодом *хроники Романовичей XIII в.* является предоставление зимой 1235–1236 гг. Володимиром Рюриковичем вернувшемуся из коронации венгерского короля Белы IV (14 октября 1235 г.) Даниилу Романовичу военной поддержки „торкы и Данила Жировича“ для борьбы с галичанами за Камянец⁶⁷. Упомянутый воевода киевского князя по

⁶² Из последних обобщений *vide*: V. NAGIRNYI, *op. cit.*, с. 313–318.

⁶³ *Лаврентьевская летопись*, с. 455.

⁶⁴ V. NAGIRNYI, *op. cit.*, с. 214–215.

⁶⁵ „при князи Володимери . и при снѣ его Ростиславѣ . воеводство тогда держашю тысяща Къевьскыа . Ивану Славновичю . блху“, *Лаврентьевская летопись*, с. 457.

⁶⁶ V. NAGIRNYI, *op. cit.*, с. 121–124.

⁶⁷ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 195. Биограмму *vide*: V. NAGIRNYI, *op. cit.*, с. 194–196.

статусу и возрасту вполне мог участвовать также в битве за Галич 15-тью годами ранее, тем более в связи с контекстом упоминания немалой Половецкой армии, подошедшей, как известно, для поддержки русских князей. Хотя ни один из источников не упоминал торков в сражении 24 марта 1221 г. и при дальнейшей осаде города, не исключено, что Даниил Жирович мог командовать небольшим их отрядом в составе полка своего князя.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЦЕРКОВНОЙ ЗНАТИ

1. Игнат, священник (?), позже галицкий епископ (в [d]-режаву Игнатъеву)

Безусловно, свидетелями битвы за Галич были находившиеся в то время в городе и его ближайших окрестностях представители Церкви, монахи и монахини, сочувствовавшие князю Мстиславу, ведь правление Коломана должно было внести (и, по всей видимости, уже вносило) свои изменения в церковную жизнь, угрожая каноническим территориям Киевской митрополии. Хотя нам неизвестны имена этих персон, однако в одном из граффито церкви Святого Пантелеймона сохранилась информация о „державе Игнатъевой”, припавшей „въ кнѣжнїе М-стис[л]ав[е]”⁶⁸.

Оставаясь уже более 100 лет под пристальным исследовательским вниманием ученых, по сей день активно дискутирующих о нюансах содержания надписи, ее датировка безусловно касается правления в Галиче князя Мстислава Мстиславовича 1217–1219, 1221–1227 гг. При сопоставлении с опиравшимся на более позднее время списком галицких епископов,

⁶⁸ „Въ княжение Мъстиславле, въ държаву Игнатову искали Ляха въ плотъники и не нашли; выкладное даль. А тому послуши попове Святаго Пантелѣмона: Лазорь, Сьмьюнъ, Матвѣи, Стефанъ, Дьмитръ, Богданъ. А кнѣзъ судиль не искати никому (...) не же ся ослушаеть!”. *Vide* из последних и наиболее обобщающих исследований: А. Гиппиус, *Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона*, [в:] *Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования*, Olomouc 2016, с. 49–64, *vide*: с. 54–55; В. Корнієнко, *Епіграфіка са-кральних пам'яток Галича (XII–XIX ст.)*, [в:] *Галич...*, серія 2, вип. 3, с. 183–189; О. Гіппіус, С. Міхеєв, *Акти трьох галицьких князів XIII ст. на стінах церкви Святого Пантелеймона (нове прочитання)*, [в:] *Галич...*, серія 2, вип. 5, Івано-Франківськ 2020, с. 27; ПДЕМ, *Еще раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче*, „Труды Отделения историко-филологических наук 2019” 2020, т. 9, с. 181–204, *vide*: с. 187–189.

изданном в середине XIX в. Антонием Петрушевичем⁶⁹, можно с высокой долей вероятности отождествить Игната из граффито церкви Св. Пантелеймона с владыкой Галича первой трети XIII в. по имени *Ignatius*. Единственное, в чем нет уверенности – оставался ли епископ в Галиче, несмотря на правление Коломана, или же пришел с войсками князя Мстислава, а после взятия города возглавил освободившуюся с пленением венценосной четы епархию. В поздней *Воскресенской летописи* четко сказано об изгнании королем Галичины местного епископа, но нет заметки о прибытии на его место нового из Венгрии⁷⁰.

Страницы церковной жизни края во времена правления Арпадов до сих пор остаются загадкой.

2. Лазорь, поп Святаго Пантелѣмона

Свидетелями судебного иска к какому-то Ляху приведенного граффито упомянут перечень священников храма Св. Пантелеймона⁷¹. Например, Лазорь – вполне подходящий на роль очевидца битвы за Галич 1221 г., хотя и не отмечен *expressis verbis* источниками.

Возможно, порядок нанесения имен священнослужителей соответствовал их рангу.

3. Сьмьюнъ, поп Святаго Пантелѣмона

Вторым свидетелем составления вышеупомянутого акта числится некий поп Семюн (Семен или Симеон), принадлежащий к числу духовенства церкви.

4. Матвѣи, поп Святаго Пантелѣмона

Третьим по списку засвидетельствовал высеченный на стене храма документ поп Матвей.

⁶⁹ А. ПЕТРУШЕВИЧЪ, *О соборной Богородичной церкви и святителяхъ в Галичь*, „Галицкій историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-русской материцы” 1853, вып. 1, с. 51–147, *vide*: с. 144–145.

⁷⁰ „Король Угорский посади сына своего въ Галичи, а епископа и попы изгна изъ церкви, а свои попы приведе Латыньскія на службу”, *Летопись по Воскресенскому списку*, с. 119.

⁷¹ *Vide*: прим. 68.

5. Стефанъ, поп Святаго Пантелѣимона

Четвертым подтвердил правомерность судебного разбирательства местный поп Стефан.

6. Дмитръ, поп Святаго Пантелѣимона

Пятым среди свидетелей акта „въ кнѣжнїе М-стис[л]авл[е] въ [д]-режаву Игнатъеву” упомянут Дмитрий из того же храма.

7. Богданъ, поп Святаго Пантелѣимона

Последним по списку, оправдавшим Ляха, стал поп Богдан. Общий перечень имен, их количество и принадлежность к представителям *ritus Graeci*, позволяют с осторожностью видеть в попах храма Св. Пантелеймона потенциальных свидетелей битвы за Галич.

8. N informator *Annalium*

Даже весьма поверхностное сравнение и сопоставление вошедшей в *Annales* Я. Длугоша так называемой *Утраченной хроники* с другими хронологически более близкими к событиям марта 1221 г. источниками позволяет говорить о высоком уровне достоверности ее сведений⁷². Важнейшим элементом нарратива является повествование от пребывавшего среди русских войск N лица или лиц. В связи с этим в последние почти 40 лет было выдвинуто несколько весьма аргументированных версий о его или их авторстве, представлявших клир⁷³. Учитывая существенное продвижение в изучении труда польского позднесредневекового автора, мы склонны предположить предоставление информатору или составителю *Утраченной хроники* очень точной в деталях информации о битве под Галичем и осаде города именно одним из участников сражения. Это, по всей видимости, произошло в период киевского княжения Володимира Рюриковича, позволившему

⁷² Речь идет о целом ряде небольших, но важных известий, требующих отдельного детального рассмотрения.

⁷³ *Vide* полемику: G. LABUDA, *op. cit.*, с. 293–294; cf.: M. ZDANEK, „Zaginiona kronika dominikańska” z XIII wieku. Próba nowego spojrzenia, [в:] *Fontes et Historia. Prace dedykowane Antoniemu Gąsiorowskiemu*, ред. Т. JUREK, I. SIEKIERSKA, Poznań 2007, с. 278–282.

в городе на протяжении 1228–1233 гг. деятельность братьев-доминиканцев, позже изгнанных им и продолживших свою работу в Галиче⁷⁴.

Вероятно, кто-то из братьев записал сведения о походе князя Мстислава из устного рассказа неизвестного участника, который, в отличие от доминиканского информатора или составителя *Утраченной хроники*, наверняка находился на поле боя. Иначе в текст обязательно попали бы сведения о конкретных погибших и плененных вельможах-поляках (*vide* далее), чьим, в широком понимании, земляком, по всей видимости, приходился монах.

КОЛОМАН И ЕГО ВЕНГЕРСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Что касается состава войск и окружения в осажденном Галиче сына венгерского короля Андрея II, то по разным причинам источники представляют их гораздо существеннее.

1. Коломан, венгерский принц, король Галичины (*Colomanus, Colomannus rex Galitiae, rex Ruthenorum; Коломанъ, Каломанъ*)

В канун битвы под стенами Галича 24 марта 1221 г. и дальнейшей осады города *pro forma* его обороной должен был руководить второй сын Андрея II Коломан, бесперывно находившийся здесь с поздней осени 1219 г.⁷⁵ Владея предоставленным папой Иннокентием III в 1215 г. титулом *rex Galitiae*⁷⁶, он опирался не только на присланные отцом и тестем – краковско-сандомирским князем Лешеком Белым († 1227) – на протяжении

⁷⁴ Н.И. Щавелева, *op. cit.*, с. 451–452, прим. 368–369.

⁷⁵ „Потѣм[ъ] же приде рат[ъ]ю пѣд[ъ] город[ъ] Коломан[ъ] и ляхове; мно[го]у бою бывшу на Кроваком[ъ] [sic] Бродоу, и паде на нѣ снѣг[ъ], | не могоша стоѣти, идоша за Рогожиноу, идоша | на М[ъ]стислава и прогнаша изъ землѣ”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 65–66.

⁷⁶ „nec non cum etiam eundem sepedictum filium nostrum, optendo ex indulgentia Sedis Apostolice dyadematae, Illustrem Regem Gallicie feliciter inunctum fecissemus inclite coronari”, *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus* (далее: CDAC), т. 6: 890–1235, ред. G. WENZEL, Pest 1867, с. 546, № 345; cf.: *Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae* (далее: CDRCDSI), т. 4: 1236–1255, collegit e digessit T. SMITKLAŠ, Zagrabiae 1906, с. 102–103, № 95. О месте и времени коронации Коломана *vide*: M. FONT, G. BARABÁS, *Kálmán (1208–1241). Halics királya – Szlavónia hercege*, Budapest–Pécs 2017, с. 41–44.

1219–1220 гг. войска, но и с 1214 г. пользовался поддержкой определенной части галичского населения⁷⁷. Военные контингенты Коломана более года не только успешно отражали нападения на его владения, но и пытались развить успех за границами Галицкой земли⁷⁸. Вероятно, под влиянием известий о стабильном положении сына, Андрей II решил в марте 1221 г. отправиться в Болгарию на свадьбу своей старшей дочери Марии с царем Иваном Асенем II.

Сложно сказать, был ли уверен в успешном исходе очередного противостояния с Мстиславом Мстиславовичем и его союзниками юный галичский король, оставшийся 24 марта 1221 г. за стенами дополнительно укрепленного в несколько уровней детинца Галича и его главного храма⁷⁹. Коломан стал свидетелем жесточайшего поражения своих войск в окрестностях города и его дальнейшей осады на протяжении нескольких дней. Последним убежищем 13-летнего правителя, его невесты и ближайших спутников стал собор Пресвятой Богородицы, под укрепления которого неожиданно прорвались войска князя Мстислава, совершив ночной подкоп городской стены где-то между 25–28 марта 1221 г.⁸⁰ Отказываясь по совету венгерских и польских воинов сдаться, Коломан обрек защитников и их жен на жажду и голод, в конце концов прекратив бессмысленное

⁷⁷ Об этом, в частности, свидетельствует участие местного населения в призыве 1214 г. к королю Андрею II посадить на галичский престол своего сына. *Vide*: „Galiciae principes et populus, nostri dictioni subiecti humiliter a nobis postularunt, ut filium nostrum Colomanum ipsis in regem preficeremus”, *Vetera Monumenta historica Hungariam sacram Illustrantia* (далее: VMH), т. 1: 1216–1352, ред. А. ТНЕЙНЕР, Romae 1859, с. 1, № 1. Галичане присутствовали и в войске Коломана 24 марта 1221 г.: „Изыде ж[е] Фила съ многими оугры и лахы | из Галича, поем[ъ] бодре галиц[ъ]кый, и Сждислава ц[ъ]тл, | и Лазорл, и ины, а иний разбѣгошас[а]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 76–77; *cf.*: „Hungaris et Halicziensibus levum cornu tenentibus”, Длугош, с. 207.

⁷⁸ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 74–76.

⁷⁹ „Фила ж[е] | ст[р]оашеса на бран[ъ], мнлше же бо, ако никтож[е] может[ъ] | стати проти емоу на бран[ъ], остави ж[е] Каломана в Га|личичи и създа град[ъ] на ц[ъ]ркви Пр[е]ч[и]стоа Вл[а]д[ы]ч[и]ца н[а] шеа Б[о]городица (...) бѣ бо град[ъ] сътворенъ на ц[ъ]ркви”, *ibidem*, с. 78, 80; *cf.*: „Comuni autem consilio Hungari et Poloni bellum adversus Ruthenos gesturi, arcem in primis Halicziensem forsibus quo possunt comuniunt; sed et in ipsa arce ecclesia Sancte Marie incastellata alterum castellum et forcibus presidioque forciorum, quos inter Hungaros et Polonos habebant, militum superimposito, Colomanum cum uxore et matronarum feminarumque et imbecillum grege relicto ipsi contra Ruthenos ex Halicz egrediuntur (...)”, Длугош, с. 206–207.

⁸⁰ „nocium una Rutheni suffossione facta in castrum irrumpunt”, Длугош, с. 208.

сопротивление⁸¹. Попав вместе с невестой в плен к князю Мстиславу⁸², чета была отправлена в Торческ, где и находилась, как мы считаем, до Рождества 1221 г.⁸³

Присутствие Коломана в Галиче в канун его захвата Мстиславом Мстиславовичем *post factum* подтверждает текст присланной Андрею II буллы папы Гонория III от 27 января 1222 г., содержащей советы венгерскому королю касательно недавно завершившихся мирных переговоров с галичским князем⁸⁴.

2. Саломея, королева (*Salomea regina, sponsa Colomanni regis*)

В канун битвы за Галич рядом с венгерским венценосным женихом находилась его невеста, 9–10-летняя дочь Лешека Белого и его руськой жены Гримиславы Ярославны († 1258) – Саломея, с большой долей вероятности коронованная отдельным, не нуждавшимся в папском разрешении обрядом где-то *terminus ante quem*⁸⁵. Ее пленение подтверждает ряд летописных свидетельств⁸⁶, булла Гонория III⁸⁷, а также *Утраченная хроника* из *Annalium* Я. Длугоша XV в.⁸⁸ Странно, но упоминаемые драматические

⁸¹ „Qui eciam quam pluries de manu mortis in conflictibus pro domino suo [Коломан. – М.В.], quociens qui per intermedium ignis et aque euaserit, si recitare uellemus, tempus prius posset deficere, quam facultas”, CDAC, т. 6, с. 564–547, № 345; cf.: CDRCDSL, v. 4, с. 103, № 95; „изнемогахъ жажею водою, не бѣ бо воды | в[ъ] них[ъ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 81; cf.: „Siti deinde Colomannum et suos premente vas aque illis a | Msczislau transmissus est (...) Fame deinde premente obsessos, vitam tantummodo pacti se Msczislao dedunt hostiaque apperunt”, Длугош, с. 209.

⁸² „infidi Rutheni, qui vnanimiter cum ex instinctu scelerato in Excellencie nostre depressionem et sepedicti filij nostri captiuitatem seu mortem communiter inspirarent”, CDAC, т. 6, с. 546, № 345; cf.: CDRCDSL, v. 4, с. 103, № 95.

⁸³ О подсчетах приблизительного времени, потребовавшегося для освобождения венценосной четы, *vide* в будущей книге о битве за Галич 1221 г.

⁸⁴ „Regem ipsum [Коломан. – М.В.] cum sponsa sua [Саломея. – М.В.] et pluribus aliis viris nobilibus a tuis hostibus captuari”, VMH, т. 1, с. 33, № 55.

⁸⁵ K. HOLLÝ, *Kňazná Salomea a uhorsko-polské vzťahy v rokoch 1214–1241*, „Historycký časopis” 2005, г. 53, č. 1, с. 14, pozn. 94.

⁸⁶ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, с. 260–261 (cf.: *Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку*, с. 210); *Густынская летопись*, с. 114; cf.: *Густынский літопис*, с. 285.

⁸⁷ VMH, т. 1, с. 33, № 55.

⁸⁸ „Colomannum cum uxore (...) Colomannus filius regis cum uxore”, Длугош, с. 207, 209.

события не отражены в ее *Житии*⁸⁹, написанном гораздо позже. Следует согласиться с мнением ученых, датировавших прибытие Саломеи в Галич периодом после успешного изгнания венгерско-польскими силами оттуда поздней осенью 1219 г. князя Мстислава⁹⁰. Точное время, однако, установить невозможно. В любом случае, в момент пленения чета, согласно их малолетнему возрасту, еще не пребывала в полноценном браке. *Sponsa* Саломея упоминается папской буллой 27 января 1222 г.

Согласно статусу и возрасту, на протяжении всех военных событий под Галичем и в самом городе невеста короля Коломана постоянно находилась среди других знатных женщин под венгерско-польской охраной. Последним убежищем для девочки стал храм Пресвятой Богородицы, который она покинула последней вместе со своим женихом, отправившись под надзором в качестве важной пленницы в Торческ⁹¹.

3. Филя, венгерский вельможа, магистр, судья и вице-палатин (*magister, iudex, vicarius Palatini Fila, Attilia Filnya, Attila, Tyla*)

Хроника Романовичей XIII в. и *Утраченная хроника* из *Annalium* Я. Длугоша, очевидно независимо друг от друга, одним из главных военачальников венгерского войска в боях за Галич называют Филю. В обеих источниках нобиль фигурирует ключевой персоной, причем польский автор даже опрометчиво назвал его *pallatinus Hungarie*⁹², кем, на самом деле в 1221 г. тот не был⁹³. Видимо название появилось благодаря использованию автором *Утраченной хроники* неизвестного источника XIII в., отобразившего статус Филя в качестве *iudice, vicario Palatini* или же *iudice, comite vicario palatini comitis*, кем он на службе палатина и шопронского комеса Николая неоднократно упомянут в судебных делах *Варадинских регест* на протяжении 1216–1220 гг.⁹⁴ В любом случае, учитывая последние о нем известия,

⁸⁹ *Vita Sanctae Salomeae Reginae Galiciensis*, ред. W. KĘTRZYŃSKI, МРН, т. 4, Lwów 1884, с. 776–779.

⁹⁰ *Vide* из последнего: M. FONT, G. BARABÁS, *op. cit.*, с. 46.

⁹¹ „Ultimus omnium Colomannus filius regis cum uxore sua eductus, a Msczislao acceptus est, et in Torczsko transmissus mandante Msczislao”, Длугош, с. 209.

⁹² *Ibidem*, с. 206–208.

⁹³ Палатином королевства на протяжении 1219–1222 гг. был *Nicolaus filius Barcz* (A. ZSOLDOS, *Magyarország világi archontológiája 1000–1301*, Budapest 2011, с. 18).

⁹⁴ *Regestum Varadinense examinum ferri candentis Ordine chronologico digestum descripta effigie editionis a. 1550 illustrantum sumptissimusque Capituli Vardiensis lat. rit.* (далее: RV), *curies et laboris* J. KARÁCSONYI et S. BOROVSKY, Budapest 1903, с. 90–92, 207, № 152; с. 246, № 248; с. 252, № 266.

появлении Фили в Галиче может датироваться не поздней осенью 1219 г., а, скорее всего на год позже. Сопоставление целого ряда источников позволяет установить его участие в венгерском походе против Романовичей, состоявшемся вероятно зимой 1220–1221 гг.⁹⁵, однако, по всей видимости, ни по возрасту, ни по статусу он еще не мог принадлежать к числу наиболее выдающихся вельмож из галичской курии Коломана⁹⁶.

В канун битвы за Галич Филя уже был женат на дочери Судислава⁹⁷. Составитель же *хроники Романовичей XIII в.* присвоил ему весьма

⁹⁵ D. DĄBROWSKI, *op. cit.*, с. 104; В. Александрович, А. Войтович, *Король Данило Романович*, Біла Церква 2013, с. 58; M. FONT, G. BARABÁS, *op. cit.*, с. 68. Существуют также ошибочные датировки, не учитывающие свидетельства *Варадинских регест.* *Vide:* О. Головки, *op. cit.*, с. 130 (зима 1219–1220 гг.).

⁹⁶ Тут мы совершенно не согласны с киевскими коллегами-составителями текстологии так называемой *Галицко-Волынской летописи*, отрицающими (или же сомневающимися) возможность участия Фили в событиях 1221 г., как с точки зрения его функций в королевстве, так и – текстологии самого нарратива, утверждая о его пребывании на протяжении 1219–1221 гг. в Трансильвании (*Галицко-Волынский літопис. Текстологія*, ред. О. Толочка, Київ 2020, с. 185, 189–190). В частности, Вадим Аристов и Ярослав Затылюк не объясняют, почему именно Я. Длугош назвал его палатином (*pallatinus*), ведь только в канун битвы за Галич Филя именовался *vicarius Palatini*, то есть *vicepalatinus*. Такое совпадение не могло появиться у Я. Длугоша случайно. Кроме того, нет предметного объяснения причин двойного упоминания нарратором Романовичей пленения Фили, соответственно 24 марта 1221 и 17 августа 1245 гг., конкретных (а не абстрактных) личностей, причастных к его захвату на поле боя у Галича и тайному освобождению. Весьма сомнительна также идея отождествления фигурирующего в „наших” деяниях Фили с занимающим должность *Zagrabiensis Praepositus* Филей, о чем уже высказывалось мнение (*vide:* D. DĄBROWSKI, *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.*, Kraków 2016, с. 288, *przyp.* 985). Последнее замечание с хронологической точки зрения – вне поля предмета нашего исследования. Ну и совершенно фантастически выглядит отождествление Фили с королевским наставником Деметрисом из рода Аба (*Галицко-Волынский літопис. Текстологія*, с. 186). В Трансильвании вельможа находился до осени 1220 г., откуда отправился к Галичу, в марте 1221 г. защищал его от войск Мстислава Мстиславовича, был пленен и в неустановленное точно время тайным образом освобожден. По этим причинам он не числится ни среди судей, ни как *vicarius Palatini*, рассматривающих дела в 1221 г. (A. ZSOLDOS, *op. cit.*, с. 18).

⁹⁷ „Філа (...) поем[ъ] бодре галич[ь]кый, и Сждислава ц[ь]та”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 76–77. Судя по всему, свадьба могла состояться как до 1220 г., так и на протяжении поздней осени – зимы 1221 г. О браке и наследниках Фили *vide:* М. Волощук, «Русь»..., с. 324–330; ИДЕМ, *Ruthenians (the Rus’)*..., с. 212–217. Опять же мы не согласны с мнением В. Аристова „навряд чи можна стверджувати, що йдеться про Судислава як тестя Філі” (*Галицко-Волынский літопис. Текстологія*, с. 183–184), допускающего неаккуратное и вероятно редактированное предложение характерного содержания, включающее вставки. В последнем архео-

нелицеприятные качества⁹⁸, вероятно – по горячим следам закончившегося пленением и казнью Филя поражения венгерско-польско-галичских войск под Ярославом 17 августа 1245 г.⁹⁹ Однако нет ни малейших сомнений в его битве под Галичем 24 марта 1221 г., атаке вместе с галичанами на возглавляемый князем Володимиром Рюриковичем полк¹⁰⁰ и пленении (подтверждаемые двумя, судя по содержанию событий, независимыми источниками)¹⁰¹. Принимал ли Филя участие в переговорах, убеждая укрывшихся в детинце Галича сдаться, как пишет Я. Длугош¹⁰² – неизвестно, хотя и вполне мог согласно опыту участия в судебных делах как минимум с 1216 г.¹⁰³ Филя стал свидетелем пленения Коломана, Саломеи и других представителей курии, однако, в отличие от них, не был вывезен за пределы Галича. Спустя какое-то время, определить которое за отсутствием источников точно невозможно, „егоже в[ъ] выл[ъ]жи Жирославъ [боярин. – М.В.] оукрал[ъ] бѣ”¹⁰⁴. *Terminus post quem* это могло произойти по „горячим следам” после захвата города, *ad quem* – до заключения под конец 1221 г. князем Мстиславом с Андреем II мира. Сколько времени понадобилось Филе на возвращение домой – неизвестно, однако в ближайшие десять лет о магистре мы не находим каких-либо известий¹⁰⁵.

графическом издании источника данный эпизод был разобран довольно профессионально, не оставляя никаких дополнительных вопросов (*Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 76–77).

⁹⁸ „Фила прегордый”, „древле прегордый | Фила” и др., *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 75–76. Cf. из характеристиками дьявола: *Haličsko-volynská kronika. Neznáme rozprávanie o rodine kráľov a kniežat východno-strednej Európy v 13. storočí, vstupné štúdie napísali, preložili a kritický aparát vypracovali M. HOMZA a N. MALINOVSKÁ, Martin 2019, с. 124, pozn. 148; cf.: Галицько-Волинський літопис. Текстологія, с. 190–191.*

⁹⁹ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 284.

¹⁰⁰ Длугош, с. 207.

¹⁰¹ „Изыде ж[е] Фила съ многими оугры и лахы | из Галича, поем[ъ] боаре галич[ъ] кый, и Сждислава ц[ъ]та, | и Лазора и ины (...) æть быс[тъ] величавыи Фила пароб[ъ]ком[ъ] Добрыненым[ъ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 76–77, 80; cf.: „palatinum Hungarie Tylam capiunt et plenam victoriam de Hungaris et Haliczienibus Rutheni consecuntur”, Длугош, с. 207.

¹⁰² „Et dum non aperiretur illi castrum, quod pallatinus Hungarie Attila aperiendum, nec victori ultra resistendum (...)”, Длугош, с. 208.

¹⁰³ RV, с. 207, № 152.

¹⁰⁴ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 80.

¹⁰⁵ Следующее упоминание о нем в должности *Magister Dapiferorum* датируется только 1231 г. (CDAC, v. 11, ред. G. WENZEL, Pest 1873, с. 234, № 162).

4. Деметрий из рода Аба, королевский наставник, опекун и королевский стольник (*Димитрь, Demetrius de genere Aba, magister Dapiferorum, didascal*)

О мартовских событиях 1221 г., а также целом перечне принимавших в них участие венгерских вельмож упоминают два диплома короля Андрея II от 1234 г., и Коломана 8 февраля 1240 г., соответственно, жалующие *Demetrio de genere Aba, didascalo et Dapiferorum suo magistro* земли сразу в нескольких комитатах¹⁰⁶. Вельможа – один из первых членов рода Аба, фигурирующих в источниках XIII в., принадлежал к его шаришской ветви с центром в Липовской крепости. Отцом Деметрия был Сикст¹⁰⁷.

Документы близки по содержанию, а первый из них – самый ранний из касающихся непосредственно битвы за Галич, хотя прямо и не упоминающий всех ее перипетий. Описание заслуг главного действующего лица – Деметрия, опекавшего венценосную чету и лично короля Галичины на протяжении поздней осени 1219 – весны 1221 гг. – видимо опиралось на свидетельства прямых участников событий, может быть и самого Коломана¹⁰⁸. Принадлежность Деметрия к его курии в момент осады храма Пресвятой Богородицы синхронизируется и с *хроникой Романовичей XIII в.*¹⁰⁹

¹⁰⁶ CDAC, т. 6, с. 545–549, № 345; CDRCDSI, v. 4, с. 102–104, № 95; cf.: *Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica* (далее: RSA), т. 1: 1001–1270, ред. I. SZENTPÉTERY, Budapest 1923, с. 167–168, № 529; *Regesta ducum, ducissarum stirpis Arpadianae necnon reginarum Hungariae critici-diplomatica* (далее: RD), manuscriptis E. SZENTPÉTERY, adhibitis et completis critice digessit A. ZSOLDOS, Budapest 2008, с. 29–31, № 19.

¹⁰⁷ J. KARÁCSONYI, *Magyar nemzetségek a XIV. század közepéig*, v. 1, Budapest 1900, с. 20–21.

¹⁰⁸ Опекунство Деметрием Коломана с ранних лет принца, в частности вероятно еще до трагической гибели 28 сентября 1213 г. матери королевы Гертруды, подтверждает несколько фрагментов диплома 1234 г.: „dapiferi karissimi filij nostri Regis Colomani de genere Aba, qui a puericie sue temporibus in seruijs fidelibus et arduis (...) quem eciam ad preces karissime prime coniugis nostre vnacum consilio omnium Principum nostrorum eidem dulcissimo filio nostro predicto C. Regi adhuc in teneris infancie sue uagimus, propter laudabilem morum ipsius eleganciam in didascalum prefecimus, et magistrum”, CDAC, т. 6, с. 546, № 345.

¹⁰⁹ У исследователей, кажется, не осталось сомнений о тождественности упоминаемого в ниже приведенной цитате Дмитрия с королевским стольником Коломана: „Бѣ бо тоу с Коломанѣмъ Иванъ | Лекинъ, и Дмитръ и Ботъ”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 78–79; cf.: *Halíčsko-volyňská kronika*, с. 126, pozn. 157.

Известия дипломов 1234 и 8 февраля 1240 гг. описывают непосредственное участие королевского наставника в битве 24 марта 1221 г.¹¹⁰, по завершению которой, после разгрома венгерских войск и больших материальных потерь¹¹¹, ему удалось скрыться за стенами города. Несмотря на участие в Крестовом походе 1217–1218 гг.¹¹², вряд ли статус вельможи позволял возглавить венгерские войска, как считают некоторые историки¹¹³. Об этом прямо указано в обоих дипломах от 1234 и 1240 гг.: Деметрий не руководил армией, а выступил „contra infidelium acies inter suos sodales”¹¹⁴, из числа ближайших родственников и их соратников (*vide* далее). Хотя по возрасту он вполне подходил¹¹⁵. Укрывшись в детинце вероятно под конец дня 24 марта 1221 г., королевский наставник опекал Коломана до самого конца. Тяжело раненным он был взят в плен вместе с покинувшей храм Пресвятой Богородицы королевской четой¹¹⁶. Непонятно, зачем после победы Мстислав Мстиславович передал Деметрия и его братьев, приехавшему позже Даниилу Романовичу. В любом случае

¹¹⁰ „sepedictus Magister D. contra infidelium acies inter suos sodales uiriliter ac fideliter potentine manu frequenter dimicans ac decertans nulli secundus patuit (...)”, CDAC, т. 6, с. 546, № 345; cf.: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

¹¹¹ „быс[ть] бран[ь] таж[ь]ка межѣ ими. И одолѣ Мъстиславъ. | Бѣгающим[ъ] же оугром[ъ] и лахом[ъ] избієно быс[ть] их[ъ] множ[ь]ство”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 79–80; cf.: „Iacebant autem interfectorum, velut arena, cadavera insepulta nec erat circumquaque Halicz qui occisos sepelisset”, Длугош, с. 208.

¹¹² CDRCDSI, v. 4, с. 306, № 270. „Non solum illa, sed etiam aliis vicibus de suis sodalibus multi bello interierunt rerumque suarum aliarum, equorum et armorum magnarumque expensarum in redemptionibus hominum captivorum, quam magna damna sit perpessus, vix posset sufficienter aliquis enarrare”, CDAC, т. 6, с. 547, № 345; cf.: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95. *Vide* и cf.: „Вси бо оугре и лахове оубієни | быша, а иніи æти быша, а иніи бѣгающе по земли | истопоша, дроушїи же смерды избієни быша, | и никомоу вт них[ъ] оутек[ъ]ши, тако бв м[и]лость вт Б[ог]а роуц[ьс] кои | земли”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 82; „Polowczī autem multis nobilibus spoliis, equis, armis, vestibis potiti, eciam plurimos Hungaros et Polonos in terram suam perpetuam laturos servitutum deduxerant”, Длугош, с. 208.

¹¹³ *Галицько-Волинський літопис. Текстологія*, с. 186.

¹¹⁴ CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

¹¹⁵ Учитывая перечень заслуг, а также высокое доверие семьи Андрея II, наличие по состоянию на 1241 г. взрослого сына Александра (CDRCDSI, v. 4, с. 306–307, № 270), считаем уместным датировать рождение Деметрия *terminus ante quem* 1193–1195 гг.

¹¹⁶ О его ранении прямо и косвенно свидетельствует два отдельных упоминания из дипломов 1234 и 1240 гг.: „cum magnis uulneribus” и „In tot igitur et tantorum seruiciorum et sanguinis recompensacione”, CDAC, т. 6, с. 547, № 345; cf.: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

спустя 13 лет после плена, об этом пребывании у королевского стольника остались очень печальные воспоминания¹¹⁷.

Свободу нобиль мог снова получить по результатам мирных договоров князя Мстислава с королем Венгрии, отображенных в булле Гонория III 27 января 1222 г.¹¹⁸, и не ранее Рождества 1221 г., вероятно, вернулся домой. Вновь в источниках он фигурирует в одном из фальсификатов 1229 г.¹¹⁹

5. Мыкола (Микула) из рода Аба (*Mykola, Micula de genere Aبا*)

Наряду с королевским стольником и наставником Деметрием, как свидетельствуют дипломы 1234 и 1240 гг., активное участие в защите Галича принимал его брат Мыкола (? † между 24 марта – началом апреля 1221–1234)¹²⁰. После поражения королевских войск и сдачи города, он вместе со своим братом был отправлен под надзором в Володимир на Воляни. Какими-либо другими источниками его деятельность в мартовские дни 1221 г. не отмечена. По состоянию на 1234 г. Мыкола числился умершим с соответствующим упоминанием *bone memorie*¹²¹. Однако сложно понять, не в плену ли наступила смерть по причине *magnis vulneribus*. Возможно, характерное *bone memorie*, появившееся в дипломе 1234 г. по поводу награждения Деметрия землями за заслуги именно в защите Галича (*sic!*) посредственно указывало на смерть Мыколы во время боев за город.

Статус, должность, а также роль Мыколы в защите Галича не установлены.

¹¹⁷ „Данилови бо прїсхав[ъ]шѹ | въ малѣ дружинѣ съ Деманвм[ъ] тысѧц[ъ]кым[ъ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 81. Даже небольшого количества дружинников должно было хватить для сопровождения в Володимир пленных вельмож из рода Аба. *Vide:* „In quodam conflictu a Rutenis tam ipse [Деметрия – М.В.], quam fratres sui, Mykola videlicet bone memorie, et Ladislaus frater eiusdem captiui cum magnis uulneribus diu in Lodomeria inferrati et alijs penis difficillimis anxii per plurima tempora sunt detenti et atrociter cruciati”, CDAC, т. 6, с. 547, № 345; *cf.*: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

¹¹⁸ Освобождение предусматривалось не только для Коломана и его невесты, но и „pluribus aliis viris nobilibus”, VMH, т. 1, с. 33, № 55. Волянский зять князя Мстислава вероятно не мог воспрепятствовать такому решению, хотя и должен был получить большую компенсацию: „regum-que suarum aliarum, equorum et armorum magnarumque expensarum in redemptionibus hominum captivorum”, CDAC, т. 6, с. 547, № 345.

¹¹⁹ RD, с. 22, № 3.

¹²⁰ CDAC, т. 6, с. 547, № 345; *cf.*: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

¹²¹ *Cf.*: J. KARÁCSONYI, *op. cit.*, с. 12.

6. Володислав из рода Аба (*Ladislaus de genere Aba*)

Родной брат Мыколы (Микулы), приходившийся также братом стольнику Деметрию (контекст известия не позволяет до конца понять степень родства, но, судя по всему, родные между собой Мыкола и Володислав не были родными братьями королевского стольника¹²²), Володислав из рода Аба отмечен среди защищавших Галич венгерских вельмож, попавших *cum magnis uulneribus* в плен и позже уведенных в Володимир. В сравнении с *bone memorie* Мыколой, в 1234 г. он, вероятно, был среди живых. В любом случае из плена домой Володислав возвратился, несмотря на то, что братья „*per plurima tempora sunt detenti et atrociter cruciati*”¹²³. Время возвращения, как и в случае с Деметрием, датируем *terminus ad quem* Рождества 1221 г.

Статус, должность, а также роль Володислава в защите Галича не установлены.

7. Аба (Абба) из рода Аба (*Aba, Abba de genere Aba*)

Упоминаемые дипломы 1234 и 1240 гг. называют нескольких, скорее всего, сводных братьев (*frater vterinus*) Деметрия, первым из которых числится Аба¹²⁴. Специфика известия в том, что он и его последующие *consanguineis* (*vide* далее) – среди погибших во время битвы за город или его осады (*interijt*)¹²⁵.

Статус, должность, а также роль Абы в защите Галича не установлены. Время его гибели может иметь широкую датировку, начиная с 24 марта и на протяжении последующих дней (до недели) 1221 г. Возможно, его сыном был королевский пристав Лукас, известный 1227 г. из *Варадинских регест*¹²⁶. В таком случае при защите Галича Абе исполнилось не менее 30 лет.

¹²² Иначе считал Янош Корачоньи (*ibidem*).

¹²³ CDAC, т. 6, с. 547, № 345; cf.: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

¹²⁴ Я. Корачоньи считал Абу родным братом Деметрия, Мыколы и Володислава (J. KARÁCSONYI, *op. cit.*, с. 12).

¹²⁵ CDAC, т. 6, с. 547, № 345; cf.: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

¹²⁶ RV, с. 44.

8. Фома сын Яна (*Thoma filius Jani*)

Родственником (*consanguineus*), а может быть даже сводным братом по отцу Абы из рода Абы среди венгерского контингента в Галиче дипломы 1234 и 1240 гг. называют Фому сына Яна¹²⁷. Нам известно лишь о его гибели при защите города *terminus post quem* 24 марта 1221 г.¹²⁸

9. Иоанн (*Iohannes*)

Погибшим в одном из мартовских столкновений за Галич дипломы 1234 и 1240 гг. также упоминают родственника (а может быть сводного брата) *ex parte matris* Иоанна¹²⁹. Как и вышеперечисленные представители рода Аба, он был близок к королевскому стольнику. В связи с характером известия (*interijt*) его нельзя считать тождественным попавшему вместе с Коломаном в плен комесу Ивахину – „Ивану Лекину”¹³⁰ (*vide* далее).

Детальные сведения касательно обстоятельств его службы и смерти нам неизвестны. Иоанн мог погибнуть в течении битвы за Галич, начиная с 24 марта 1221 г.

10. Юда сын Оттона (*Juda filius Othonis*)

Упоминаемый дипломами 1234 и 1240 гг. венгерский нобиль – участник защиты Галича, по всей видимости, не принадлежал к роду Аба. В любом случае составителями он упоминается после перечисления погибших близких и дальних родственников королевскому стольнику Деметрию, без каких-либо намеков на кровное родство¹³¹.

Любыми другими источниками Юда не отмечен, его статус и роль в окружении Коломана неизвестны, а время смерти также может широко датироваться, начиная с 24 марта 1221 г.

¹²⁷ CDAC, т. 6, с. 547, № 345; *cf.*: CDRCDSL, v. 4, с. 103, № 95.

¹²⁸ Я. Корачоньи данных представителей рода Аба не упоминает ни в одной из приведенных генеалогических таблиц (J. KARÁCSONYI, *op. cit.*, с. 3–17).

¹²⁹ CDAC, т. 6, с. 547, № 345; *cf.*: CDRCDSL, v. 4, с. 103, № 95.

¹³⁰ „Бъ бо тоу с Коломанѡм[ъ] Иванъ | Лекин[ъ] (...)”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 78. До сих пор из этой цитаты непонятно, о скольких пленниках идет речь – одном или двух. Проблема усугубляется наличием между последующими именами предлога „и” и его отсутствием между „Иванъ | Лекин[ъ]”. *Vide* далее.

¹³¹ CDAC, т. 6, с. 547, № 345; *cf.*: CDRCDSL, v. 4, с. 103, № 95.

11. Матвей сын Вида или Выда (*Mathia, Mathias filius Vid/Wyd*)

Вторым по списку погибшим нобилем при защите Галича среди, скорее всего, не родственников Деметрия дипломы 1234 и 1240 гг. называют Матвея сына Вида или Выда¹³² (может быть Вита или Витка, что не исключено). В среде галичской знати начала XIII в. нам известны бояре с патронимами Витович и Витанович¹³³, что в данном конкретном случае оставляет дополнительную перспективу для предположения о тесных связях элит двух стран. В нашем случае по состоянию на 1218 г. известно о йобагионе Вида *de villa Vrs castri Kamariensi*¹³⁴, чьим сыном, согласно статусу, вполне мог быть Матвей.

Тем не менее, о Матвее более ничего неизвестно, а время гибели датируем, начиная с 24 марта – на протяжении последующих нескольких дней 1221 г.

12. Моисей сын Пекса (*Moys filius Pexe*)

Аналогичным образом дело обстоит с последним фигурантом тройки близких королевскому стольнику (но все же не являвшихся его родственниками) венгерских участников защиты Галича в марте 1221 г., погибших во время боев за город (*ibidem interjit*). Последовательность их упоминания нам остается неизвестной. Может быть это связано с их возрастом, ведь титулы либо же должности жертв в дипломах 1234 и 1240 гг. не указаны.

В любом случае Моисей сын Пекса погиб и, вероятно, покоится где-то в Галиче.

13. Ивахин, Йоахим, комес (*Ивань | Лекин[ъ]; Iwachinus comes*)

Контекст известия *хроники Романовичей XIII в.* о сдаче в плен князю Мстиславу Коломана и его ближайшего окружения („Бъ бо тоу с Коломанѡм[ъ] Ивань | Лекин[ъ], и Дмитръ и Бог[ъ]”), вряд ли может свидетельствовать

¹³² CDAC, т. 6, с. 547, № 345; cf.: CDRCDSI, v. 4, с. 103, № 95.

¹³³ М. Волощук, «Русь»..., с. 180, 182; ИДЕМ, *Ruthenians (the Rus')*..., с. 100, 102.

¹³⁴ *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae* (далее: CDES), т. 1: *Inde ab anno DCCCIV usque ad anno MCCXXXV*, ред. R. MARSINA, Bratislava 1971с. 181, № 231.

о двух вельможах, о чем читаем в некоторых последних исследованиях¹³⁵. Известие, как мы считаем, касается одного из венгров, до конца защищавшего короля Галичины. Поскольку, как упоминает Я. Длугош, „Hungari et Poloni future obsidioni se preparantes Haliczienses Ruthenos cum uxoribus eorum et pignoribus, perfidiam insuper eorum et victualium defectum veriti eiecerant”¹³⁶, „Иван” точно не мог принадлежать к местным элитам. Мы склонны согласиться с Мартой Фонт, считающей имя „Иван Лекин” искажением имени венгерского комеса Себена Ивахина (Йоахима) из рода Тюрбе (*Iwachin*)¹³⁷, ранее уже участвовавшего под предводительством палатина Пота в походе на Галич летом – осенью 1210/1211 г. против князей Игоревичей¹³⁸.

Содержание королевского диплома Бельи IV от 23 июня 1250 г., где *post mortem* описан перечень военных заслуг Ивахина, не позволяет установить, пережил ли комес плен. В любом случае по состоянию на конец марта 1221 г. у него было двое сыновей¹³⁹, что говорит о соответствующем возрасте вельможи в период защиты Галича.

14. Уз, комес (*Оуз, Оугр, үгр, Uz comes bacciniferorum*)

При описании битвы под Галичем 24 марта 1221 г. составитель *хроники Романовичей XIII в.* упоминает гибель от половецкой стрелы некоего рыцаря-венгра с именем Оуз. Разночтения списков нарратива¹⁴⁰

¹³⁵ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 78, ргзур. 262–263; *Haličsko-volynská kronika*, с. 126, розп. 155–156; cf: с другими (А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 250, ргзур. 1259), а также лишенными надлежащих аргументов версиями: В. ШУШАРИН, «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи, [в:] *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пацуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г. Тезисы докладов*, отв. ред. А.П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, Москва 1990, с. 144; *Галицко-Волынский літопис. Текстологія*, с. 186.

¹³⁶ Длугош, с. 208.

¹³⁷ М. FONT, G. BARABÁS, *op. cit.*, с. 56; М. FONT, *Dinasztikus érdekek nyomában. Árpádok, Piasztok, Rurikok az európai politikában*, Budapest 2018, с. 108; cf: А. ZSOLDOS, *op. cit.*, с. 204.

¹³⁸ RSA, с. 278, № 926.

¹³⁹ *Ibidem*, с. 277–281, № 926.

¹⁴⁰ „Половецкым[ъ] же пріехав[ъ]шим[ъ] | видѣти рати, и оугрwm[ъ] же и ляхом[ъ] гонашим[ъ] а, оу[верноув[ъ]са половчин[ъ], застрѣли Оуза въ око, и спад[ъ]шю | емоу съ фард, и възаша тѣло его, и плакашеса по | нем[ъ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 79, ргзур. i, ргзур. 266. Cf: D. DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz król Rusi...*, с. 106.

относительно идентификации персоны убитого, и сомнения в корректности передачи имени устраняют *Варадинские регесты*, под 1219 г. четко указывающие на личность: „Ministeriales regis, quorum officium est bactinia portare, conquesti sunt super comitem eorum scilicet: Uz”¹⁴¹. Причины попадания на страницы источника нам неизвестны, однако погиб Уз, судя по всему, во время описанного *Утраченной хроникой* наступления левого фланга венгерских и галичских сил. Развив успешно атаку против полка князей Володимира Рюриковича, Ростислава Давидовича и Ростислава Мстиславовича, венгерские силы неожиданно с тыла поддались нападению Мстислава и половцев¹⁴². Судя по тому, что рыцарь погиб при наступлении, половец, застреливший его, находился в составе отступавших сил Ростислава Давидовича.

Учитывая непосредственное, в канун битвы за Галич, упоминание и Фили, и Уза в *Варадинских регестах* 1219–1220 гг., мы считаем возможным их совместное появление в городе под конец 1220 г. в составе отдельного контингента во главе с неустановленным по имени военачальником.

15. Бот (*Bot*[ь]; *Botch*)

В составе плененных вместе с Коломаном венгерских вельмож *Хлебниковский список хроники Романовичей XIII в.* называет также некоего Бота¹⁴³. При отсутствии других сведений о нем, бытуют две версии идентификации нобия. Весьма интересно, что некий „воевода Батур”, запечатлен среди пленных вместе с королем Галичины венгров *Историей Российской* Василия Татищева¹⁴⁴, корреспондирует со сведениями конфирмационного акта епископа Печа Ахиллеса ордену Паулинов церкви Св. Якова от 1252 г. с упоминанием в комитате Баранья *terra filiorum Batur*¹⁴⁵. Согласно

¹⁴¹ RV, с. 225, № 198. Cf.: A. ZSOLDOS, *op. cit.*, с. 244; M. FONT, G. BARABÁS, *op. cit.*, с. 56; M. FONT, *op. cit.*, с. 108.

¹⁴² „In terga enim Hungarorum et Halicziensium, qui solutis ordinibus incedebant, Msczislau cum Polowczis irruens ipsos facili negotio fundit et prosternit”, Длугош, с. 207.

¹⁴³ *Chronica Galiciano-Voliniana*..., с. 79, przur. 265. В *Ипатьевском списке* о нем неизвестно. Cf.: *Ипатьевская летопись*, с. 737.

¹⁴⁴ В. ТАТИЩЕВ, *История Российская*, Москва 2003, с. 518.

¹⁴⁵ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, т. 4, в. 2, studio et opera G. FEJER, Budae 1829, с. 162. Cf.: М. ВОЛОЩУК, «Русь»..., с. 308; IDEM, *Ruthenians (the Rus’)*..., с. 208.

другой версии, сын плененного Бота Микча или Мик в 1255 г. был комесом Шимлеу-Карашова¹⁴⁶.

В свете новейших более тщательных исследований считаем уместным отказаться от обеих версий в пользу некоего Бота (*Botch*) из Спиша, чей сын Фома получил во владение от короля Андрея II на Спише *terram deserti loci*, заложив позже здесь село *Thamasy* (*vide* далее). Время получения земли датируется 1217 г.¹⁴⁷, хотя касательно времени возникновения поселения в научной литературе можно встретить и более ранние версии¹⁴⁸.

На момент пленения Бот находился в зрелом возрасте, как мы считаем, старше 40 лет, учитывая первое упоминание источниками его уже взрослого сына Фомы. Установить статус и роль Бота в защите Галича, кроме обороны храма Пресвятой Богородицы, а также его дальнейшую судьбу – не удалось.

16. Фома сын Бота из Спиша, комес (*Thoma filius Botch de Scepusia, comes*)

Весьма вероятно в битве за Галич участвовал и Фома сын Бота (*Thoma filius Botch*), о чем прямо намекает датированный 1261 г. акт Белы IV для его сына Симона (соответственно, внук Бота), отмечая заслуги отца „*que domino regi Colomanno fratri nostro carissimo in Ruthenia contra insultu ruthenorum, diversa agitantia prelia laudabiliter exhibuit et impendit*”¹⁴⁹. Поскольку Симон получил от короля в свое пользование *duas villas Thamasy vocatas in districtu Scepusiensi existentes*, происхождение Фомы из семейства упоминаемого Бота, участника защиты Галича в марте 1221 г., не подлежит сомнению.

Присутствие при Коломане в храме Пресвятой Богородицы Бота с большой долей вероятности свидетельствует и о присутствии его сына Фомы, что также подтверждается употреблением во множественном числе составителем акта 1261 г. магистром Павлом глагола *proelium*,

¹⁴⁶ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 79, przyp. 265; *Haličsko-volyňská kronika*, с. 126, pozn. 128; cf.: A. ZSOLDOS, *op. cit.*, с. 191.

¹⁴⁷ RSA, с. 103, № 315; cf.: CDES, т. 1, с. 168, № 214.

¹⁴⁸ J. NOVÁK, *Pečate miest a obcí na Slovensku*, v. 2, Bratislava 2008, с. 274; *Historia Scepusii*, v. 1, vedecká redakcia M. HOMZA, S.A. SROKA, Bratislava–Kraków 2009, с. 189.

¹⁴⁹ *Codex diplomaticus patrius*, т. 8, studio et opera E. NAGY, Budapestini 1880, с. 85, № 67.

а также перечнем заслуг Фомы именно при отражении нападения руси. В тот момент он уже наверняка разменял третий десяток¹⁵⁰. Упоминание *хроникой Романовичей XIII в.* среди захваченных князем Мстиславом только Бота может обуславливаться возрастом и статусом отца в сравнении с сыном.

Не исключено, что унаследованные в 1261 г. комесом Симоном два села, впервые упоминаемые без раздела пополам в 1229 г. (*villa Thomae*)¹⁵¹, получили название от отца – комеса Фомы. Хотя соответствующий акт Коломана, подтверждавший выделение в пользу сыновей комеса Руга – Дона и Матвея четырех плугов земли из данного поселения, имени Фомы не упоминал. Косвенно это может свидетельствовать о наступлении его смерти *terminus ante quem*, вполне возможно в результате или же после боевых действий 1221 г.

17. N. nuncius (*Iarosch, miles?*)

По словам анонимного автора *Утраченной хроники*, после поражения венгерско-польских войск и пленения венценосной четы „nuncius tante cladis ad Hungarie regem perlatus fuisse”¹⁵². Источник не называет имени посла, однако в дальнейшем двукратно вспоминает о выполнении посольских поручений Андрея II к князю Мстиславу, по поводу освобождения пленного сына и невестки, некоего рыцаря Яроша (*militem suum Iarosch*)¹⁵³. Не исключено, что речь идет об участнике защиты Галича, не нуждавшемся в дополнительных разъяснениях по поводу обстоятельств падения города и поражения Коломана. Тем не менее, его имя (даже в качестве производного от „Ярослав”¹⁵⁴) остается среди венгерской знати XIII в. неизвестным (в отличии, например, от Богемии¹⁵⁵), что, оставляя место предположению

¹⁵⁰ Cf.: CDES, т. 1, с. 149, № 190.

¹⁵¹ CDES, т. 1, с. 256, № 359.

¹⁵² Длугош, с. 209.

¹⁵³ *Ibidem*, с. 209, 367. Тем не менее, издатели последней археографической версии *Analium* напротив имени Яроша указали – *ignotus*, не имея ни малейшего понятия, о ком, собственно речь.

¹⁵⁴ G. LABUDA, *op. cit.*, с. 58, przur. 134, где автор также развивает мысль о возможном искажении венгерского произношения „Orosz”, то есть – *Ruthenus* (русин, русский).

¹⁵⁵ *Vide*: „Jaros Capellanus noster [C(oustantiae) Dei gracia Reginae Bohemorum et Ducissae Moravorum – M.B.]”, CDA, т. 6, с. 420–421, № 265.

об авторской ошибке Я. Длугоша или же автора *Утраченной хроники*, заставляет задуматься и о других версиях, в том числе, насчет происхождения и окружения боярина Судислава (*vide* далее).

18. N. (1) поп оугорский

Активное участие династии Арпадов в междинастических отношениях русских князей, начиная с конца XI в. (а скорее всего еще раньше), спустя столетие обернулось не только попытками титулярно закрепить право контроля сперва за Галицкой землей, а в первой трети XIII в. и за некоторыми волостями Волынской, но и существенными церковными изменениями. Угрозу полного, либо же частичного отсоединения Галицкой епархии понимали в Киеве еще в 1189 г., когда от имени короля Белья III († 1196) в Галиче занял престол его сын герцог Андрей¹⁵⁶. Опасность увеличилась после добровольной передачи в Сянке вдовой Романа Мстиславовича († 1205) опекуна над своими детьми Даниилом и Васильком, а также права пользования титулами *Galitiae Lodomeriaeque rex* королю Андрею II. При прямом венгерском протекторате вопрос церковной юрисдикции местных епархий в Галиче и Перемышле стал дополнительным камнем преткновения в отношениях с соседними русскими князьями и особенно – киевскими митрополитами. Опираясь *expressis verbis* главным образом на более поздние по времени и историческому контексту написания источники¹⁵⁷, может создаться впечатление о попытках короля их латинизации.

В обращении к папе Иннокентию III 1215 г. с просьбой коронации Коломана *in Regem Galicie* Андрей II упоминал о „iidem Galicienses, sicut Regi suo suo super fidelitate, ita eciam super obediendo Romane Ecclesie sacramento teneantur adstricti”¹⁵⁸. Хотя проблема нуждается в более глубоком исследовании, мы допускаем попытку со стороны Коломана и его окружения со-

¹⁵⁶ „молвашеть бо и митрополить Стѣславоу [Всеволодовичу, † 1194 – М.В.] . и Рюрикови [Ростиславовичу, † между 1212/1216 – М.В.] . се иноплемьнници ꙗ́лли ꙗ́тчиноу ва́шу . а лѣпо вы бы потроудитисѧ”, *Ипатьевская летопись*, с. 663.

¹⁵⁷ „Король Угорский посади сына своего въ Галичи, а епископа и попы изгна изъ церкви, а свои попы приведе Латыньскія на службу”, *Летопись по Воскресенскому списку*, с. 119; *cf.*: *Типографская летопись*, [в:] ПСРА, Петроградъ 1921, т. 24, с. 87, а также *cf.* из полностью выдуманного на эту тему сюжета В. Татищева (В. ТАТИЩЕВ, *op. cit.*, т. 2, с. 517–519).

¹⁵⁸ CDAC, т. 6, с. 375, № 227; *cf.*: VMH, т. 1, с. 1, № 1–2.

хранить славянскую литургию (так называемой кирилло-мефодиевской традиции, сохранившейся и существовавшей во многих местах Венгерского королевства) на условии подчинения римскому папе и, соответственно, отсоединения данных территорий от Киевской митрополии. При галичском короле и его окружении обязательно должны были находиться соответствующие представители церковной среды, имен которых мы не знаем.

В таком случае летописные известия XV–XVI вв. об именно „латинских попах” – не более, чем характерный продукт пропаганды своего времени, отражавший реакцию князей и церковных иерархов Москвы на ферраро-флорентийские соглашения 1439 г. Контекст упоминания об изгнании старого епископа и отсутствие информации о новом (в том числе – среди пленников) позволяет предположить отсрочку его рукоположения либо же других связанных с этим обрядов до более спокойного, в военном плане, времени. Тем не менее, новое, прибывшее с войсками, духовенство, несомненно, было свидетелем событий марта 1221 г.

19. N. (2) поп оугорский

Несмотря на очевидную пропаганду, летописные известия упоминают о „латинских” попах во множественном числе, поэтому нет сомнения, что их было не меньше двух (хотя по факту вероятно больше). Тем не менее, имена этих священнослужителей неизвестны.

Что интересно, из современных описываемым событиям источников о каких-либо „других” представителях духовенства, приведенных Коломаном в Галич, ничего не сказано, и это само по себе странно¹⁵⁹. В то же время не исключаем возможности происхождения информатора или же автора части составленной около 1260 г. так называемой *Утраченной хроники*, вошедшей в *Annales Я. Длугоша*¹⁶⁰, из среды пришедших с Коломаном и Саломеей в Галич представителей духовенства.

¹⁵⁹ Как мог бы об этом умалчать хронист-священник Я. Длугош – уму непостижимо! Cf.: Длугош, с. 206–209.

¹⁶⁰ Vide заключение Герарда Лябуды: G. LABUDA, *op. cit.*, с. 293–294; cf.: M. ZDANEK, *op. cit.*, с. 282.

20. Судислав, возможно, *genere Ludan*, боярин (Сждислав)

Сопоставление известий *хроники Романовичей XIII в.* с *Утраченной хроникой* из *Annalium Я. Длугоша expressis verbis* свидетельствует о поддержке Коломана значительным количеством представителей галичской знати, часть имен которых, а также их место и роль в защите Галича нам хорошо известны¹⁶¹. Членом курии короля Галичины на протяжении 1217–1221 гг. упоминается боярин Судислав, тесть вышеупомянутого Фили.

Учитывая статус и материальные возможности вельможи¹⁶², его удел в возвращении под конец 1219 г. венгерского герцога в Галич¹⁶³, а также появление рядом с его войсками в сражении против князя Мстислава и его союзников 24 марта 1221 г. – совершенно понятны. В битве левый фланг армии Коломана потерпел поражение, в результате чего пленили Филю, а также, с большой вероятностью – Судислава: „Потвм[ъ] же приведоша Сждислава къ Мьстиславоу”¹⁶⁴. Несмотря на поддержку Коломана и поражение, боярин избежал сурового наказания: „Мьстиславоу ж[е] вѣровав[ъ]шю сло|весем[ъ] его, и ч[ъ]стїю великою почтивь его, и Звиниго|род[ъ] дасть емоу”¹⁶⁵.

В связи с благородным жестом князя-победителя, наградившего опального вельможу держанием княжеского удела, а также весьма неоднозначными страницами его биографии, в историографии до сих пор нет единого мнения насчет происхождения Судислава¹⁶⁶. Мы продолжаем

¹⁶¹ „Изыде ж[е] Фила съ многими оутры и ляхы | из Галича, поем[ъ] бодре галиц[ъ]кый, и Сждислава ц[ъ]та, | и Лазора, и ины”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 76–77; cf.: „Hungaris et Halicziensibus levum cornu tenentibus (...)”; „In terga enim Hungarorum et Halicziensium, qui solutis ordinibus incedebant, Msczislau Polowczis irtuens ipsos facile negocio fundit et prosternit”, Длугош, с. 207.

¹⁶² „мног[о] | имѣніе давь, Сждиславъ же въ злато премѣниса, рек[ъ]||ше мнѣго злата давь, избависа”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 43.

¹⁶³ „Городокъ бо бѣ | вт[ъ]ложилъса, бахж в нем[ъ] людїе Сждислави”, *ibidem*, с. 63.

¹⁶⁴ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 82. При этом мы не исключаем возможности, что на протяжении какого-то времени Судиславу удавалось избежать судьбы Фили, укрываясь среди галичан, не щадивших, тем не менее, потерпевших поражение: „sed etiam ab Halicziensibus gratificacionem Msczislao et suo decreto impensuris, ad quos confugerant aut apud quos latitabant, pecorum more strangulabantur peneque omnis Hungarorum et Polonorum exercitus deletus est”, Длугош, с. 208.

¹⁶⁵ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 83.

¹⁶⁶ М. Волощук, «Русь»..., с. 295–298; ИДЕМ, *Ruthenians (the Rus’)*..., с. 191–193; cf. критические, но довольно поверхностные замечания (А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 244; М. ВАРТНИСКИ, *res.*

утверждать о высокой вероятности его принадлежности к роду *Ludan*, появившемуся в активной политической жизни королевства Венгрии после возвращения Андрея II из Крестового похода. При этом продолжаем рассматривать и версию о не просто тесном сотрудничестве элит Галичской земли с венгерскими в XII – начале XIII вв., а об их близком происхождении и формировании на протяжении IX–XI вв., определившем специфический путь развития и политических предпочтений большей части знати Галича.

В момент обороны Галича Судислав достиг возраста, позволявшего *terminus ante quem* выдать свою дочь замуж, а также быть вхожим в курию Коломана¹⁶⁷.

21. Лазарь Домажирець, боярин (*Лазаръ, Лазоръ*)

Выступление объединенных венгерско-польских войск против князя Мстислава 24 марта 1221 г. усилило контингенты галичской знати, в частности под руководством Лазаря¹⁶⁸. Вместе с отрядами Судислава он составил левое крыло армии (*levum cornu*), разгромленное по результатам совместной атаки русьских князей при поддержке половцев.

Судьба боярина после пленения Коломана – неизвестна, хотя есть предпосылки считать его тождественным, упоминаемому спустя 20 лет опальному, с точки зрения рода Романовичей, держателю города Коломыи (одноименный центр в Ивано-Франківський обл., Украина) Лазарю Домажирцу¹⁶⁹. Особенная роль не только местной экономики (связанной с колумыйской солью), но и венгерских связей местной элиты в целом, позволяет согласиться с предложенной версией.

Таким образом, в марте 1221 г. боярину Лазарю удалось уцелеть. На момент битвы за Галич ему, вероятно, исполнилось от 25 до 49 лет¹⁷⁰.

Myroslav Volosčuk, „Rus” v ugars’komu korolivstvi (XI druga polovina XIV st.): suspil’no-politična rol’, majnovi stosunki, migracj, *Lileja-NV, Ivano-Frankivsk 2014*, ss. 496, „Res Historica” 2016, № 41, с. 284–285; М. ФОНТ, G. VARAVÁS, *op. cit.*, с. 62; М. ФОНТ, *op. cit.*, с. 113), на которые мы в будущем подготовим ответ отдельной большой публикацией.

¹⁶⁷ Между 35–57 годами жизни: А. JUSUPOVIĆ, *op. cit.*, с. 262; около 34–35 лет: М. Волощук, «Русь»..., с. 300; ИДЕМ, *Ruthenians (the Rus’)*..., с. 194.

¹⁶⁸ *Chronica Galiciano-Voliniana*..., с. 77.

¹⁶⁹ „Лазарь Домажирець”, *ibidem*, с. 243; cf.: А. JUSUPOVIĆ, *op. cit.*, с. 198–199.

¹⁷⁰ А. JUSUPOVIĆ, *op. cit.*, с. 199.

СОЮЗНИКИ ВЕНГРОВ

По разным причинам во главе, или же на стороне венгерско-польских подразделений со своими силами либо лично могли выступить:

1. Сулислав, сандомирский каштелян (*Sulislaus Sudumiriensis*)

Проблематичность определения руководителя польских войск принуждает к поиску вероятного лидера среди ближайшей к князю Лешеку знати, в том числе уже участвовавшей в походах на Галич ранее. Среди наиболее вероятных персонажей – сандомирский каштелян Сулислав, принимавший участие в венгерско-польской кампании 1210/1211 г., завершившейся пленением и казнью в Галиче Романа и Святослава Игоревичей с семьями¹⁷¹. В 1217 г. он все еще держал каштелянию Сандомира¹⁷², однако *terminus ante quem* 1222 г. его, по неизвестным нам причинам, заменил некий Мстивой¹⁷³. Среди живых Сулислав более в известных нам источниках не фигурировал, что позволяет осторожно предположить его гибель или плен во время защиты Галича в марте 1221 г.

2. Филипп, боярин (*Филипъ*)

Кроме упоминаемых *хроникой Романовичей XIII в.* по именам Судислава и Лазаря, а также перечня безымянной галичской знати, поддерживавшей Коломана, мы вполне можем предположить участие в защите Галича

¹⁷¹ „а wt[ъ] Лест[ъ]ка из лажовъ Сждѣславъ Берна|тович[ъ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 34–35, przyр. 123; „Post hec Sulislaus castellanus Sandomiriensis secundum ducis Lestkonis mandatum cum exercitu Polonorum Russiam intrat et Swyantoslaum ducem patrem vxoris Conradi cum aliis quatuor ducibus captos in eculo miserabiliter suspendit, quoniam ita dux Lesthko iusserat”, *Catalogi episcoporum Cracoviensium*, recensuit et annotavit J. SZYMAŃSKI, MPH, Series nova, т. 10, f. 2, Warszawa 1974, с. 90; cf.: Длугош, с. 200, 212–213.

¹⁷² *Kodeks dyplomatyczny Małopolski*, т. 2: 1153–1333, ред. F. PIEKOSIŃSKI, Kraków 1886, с. 27, № 384; cf.: *Urządnicy małopolscy XII–XV wieku*, spisy, opracowania J. KURTYKA, T. NOWAKOWSKI, F. SIKORA et al., [в:] *Urządnicy dawnej Rzeczypospolitej*, т. 4: *Małopolska (województwa krakowskie, sandomierskie i lubelskie)*, ред. A. GAŚSIOROWSKI, Wrocław–Warszawa–Kraków 1990, с. 172.

¹⁷³ „Mystwino Sandomyrie”, *Codex diplomaticus et Commemorationum Masoviae Generalis*, т. 1, ред. J.K. KOCHANOWSKI, Warszawa 1919, с. 218, № 217.

части известных своими симпатиями к династии Арпадов местных бояр. Одним из наиболее активных на протяжении 1211–1231 гг. был Филипп – выдающийся лидер провенгерской знати¹⁷⁴, заслуживший в лице автора придворного нарратива князей Даниила и Василька характеристику „безбожный”¹⁷⁵.

Участие Филиппа в боях за город конца марта 1221 г. *expressis verbis* не отображено – скорее всего, в виду отсутствия на стороне князя Мстислава его волынского зятя и ответственных за составление будущего придворного нарратива Романовичей интеллектуалов, знавших галичских бояр в лицо. Однако, влияние и возраст Филиппа (от 35 до 55 лет) вполне позволяют нам „увидеть” вельможу на стороне Коломана.

3. Семюнко, Семеон Чермный, боярин (*Семьюнко, Семеонъ Чермьныйи*)

Не менее активным сторонником короля Андрея II оставался Семюнко Чермный (т. е. – Рыжий, Багровый), о котором впервые узнаем под 1226 г. в связи с организацией, по его совету, королем Венгрии кампании против Мстислава Мстиславовича, завершившейся, тем не менее, неудачно. Боярин принадлежал к ближайшему окружению Судислава, ни разу не сменив политической ориентации, и вероятно по этой причине, с точки зрения окружения Даниила Романовича, считался „льстивым”¹⁷⁶. В марте 1221 г. ему могло исполниться не менее 20 лет¹⁷⁷, что вполне достаточно для участия в битве за город на стороне Коломана.

4. Григор, Григорий Васильевич, боярин (*Григор Васил[ь]евич*)

Следующим приверженцем правления Арпадов в Галичине, активным сторонником на галичском престоле третьего сына Андрея II – принца Андрея был, впервые упомянут под 1235 г., Григор (Григорий) Васильевич, наделенный составителем *хроники Романовичей XIII в.* коннотацией

¹⁷⁴ A. JUSUPOVIĆ, *op. cit.*, с. 139–141.

¹⁷⁵ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 155.

¹⁷⁶ „Андреи же послоушавъ л[ь]стиваг[о] | Семеона Чермнаг[о], и бежа въ оугры, и нача въз-
двизати | рат[ь]”, *ibidem*, с. 112.

¹⁷⁷ A. JUSUPOVIĆ, *op. cit.*, с. 238–240.

„безбожный”¹⁷⁸. Судя по весьма стабильным политическим предпочтениям и возрасту¹⁷⁹, он вполне подходил на роль участника битвы за Галич 1221 г.

5. Володислав Юрьевич, боярин (*Волѡдиславъ Гюргевиѡч[ѡ]*)

„Неверным” с точки зрения *хроники Романовичей XIII в.* все время считался боярин Володислав Юрьевич, впервые упомянутый в 1231 г.¹⁸⁰, но точно имевший до этого времени достаточный боевой опыт. Его последовательная провенгерская позиция, в конце концов, пленение и гибель под Ярославом 17 или 18 августа 1245 г.¹⁸¹ позволяют предположить участие боярина и в битве за Галич на стороне короля Коломана.

6. Водрис, боярин (*Волѡдрисѡ*)

Среди вельмож, замышлявших около 1230/1231 г. покушение на Даниила Романовича, источник единожды упоминает сторонника Судислава, а соответственно и династии Арпадов – Водриса¹⁸². Учитывая его условное время рождения¹⁸³ и положение среди элит, участие в защите Галича 1221 г. выглядит вполне допустимым.

Интересным фактом является именование его „безбожным”, как и упомянутых выше нобелей.

7. Доброслав Судьич, боярин (*Доброслав[ѡ] Сжд[ѡ] |ичѡ*)

Один из весьма активных противников династии Романовичей на рубеже 30–40-х гг. XIII в., по нашему мнению, мог принадлежать к семье Судислава, а соответственно *genere Ludan*¹⁸⁴. Время его рождения можно приблизительно установить благодаря известиям о высоком статусе и влиянии

¹⁷⁸ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 192.

¹⁷⁹ А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 157–163.

¹⁸⁰ *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 161, 253–254, 284; cf.: А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 275–276.

¹⁸¹ „Жирослав[ѡ] же при[веде] Вѡлѡдислава, злаго матеж[ѡ]ника земли. В тои ж[е] ден[ѡ] | и тѡи оубіенъ быс[ѡ]”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 284.

¹⁸² *Ibidem*, с. 158.

¹⁸³ А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 270–271.

¹⁸⁴ М. Волощук, «Русь»..., с. 340–349, прим. 1864; ИДЕМ, *Ruthenians (the Rus’)*..., с. 228–234, note 284; cf. из другими версиями (А. ЈУСУРОВИЋ, *op. cit.*, с. 128–134).

в стратегически важной Коломыйской волости 20 лет спустя после битвы за Галич¹⁸⁵. Все вышеперечисленное вполне позволяет видеть в боярине, если не прямого участника боевых столкновений с войсками Мстислава Мстиславовича и его союзников, то, по крайней мере, их живого свидетеля.

8. Молибоговичи, род (*Молибоговиче*)

„Неверным” при дворе Романовичей считали род Молибоговичей¹⁸⁶, один из представителей которого, Ивор (вместе с Лазарем Домамиричем), получил от боярина Доброслава в 1240/1241 г. Коломыю. Несмотря на то, что обеих держателей „соляной” волости нарратор нелестно обозвал „два безакон[ь]ника вт[ь] племени смръдѣ”¹⁸⁷, член рода Молибоговичей, несомненно принадлежал к знатному, тесно и давно связанному с Арпадами семейству, само название которого, прямо или косвенно, корреспондируется с неллицеприятной характеристикой Доброслава – „поповъ вноукъ”. Последний вполне мог быть родственником Молибоговичам, что дополнительно объясняет действия боярина в Коломые.

Хотя Ивор, по всей видимости, в связи со своим юным возрастом¹⁸⁸, участия в боях за Галич принимать еще не мог, кто-то из старших членов его рода, как мы полагаем, усилил галичские подразделения, потерпевшие вместе с венграми поражение под стенами городами.

Интересно, что обо всех упомянутых выше представителях местных элит, автор (или же составитель) *хроники Романовичей XIII в.* отзываясь с ненавистью, что, несомненно, отражает настроения князей Даниила и Василька в их борьбе с Арпадами за Галицкую землю первой трети XIII в.

¹⁸⁵ „Доброслав[ь] же въкнажил[ь]сѣ бѣ”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 241.

¹⁸⁶ *Ibidem*, с. 155, 158, 192.

¹⁸⁷ *Ibidem*, с. 243–244.

¹⁸⁸ А. ЈУСУПОВИЋ, *op. cit.*, с. 169–170.

ДРУГИЕ УЧАСТНИКИ БИТВЫ

Кроме имен, патронимов или предикатов конкретных участников боевых действий источники сообщают нам также названия отдельных групп венгерско-польских сил и их союзников.

1. *alij quam plures*

Перечень погибших или плененных сперва под стенами города 24 марта, а позже – при защите Галича на протяжении нескольких последующих дней, общее количество которых не поддается даже приблизительному учету, обобщенно фиксируют несколько источников. При этом акцентируются потери именно среди венгров¹⁸⁹. Резонанс невосполнимых утрат среди венгерской знати и значение победы Мстислава Мстиславовича обусловили не только появление, в целом, немалого количества записей по данному поводу и постоянного их дублирования, но и спровоцировали в апреле 1222 г. во владениях Арпадов замешательство среди королевских сервиентов. В дальнейшем, под их давлением, королем Андреем II была принята *Золотая булла*, ограничившая влияние крупных, а особенно, иностранных вельмож.

¹⁸⁹ „et pluribus alijs viris nobilibus a tuis [Андрей II – М.В.] hostibus captivari”, VMH, т. 1, с. 33, № 55; „nec non alij quam plures non solum illa, sed alijs vicibus de suis sodalibus multi bello interierunt”, CDAC, т. 6, с. 547, № 345; cf.: CDRCsl, т. 4, с. 103, № 95; „Мстиславъ Мстислави^т. биса с Угрою и побѣди æ . и избѣ множество ихъ (...)” (*Лаврентьевская летопись*, стб. 445 „Бѣгающимъ[ъ] же оугромъ[ъ] и лахомъ[ъ] избіено быс[тъ] ихъ[ъ] множ[ъ]ство”; „Вси бо оугре и лахове оубіени | быша, а иніи æти быша, а иніи бѣгающе по земли | истопоша, дроусіи же смерды избіени быша, || и никомоу wt нихъ[ъ] оутек[ъ]ши, тако бw м[и]лость wt Б[ог]а роус[ъс]кои | земли”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 79–80, 82; cf.: „Мстиславъ Мстиславичъ биса съ Угрою, и избѣ ихъ множество (...)”, *Летопись по Воскресенскому списку*, с. 128; *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с. 87; „Мстиславъ Мстиславичъ биса с Угрою и побѣди я и язви я множество ихъ”, *Симеоновская летопись*, с. 51; „И порази Мстиславъ Угров и Ляхов, а иные въ рѣкахъ потопишася (...)”, *Густынская летопись*, с. 114; *Густынский летопис*, с. 285. Поляков в перечень пострадавшей стороны активно добавлял Я. Длугош. Cf.: „Nec interfectoꝝ poterat numerus estimari”; „Iacebant autem interfectoꝝ, velut arena, cadavera insepulta nec erat circumquaque Halicz qui occisos sepelisset. Polowczī autem (...) plurimos Hungaros et Polonos in terram suam perpetuam laturos servitute[m] deduxerant. Mandaverat autem Msczislav Msczislavicz (...) ne quemquam Hungarum aut Polonum vivum esse sinerent”; „Hii, qui secum [Коломаном – М.В.] in arce errant”; „Mandateque Msczislao (...) educebantur Hungarorum barones et uxores eorum et plures insignes persone, femine et matrone nonnullique Polonorum milites, quos omnes aut Polowczis distribuit aut curiensibus suis donavit”, Длугош, с. 208–209.

2. Polonorum milites

Обобщенное обозначение потерь среди присланного от князя Лешека Белого войска, кроме *хроники Романовичей XIII в.* видим и в более поздних источниках, особенно *Annalibus Я. Длугоша*, пытавшегося даже „поставить” в его главе умершего около 1202 г. краковского воеводу Николая¹⁹⁰. Попытка позднесредневекового автора не удалась, что, собственно, до сих пор не позволяет нам определить настоящего имени руководителя этого контингента, возможно пришедшего в Галич еще в конце 1219 г. вместе с князем Лешком¹⁹¹.

После успешного возвращения Коломана на престол, краковско-сандомирский князь удалился восвояси, в дальнейшем занимаясь сдерживанием сил Даниила и Василька Романовичей¹⁹². Поэтому ляхы (*Polonorum milites*) находились под чьим-то другим управлением, вполне возможно – ранее держащем сандомирскую каштелянию и уже участвовавшем в походе на Галич летом – осенью 1210/1211 г. Сулиславом (*vide* выше). Невосполнимость польских потерь усиливалась не только количеством погибших под стенами Галича 24 марта 1221 г.¹⁹³ и при дальнейшей осаде города, но и большим количеством попавших в руки к номадам пленных, в большинстве своем, вероятно, больше никогда не возвратившихся домой¹⁹⁴.

¹⁹⁰ „Polonicum pallatinus Cracouiensis <Nicolaus vir in armis egregius> ducebant”, Длугош, с. 206. О реальном времени смерти воеводы *vide*: J. WYROZUMSKI, *Mikolaj*, [в:] *Polski słownik biograficzny*, т. 21, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1976, с. 81.

¹⁹¹ „Потым[ъ] же прииде рат[ъ]ю пвд[ъ] город[ъ] [Галич – М.В.] Коломан[ъ] и ляхове; мно|гоу бою бывшу на Кроваком[ъ] [sic] Бродоу (...)", *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 65.

¹⁹² В. WŁODARSKI, *Polska i Rus' (1194–1340)*, Warszawa 1966, с. 78–79; D. DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz król Rusi...*, с. 104.

¹⁹³ „оугром[ъ] и ляхом[ъ] избіено быс[тъ] их[ъ] множ[ъ]ство”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 79–80; cf: „Poloni (...) a Roszislao Daudowicz et Polowczis ab omni parte circumsepti, dum neque pugnandi neque evadendi locus esset, occiduntur”, Длугош, с. 207.

¹⁹⁴ „Вси бо оугре и ляхове оубиени | быша”, *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 82; cf: „Hungaris et Polonis pavore nimio consternatis et ex castro partim diffugentibus, partim se precipitantibus (cum calido nocturna metu causante omnia maiora credi iuberet) intromittunt”; „Mandatemque Msczislao (...) nonnullisque Polonorum milites (...) aut Polowczis distribuit aut curientibus suis donavit”, Длугош, с. 208–209. Следует также напомнить, что через два года, в 1223 г., половцы были наголову разбиты монголами, частью перекочевав в Венгрию, частью вступив на службу некоторым русским князьям. При таких обстоятельствах удел взятых в плен весной 1221 г. поляков был весьма незавидным.

3. *Haliczienses Ruthenos cum uxoribus eorum et pignoribus*

Существенную поддержку при возвращении в Галич Коломан получил от отдельных представителей местных элит, нередко обобщающе названных *боярами* и/или *галичанами*. С целью уменьшения восприятия антипатии к князю Мстиславу и его володимирскому зятю Даниилу, составитель *хроники Романовичей XIII в.* довольно скромно описал сопротивление галичан русским князьям в марте 1221 г., причисляя к опальным Судиславу и Лазарю каких-то „иных”, под которыми следует понимать конечно-же *Halicziensibus*, а также членов их семейств, упоминаемых так называемой *Утраченной хроникой*¹⁹⁵.

Количество сторонников Арпадов и короля Галичины было немалым, что позволяло сформировать самостоятельное боевое построение на левом фланге объединенной армии под стенами города 24 марта 1221 г. Причины поддержки Коломана частью галичан, как мы считаем, кроются в уже упомянутых, до конца не исследованных, а потому все еще таинственных обстоятельствах формирования местной знати из числа тесно связанных между собой кровным родством элит IX–XI вв., ранее проживавших на окраинах владений династии Моймиридов и их преемников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состав сражающихся за Галич на стороне короля Коломана войск отображен в источниках существенно шире, чем у князя Мстислава. Кроме венценосной четы, нам известно о пребывании рядом с ней многих представителей венгерской знати, занимавших должности вице-палатина, стольника, комеса и т. д., общее количество которых – не менее 17 человек. При этом мы точно знаем о присутствии не менее двух священников, а также поддержке не менее двух галичских бояр, известных по именам. Из упоминаемого 21-го персонажа, не менее семи погибло в боях за город, хотя потенциально это количество может быть увеличено до десяти.

¹⁹⁵ Cf.: *Chronica Galiciano-Voliniana...*, с. 77; „*Haliczienses Ruthenos cum uxoribus eorum et pignoribus*”, Длугош, с. 208.

При этом Коломан очевидно мог воспользоваться услугами также *expressis verbis* не обозначенных источниками одного сандомирского каштеляна и семерых галичских бояр, известных по именам *terminus ad quem* либо же *post quem* разворачиваемых под Галичем событий. Указанные вероятные участники битвы за город могли поддержать осажденных в силу собственных возраста, династических и политических убеждений, статуса. С большой долей вероятности, один из них – каштелян Сандомира Сулислав – погиб, либо же попал в плен, так и не вернувшись домой. Остальные принимали участие в разного рода событиях после 1221 г.

Понятно, что названные по именам, либо анонимные участники битвы за Галич не составляли, вероятно, и одного процента от всего количества присутствовавших в обеих армиях, а также наблюдавших за развитием событий со стороны. В связи с этим вполне обоснованными являются неоднократно встречающиеся в источниках обозначения во множественном числе как непосредственно воинов, так и, ставших поневоле свидетелями исследуемых событий, мирных жителей. Среди этих коллективов четко выделяются венгры, поляки и поддерживающие их галичане.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła drukowane • Primary printed sources • Печатные источники

- Вологодско-Пермская летопись*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 26, Москва–Ленинград 1959.
- Густынская летопись*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 40, отв. ред. В.И. Буганов и Б.А. Рыбаков, Санкт-Петербург 2003.
- Густинський літопис*, упорядник та автор передмови О. Толочко, [в:] *Гарвардська бібліотека давнього українського письменства*, т. 11, Гарвард 2013.
- Ермолинская лѣтопись*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 23, Санкт-Петербург 1910.
- Лаврентьевская летопись*, с предисл. Б.М. КЛОССА, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 1, Москва 2001.

- Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, с прил. извлечений из монографии Б. КЛОССА „Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков”, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 10, Москва 2000.
- Летописный сборникъ, именуемый Тверской летописью*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 15, Санкт-Петербургъ 1863.
- Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 28, Москва–Ленинград 1963.
- Летопись по Воскресенскому списку*, с предисловием Б. КЛОССА, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 7, Москва 2001.
- Московский летописный свод конца XV века*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 25, Москва 1949.
- Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 27, Москва–Ленинград 1962.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 3, Москва–Ленинград 1950.
- Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку*, Санкт-Петербург 1888.
- Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 43, Москва 2004.
- Симеоновская летопись*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 18, Москва 2007.
- Софийская первая летопись*, выпуск первый, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 5, изд. 2, Ленинград 1925.
- Софийская первая летопись старшего извода*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 6, вып. 1, Москва 2000.
- Типографская летопись*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 24, Петроградъ 1921.
- Холмогорская летопись. Двинской летописец*, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 33, Ленинград 1977.
- Catalogi episcoporum Cracoviensium*, recensuit et annotavit J. SZYMAŃSKI, [в:] *Monumenta Poloniae historica. Series nova*, т. 10, f. 2, Warszawa 1974.
- Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana)*, ред. D. DĄBROWSKI, A. JUSUPOVIĆ, [в:] *Monumenta Poloniae historica. Series nova*, т. 16, Kraków–Warszawa 2017.
- Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*, v. 6, 11, ред. G. WENZEL, Pest 1867–1873.
- Codex diplomaticus et Commemorationum Masoviae Generalis*, т. 1, ред. J.K. KOCHANOWSKI, Warszawa 1919.
- Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*, т. 1: *Inde ab anno DCCCCV usque ad anno MCCXXXV*, ред. R. MARSINA, Bratislava 1971.
- Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, т. 4, v. 2, studio et opera G. FEJER, Budaе 1829.

- Codex diplomaticus patrius*, т. 8, studio et opera E. NAGY, Budapestini 1880.
- Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*, v. 4: 1236–1255, collegit e digessit T. SMĀIKLAS, Zagrabiae 1906.
- DLUGOSSII JOANNES, *Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*, lib. 5–6, ред. Z. KOZŁOWSKA-BUDKOWA et al., Warszawa 1973.
- Haličsko-volynská kronika. Neznáme rozprávanie o rodine kráľov a kniežat východno-strednej Európy v 13. storočí*, vstupné štúdie napísali, preložili a kritický aparát vypracovali M. HOMZA a N. MALINOVSKÁ, Martin 2019.
- Kodeks dyplomatyczny Małopolski*, т. 2: 1153–1333, ред. F. PIEKOSIŃSKI, Kraków 1886.
- Regesta ducum, ducissarum stirpis Arpadianae necnon reginarum Hungariae critico-diplomatica*, manuscripsit E. SZENTPÉTERY, adhibitis et completis critice digessit A. ZSOLDOS, Budapest 2008.
- Regesta rerum stirpis Arpadianae critico-diplomatica*, т. 1: 1001–1270, ред. I. SZENTPÉTERY, Budapest 1923.
- Regestum Varadinense examinum ferri candentis Ordine chronologico digestum descripta effigie editionis a. 1550 illustrantum sumptissimusque Capituli Variadensis lat. rit., curies et laboris* J. KARÁCSONYI, S. BOROVSKY, Budapest 1903.
- Vetera Monumenta historica Hungariam sacram Illustrantia*, т. 1: 1216–1352, ред. A. THEINER, Romae 1859.
- Vita Sanctae Salomeae Reginae Galiciensis*, ред. W. KĘTRZYŃSKI, [в:] *Monumenta Poloniae historica*, т. 4, Lwów 1884, с. 770–796.

Opracowania • Secondary sources • Литература

- АЛЕКСАНДРОВИЧ В., ВОЙТОВИЧ Л., *Король Данило Романович*, Біла Церква 2013.
- ВОЛОЩУК М., *Просопографічні студії битви під Ярославом 17 серпня 1245 року*, [в:] *Colloquia Russica*, series II, v. 3: *Данило Романович і його часи*, за ред. В. НАГІРНОГО і М. ВОЛОЩУКА, Івано-Франківськ–Краків 2017, с. 103–122.
- ВОЛОЩУК М., «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, ред. Л. ВОЙТОВИЧ, Івано-Франківськ 2014.
- Галицько-Волинський літопис. Текстологія*, ред. О. ТОЛОЧКО, Київ 2020.
- ДОМБРОВСКИЙ Д., *Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.)*, издание исправленное и дополненное, перевод и вступительное слово к русскому изданию К. ЕРУСАЛИМСКОГО и О. ОСТАПЧУК, Санкт-Петербург 2015.
- ГИПШИУС А., *Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона*, [в:] *Письменность Галицко-Волинского княжества: историко-филологические исследования*, Олюмоус 2016, с. 49–64.

- ГИПШУС О., МИХЕЕВ С., *Акти трьох галицьких князів XIII ст. на стінах церкви Святого Пантелеймона (нове прочитання)*, [в:] *Галич. Збірник наукових праць*, вип. 5, ред. М. Волощук, Івано-Франківськ 2020, с. 17–44.
- ГИППИУС А., МИХЕЕВ С., *Еще раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче*, „Труды Отделения историко-филологических наук 2019” 2020, т. 9, с. 181–204.
- ГОЛОВКО О., *Князь Мстислав Мстиславич «Удатний» і його доба*, Кам'янець-Подільський 2017.
- КОРНИЄНКО В., *Епіграфіка сакральних пам'яток Галича (XII–XIX ст.)*, [в:] *Галич. Збірник наукових праць*, серія 2, вип. 3, ред. М. Волощук, Івано-Франківськ 2018.
- ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б., *Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва 2013.
- ПЕЛЕНСЬКИЙ Й., *Галич в історії середньовічного мистецтва на основі археологічних досліджень і архівних джерел*, [в:] *Галич. Збірник наукових праць*, серія 2, вип. 4, ред. М. Волощук, Івано-Франківськ 2018.
- ПЕТРУШЕВИЧ А., *О соборной Богородичной церкви и святителях в Галичь*, „Галицкій историческій сборникъ, издаваемый Обществом Галицко-русской ма-тицы” 1853, вып. 1, с. 51–147.
- ТАТИЩЕВ В., *История Российской*, Москва 2003.
- ШУШАРИН V., «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи, [в:] *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Папуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г. Тезисы докладов*, ред. А.П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, Москва 1990, с. 143–147.
- ЩАВЕЛЕВА Н.И., *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, перевод, комментарии*, Москва 2004.
- ЮСУПОВИЧ А., *Галицкие «выгнанцы» или «выгонцы»? „Rossica antiqua. Исследования и материалы” 2012, вып. 2 (6), с. 114–133.*
- BÁRÁNY A., *Courtenay Róbert Magyarországon (1220–1221)*, [в:] *Pilisi gótika. II. András Francia kapcsolatai. A Ferenczy Múzeumban, Szentendrén megrendezett, 2016. május 16. és június 30. közötti kiállítás katalógusa*, szer. A. BÁRÁNY, E. BENKŐ, Z. KÁRPÁTI, Debrecen–Szentendre 2016, old. 71–75.
- BARTNICKI M., *rec. Myroslav Vološčuk, „Rus” v ugars'komu korolivstvi (XI – druga polovina XIV st.): suspil'no-politična rol', majnovi stosunki, migraciji, Lileja-NV, Ivano-Frankivsk 2014, ss. 496, „Res Historica” 2016, № 41, с. 277–287.*
- CSÁKÓ J., *Az Árpád-kori Magyarország a Francia területen keletkezett elbeszélő kútfők tükrében. Doktori disszertáció*, Budapest 2015.
- DĄBROWSKI D., *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*, Kraków 2012.

- DĄBROWSKI D., *Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w.*, Kraków 2016.
- FONT M., *Dinasztikus érdekek nyomában. Árpádok, Piasztok, Rurikok az európai politikában*, Budapest 2018.
- FONT M., BARABÁS G., *Kálmán (1208–1241). Halics királya – Szlávonia hercege*, Budapest–Pécs 2017.
- Historia Scephusii*, v. 1, vedecká redakcia M. HOMZA a S.A. SROKA, Bratislava–Kraków 2009.
- HOLLÝ K., *Kňazná Salomea a uhorsko-poľské vzťahy v rokoch 1214–1241*, „Historycký časopis” 2005, r. 53, č. 1, c. 3–28.
- JUSUPOVIĆ A., *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205–1269). Studium prozopograficzne*, Kraków 2013.
- KARÁCSONYI J., *Magyar nemzetségek a XIV. század közepéig*, v. 1, Budapest 1900.
- LABUDA G., *Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji*, Poznań 1983.
- NAGIRNYI V., *Urzednicy ziemi kijowskiej od drugiej połowy XI do pierwszej połowy XIII wieku. Studium prozopograficzne*, Kraków 2021.
- NOVÁK J., *Pečate miest a obcí na Slovensku*, v. 2, Bratislava 2008.
- Urzednicy małopolscy XII–XV wieku*, spisy, opracowania J. KURTYKA, T. NOWAKOWSKI, F. SIKORA et al., [B:] *Urzednicy dawnej Rzeczypospolitej*, t. 4: *Małopolska (województwa krakowskie, sandomierskie i lubelskie)*, ред. A. GĄSIOROWSKI, Wrocław–Warszawa–Kraków 1990.
- VOLOSHCHUK M., *Ruthenians (the Rus') in the Kingdom of Hungary (11th to mid-14th Century): Settlement, Property, and Socio-Political Role*, Leiden–Boston 2021.
- WŁODARSKI B., *Polska i Ruś (1194–1340)*, Warszawa 1966.
- WYROZUMSKI J., *Mikołaj*, [B:] *Polski słownik biograficzny*, t. 21, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1976, c. 80–82.
- ZDANEK M., „Zaginiona kronika dominikańska” z XIII wieku. *Próba nowego spojrzenia*, [B:] *Fontes et Historia. Prace dedykowane Antoniemu Gąsiorowskiemu*, ред. T. JUREK, I. SIEKIERSKA, Poznań 2007, c. 243–282.
- ZSOLDOS A., *Magyarország világi archontológiája 1000–1301*, Budapest 2011.

Myroslav Voloshchuk

**ON THE EVE OF CAPTURING HALYCH BY MSTISLAV MSTISLAVICH
(LATE MARCH – EARLY APRIL 1221)
A PROSOPOGRAPHY OF THE PARTICIPANTS IN THE BATTLE**

Summary. The article presents the analysis of the list of the participants in the battle for Halych between the end of March and early April 1221. The main sides of the conflict were the King of Halych and the Hungarian Prince Coloman with his allies and the representative of the Smolensk branch of the Mstislavovids Prince of Torchesk Mstislav Mstislavich and his supporters. The scope of information provided in written records allows us to classify the aforementioned battle as one of the largest not only in Galicia (and more specifically for its capital) but in general – in the lands of the Rurikids until the Mongol invasion. This is confirmed not only by the results of the prosopographic studies carried out in this publication but also by unique for the Rus'-Hungarian inter-dynasty relationships – the first and only one instance when the Hungarian-Polish royal couple (King Coloman and his wife Salomea) by a Rus' prince, their long imprisonment and further diplomatic negotiations on the conditions of their release. The brilliant victory of Prince Mstislav was determined both by the scale of resources mobilized for the campaign from the Kyiv, Smolensk and, the Cuman steppe and the unyielding attitude of Halych's defenders. For over a year Coloman and his companions-in-arms fortified and actively defended the city. The fatality of the besieged King of Galicia's position on the eve of the capturing of Halych by the Rus' Princes was worsened by the absence of his father Andrew II in Hungary, who together with his wife, the eldest son Béla and daughter Maria, as part of the large delegation, travelled to the Bulgarian border at the beginning of March 1221 (a fact that Prince Mstislav was aware of), which prevented the Arpads to quickly come to the Coloman's rescue.

Keywords: Coloman, Mstislav Mstislavich, Halych, Galicia, siege, battle, elites, prosopography

Myroslav Voloshchuk

**W PRZEDDZIENIĘ ZDOBYCIA HALICZA PRZEZ MŚCISŁAWA
MŚCISŁAWOWICZA (KONIEC MARCA – POCZĄTEK KWIETNIA 1221)
PROZOPOGRAFIA UCZESTNIKÓW BITWY**

Streszczenie. Artykuł poświęcony został uczestnikom bitwy o miasto Halicz, która rozegrała się na przełomie marca i kwietnia 1221 r. Kluczowymi stronami konfliktu byli z jednej strony król halicki i książę węgierski Koloman ze swoimi sojusznikami, z drugiej zaś przedstawiciel smoleńskiej gałęzi rodu Mścisławowiczów, książę Torcheska Mścisław Mścisławowicz i jego sprzymierzeńcy. Znaczna ilość informacji i ich emocjonalne przedstawienie w źródłach historycznych z XIII–XVII w. pozwalają z całą pewnością określić wspomnianą bitwę jako jedną z największych nie tylko w ziemi halickiej (a konkretnie – o jej stolicę), ale w ogóle – w posiadłościach Rurykowiczów z czasów przedmongolskich. Potwierdzają to zarówno wyniki badań prozopograficznych przedstawionych w niniejszej publikacji, jak i pierwszy i jedyny dla rusko-węgierskich międzydynastycznych stosunków fakt wzięcia do niewoli przez księcia ruskiego polsko-węgierskiej pary koronowanej, jej długi pobyt w niewoli, a następnie wielopoziomowe

negocjacje dyplomatyczne w sprawie warunków jej uwolnienia. O genialnym zwycięstwie księcia Mściśława zdecydowały ilość środków zmobilizowanych na kampanię z ziemi kijowskiej, smoleńskiej i stepu połowieckiego oraz niestusne przekonanie obrońców Halicza, że nie da się go zdobyć. Przez ponad rok Koloman i jego sprzymierzeńcy wzmocnili swoje pozycje w mieście, najpierw wypędzając wrogów i odpierając ich ataki, a później także kontratakując. Wpływ na osłabienie pozycji króla Halicza w przededniu zdobycia stolicy przez książąt ruskich miała również nieobecność jego ojca Andrzeja II na Węgrzech. Para królewska w ramach dużej delegacji na początku marca 1221 r. udała się nad granicę bułgarską, o czym Mściśław Mściśławowicz mógł wiedzieć, i co w rzeczywistości nie pozwoliło Arpadom szybko przyjąć z pomocą oblężonemu Kolomanowi.

Słowa kluczowe: Koloman, Mściśław Mściśławowicz, Halicz, ziemia halicka, oblężenie, bitwa, elity, prozopografia

THE TEUTONIC KNIGHTS IN THE SOUTHERN HUNGARIAN KINGDOM PREPARATION FOR BATTLE

Summary. Until now, the presence of Teutonic knights in the 15th century was analysed mainly based on historical sources. The publications to date focused on the causes of the Teutonic Order's arrival, the results of their actions, the area they received for administration, and the fortifications they controlled. In this regard, we can mention the works of T.H. Trâpcea (1969), Alexandru Nemoianu (1975), Ioan Hațegan (1979), Eugen Glück (1992), Viorel Achim (2013 and 2014), and Costin Feneșan (2015). The information acquired from written records comes primarily from the documents found in the Teutonic Order's archives. However, other sources also mention the Knights' presence and activities in the Banate.¹ These records were also used by Romanian historians to analyse the Knights' relationship with the local population.

The Teutonic Knights – namely a group of 13 Knights under the leadership of Klaus von Redwitz – arrived in Hungary in the autumn of 1429 at the request of King Sigismund of Luxembourg and withdrew from the Banate 1434 or 1435. Nineteen fortifications on the Danube and three located further north (Almăj, Ilidia/Socolari, Mehadia) were assigned to them. Two others (Carașova and Bârzava) were also in Wallachian districts but were not mentioned and their obligations. Archaeological excavations have been made in the last 50 years, archaeologists carried out excavation works in some fortifications previously administered by the Teutons: at Drobeta-Turnu Severin, Tricule-Svinița, Saint Ladislau, and in auxiliary fortifications which primary role was to supply goods and people (Carașova, Mehadia, Ilidia/Socolari).

¹ The Banat is currently the region of southwestern Romania and partly Serbia east of the Tisza River and Hungary, the portion between the Mureș River to the north and the Tisa. In the Middle Ages, with some interruptions, there was also Western Oltenia, Banatul de Severin, in the part of the current region. Its borders were fluctuating. It followed chronologically that of Lugoș-Caransebeș (created gradually between the years 1526–1536), in the east of the current Banat, integrated into the Principality of Transylvania. It partially overlapped the Banat of Severin. In the modern period, the entire region between the rivers Mureș, Tisa, the Danube and the Carpathian Mountains was known as Banat. In the following, I will use the generic name of Banat.

The preparations for battle with the Ottomans made by the 13 Teutonic knights and their retinues proved to be without great results. Furthermore, the amounts required by the Teutonic Knights to cover the most necessary expenses amounted to 346 140 florins per year, a sum too high for the economic capabilities of the Middle Danube region to be raised locally. The Ottoman campaigns of 1432 and 1433 led to the destruction of some fortresses and of their garrisons, including Severin and St. Ladislau. The tactics of the defenders to lock themselves in the fortresses proved to be inefficient when they had to fight with extremely mobile and numerous Ottoman armies.

Keywords: Teutonic Knights, Hungarian Kingdom, battle, fortifications, weapons, boats

The stage of the research in Romania

Until now, the presence of Teutonic knights in the 15th century was analysed mainly based on historical sources. The publications to date focused on the causes of the Teutonic Order's arrival, the results of their actions, the area they received for administration, and the fortifications they controlled.² In this regard, we can mention the works of Theodor N. Trâpcea,³ Alexandru Nemoianu,⁴ Ioan Hațegan,⁵ and Eugen Glück.⁶

Recently, Viorel Achim published a selection of historical works regarding the presence of Teutonic knights at the Middle Danube in the 15th century, in *Banatica* journal⁷ and in the volume edited by Konrad Gündisch, *Generalprobe Burzenland: Neue Forschungen zur Geschichte des Deutschen Ordens in Siebenburgen und im Banat. Harald Zimmermann zum 85. Geburtstag*, Köln–Weimar–Wien 2013.⁸ The first article contains almost all the references in Ro-

² Ș. MATEI, *Fortificații de pe teritoriul Banatului în lumina izvoarelor scrise*, "Banatica" 1979, no. 5, pp. 255–263.

³ T.N. TRÂPCEA, *Despre unele cetăți medievale din Banat*, "Studii de Istorie a Banatului" 1969, vol. 1, pp. 23–82.

⁴ A. NEMOIANU, *Unele aspecte privind prezența teutonilor în Banat (1429–1432)*, "Muzeul Național" 1975, vol. 2, pp. 381–386.

⁵ I. HAȚEGAN, *Cavalerii teutoni în Banatul Severinului (1429 – 1435)*, "Tibiscus" 1979, vol. 5, pp. 191–196.

⁶ E. GLÜCK, *Date noi cu privire la prezența cavalerilor teutoni la frontiera Banatului (1429–1437)*, "Revista Istorică" 1992, S.N. 3, no. 7–8, pp. 783–792.

⁷ V. ACHIM, *Locul Ordinului Teuton în istoria Banatului de Severin*, "Banatica" 2014, vol. 24, pp. 37–46.

⁸ IDEM, *Der Stellenwert des Deutschen Ordens in der Geschichte des Banats von Severin*, [in:] *Generalprobe Burzenland: Neue Forschungen zur Geschichte des Deutschen Ordens in Siebenbürgen und*

manian literature regarding the presence of the Teutonic Order in the territory of present-day Romania and further afield.⁹ The historian Costin Feneşan recently published a detailed paper about the presence of the Teutonic Knights in south-eastern Banate.¹⁰

A main focus of Romanian historians has been the difficulties of the Kingdom of Hungary in the 1420s, especially in its relationship with the Ottoman Empire.¹¹ Moreover, it has also been taken into consideration the organisation of the region both before the arrival of the Teutons¹² and during their presence in the borderland between the Kingdom of Hungary and the Ottoman Empire – on the Danube (between Severin and Haram) and in the Caransebeş area, including the social¹³ and military¹⁴ implications as regards the local population. A large part of the local elites and population suffered: not only was the common population subjected to taxes and additional duties, knyazes and nobles found themselves having reduced authority and becoming auxiliaries of the Teutons. The religious issues between the Orthodox majority and the Catholic Teutons, combined with the order of Sigismund of Luxembourg of 5 December 1428 that prohibited non-Catholics from holding any estates in the Caransebeş region, amplified the tensions in the area.¹⁵

im Banat. Harald Zimmermann zum 85. Geburtstag, ed. K. GÜNDISCH, Köln–Weimar–Wien 2013, pp. 177–188.

⁹ IDEM, *Locul Ordinului Teuton...*, p. 37 and 38. See also the notes no. 3 and 4.

¹⁰ C. FENEŞAN, *Cavalerii Teutoni în Banatul Severinului și la Dunărea de Jos în prima jumătate a secolului al XV-lea (Documente și extrase)/Der Deutsche Order im Severiner Banat und an der Niederen Donau, in der ersten Hälfte des XV. Jahrhunderts (Urkunden und Auszüge)*, Reșița 2015.

¹¹ I. HAȚEGAN, *op. cit.*, pp. 191–192; V. ACHIM, *Locul Ordinului Teuton...*, p. 43; C. FENEŞAN, *op. cit.*, pp. 20–24.

¹² V. ACHIM, *Locul Ordinului Teuton...*, pp. 39–42.

¹³ I. HAȚEGAN, *op. cit.*, p. 193. These are, in particular, the trials they adjudicated, but especially the obligations to which the population of the Wallachian districts were subjected. The demands and claims of the Teutons were contrary to the rights of the Wallachians to be tried in trials by their princes or king and not by any other authority. V. ACHIM, *Locul Ordinului Teuton...*, p. 45.

¹⁴ I. HAȚEGAN, *op. cit.*, p. 193; I. HAȚEGAN, L. BOLDEA, D. ȚEICU, *Cronologia Banatului. Banatul între 934–1552. Repere cronologice. Selecție de texte și date*, vol. 2, Timișoara 2006, p. 207. Among the military consequences is the refusal of the locals to help the Teutonic Knights rebuild the fortifications, leading to a complaint by Redwitz to the king in this regard.

¹⁵ C. FENEŞAN, *op. cit.*, pp. 28–29.

Another focus of historians has been the fortifications administered by the Teutons and the obligations of the population towards them¹⁶ – e.g., the physical conditions of the fortifications, the garrisons stationed there, and the financial resources needed for maintenance and defence. Dissensions between the foreign Knights and those native to the Central European area were also discussed.¹⁷

Last but not least, Ottoman expeditions into the area controlled by the Teutonic Knights have been taken into account, as well as the successive defeats suffered by the Knights.¹⁸

The majority of historians conclude that the local nobility was much more effective in defending the southern border of the Kingdom¹⁹ than the Teutonic Knights, who chose to lock themselves in rather small fortifications.

The majority of documentary evidence of the Teutonic Order's presence in the Kingdom of Hungary comes from the Teutonic archives themselves, but we have some evidence from others that recalled their presence there and the processes in which they were involved. By analysing this evidence, historians can conclude that the Knights' relationship with the local population was not very good, mainly due to excessive taxation imposed by the Teutonic knights, but also due to the fact that the local nobility, mostly of Wallachian origin,²⁰ had acquired a secondary role in defending the southern border of the Hungarian kingdom against Ottoman Empire. For example, according to the report of Klaus von Redwitz (the commander of the Teutonic Knights in Hungary) from the 1429 (October–November) to Paul von Rusdorf (Grand Master of the Teutonic Order) regarding the revenues his contingent received from the districts of Caransebeș, Mehadia, Almaj, Ilidia and Carașova,²¹ the Count of Cuvin, the committees of the Chamber of Commerce from Timișoara, and the commander of the Belgrade fortress, Matko of Talovac were reluctant to cooperate with the Teutonic Knights. Although Matko de Talovac's men had to collect the salt and sell the surplus to give the Teutons

¹⁶ I. HAȚEGAN, *op. cit.*, p. 193; C. FENEȘAN, *op. cit.*, pp. 30–32.

¹⁷ C. FENEȘAN, *op. cit.*, pp. 40–41.

¹⁸ I. HAȚEGAN, *op. cit.*, p. 194, 195; I. HAȚEGAN, L. BOLDEA, D. ȚEICU, *op. cit.*, p. 211.

¹⁹ I. HAȚEGAN, *op. cit.*, p. 195; E. GLÜCK, *op. cit.*, p. 792.

²⁰ V. ACHIM, *Locul Ordinului Teuton...*, p. 45.

²¹ C. FENEȘAN, *op. cit.*, pp. 201–202, 204.

their revenue, they were in no hurry to help them. The Wallachian elites became an auxiliary force of the Teutonic Knights, participating mainly in the maintenance of the fortresses.

Fig. 1. The Teutonic area in South Medieval Hungary
(map support provided by M. Florea, SRTM-30; mapping S. Oța)

According to a 1429 report from Klaus von Redwitz to his superior Paul von Russdorf, a group of 13 Knights under the leadership of Klaus von Redwitz arrived in Hungary in the autumn of 1429 at the request of King Sigismund of Luxembourg. Nineteen fortifications on the Danube and three located further north (Almăj, Ilidia/Socolari, Mehadia) were assigned to them.²² Two others (Carașova and Bârzava) were also in Wallachian districts but were not mentioned (just knyazes from here) and their obligations.²³

In this paper we will discuss the location of the fortresses, the Knights' preparations for the conflict with the Ottoman Empire, and to identify the fortifications where possible restorations were recorded during the Knights' occupation.

²² *Ibidem*, p. 32.

²³ *Ibidem*, pp. 35–36.

Fig. 2. The Teutonic Order's fortifications (map by S. Oța)

We can assume that despite some differences concerning the interpretation of historical sources, **documentary information about the fortresses** is fairly accurately reported after the 1429 inspection.

Klaus von Redwitz's reorganisation proposal took into consideration only eight fortresses (Mehadia, Saan, Gewrwn, Severin, Orșova, Pecz near Orșova, Svinita, and Stanilowcz). However, we know that many fortifications were not mentioned (the researchers estimate that there were at least 19 fortresses administered by the Teutonic Order in the Middle Danube area and 3 further north (Mehadia, Ilidia, Almăj) and much of the funds considered necessary for the defenders' upkeep were omitted. Furthermore, some of the calculations mentioned in the text are quite imprecise and do not account for specific fortresses and mercenary troops. Thus, large sums of money were generally allocated for the purchase of food (55 000 florins), the construction of fortifications (20 000 florins annually), and the payment of 150 hussars, but the source does not mention how these funds would be distributed between individual towns and garrisons. We also do not know exactly where the hussars were to be stationed.

Severin fortification:

- Current garrison according to the 1429 inspection: 200 foot soldiers and 40 artillerists to operate ballistae.
- Named personnel: Commander – Klaus von Redwitz, succeeded in this position by Johann von Wedraw; Jost von Gundelfingen, master-porter (*Tormeister*); Mathes Kyczka, master-butler (*Kellermeister*); and Konrad Kafensteiner, master of the dishes (*Küchenmeister*).

Fig. 3. Severin fortification (Source: <https://mehedintiu.meu.blogspot.com/2017/10/cetatea-medievala-severinului.html>, access: 11 VIII 2021)

- Military personnel requirements expected after reconstruction: 300 foot soldiers, a master gunner with 7 aids, 100 boatmen for 6 boats, and 60 artillerists to operate ballistae.
- Auxiliary personnel requirements expected after reconstruction: 4 carpenters and 2 blacksmiths.
- Annual upkeep cost: 31 318 florins.

Several fortresses on the Danube were deserted (*wuste*): the **fortresses from the Iron Gates** area (on the left Danube bank, between Severin and Orșova), **St. Peter fortress** (on the left Danube bank, downstream of Ada Kale), and an **unnamed fortress** upstream of Severin.

Goryn Fortification (also known as Joryn or Gewryn), built in 1425, on the left bank of the Danube probably near Vârciorova:

- Current garrison according to the 1429 inspection: 60 foot soldiers. Inspection noted no additional personnel needed.

- Named personnel: Commander – Kaspar Götz; Niklas Mochburger, first adjutant (*Kumpfan*).
- Annual upkeep cost: 4500 florins.
- **Saan Fortification** (located on Ada Kaleh island, now submerged):
- Current garrison according to the 1429 inspection: 216 foot soldiers.
- Military personnel requirements expected after the reconstruction: 200 boatmen for 20 boats.
- Annual upkeep cost: 6200 florins.

Fig. 4/1-3. Saan/Ada Kaleh (Source: D. ȚEICU, *Cetăți medievale din Banat/Medieval Fortifications in Banat*, Timișoara 2009)

Orșova Fortification (Roman built):

- Current garrison according to 1429 inspection: 60 foot soldiers, 30 artillerists to operate ballistae, and 260 servants.
- Military personnel requirements expected after the reconstruction: 70 foot soldiers, 30 artillerists to operate ballistae, 100 boatmen for 10 boats.
- Named personnel: Commander – Erben (Erwin) Haug von Eeiligenberg.
- Annual upkeep cost: 11 010 florins.

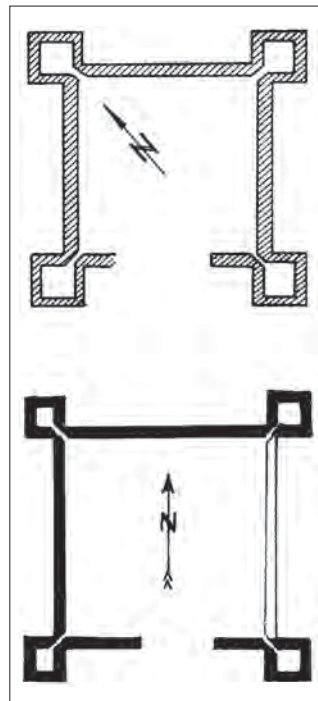

Fig. 5/1-2. Orșova plan (Source: D. Țeicu, *Cetăți medievale din Banat/Medieval Fortifications in Banat*, Timișoara 2009)

A fortress in Orșova, still under construction at the time of the Teutonic Knights' arrival, has been attested since 1349 or 1351,²⁴ but information contained in written records from the 14th c. is confusing or even contradictory.

²⁴ A.A. RUSU, *Castelarea Carpatică. Fortificații și cetăți din Transilvania și teritoriile învecinate (sec. XIII-XIV)*, Cluj-Napoca 2005, p. 527.

A note from 1372 is unclear – it probably refers to the reconstruction of the existing Roman-built stone fortification,²⁵ although written records also mention a new fortress under construction at Orșova. Unfortunately, the sparse archaeological research at this stage cannot provide any clues in this regard.

Fig. 6. Orșova (Source: I. DUMITRIU-SNAGOV, *Tările Române în secolul al XIV-lea. Codex Latinus Parisinus*, București 1979)

Upstream of Orșova, there was an unnamed deserted fortress.

Fortress in Peczsch (Peth), located probably near St. Ladislau fortress:

- Current garrison according to 1429 inspection: 32 foot soldiers and 20 artillerymen to operate ballistae.
- Estimated military personnel required after the reconstruction: 40 foot soldiers and 20 artillerymen to operate ballistae.
- Named personnel: Commander – Albrecht von Ulm, master of fishing (*Fischmeister*).
- Annual upkeep cost: 4440 florins.

Upstream of Peczsch, there was another **unnamed deserted fortress**.

Tricule-Svinița Fortress:

- Current garrison according to 1429 inspection: 40 foot soldiers and 6 artillerymen to operate ballistae.
- Estimated military personnel required after the reconstruction: 40 foot soldiers, 6 artillerymen to operate ballistae, and 60 boatmen for 6 boats.
- Annual upkeep cost: 5582 florins.

²⁵ M. HOLBAN, *Din cronica relațiilor româno-ungare în secolele XIII–XIV*, București 1981, pp. 204–205; D. ȚEICU, *Cetăți medievale din Banat/Medieval Fortifications in Banat*, Timișoara 2009, p. 95.

Fig. 7. Tricule-Svinița (Source: *Old and antique prints and maps: Romania, Drey Kule, Swinitza with remains of the Roman Fort*, 1840, Europe, <http://www.antiqueprints.com/proddetail.php?prod=h5197>, access: 19 II 2023)

Staniloucz Fortification, located between Svinița and Drencova:

- Current garrison according to 1429 inspection: 32 foot soldiers and 4 artillerymen to operate ballistae.
- Estimated military personnel required after the reconstruction: a garrison of 20 boatmen for two boats, 40 foot soldiers (=10 ‘spear’ infantry units), 4 artillerymen to operate ballistae.
- Annual upkeep cost: 4008 florins.

Drencova Fortification:

- **Current garrison according to 1429 inspection:** 24 foot soldiers and 4 *balistari*.

Fig. 8. Drencova (Source: The sunken fort of Dencova, <https://donauinseln.blogspot.com/2013/05/fish-in-tower-sunken-fort-of-drencova.html>, access: 5 IX 2021)

St. Ladislau, the second largest Teutonic Knights' fortress:

- Current garrison according to 1429 inspection: 400 foot soldiers and 56 artillerymen to operate ballistae.
- Named personnel: Commander – Eberhard Sax.

Fig. 9/1-2. St. Ladislau fortification. Excavations in 2020 (photos: A. Hamat)

Fig. 10. 1. St. Ladislau, plan of the fortress in 1973 (Source: Ș. MATEI, I. UZUM, *Cetatea de la Pescari*, "Banatica" 1973, vol. 2, pp. 141-155)

2. Excavations in 2020 (photo: A. Hamat)

Fig. 11. St. Ladislau fortification. Excavations in 2020 (photo: A. Hamat)

Pojejena Fortification:

- Current garrison according to 1429 inspection: 200 foot soldiers and 30 artillerists to operate ballistae.
- Named personnel: Commander – Peter Hebichler.

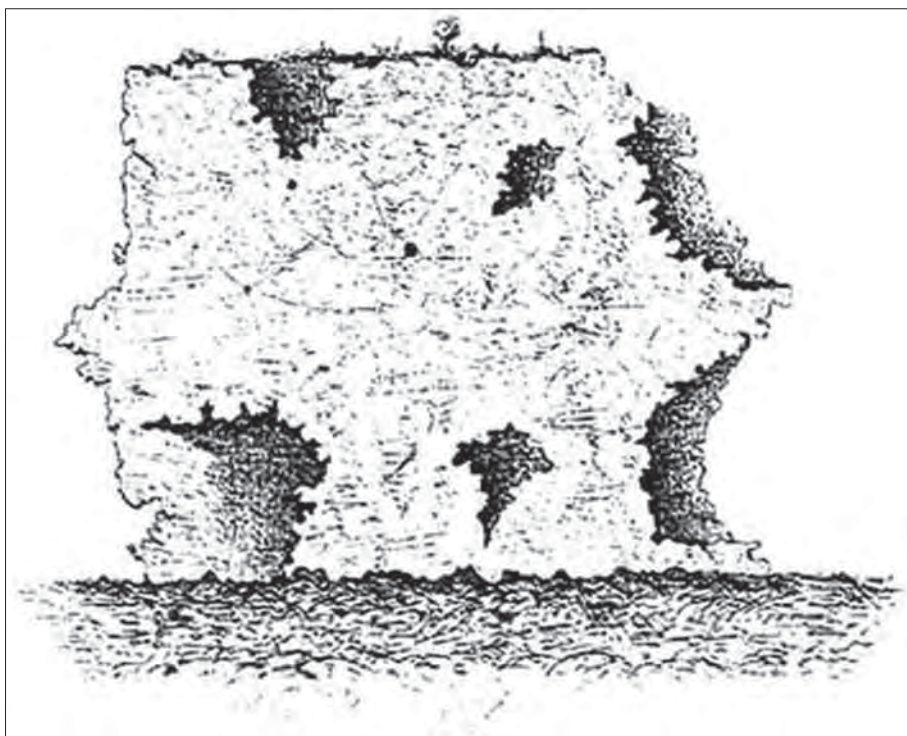

Fig. 12. Pojejena (Source: D. ȚEICU, *Cetăți medievale din Banat/Medieval fortifications in Banat*, Timișoara 2009)

Upstream of Pojejena, an unnamed deserted fortress.

Rybes Fortifications, downstream of Moldova Nouă:

- Current garrison according to 1429 inspection: 40 foot soldiers.
In addition, the Teutons proposed building a new fortress and a farm between Svinița and Pecz, at the cost of 20 000 florins.

Auxiliary (supply) fortresses. Remains of three such fortifications were identified in the discussed region: at Mehadia, Ilidia/Socolari, and Carașova. Another two, known from written records, i.e., Almăj (supposedly located in the

area of the village of Dalboșeț) and Bârzava (probably in the Reșița area) have not yet been discovered in the field. The main purpose of these fortifications was to collect taxes and levies (including in the form of livestock and crops) owed by the local population to the Teutonic Order. However, although they primarily served as economic centres, these fortresses also had to be kept in a good state of repair in order to sustain a potential attack.

Mehadia was excavated, probably sometime in the 1970s, but unfortunately the results remained unpublished and are currently inaccessible.²⁶ We only know the site plan and the proposed reconstruction of its façade.

Fig. 13. Mehadia fortification

(Source: <https://romaniaunica.com/2019/11/08/donjonul-de-la-mehadia>, access: 11 VIII 2021)

²⁶ N. SECARĂ, *Castrum Myhald*, “Tibiscus” 1975, vol. 4, pp. 167–184; Ș. MATEI, *Aspecte ale evoluției arhitecturii de fortificații din Banat în perioada feudalismului timpuriu*, “Studii de Istorie a Artei” 1982, vol. 1, pp. 110–113; D. ȚEICU, *op. cit.*, pp. 93–94.

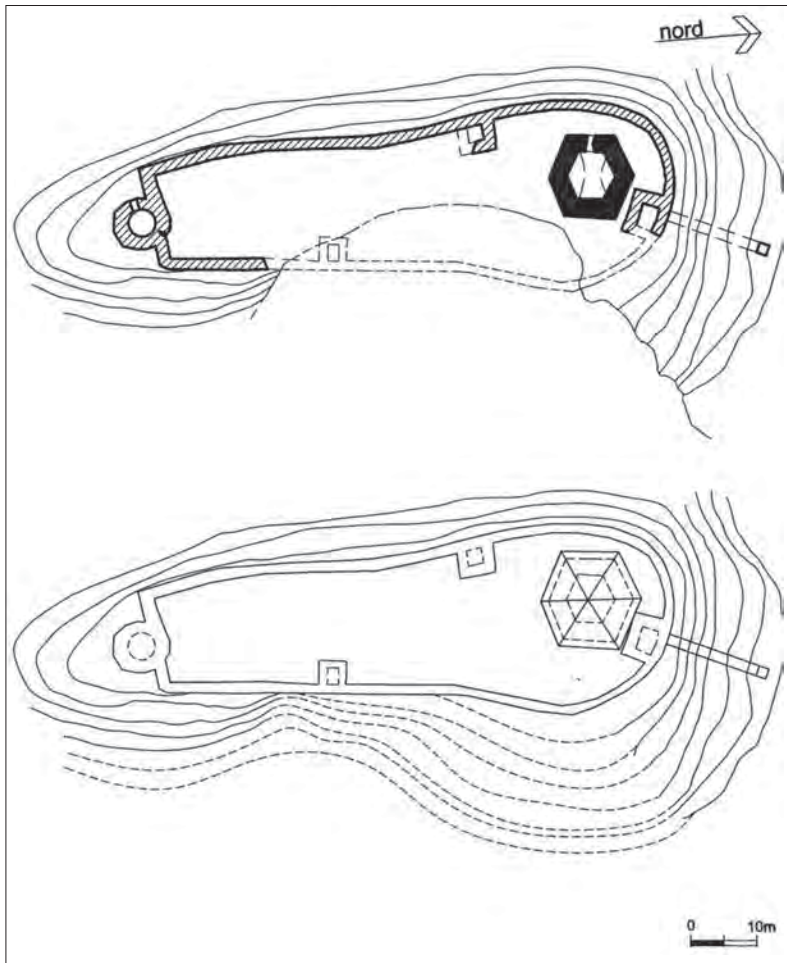

Fig. 14/1-2. Plan of the fortress in Mehadia (Source: D. ȚEICU, *Cetăți medievale din Banat/Medieval fortifications in Banat*, Timișoara 2009)

The Mehadia garrison consisted of 30 defenders (7 and $\frac{1}{2}$ 'spear' units) and the required annual upkeep cost was 2250 florins.

The fortress in **Carașova** was systematically excavated,²⁷ but archaeological investigations did not confirm the actual presence of the Teutonic Knights here.

²⁷ G. EL SUSI, *Cercetări arheozoologice preliminare în cetatea medievală de la Carașova (jud. Caraș-Severin)*, "Analele Banatului. Arheologie-Istorie" 2002-2003, vol. 10-11, pp. 285-297; S. OȚA, L. OȚA, *Historical and Archaeological Data Regarding the Fortress from Carașova-bill Grad, Comune of Carașova, Caraș-Severin District*, "Muzeul Național" 2006, vol. 18, pp. 3-13; IIDEM, *Cercetările arheologice de la Carașova-Grad (com. Carașova, jud. Caraș-Severin), campaniile 1998, 2000 și 2001. Date privind elementele de construcție ale cetății*, "Materiale și Cercetări Arheologice" 2008,

Fig. 15. Mehadia. Proposal of reconstruction (Source: N. SECARĂ, *Castrum Myhald*, "Tibiscus" 1975, vol. 4, pp. 167–184)

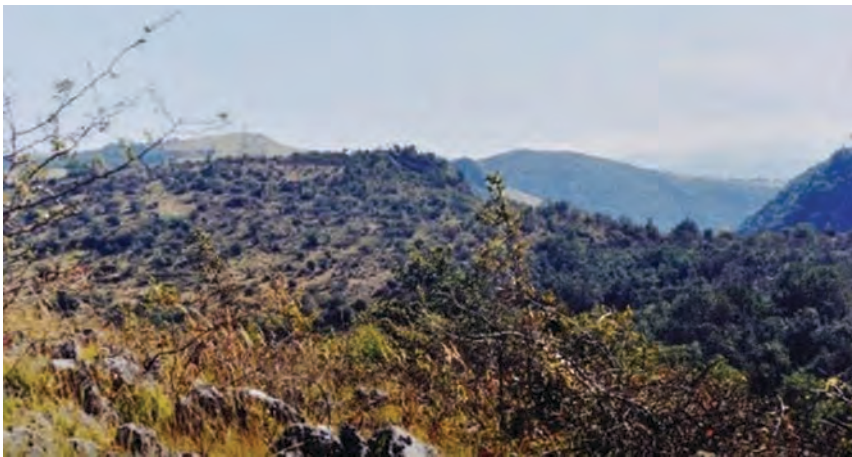

Fig. 16. Caraşova fortress. View from the northwest (photo: S. Oța)

vol. 4, pp. 183–221; IIDEM, *Câteva date privind încetarea funcționării cetății de la Caraşova-Grad (jud. Caraş-Severin)*, "Materiale și Cercetări Arheologice" 2009, vol. 5, pp. 193–201; S. OȚA, L. OȚA, M. GEORGESCU, E. POPA, *Piese de metal, os, sticlă și piatră descoperite în cetatea de la Caraşova (com. Caraşova, jud. Caraş-Severin)*, "Materiale și Cercetări Arheologice" 2011, vol. 7, pp. 83–113; S. OȚA, L. OȚA, *Characteristic Features of the Defensive System of Caraşova-Grad Fortress (comm. of Caraşova, Caraş-Severin County)*, "Studia Universitatis Cibiniensis. Series Historica" 2011, vol. 8, Supplementum no. 1, pp. 159–181; IIDEM, *Statutul juridic al cetății de la Caraşova în secolele XIV–XVI*, "Apulum" 2011, vol. 48, no. 1, pp. 109–115; IIDEM, *Cercetări arheologice în cetatea de la Caraşova-Grad. Instalații de încălzire, cisterna, construcție anexă*, "Acta Terrae Fogarasiensis" 2012, vol. 1, pp. 47–59; IIDEM, *Some Comments on the Reconstruction of the Caraşova-Grad Fortress (Caraş-Severin County)*, "Transilvanian Review" 2017, vol. 26, Supplement no. 1, *The Medieval Banat between the Hungarian Kingdom and Ottoman Empire (14th–18th Centuries)*, pp. 157–170.

Fig. 17/1-2. Carașova fortress. View from the southwest. View from the north (photos: S. Oța)

The coins uncovered at the site suggest that some important changes were made during Sigismund of Luxembourg's reign,²⁸ possibly in 1424.²⁹ Archaeological studies indicate that following a slightly earlier restoration, when the fortifications were extended to the southwest (the so-called second phase³⁰), the Caraşova fortress was almost completely redeveloped; the old walls from the 14th century were strengthened with new ones and the area of the entire fortification was expanded.

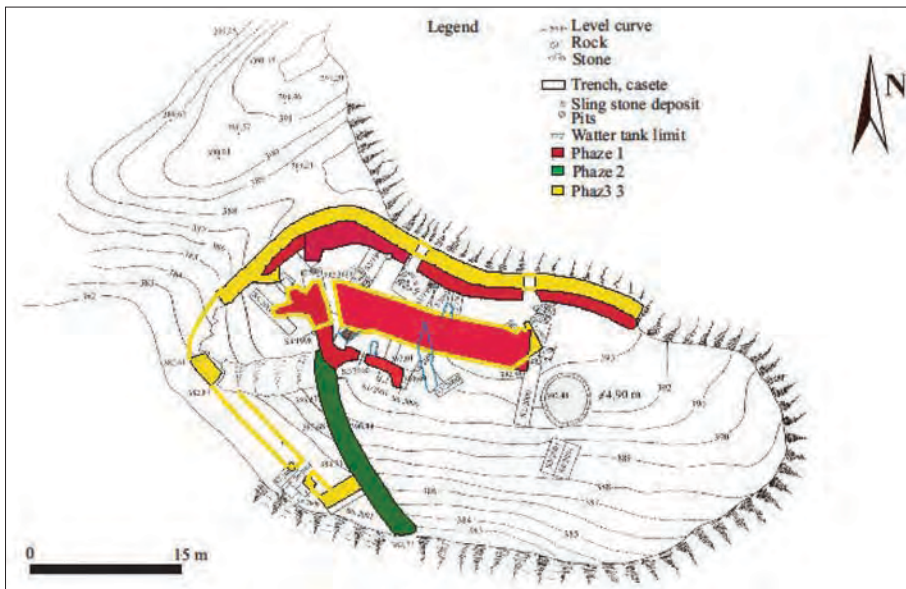

Fig. 18. Caraşova, plan of the fortress (Source: S. OŢA, L. OŢA, *Some Comments on the Reconstruction of the Caraş-Grad Fortress (Caraş-Severin County)*, "Transylvanian Review" 2017, vol. 26, Supplement no. 1, *The Medieval Banat between the Hungarian Kingdom and Ottoman Empire (14th–18th Centuries)*, pp. 157–170)

²⁸ F. PAP, *Repertoriul numismatic al Transilvaniei și Banatului secolele 11–20. Despre circulația monetară în Transilvania și Banat în secolele 11–20*, Cluj–Napoca 2002, p. 49; S. OŢA, L. OŢA, *Characteristic Features of the Defensive System...*, p. 163.

²⁹ C. FENEŞAN, *op. cit.*, p. 13, 60. It is assumed that extension or repair actions have been made at the same time on the fortresses on the Danube line and from the inside.

³⁰ S. OŢA, L. OŢA, *Some Comments on the Reconstruction...*, pp. 57, 63.

Another fortress, so far only partially investigated in the 1980s and in 1998, is the fortress in **Ilidia** (otherwise known as **Socolari**). Unfortunately, the fortress was badly damaged most probably in the 16th century, and there are no significant finds, such as weapons.³¹

Written records attest the presence of only knyazes, serfs, and other people from the Wallachian districts at Ilidia, Carașova, Almăj, and Mehadia, who were all subordinate to Klaus von Redwitz and acted as auxiliary forces but not constituted an organised garrison officially controlled by the Teutonic Order.³²

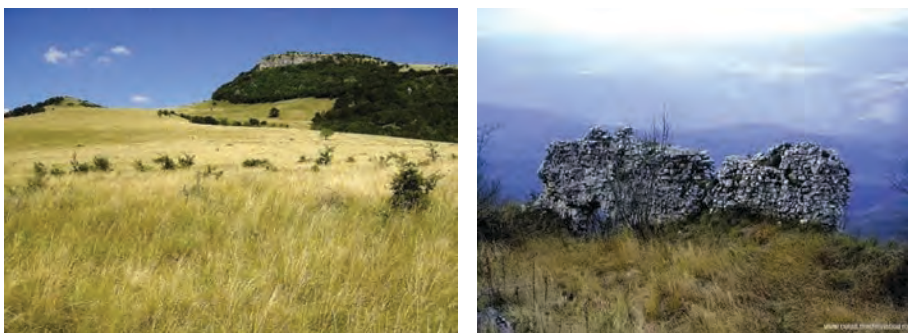

Fig. 19/1-2. The Socolari/Ilidia fortress (Source: <https://oravita.ro/cetatea-socolari-ilidia1>, access: 11 VIII 2021)

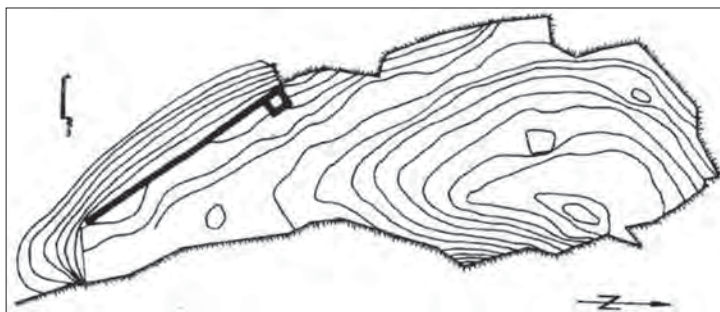

Fig. 20. Socolari/Ilidia, plan of the fortress (Source: D. ȚEICU, *Cetăți medievale din Banat/Medieval fortifications in Banat*, Timișoara 2009, p. 95)

³¹ D. ȚEICU, *Cercetări arheologice în depresiunea Oravița*, "Banatica" 1987, vol. 9, p. 335.

³² I. HAȚEGAN, *op. cit.*, p. 193.

The same situation is known for **Caransebeș**, where only local (Wallachian) people with military or auxiliary roles, responsible for the supply chain, are attested in written records.

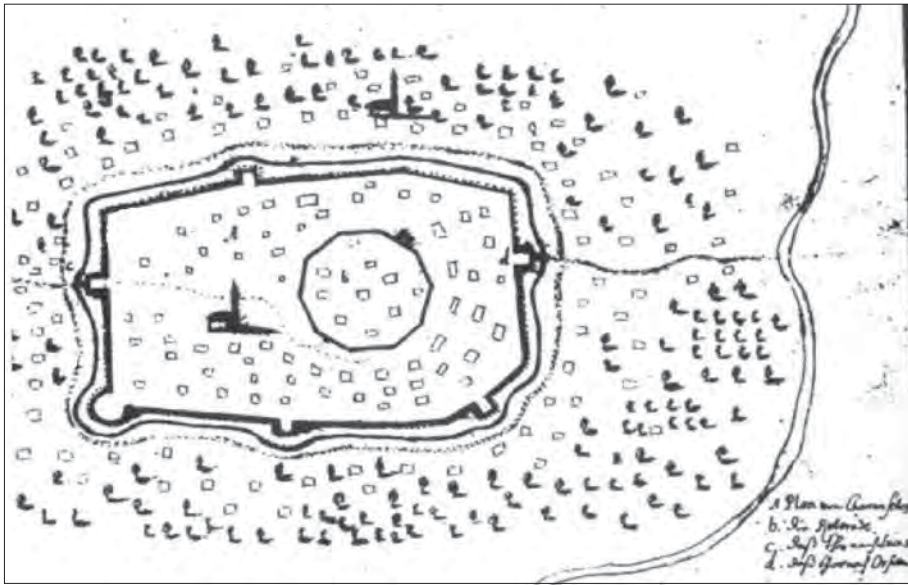

Fig. 21/1-2. Map of the town of Caransebeș from the end of 17th century (Source: L. GROZA, *Cetea Caransebeș - Câteva precizări cronologice*, "Banatica" 1993, vol. 12, no. 2, pp. 89-99) and a fragment of wall (photo: S. Oța)

While carrying out their inspection in 1429, the Teutonic Knights did not draw up any official inventories of the weapons stored in any of these fortresses.³³

In addition to the fortresses known from written records, a number of fortifications in the Middle Danube area were identified in the field. Only a part of all the fortifications attested for the whole period of the Teutonic presence were identified in the field (St. Ladislau, Turnu Severin, Saan/Ada Kaleh, Svinița, Orșova, Pojejena, and Drencova).

In total, there are at least 19 fortifications in the Middle Danube area and 3 further north (Mehadia, Ilidia, Almăj), which in 1429 were transferred to the Teutonic Knights by the order of King Sigismund of Luxembourg. Starting from east to west, these are: Severin, Ada Kaleh (Saan), Orșova, Drencova, Svinița, St. Ladislau, and Pojejena. A still debated issue represents the location of Haram (Stara Palanka), that could be the fortress or the Roman fortification from Sapaja, used during the Middle Ages, too.

A fortress, destroyed in 1971–1972 by redevelopment of the area (identified by Dumitru Țicu) was recorded at Stăncilova (Stanilowcz), but it was situated on the road between the Danube and River Nera valleys. However, despite the similarity of place names (Stăncilova), this cannot be one of the fortifications attested in the documents of the Teutonic Knights, because it was not located close to the Danube. After the destruction of Turnu Severin, in the summer of 1432, Klaus von Redwitz made the town of Caransebeș his headquarters.

Over the last 50 years some **archaeological excavations** have been carried out in selected fortifications administrated by the Teutons (Drobeta-Turnu Severin),³⁴ at Tricule-Svinița,³⁵ St. Ladislau,³⁶ and auxiliary fortifications with

³³ Excavations Silviu Oța, Adrian Ardeç and Dimitrie Negrei (2017, 2018, 2019). The literature about fortifications from Caransebeș from the 15th century is poor and is mainly limited to interpretations of maps and documents. For example, *vide*: L. GROZA, *Cetatea Caransebeș – Câteva precizări cronologice*, “Banatica” 1993, vol. 12, no. 2, pp. 89–99 and G. SEBESTYEN, *Unele cetăți ale Banatului și desenele lui L. F. Marsigli*, “Revista Muzeelor și Monumentelor. Monumente Istorice și de Artă” 1984, vol. 15, no. 1, pp. 4–49.

³⁴ M. DAVIDESCU, *Cetatea Severinului*, “Buletinul Monumentelor Istorice” 1970, vol. 39, no. 3, pp. 9–14; G. CANTACUZINO, *Certains problèmes concernant les vestiges médiévaux de Drobeta-Turnu Severin*, “Dacia” 1999–2001 (2003), vol. 43–45, pp. 159–182.

³⁵ A. CORVĂTESCU, A. RĂDULESCU, *Despre ansamblul fortificat de la Tricule-Svinița (jud. Mehedinți)*, “Tibiscus” 1979, vol. 5, pp. 169–182.

³⁶ Ș. MATEI, I. UZUM, *Cetatea de la Pescari*, “Banatica” 1973, vol. 2, pp. 141–155.

the predominant economic functions: Caraşova,³⁷ Mehadia,³⁸ and Ilidia/Socolari.³⁹ Although systematically researched, the presence of the Teutonic knights in these above-mentioned fortifications was less debated.

As we can see, only very few of the fortifications described in this paper have been investigated through archaeological excavations. However, there are several sites for which we have fairly detailed information – both in the form of written records (including the 1429 Teutonic Knights' inventory) and archaeological material from excavations – which tells us about the architecture, weapons, and daily life in these fortresses. These include: Drobeta-Turnu Severin, Tricule-Sviniţa, St. Ladislau, and Pojejena.

As mentioned above, the fortress at Drobeta-Turnu Severin may have been a medieval structure built in the corner of the former Roman camp. The site at Tricule-Sviniţa was only partially excavated, with only a few sections of the towers investigated so far. St. Ladislau was the second most important Teutonic fortress in the Banate. It was briefly investigated in the 1970s,⁴⁰ and more recently in 2019–2021. The new excavations yielded spectacular results in terms of archaeological material and analyses of the wall construction. Archaeologists discovered fragments of artillery items, arrowheads for crossbows, and many fragments from wooden structures and furnishings.⁴¹

The fortress in Pojejena was seriously damaged in the 19th century by the Danube, and it is now completely submerged. According to historical sources, the same happened at Drencova, which was drawn and investigated in 1880, but nowadays remains inaccessible; unfortunately, the 19th-century descriptions are very brief.⁴²

All fortifications presented in this paper had been constructed before the arrival of the Teutons, as evidenced by the archaeological excavations and by the report sent by Klaus von Redwitz to his superior.

As far as we can see from the archaeological records, the Danubian fortresses had quite significant armament for that time (e.g., artillery at Severin, arquebuses

³⁷ Excavations Silviu Oţa and Liana Oţa.

³⁸ N. SECARĂ, *op. cit.*, pp. 167–184.

³⁹ D. ŢEICU, *Cercetări arheologice...*, p. 335, fig. 13.

⁴⁰ Ş. MATEI, I. UZUM, *op. cit.*, pp. 141–155.

⁴¹ I would like to thank my colleague Ana Hamat for the information provided.

⁴² D. ŢEICU, *Cetăţi medievale...*, pp. 96–97.

and crossbows discovered at Turnu Severin⁴³ and St. Ladislau,⁴⁴ although we do not know the exact types of weapon used by the defenders of the Middle Danubian area and stored inside the above-mentioned fortresses. The documents talk about artillerists to operate ballistae, which probably also included the use of crossbows judging by the great number of crossbow arrowheads discovered by archaeologists in the St. Ladislau fortress (around 600 found only in 1971 and 1972, in addition to finds known from previous excavations). Similar weapons were also found at Drobeta-Turnu Severin, where, according to Klaus von Redwitz, there was a master gunner (*Büchsenmeister*) and seven aids on the payroll. Arquebuses were found in both fortifications (St. Ladislau and Drobeta-Turnu Severin) but, unfortunately, these weapons can only be dated generally to the 15th century, without more accurate chronology given in the relevant publications.

At the same time, so far, no weapons from the first half of the 15th century (except for a sling stone deposit) were found at Carașova. Artefacts discovered at this site (entire weapons or fragments) are dated to the end of the 15th century and the 16th century. A spearhead (possibly from the 11th–13th c.) was found during the excavations at Tricule-Svinița, on a slope near the towers and fragments of artillery items, are known at Drobeta-Turnu Severin.⁴⁵

We also know from the records that at least several Danubian fortresses had boats: at Saan (Ada Kaleh) – 20 boats, Orșova – 10 boats, Severin – 6 boats, Tricule-Svinița – 6 boats, and Staniloucz – 2 boats.

Based on the 1429 inventory, it seems that Klaus von Redwitz was planning to strengthen the garrisons of the Middle Danubian fortresses following their redevelopment by employing mercenaries, more precisely 150 hussars, 100 ‘spear’ units (400 soldiers) under the leadership of Matko of Talovac, commander of Belgrade and Count of Cuvin and additional 7 and ½ spears for Mehadia (a total of 30 soldiers).⁴⁶

Klaus von Redwitz ordered four hundred horses to be sent to the same commander of Belgrade, Matko of Talovac but we are not certain that they were actually provided by the Knights.

⁴³ M.I. NEAGOE, *Cetatea medievală a Severinului, centru de putere la Porțile de Fier*, Craiova 2021, p. 110, 111, 183, Pl. XIX/11–12, p. 184, Pl. XII/1–9.

⁴⁴ Ș. MATEI, I. UZUM, *op. cit.*, p. 146, fig. 6e, p. 154.

⁴⁵ M.I. NEAGOE, *op. cit.*, pp. 111–116, 185, Pl. XXI/1–3, p. 186, Pl. XXII/1–3.

⁴⁶ C. FENEȘAN, *op. cit.*, p. 33.

The total amount of the expected military pay for the mercenaries and expenses for the military equipment was estimated to be 346 140 florins per year.⁴⁷

The supplies for the Teutons were supposed to be provided by the subordinated Wallachian districts (Caransebeș, Mehadia, Ilidia, Bârzava, Carașova, and Almăj), by the mints in Sibiu and Brașov, salt barrels sent from Transylvania, free fishing rights on the Danube, crops from the county of Jász-Kúnság, and livestock from the estates of the archbishop of Kalocsa.⁴⁸ In addition, 80 boats together with equipment and people were sent from Bavaria for the Danubian fortresses subordinated to Klaus von Redwitz.

In 1431, Johann von Pommersheim, Klaus von Redwitz's superior, carried out an inspection to evaluate von Redwitz's activity, which ended up with a von Redwitz's denunciation to the Grand Master.⁴⁹ The next inspection, again carried out by Johann von Pommersheim, took place in February/March 1432 and was followed by Klaus von Redwitz's to the Grand Master (signed by all his knights stationed in Hungary) listing their achievements to date and explaining the problems faced by the Order in the Middle Danube area.

The first conflicts with the Ottomans most likely took place in 1432, when the Turkish armies were preparing to attack Belgrade, where Frank of Talovac was the commander. In the same year, at the beginning of the summer, the fortress of Severin was attacked and the Teutons were defeated. Klaus von Redwitz went to the king seeking reinforcements, and his first adjutant (*Kumpān*), Oswald Weyler, sent a message for von Redwitz from Caransebeș, possibly calling for reinforcements.

In August, Frank Talovac, Count of Cuvin, Cenad, and Caraș and commander of the Belgrade fortress was gathering troops to help protect St. Ladislau fortress. In the autumn, the Ottomans again attacked the Teutonic fortifications on the Danube and destroyed three of them (possibly including Severin and St. Ladislaus). One year later, in 1433, in March–April, they attacked for a third time. In this situation, since the reinforcements promised by King Sigismund of Luxembourg and the superiors of the Teutonic Order did not arrive, in 1434 or 1435 the Knights abandoned the Danubian fortresses and left the Banate.

The preparations for war with the Ottomans made by the 13 Teutonic Knights and their retinues proved to be without great results. The rather difficult

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ E. GLÜCK, *op. cit.*, p. 789.

⁴⁹ C. FENEȘAN, *op. cit.*, pp. 40–42.

situation of the Teutons in the Middle Danube area was caused by local factors such as the lack of cooperation from the local population (as a result of the excessively high taxes imposed on them and the decrease in the role of the local nobility in defending the border) and the conflict between the Teutonic Knights and Wallachian authorities, and King Sigismund of Luxembourg's refusal to send reinforcements, but also the Teutonic Order itself, which not only did not help the Knights stationed in the Banate, refusing to send more men and funds, but even created more problems for them, causing further disputes between various members of the Teutonic Order. The amounts required by the Teutonic Knights to cover the most necessary expenses amounted to 346 140 florins per year, a sum too high for the economic capabilities of the Middle Danube region to be raised locally.

As mentioned above, the Ottoman campaigns of 1432 and 1433 led to the destruction of some fortresses and of their garrisons (at least three, according to the written records, probably including St. Ladislau).⁵⁰ The tactics of the defenders to lock themselves in the fortresses proved to be inefficient when they had to fight with extremely mobile and numerous Ottoman armies.

After the Teutonic Order withdrew from the Banate, the defence of the Danubian border was taken over by local nobility, and in 1439 by the future governor of the Hungarian Kingdom, Iancu of Hunedoara (John Hunyadi).

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Opracowania • Secondary sources • Литература

ACHIM V., *Der Stellenwert des Deutschen Ordens in der Geschichte des Banats von Severin*, [in:] *Generalprobe Burzenland: Neue Forschungen zur Geschichte des Deutschen Ordens in Siebenbürgen und im Banat. Harald Zimmermann zum 85. Geburtstag*, ed. K. GÜNDISCH, Köln–Weimar–Wien 2013, pp. 177–188.

⁵⁰ “the Turks were in the country that was given to the Order of Mercy Yours, (...) they destroyed three castles and, besides that, they took people and goods with them” (*die törken in dem lande das ewer gnade Orden ist gegeben, sienth 46 gewesen (...) drey slosser haben vorhert, dortzu lewthe vnd gut haben loszen treyben*), according to C. FENEȘAN, *op. cit.*, pp. 45–46.

- ACHIM V., *Locul Ordinului Teuton în istoria Banatului de Severin*, "Banatica" 2014, vol. 24, pp. 37–46.
- CANTACUZINO G., *Certains problèmes concernant les vestiges médiévaux de Drobeta-Turnu Severin*, "Dacia" 1999–2001 (2003), vol. 43–45, pp. 159–182.
- CORVĂTESCU A., RĂDULESCU A., *Despre ansamblul fortificat de la Tricule-Svinița (jud. Mehedinți)*, "Tibiscus" 1979, vol. 5, pp. 169–182.
- DAVIDESCU M., *Cetatea Severinului*, "Buletinul Monumentelor Istorice" 1970, vol. 39, no. 3, pp. 9–14.
- DUMITRIU-SNAGOV I., *Țările Române în secolul al XIV-lea. Codex Latinus Parisinus*, București 1979.
- EL SUSI G., *Cercetări arheozoologice preliminare în cetatea medievală de la Carașova (jud. Caraș-Severin)*, "Analele Banatului. Arheologie–Istorie" 2002–2003, vol. 10–11, pp. 285–297.
- FENEȘAN C., *Cavalerii Teutoni în Banatul Severinului și la Dunărea de Jos în prima jumătate a secolului al XV-lea (Documente și extrase)/ Der Deutsche Order im Severiner Banat und an der Niederen Donau, in der Ersten Hälfte des XV. Jahrhunderts (Urkunden und Auszüge)*, Reșița 2015.
- GLÜCK E., *Date noi cu privire la prezența cavalerilor teutoni la frontiera Banatului (1429–1437)*, "Revista Istorică" 1992, S.N. 3, no. 7–8, pp. 783–792.
- GROZA L., *Cetatea Caransebeș – Câteva precizări cronologice*, "Banatica" 1993, vol. 12, no. 2, pp. 89–99.
- HĂȚEGAN I., *Cavalerii teutoni în Banatul Severinului (1429–1435)*, "Tibiscus" 1979, vol. 5, pp. 191–196.
- HĂȚEGAN I., BOLDEA L., ȚICU D., *Cronologia Banatului. Banatul între 934–1552. Reper cronologice. Selecție de texte și date*, vol. 2, Timișoara 2006.
- HOLBAN M., *Din cronică relațiilor româno-ungare în secolele XIII–XIV*, București 1981.
- MATEI Ș., *Aspecte ale evoluției arhitecturii de fortificații din Banat în perioada feudalismului timpuriu*, "Studii de Istorie a Artei" 1982, vol. 1, pp. 103–123.
- MATEI Ș., *Fortificații de pe teritoriul Banatului în lumina izvoarelor scrise*, "Banatica" 1979, no. 5, pp. 255–263.
- MATEI Ș., UZUM, I., *Cetatea de la Pescari*, "Banatica" 1973, vol. 2, pp. 141–155.
- NEAGOE M.I., *Cetatea medievală a Severinului, centru de putere la Porțile de Fier*, Craiova 2021.
- NEMOIANU A., *Unele aspecte privind prezența teutonilor în Banat (1429–1432)*, "Muzeul Național" 1975, vol. 2, pp. 381–386.
- OȚA S., OȚA L., *Câteva date privind încetarea funcționării cetății de la Carașova-Grad (jud. Caraș-Severin)*, "Materiale și Cercetări Arheologice" 2009, vol. 5, pp. 193–201.
- OȚA S., OȚA L., *Cercetări arheologice în cetatea de la Carașova-Grad. Instalații de încălzire, cisterna, construcție anexă*, "Acta Terrae Fogarasiensis" 2012, vol. 1, pp. 47–60.

- OȚA S., OȚA L., *Cercetările arheologice de la Carașova-Grad (com. Carașova, jud. Caraș-Severin), campaniile 1998, 2000 și 2001. Date privind elementele de construcție ale cetății*, "Materiale și Cercetări Arheologice" 2008, vol. 4, pp. 183–221.
- OȚA S., OȚA L., *Characteristic Features of the Defensive System of Carașova-Grad Fortress (comm. of Carașova, Caraș-Severin County)*, [in:] *Proceedings of the 1st International Conference Interethnic Relations in Transylvania. Militaria Medievalia in Central and South Eastern Europe, Sibiu, October 14th–17th, 2010*, ed. I.M. ȚIPLIC, "Studia Universitatis Cibiniensis. Series Historica" 2011, vol. 8, Supplementum no. 1, pp. 159–181.
- OȚA S., OȚA L., *Historical and Archaeological Data Regarding the Fortress from Carașova-hill Grad, Commune of Carașova, Caraș-Severin District*, "Muzeul Național" 2006, vol. 18, pp. 3–13.
- OȚA S., OȚA L., *Some Comments on the Reconstruction of the Carașova-Grad Fortress (Caraș-Severin County)*, "Transylvanian Review" 2017, vol. 26, Supplement no. 1, *The Medieval Banat between the Hungarian Kingdom and Ottoman Empire (14th–18th Centuries)*, pp. 157–170.
- OȚA S., OȚA L., *Statutul juridic al cetății de la Carașova în secolele XIV–XVI*, "Apulum" 2011, vol. 48, pp. 109–115.
- OȚA S., OȚA L., POPA E., GEORGESCU M., *Piese de metal, os, sticlă și piatră descoperite în cetatea de la Carașova (com. Carașova, jud. Caraș-Severin)*, "Materiale și Cercetări Arheologice" 2011, vol. 7, pp. 83–113.
- PAP F., *Repertoriul numismatic al Transilvaniei și Banatului secolele 11–20. Despre circulația monetară în Transilvania și Banat în secolele 11–20*, Cluj–Napoca 2002.
- RUSU A.A., *Castelarea Carpatică. Fortificații și cetăți din Transilvania și teritoriile învecinate (sec. XIII–XIV)*, Cluj–Napoca 2005.
- SEBESTYEN G., *Unele cetăți ale Banatului și desenele lui L. F. Marsigli*, "Revista Muzeelor și Monumentelor. Monumente Istorice și de Artă" 1984, vol. 15, no. 1, pp. 4–49.
- SECARĂ N., *Castrum Myhald*, "Tibiscus" 1975, vol. 4, pp. 167–184.
- TRĂPCEA T.N., *Despre unele cetăți medievale din Banat*, "Studii de Istorie a Banatului" 1969, vol. 1, pp. 23–82.
- ȚEICU D., *Cercetări arheologice în depresiunea Oravița*, "Banatica" 1987, vol. 9, pp. 317–345.
- ȚEICU D., *Cetăți medievale din Banat/Medieval fortifications in Banat*, Timișoara 2009.

Netografia • Netography • Интернет-источники

- Cetatea Medievală a Severinului, <https://mehedintiulmeu.blogspot.com/2017/10/cetatea-medievala-severinului.html> (access: 5 IX 2021).
- The sunken fort of Dencova, <https://donauinsehn.blogspot.com/2013/05/fish-in-tower-sunken-fort-of-drencova.html> (access: 5 IX 2021).

Tricule-Svinița, Old and antique prints and maps: Romania, Drey Kule, Swinitza with remains of the Roman Fort, 1840, Europe, <http://www.antiqueprints.com/proddetail.php?prod=h5197> (access: 19 II 2023).

<https://oravita.ro/cetatea-socolari-ilidia1> (access: 11 VIII 2021).

<https://romaniaunica.com/2019/11/08/donjonul-de-la-mehadia> (access: 11 VIII 2021).

Silviu Oța

RYCERZE ZAKONU KRZYŻACKIEGO W POŁUDNIOWYM KRÓLESTWIE WĘGIERSKIM. PRZYGOTOWANIA DO BITWY

Streszczenie. Do tej pory obecność Krzyżaków w XV w. analizowana była głównie na podstawie źródeł historycznych, a publikacje skupiały się na przyczynach przybycia zakonu krzyżackiego na omawiane tereny, skutkach ich działań, administrowanym przez nich obszarze i kontrolowanych fortyfikacjach. W tym zakresie można wymienić prace T.H. Trâpcea (1969), Alexandru Nemoianu (1975), Ioana Hațegana (1979), Eugena Glücka (1992), Viorela Achima (2013 i 2014) oraz Costina Feneșana (2015). Choć informacje pozyskane ze źródeł pisanych pochodzą przede wszystkim z dokumentów znajdujących się w archiwach zakonu, istnieją również inne źródła, które wspominają o obecności i działalności rycerzy w Banacie⁵¹. Źródła te zostały wykorzystane przez rumuńskich historyków do analizy stosunków między Krzyżakami i miejscową ludnością.

Krzyżacy – a konkretnie grupa 13 rycerzy pod wodzą Klause von Redwita – przybyli na Węgry jesienią 1429 r. na prośbę króla Zygmunta Luksemburskiego i wycofali się z Banatu w 1434 lub 1435 r. Przydzielono im dziewiętnaście fortyfikacji nad Dunajem i trzy twierdze położone dalej na północ (Almăj, Ilidia/Socolari, Mehadia). Dwie inne fortyfikacje (Carașova i Bârza) także znajdowały się na Wołoszczyźnie, ale nie zostały wymienione w źródłach. W ciągu ostatnich 50 lat archeolodzy prowadzili prace wykopaliskowe w niektórych twierdzach administrowanych w przeszłości przez Krzyżaków: w Drobeta-Turnu Severin, Tricule-Svinița, Saint Ladislau, oraz w mniej znaczących fortyfikacjach, których główną rolą było dostarczanie towarów oraz ludzi do pracy i obrony (Carașova, Mehadia, Ilidia/Socolari).

Poczynione przez 13 rycerzy zakonnych i ich orszaki przygotowania do walki z Osmanami nie przyniosły większych rezultatów. Co więcej, nakłady finansowe, których Krzyżacy potrzebowali na pokrycie najpotrzebniejszych wydatków, wynosiły 346 140 florenów rocznie, co było sumą zbyt wysoką jak na możliwości gospodarcze regionu środkowego Dunaju i niemożliwą do zebrania na miejscu. Kampanie osmańskie z lat 1432 i 1433 doprowadziły do zniszczenia

⁵¹ Obecnie Banat obejmuje region południowo-zachodniej Rumunii i częściowo Serbii na wschód od rzeki Cisy i Węgier, w rejonie pomiędzy rzeką Maruszą na północy a Cisą. W średniowieczu na części tego obszaru – z pewnymi przerwami i w zmiennych granicach – funkcjonowały także Zachodnia Oltenia, Banat Seweryński, a następnie Banat Lugos-Caransebeș (tworzony stopniowo w latach 1526–1536) – na wschodzie obecnego Banatu, włączony do Księstwa Siedmiogrodu, który częściowo pokrywał się z obszarem Banatu Seweryńskiego. W okresie nowożytnym cały region pomiędzy rzekami Maruszą, Cisą, Dunajem i Karpatami nazywany był Banatem, dlatego w artykule autor używa ogólnej nazwy Banat.

niektórych twierdz i ich garnizonów, w tym Severin i St. Ladislau, a taktyka obrońców, polegająca na zamknięciu się w twierdzach, okazała się nieskuteczna w starciu z niezwykle mobilnymi i licznymi wojskami osmańskimi.

Слова ключовые: Krzyżacy, Królestwo Węgierskie, bitwa, fortyfikacje, broń, łодzie

Сильвиу Оца

РЫЦАРИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА НА ЮГЕ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА. ПОДГОТОВКА К БИТВЕ

Аннотация. До сих пор присутствие тевтонских рыцарей в XV веке в Венгерском королевстве анализировалось в основном на основе исторических источников. В публикациях основное внимание уделялось причинам прихода Тевтонского ордена в обсуждаемые районы, последствиям их действий, управляемой ими территории и контролируемым ими укреплениям. В этой связи можно упомянуть работы Теодора Х. Трапча (1969), Александру Немояну (1975), Иоана Хацегана (1979), Ойгена Глюка (1992), Виорела Ахима (2013 и 2014) и Костина Фенешана (2015). Хотя информация, полученная из письменных источников, исходит в основном из документов в архивах Ордена, существуют и другие источники, в которых упоминается присутствие и деятельность тевтонцев в Банате⁵². Эти источники также использовались румынскими историками для анализа отношений между тевтонскими рыцарями и местным населением.

Крестоносцы, а именно группа из 13 рыцарей во главе с Клаусом фон Редвицем, прибыли в Венгрию осенью 1429 года по просьбе короля Сигизмунда Люксембургского и отошли из Баната в 1434 или 1435 году. Им было отведено девятнадцать укреплений на Дунае. и три крепости дальше на север (Алмай, Илидия/Соколари, Мехадиа). Два других укрепления (Карашова и Бырзава), также расположенные в Валахии, в источниках не упоминаются. За последние 50 лет археологи раскопали несколько крепостей, которыми в прошлом управляли тевтонцы: Дробета-Турну-Северин, Трикуле-Свиница, Святой Ладислав и менее значительные укрепления, основная роль которых заключалась в обеспечении товарами и людьми для работы и обороны (Карашова, Мехадиа, Илидия/Соколари).

Подготовка 13 рыцарей и их свиты к борьбе с османами не принесла особых результатов. При этом финансовые затраты, которые требовались крестоносцам для покрытия самых необходимых расходов, составляли 346 140 флоринов в год, что было слишком

⁵² В настоящее время Банат охватывает регион юго-западной Румынии, часть Сербии к востоку от реки Тиса и регионы Венгрии, в районе между рекой Маруша на севере и рекой Тиса. В средние века часть этой области – с некоторыми перерывами и с различными границами – также функционировала как Западная Олтения, Северинский Банат, а затем Банат Лугош-Карансебеша (созданного постепенно в 1526–1536 гг.), на востоке нынешнего Баната, включенного в состав Трансильванского княжества, которое частично совпадало с территорией Северинского Баната. В Новое время всю область между реками Маруша, Тиса, Дунай и Карпатами называли Банатом, поэтому в остальной части статьи я буду использовать общее название Банат.

велико для экономических возможностей среднего Подунавья, ведь было просто невозможно собрать такие средства на месте. Османские кампании 1432 и 1433 годов привели к разрушению некоторых крепостей и их гарнизонов, в том числе Северина и Св. Ладислава, а тактика замыкания в крепостях оказалась неэффективной против чрезвычайно мобильных и многочисленных османских войск.

Ключевые слова: Тевтонский орден, Венгерское королевство, битва, укрепления, вооружение, лодки

Zoltán Szolnoki

Móra Ferenc Museum (Szeged, Hungary)

ORCID ID: 0000-0001-7670-466X

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 127-141

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.05>

PREPARING FOR A VENDETTA FAMILY FEUDS IN MEDIEVAL TUSCANY

Summary. According to contemporary chroniclers, street fights were daily events in medieval Tuscan cities. In an urban environment, mental and tactical preparedness was necessary, although it was also important to know the inner politics of the city. The background of these conflicts was primarily described by the great urban history writers such as Giovanni Villani and Dino Compagni, but there are also special type sources, the so-called *ricordanze*, that show different elements of this micro-warfare phenomenon. These sources, which can be defined as merchant diaries, had a more personal viewpoint than the great chronicles, and as for the studies on the roots of the conflicts, it was more practical. The Velluti-Mannelli vendetta which happened in 1295 – written down by Donato Velluti – tells us about conscious time and place planning. The attacks had to be prepared not just politically and tactically, but from the economical point of view, too – which also transpires from the chronicle of Luca di Firidolfi da Panzano, who wrote about the hunting for his father's murderers. The avengers travelled hundreds of kilometres and used the tools of medieval scouting and spycraft. In this paper, I explain and examine the thoughts of the *ricordanze* authors and conclude my article with a discussion on conflict resolution strategies. Although for medieval writers the most important elements were the fights, based on the parts of the *ricordanze* that mention the background of the feuds and the logical structure of the narratives we can also examine the situations that led to the war. Thus, we can attempt to analyse the families' strategies associated with the preparation for conflict and the orchestrating of the raids and combats.

Keywords: vendetta, Velluti, Mannelli, Panzani, *ricordanze*, game-theory, Italian chronicles, revenge

The vendetta

The Italian vendetta is a special, complex notion. Some of the literature explains it as a blood feud based on a written or unwritten custom law, although – as Trevor Dean explained in several articles – the idea of the vendetta was not

defined in any of the city statutes. The words *vendicare/vendicarsi/vendetta* are used in the chronicles in different situations:¹ in the case of counterattacks on the battlefields, private wars in the countryside, or as a response after personal insults. If we want to specify it for the purposes of this paper, we should proceed with the latter meaning. Thus, the vendetta was an aggressive tool of resolving conflicts, an answer to some kind of offence against an individual or a family. At the level of ordinary citizens, the practice of vendetta was a strategic solution in situations that could not be resolved by the city authorities. In my opinion, we can explain the practice of vendetta in the Italian urban context as a kind of micro-warfare.

The vendetta sometimes formed the city politics.² For example at the end of the 13th century, there was an outbreak of bloody confrontations in Pistoia between the two branches of the Cancellieri family.³ The narrative structure of the standard medieval Italian tales of vendetta can be divided into three

¹ For further explanation about vendetta *vide*: T. DEAN, *Marriage and Mutilation. Vendetta in Late Medieval Italy*, "Past & Present" 1997, no. 157, pp. 10–11; A. ZORZI, *Consigliare alla vendetta, consigliare alla giustizia. Pratiche e culture politiche nell'Italia comunale*, "Archivio Storico Italiano" 2012, vol. 170, no. 2 (632), pp. 279–280; K.L. JANSEN, *Peace and Penance in Late Medieval Italy*, Princeton 2017, p. 141; M.R. GABRIEL, *Private War*, [in:] *The Oxford Encyclopaedia of Medieval Warfare and Military Technology*, vol. 3, ed. C.J. ROGERS, Oxford 2010, pp. 142–144.

² An outstanding example was the famous Buondelmonte murder: in 1215, the young Buondelmonte dei Buondelmonti violated his engagement with a girl from the Amidei family. The legend, which was first mentioned by Pseudo Brunetto Latini, ends with the assassination of Buondelmonte by the members of the [offended?] Amidei and Uberti families. For the text of Pseudo Brunetto Latini *vide*: J.M. NAJEMY, *A History of Florence, 1200–1575*, Malden 2006, pp. 13–16 and E. FAINI, *Il convinto fiorentino del 1216*, [in:] *Conflitti, paci e vendette nell'Italia comunale*, ed. A. ZORZI, Firenze 2009, pp. 111–117; G. VILLANI, *Nuova Cronica*, ed. G. PORTA, Parma 1991, pp. 94–95 (Progetto Manuzio, E text edition, 1997, pp. 6/38). The recent studies on the Buondelmonte murder *vide*: E. FAINI, *op. cit.*; N.P.J. GORDON, *The Murder of Buondelmonte. Contesting Place in Early Fourteenth-century Florentine Chronicles*, "Renaissance Studies" 2006, vol. 4, pp. 459–477. This conflict – according to the later chroniclers – was the cause for the conflicts between the Guelfs and Ghibellines. One of the newest works about Guelfs and Ghibellines was written by Paolo Grillo. P. GRILLO, *La falsa inimicizia. Guelfi e ghibellini nell'Italia del Duecento*, Rome 2018.

³ Its origin was a rivalry in a tavern, which ended with a serious wound to the offender's arm. After this, the brothers of the injured boy attacked the opponent and cut off his arm. This action was followed by the attacks of the opposite party which, in turn, led to the fights between the so-called Black and White Cancellieri. *Istorie pistolesi*, intr. F. GIUNTI and J. GUINTI, [in:] *Rerum Italicarum Scriptores*, vol. 11, ed. L.A. MURATORIUS, Milan 1728, p. 368; D. HERLIHY, *Medieval and Renaissance Pistoia, The Social History of an Italian Town, 1200–1435*, New Haven 1967, pp. 201–202; G. CHERUBINI, *Storia di Pistoia 2, L'eta del libero comune, Dal inizio del XII alla metà del XIV secolo*, Firenze 1998, p. 60.

parts. Firstly, the chroniclers introduced the protagonist families: we can usually read that both clans were noble and well-known. In the second part, they wrote about the starting insult, which was usually a small thing, spiralling up into a moral offence. Finally, there was the description of the other group's revenge. The chroniclers almost always mentioned that the fights escalated and the outcome had a negative impact not only on the conflicted parties but also the city itself. According to the urban chronicles, the vendetta was preceded by the strategic phase – a council held by the members of the offended families – that took place between the second and the third part of the conflict's narrative (i.e., after the offence was given but before the outbreak of violence), during which the relatives and the friends (*amici*) of the family argued trying to decide between the peaceful reaction and the aggressive answer (*vendetta*). Therefore, at least we can state that the revenge was not a sudden answer but the result of the family council. The great urban history writers, such as Giovanni Villani or Marchionne di Coppo Stefani, used the vendetta phenomena to describe the old city elite (*grandi*) as a social class that followed their own interests that conflicted with the city's best interest, the *pax urbana*.⁴ In the cases cited above – and in several others – we can observe the way conflicts escalated from the personal daily insults to the widespread street fights that [disturbed the peace and] affected the city's politics. At the same time, however, it seems that vendettas remained mostly private affairs and not political matters, with the average insults and feuds being primarily important events only for the families directly involved in the dispute and did not lead to any major fights between political factions. The offenders and the aggressors were usually ordinary citizens: artisans, merchants, bankers, and butchers. Their daily personal conflicts were not mentioned by the great city chroniclers, such as Villani, because they were not important enough to affect the functioning of the city. Thus, since the 'official' records are mostly silent on this matter, how can we examine the preparations that led to a vendetta? To look for possible answers we must turn to different types of narrative sources.

⁴ About the narrative style of Compagni *vide*: G. ARNALDI, *Cronache e cronisti dell'Italia comunale*, Spoleto 2016, pp. 563–565.

For *pax urbana vide*: P. GRILLO, *L'ordine della città. Controllo del territorio e repressione del crimine nell'Italia comunale (secoli XIII–XIV)*, Rome 2017, pp. 57–58.

The sources

The most important type of historical source that I use in this paper is the so-called *ricordanze* (or *ricordi*), which is a special Florentine narrative genre⁵ in the form of diaries or family chronicles written mainly by merchants, focusing primarily on recording genealogical and financial details from the life of their author, intended to be read only by the family members, the author's heirs and sometimes close family friends (*amici*). The author's goal was to record important familiar events, such as weddings, and to write down substantial business information for future reference. From this point of view, as mentioned by Phillip Jones, these records were predecessors of double-entry bookkeeping.⁶ Since they were private documents, family chronicles, we see in them personal diary-like entries and opinions, without the political ideology underlying the great urban chronicles. Through these [and through the eyes of their authors], we can examine the city's micro societies, the micro dimensions of social interactions, and the formation of the family identity. The authors of the *ricordi* also had more direct experience with resolving personal conflicts. This is why vendettas and other similar violent events as described in *ricordanze* allow us to look into the strategic vision of these medieval micro societies and families.

One of the most important authors of this genre was Donato Velluti (1313–1370). Although Velluti was born into a Florentine merchant family from the so-called *mezzanta gente* who were ordinary citizens, he held important political positions in medieval Florence: he was *gonfaloniere di giustizia* for several semesters and one of the four *priors* of the city.⁷ His work, *Cronica domestica*, which will be discussed in this paper, was written between 1368 and 1370.⁸ Its main subject is the family's genealogy from the ancient times to the chronicler's times. The key motivation of Velluti's historical writing was to demonstrate that although the Velluti were at that time counted among the middle ranks of society,

⁵ G. CIAPPELLI, *Memory, Family and Self: Tuscan Family Books and Other European Egodocuments (14th–18th Century)*, Leiden–Boston 2014, pp. 13–29.

⁶ P.J. JONES, *Florentine Families and Florentine Diaries in the Fourteenth Century*, “Studies in Italian Medieval History” 1956, vol. 24, pp. 183–205.

⁷ K.L. JANSEN, *op. cit.*, p. 135.

⁸ C.M. DE LA RONCIÈRE, *Une famille florentine au XIVe siècle: les Velluti*, [in:] *Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Actes du colloque de Paris (6–8 juin 1974)*, Rome 1977, pp. 227–248.

they had noble ancestry⁹ – this is why he stated that his family came both from the *popolo minuto* and the *grandi*.¹⁰ For Donato Velluti, the family relations had the same importance as the business records. We can say that these were the family's assets – both commercial and social – as in *Cronica domestica* Velluti recorded weddings, newborns, godfathers, and conflicts with other families – things that helped to define the Velluti family's social and financial position. As a matter of fact, Donato Velluti also wrote about vendettas, which will be a highly important point for us, as in the next part of the paper I will introduce the Velluti – Mannelli vendetta.

The Velluti-Mannelli vendetta

In 1267, a member of the Mannelli family killed Ghino di Donato Velluti on the Ponte Vecchio bridge in Florence.¹¹ According to *Cronica domestica*, after the murder the Velluti family took revenge, but only in 1295 – so they waited 28 years for it.¹² In that year, on the day of San Giovanni (Saint John) the revenge was completed. We can read that Lippo di Simone de' Mannelli walked to the festival organised in the centre of Florence (Saint John was the patron of the city). The chronicler precisely described the route taken by Lippo. First, he headed through Ponte Vecchio, then he walked near the Arno river and went to the Popolo di Santo Stefano, where he was attacked by the Velluti and their friends.¹³ We could suppose that

⁹ *La cronica domestica di Messer Donato Velluti con le addizioni di Paolo Velluti* (hereinafter: Velluti), eds I. DEL LUNGO, G. VOLPI, Firenze 1914, pp. 2–3.

¹⁰ J.F. NAJEMY, *op. cit.*, pp. 11–12.

¹¹ Velluti, p. 10.

¹² “Il detto Ghino di Donato mostra che fussi morto, secondo che trovo scritto, per imo tratto di bando, da Mannello, vocato Mannellino, de' Mannelli, che fu figliuolo di Masino de' Mannelli dal Ponte Vecchio, nel 1267, di settembre o vero ottobre, essendo allora vicario messer Amelio da Curbano per lo Serenissimo Re Carlo. Della nostra parte, non sifece vendetta infino al dì di San Giovanni 1295, del mese di giugno,” Velluti, p. 10. Trevor Dean questioned the link between the two events, although Francesco Bruni did not agree with this opinion. T. DEAN, *op. cit.*, pp. 19–20; F. BRUNI, *La città divisa. Le parti e il bene comune da Dante a Guicciardini*, Bologna 2003, pp. 68–69.

¹³ “Et dì di San Giovanni, di giugno secondo che trovo per certi fogli di bambagia, che furono di Velluto, della detta vendetta, vegnendo Lippa di Simone de' Mannelli da vedere correre il palio di San Giovanni, ed essendo presso al Ponte Vecchio meno di 40 braccia dal lato di là nel Popolo di Santo Stefano, credo lungarno, uscendo sotto le volte, Gino Dietisalvi, il quale era imo bello uomo del corpo,

Lippo di Simeone started his route at the Mannelli tower located in the Oltrarno district of Florence.¹⁴ Interestingly, the Velluti house was in the same territory. From this, we could conclude that the two families knew each other well. Maybe because of this, Donato Velluti so precisely recorded the route taken by the Mannelli family member. A friend of the Velluti, Cino Dietisalvi, who stayed in the house of the Guelphs in Via Maggio, caught sight of Lippo. He immediately ran and alarmed the Velluti. Cino, Lapo di Donato Velluti, Gherardino di Donato Velluti, and Lamberto Velluti hurried to the place and killed Lippo gibing him twenty wounds. The detailed description of the events of the day recorded by Donato Velluti does not end with the murder. From the *Cronica domestica* we also learn that after the attack, the Velluti and Cino ran from the crime scene towards the Borgo Santi Apostoli, to the Buondelmonti house.¹⁵ The Buondelmonti family was one of the most important historical families in Florence, the leader of the Florentine Guelphs for several decades.¹⁶ The Mannelli supported the opposite side¹⁷ – they were well-known Ghibellines and relatives of the famous Uberti family, leaders of the Ghibelline party in the first half of the 13th century, and enemies of the Buondelmonti.¹⁸ Thus, the Buondelmonti could be the natural allies of the Velluti.

We can ask why the Velluti waited for 28 years to avenge the death of Ghino di Donato Velluti. I think we should look into the political background of these events. As already mentioned, the Mannelli were a well-known Ghibelline family. The Ghibellines ruled Florence for two short periods,¹⁹ but they

e grande ricco uomo, e tutto di que' di casa e nostro vicino, e del quale fumo le case della Parte, di Via Maggio, dirimpetto a noi, insieme con Lapo e Gherardino di Donato, e Berto vacato Lamberto mio padre, arditamente Vassalroio: e detti Lapo e Berto si strinsono a lui, ed innanzi si partissino, il trasono a fine ed ticcisono, essendoferito di venti ferite più," Velluti, p. 10.

¹⁴ L. MACCI, V. ORGERA, *Architettura e civiltà delle torri: torri e famiglie nella Firenze medievale*, Firenze 1994, pp. 40, 181.

¹⁵ "e poi si fuggirno per Borgo Sant'Apostolo da casa e' Buondelmonti," Velluti, p. 11.

¹⁶ J.F. NAJEMY, *op. cit.*, pp. 11–12, 77–78.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ For the power of the Uberti and the antagonism between Buondelmonti and Uberti *vide*: G. VILLANI, *op. cit.*, pp. 94–95 (6/38), 116–117 (7/39).

¹⁹ First between 1248 and 1250, than from 1260 to 1267. J.F. NAJEMY, *op. cit.*, pp. 66–68; L. BATKIN, *Gulfek és ghibellinek Firenzében*, [in:] *Az ókori és középkori társadalomtörténet kérdései*, Budapest 1965, pp. 284–285.

were finally defeated in 1267 and banned from Florence.²⁰ At the end of the 13th century, in 1280, the papal peace-making movement reached the city, and Cardinal Latino orchestrated the return of the exiled families to the city, with the proclamation of general peace between the prominent parties.²¹ However, after the return of the old Ghibelline clans, their power weakened. The greater and lesser guilds (*arti maggiori* and *arti minori*) progressively formed an artisan-based government.²² This movement reached its highest point after 1292, when on 18 January 1293 the guilds led by Giano della Bella declared the *Ordinamenti di giustizia* (*Ordinances of Justice*) – laws directed against the aristocratic families that significantly restricted the political influence of the *grandi*, both the Guelfs and Ghibellines.²³ In 1295, when the *Ordinamenti* were amended, the *popolo* government strongly penalised the violent actions of the *grandi*, especially offences against the *popolo*. As already mentioned, the Velluti were not members of the city elite but the Mannelli family were among the *grandi* whose power was severely restricted by the *Ordinamenti*. According to Kathrine Jansen, in this situation, the Mannelli did not have any possibility to vindicate the death of their relatives,²⁴ especially since they were banished from Florence during the conflict between the Guef and Ghibelline factions and had just been allowed to return to the city with other Ghibelline families. Furthermore, the murder of Ghino di Donato Velluti was still linked to their name. Thus, from the new city leaders' perspective, they weren't harmless but potential troublemakers.²⁵ I think that the Velluti's delayed

²⁰ J.F. NAJEMY, *op. cit.*, pp. 66–68; L. BATKIN, *op. cit.*, pp. 284–285.

²¹ J.F. NAJEMY, *op. cit.*, p. 11.

²² *Ibidem*, p. 85.

²³ A. ZORZI, *Politica e giustizia a Firenze al tempo degli Ordinamenti antimagnatizi*, [in:] *Ordinamenti di giustizia fiorentini. Studi in occasione del VII centenario*, ed. V. ARRIGHI, Firenze 1995, p. 137; C.L. LANSING, *Magnate Violence Revisited*, [in:] *Communes and Despots in Medieval and Renaissance Italy*, eds J.E. LAW, B. PATON, London 2016, pp. 37–38.

²⁴ K.L. JANSEN, *op. cit.*, p. 135.

Bartlett also recognised that the vendetta was a turning point in the two family's relationship. B. BARTLETT, "Mortal Enmities". *The Legal Aspect of Hostility in the Middle Ages*, [in:] *Feud, Violence and Practice, Essays of Medieval Studies in Honor of Stephen D. White*, eds B.S. TUTEN, T.L. BILLADO, Burlington 2010, pp. 197–212, 202.

Eckstein observed that the Mannelli got weaker during the rule of the *popolo* but their tower was still in the family's possession after the 15th century. N.A. ECKSTEIN, *The District of the Green Dragon. Neighbourhood Life and Social Change in Renaissance Florence*, Firenze 1995, p. 10.

²⁵ K.L. JANSEN, *op. cit.*, p. 135.

vendetta was a conscious action: the avengers planned for the political annihilation of their rivals in the event the Mannelli tried to retaliate, thus breaking the new laws. The members of the Velluti correctly assessed the situation and the possible consequences because Lippo's murder was not followed by the Mannelli clan's revenge.

Different times, different strategies

As we can read on the pages of the *Cronica domestica*, another murder took place in 1310. A Velluti relative was killed by a man from the Berginalle family. However, unlike in the case of Ghino di Donato Velluti's murder and the events of 1295, this time the Velluti soon dropped the vendetta and even participated in the official peace-making trial.²⁶ At the same time, the head of the family Lamberto Velluti strictly ordered his son that they should refrain from any notions of aggression.²⁷

Thus, in *Cronica domestica* we see two different strategies of the Velluti family in dealing with serious conflicts. In the first case, the family waited 28 years to take revenge for the events of 1267. In a tactical sense, their attack was perfectly planned. The murder was succeeded, Velluti members run away, and later the Mannelli could not retaliate. In the Berginalle-case, the murder of the family member was not followed by a vendetta and the dispute was settled peacefully in the court of law.

We can make further observations using the game theory. The basic model of revenge is the so-called '*hawk versus pigeon*' dilemma. The 'hawk' strategy signs aggressive thinking about conflict resolution: the 'hawk-style' player attacks in all cases. This participant uses violence to achieve his goals. The gain is subjective: it could be political odds or somehow symbolic or moral advantage. The 'pigeon-style' player acts according to peaceful strategies: never attacks but uses a powerful defence. So when an aggressive player attacks a 'pigeon-style' player, the 'hawk' can achieve some profits but some suffer losses, because of the

²⁶ VELLUTI, pp. 62–63.

²⁷ "(Lamberto) sempre comandando a noi suoi figliuoli che di ciò non ci impacciassimo, lascian-doci la sua maladizione a chi il contrario facesse," VELLUTI, pp. 62–63. In later notes, chronicler Donato Velluti gave explanations for Lamberto's words. After the 1295 murder, the family was under observation as well-known vendetta participants and potential offenders. VELLUTI, pp. 65–66.

‘pigeon’s’ counterattacks. In social science, the ‘pigeon-style’ player symbolises the avenger, who finally uses vendetta against the offender.²⁸

In the first conflict described above (the 1267 murder), the Mannelli family used the hawk strategy. Later this attitude was not accepted by the city, and in 1295 the Velluti could take revenge like a ‘pigeon-like player’ without any legal sanctions. However, after the vendetta against the Mannelli, the Velluti themselves were branded as ‘hawks.’ The family recognised this, and adapted their strategy accordingly – in 1310, they refrained from violent actions and resolved the dispute using official legal means. This adaptation tells us that they had an advanced tactical vision that took into consideration the city’s politics, legal and factual circumstances, and the current status of the family.

The Panzani’s *Ricordi*

We find further information about the preparations for vendetta in other merchants’ *ricordi*. One such example is the *Ricordi* of Luca di Firidolfi da Panzano (1393–1461), a Florentine nobleman and chronicler similar to Donato Velluti. Da Panzano also held several offices in the city administration, including the post of a *podestà* in a town governed by the Florentines,²⁹ where as *podestà* he was the head of the town’s security forces and probably had experience in using weapons and urban warfare strategies. On the pages of Da Panzano’s *Ricordi* we find two cases of vendetta – from 1350 and 1421, which we will examine briefly looking into the Panzani family’s strategy of dealing with conflicts.

²⁸ I. MORRIS, *Háború! A civilizáció folyamata és ellentmondásai a főemlősöktől a robotokig*, trans. P. BOJTÁR, Budapest 2020, pp. 365–366; T.I. JÁNOS, *Játékelmélet és társadalom*, Szeged 1997, pp. 111–120; S. PINKER, *Az erőszak alkonya. Hogyan szelídült meg az emberiség*, trans. V. GYÁRFÁS, Budapest 2018, p. 599. About further observations in the topic of revenge *vide*: D.C. NORTH, J.J. WALLIS, B.R. WEINGAST, *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge 2009, p. 173; S.S. SHERGILL, P.M. BAYS, C.D. FRITH, D.M. WOLPERT, *Two Eyes for an Eye. The Neuroscience of Force Escalation*, “Science” 2003, vol. 301 (5630), p. 187.

²⁹ P.J. JONES, *op. cit.*, p. 192; A. MOLHO, *Profilo biografico*, [in:] “*Brighe, affarri, volgimenti di Stato*”. *Le Ricordanze Quattrocentesche di Luca di Matteo di Messer Luca dei Firidolfi da Panzano* (hereinafter: *Firidolfi da Panzano*), eds A. MOLHO, F. SZNURA, Firenze 2010, pp. 15–30.

The vendettas of the Panzani

The first case of vendetta described in Luca di Firidolfi da Panzano's *Ricordi* concerns the death of Antonio di Totto Rinaldo in 1350. This member of the Panzani family was killed by three Gherardini brothers: Piovani, Charllo, and Charsilio. The aggressors wounded Antonio with a spear, which caused his death after six days. The Florentine *podestà* immediately enforced the ordinances 'Chi ofende popolani' ('who harms a *popolano*'). The houses of the three Gherardini were destroyed and their other relatives had to pay a fine of 6000 lire.³⁰ Nevertheless, this was not the end of the conflict. The author of the *Ricordi* wrote that the Gherardini brothers escaped to Naples and the Panzani sent after them a trustful friend, Naccio Lapo Soldani, to follow the Gherardini and inform the family about their whereabouts. In 1347, Naccio died, and the Panzani immediately hurried to Naples to take revenge.³¹ However, before they reached the city, their rivals left for Prato. Naturally, the Panzani followed them but failed again. In 1350, there was a sudden twist of events: the Panzani were informed that Charllo Gherardini returned to Florence and was hiding in Santa Margharita church. The Panzani went to the church where they fought against Charllo and one other Gherardini boy in the campanile. After a short combat, the *podestà* and his men arrived and killed Charllo Gherardini. It's important to note that the *podestà* did not harm the

³⁰ "Antonio di Totto di Rinaldo di messer Cianpolo di messer Ridolfo de' Firidolfi da Panzano fedito fu a morte d'una lancia, solo jo cholpo nella tenpia, dal Piovano ea da Charllo di Baldovinetto e Charsilio tutti de' Gherardini, ma chi gli dié il colpof u Charllo e Chasilio era anche co llui insieme a ffare il fatto, e ffu a dí xxviiiio di novembre 1346 e fu in mercholedí sera all'avemaria di lá dal luogho di Donato Peruzi in su la strada, luogho detto la Chasa dell'Abate. Morí poi lunedì a terza a dí iiiio di dicembre 1346 e riposesi il chorpo ne la chiesa di San Nicholó di Firençe. E seghí che messer Ghuido da Montone allora Podestà di Firençe dié loro bando del chapo a' sopradetti, e piú fu quasto tutti loro chase e beni insino ne' fondamenti. E piú si furono condanati per l'ordine de la giustizia che Chi ofende popolani et cetera, Baldovinetto de messer lo Piovano e Charsilio de Baldovinetto e Arigho del Piovano Gherardini fanciullo in fasscie e Vanni di messer lo Piovano ciaschuno in tutto in L. semila piccoli, e Baldovinetto era in prigione inanzi al chaso d'Antonio detto per alchuna altra chosa, e funne rifermo per l. 6000 dela condanagione," *Firidolfi da Panzano*, pp. 467–468 (A dí 25 di febraio 1420).

³¹ "Il Piovano e Charllo Gherardini andarono a Napoli di dicembre 1346, e Matteo e Lucha di Totto da Panzano mandarono Naccio di Lapo Soldani loro fedele amicho per eser avisati di loro andamenti. Morí il detto Naccio d' aghosto 1347 a Napoli," *Firidolfi da Panzano*, p. 468 (A dí 25 di febraio 1420).

Panzani,³² probably because the Gherardini brothers, banished from Florence, became outlaws. Thus, when Charllo returned to the city without permission, the *podestà* executed the legal judgement.

Similar events happened in 1421. The event that caused vendetta was the death of Matteo Firidolfi, who was killed in 1399 by a man named Giovanni Ciecie. Luca di Firidolfi da Panzano described him as a ‘traitor and assassin’ without any employment. This derogatory description was presumably added by the author because Matteo Firidolfi was his father. It is obvious – as stated by Franek Sznura – that this event must have affected Da Panzano’s words since in 1399 he was only a small child.³³ In 1421, after 22 years, the Panzani family learnt that Ciecie was living in Naples. Then, events similar to those in the Gherardini case followed; the Panzani men hurried to Naples to take revenge the death of Matteo. They stayed there for a month and lived through a lot of troubles – which I will not describe in detail now – and finally, the vendetta was completed, although Luca di Firidolfi did not write about the Ciecie’s killing itself.

Panzani family’s strategy differed from that of the Velluti. They used a similar tactic in 1350 and in 1421. They did everything to finish their family’s vendettas. They used their men as spies (see Naccio Lapo Soldani), and they didn’t spare money and time to hunt for the killers for months or even years. We can assume that in 1421, the Panzani were able to take revenge on Giovanni Ciecie because of his status of a ‘traitor and assassin.’ The Panzani could avenge Matteo Firidolfi because Ciecie was an outsider, probably an outlaw, like the Gherardini brothers. Thus, they found a loophole that gave them the opportunity for seeking revenge.

³² “A dí 13 di giugno 1350 che ffu domenicha in sulla nona senttimo come Charllo di Baldovinetto Gherardini ere ochultamente in Santa Margherita a Montisci, e ivi Lucha di Totto da Pançano, chef u poi kavaliere, andó lá com Tommasino d’Antonio suo nipote a chui detto Charllo avea morto il padre e fuvì molti amici, e l’detto Carlo entró nel chanpanile e fé grande difesa, e trassevi a rumore piú conestaboli del Podestá e ’Sevitore e ’lBargiello, in modo l’amazarno a presença del mio nipote Tommasino a chui detto Charllo tolseil padre, e perché piccolo fusse el fanciullo, pure vollemo vi si ritrovasse. E piú presono Lullo suo compagno e jo fanciullo d’anni 14 ch’aveva nome Charsilio di Baldovinetto Gherardini, di che Charllo cosí morto fu dato a la famiglia del Podestá di Firenze e Lullo vivo, e furon Carlo cosí morto e Lullo vivo istrascinati per Firenze a dí 14 di giugno 1350 e impicchati in sulle forche,” *Firidolfi da Panzano*, p. 469 (A dí 25 di febraio 1420).

³³ F. SZNURA, *Luca Firidolfi da Panzano e i suoi ricordi*, [in:] *Firidolfi da Panzano*, pp. 31–98.

Conclusions

In my current studies, I tried to answer the question concerning the potential preparatory steps for a vendetta in the medieval urban context. As demonstrated in this paper, this is like doing a puzzle with the pieces of information hidden, among other things, on the pages of the *ricordi* – private diaries and chronicles – that show individuals' perspectives on the events that directly affected them and their families. According to these records, the micro-scale preparation should start with the tactical assessment of the offender's political and social status. The Velluti planned not just the attack but also the escape route. They exactly knew that the Buondelmonte house would be a safe place for them to hide after Lippo di Simeone's murder. In the case of the Panzani, in both situations, we find some additional information and circumstances. Not only we see the lower social status of the offenders, which allowed the family to start actions aimed at completing their vendetta, but a pattern in the family's behaviour – they used the same methods in 1350 and in 1421. The role of Naccio Lapo Soldani could be similar to the role of Cino Dietisalvi. Although perhaps Naccio's role was closer to being a spy, both cases show us the value of gathering tactical information before taking any violent actions: the families planning their vendettas knew exactly the high importance of accurate intelligence.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

“*Brighe, affanni, volgimenti di Stato*”. *Le Ricordanze Quattrocentesche di Luca di Matteo di Messer Luca dei Firdolfi da Panzano*, eds A. MOLHO, F. SZNURA, Firenze 2010.

Istorie pistolesi, intr. F. GIUNTI AND J. GUINTI, [in:] *Rerum Italicarum Scriptores*, vol. 11, ed. L.A. MURATORIUS, Milan 1728.

La cronica domestica di Messer Donato Velluti con le addizioni di Paolo Velluti, eds I. DEL LUNGO, G. VOLPI, Firenze 1914.

VILLANI G., *Nuova Cronica*, ed. G. PORTA, Parma 1991 (Progetto Manuzio, E text edition, 1997).

Opracowania • Secondary sources • Литература

- ARNALDI G., *Cronache e cronisti dell'Italia comunale*, Spoleto 2016.
- BARTLETT R., "Mortal Enmities". *The Legal Aspect of Hostility in the Middle Ages*, [in:] *Feud, Violence and Practice, Essays of Medieval Studies in Honor of Stephen D. White*, eds B.S. TUTEN, T.L. BILLADO, Burlington 2010, pp. 197–212.
- BATKIN L., *Guelfek és ghibellinek Firenzében*, [in:] *Az ókori és középkori társadalomtörténet kérdései*, Budapest 1965, pp. 269–308.
- BRUNI F., *La città divisa. Le parti e il bene comune da Dante a Guicciardini*, Bologna 2003.
- CHERUBINI G., *Storia di Pistoia 2, L'età del libero comune, Dal inizio del XII alla metà del XIV secolo*, Firenze 1998.
- CIAPPELLI G., *Memory, Family and Self. Tuscan Family Books and Other European Ego-documents (14th–18th Century)*, Leiden–Boston 2014.
- DEAN T., *Marriage and Mutilation. Vendetta in Late Medieval Italy*, "Past & Present" 1997, no. 157, pp. 3–36.
- ECKSTEIN N.A., *The District of the Green Dragon. Neighbourhood Life and Social Change in Renaissance Florence*, Firenze 1995.
- FAINI E., *Il convinto fiorentino del 1216*, [in:] *Conflitti, paci e vendette nell'Italia comunale*, ed. A. ZORZI, Firenze 2009, pp. 105–130.
- GABRIEL R.M., *Private War*, [in:] *The Oxford Encyclopaedia of Medieval Warfare and Military Technology*, vol. 3, ed. C.J. ROGERS, Oxford 2010, pp. 142–144.
- GORDON N.P.J., *The Murder of Buondelmonte. Contesting Place in Early Fourteenth-century Florentine Chronicles*, "Renaissance Studies" 2006, vol. 4, pp. 459–477.
- GRILLO P., *L'ordine della città. Controllo del territorio e repressione del crimine nell'Italia comunale (secoli XIII–XIV)*, Rome 2017.
- GRILLO P., *La falsa inimicizia. Guelfi e ghibellini nell'Italia del Duecento*, Rome 2018.
- HERLIHY D., *Medieval and Renaissance Pistoia, The Social History of an Italian Town, 1200–1435*, New Haven 1967.
- JANSEN K.L., *Peace and Penance in Late Medieval Italy*, Princeton 2017.
- JONES P.J., *Florentine Families and Florentine Diaries in the Fourteenth Century*, "Studies in Italian Medieval History" 1956, vol. 24, pp. 183–205.
- LA RONCIÈRE DE C.M., *Une famille florentine au XIVe siècle: les Velluti*, [in:] *Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Actes du colloque de Paris (6–8 juin 1974)*, Rome 1977, pp. 227–248.
- LANSING C.L., *Magnate Violence Revisited*, [in:] *Communes and Despots in Medieval and Renaissance Italy*, eds J.E. LAW, B. PATON, London 2016, pp. 35–48.
- MACCI L., ORGERA V., *Architettura e civiltà delle torri: torri e famiglie nella Firenze medievale*, Firenze 1994.
- MOLHO A., *Profilo biografico*, [in:] "Brighe, affarri, volgimenti di Stato". *Le Ricordanze Quattrocentesche di Luca di Matteo di Messer Luca dei Firidolfi da Panzano*, eds A. MOLHO, F. SZNURA, Firenze 2010, pp. 15–30.

- MORRIS I., *Háború! A civilizáció folyamata és ellentmondásai a főemlősöktől a robotokig*, trans. P. BOJTÁR, Budapest 2020.
- NAJEMY J.M., *A History of Florence, 1200–1575*, Malden 2006.
- NORTH D.C., WALLIS J.J., WEINGAST B.R., *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge 2009.
- PINKER S., *Az erőszak alkonya. Hogyan szelidült meg az emberiség*, trans. V. GYÁRFÁS, Budapest 2018.
- SHERGILL S.S., BAYS P.M., FRITH C.D., WOLPERT D.M., *Two Eyes for an Eye. The Neuroscience of Force Escalation*, "Science" 2003, vol. 301 (5630), p. 187.
- SZNURA F., *Luca Firidolfi da Panzano e i suoi ricordi*, [in:] "Brighe, affarri, volgimenti di Stato". *Le Ricordanze Quattrocentesche di Luca di Matteo di Messer Luca dei Firidolfi da Panzano*, eds A. MOLHO, F. SZNURA, Firenze 2010, pp. 31–98.
- TÓTH J.I., *Játékelmélet és társadalom*, Szeged 1997.
- ZORZI A., *Consigliare alla vendetta, consigliare alla giustizia. Pratiche e culture politiche nell'Italia comunale*, "Archivio Storico Italiano" 2012, vol. 170, no. 2 (632), pp. 263–284.
- ZORZI A., *Politica e giustizia a Firenze al tempo degli Ordinamenti antimagnatizi*, [in:] *Ordinamenti di giustizia fiorentini. Studi in occasione del VII centenario*, ed. V. ARRIGHI, Firenze 1995, pp. 105–147.

Zoltán Szolnoki

PRZYGOTOWANIE DO WENDETY. WAŚNIE RODZINNE W ŚREDNIOWIECZNEJ TOSKANII

Streszczenie. Według ówczesnych kronikarzy bójki uliczne były codziennością średniowiecznych miast tokańskich. W środowisku miejskim trzeba było zachować gotowość psychiczną i taktyczną do walki, a także wykazywać się znajomością powiązań politycznych funkcjonujących w miastach. Chociaż tło tych konfliktów opisywali przede wszystkim wielcy twórcy historii miejskiej, tacy jak Giovanni Villani i Dino Compagni, istnieją również szczególne źródła, tzw. *ricordanze*, które ukazują różne mniej znane elementy tych „wojen w skali mikro”. Wspomniane źródła, które można określić mianem pamiętników kupieckich, prezentowały bardziej osobisty punkt widzenia niż wielkie kroniki, a w odniesieniu do badań nad źródłami konfliktów miały bardziej praktyczny charakter. Wendeta Vellutich–Mannellich, która trwała w 1295 r. i została opisana przez Donato Vellutiego, uzmysławia nam, że czas i miejsce zdarzeń były świadomie planowane. Ataki przygotowywano nie tylko od strony politycznej i taktycznej, ale też od strony ekonomicznej – co wynika także z kroniki Luca di Firidolfi da Panzano, który opisał polowanie na morderców swojego ojca (mściciele przemierzali setki kilometrów i wykorzystywali narzędzia średniowiecznego zwiadu i sztuki szpiegowskiej). W artykule autor wyjaśnia i analizuje myśli osób spisujących *ricordanze*, kończąc swój wywód dyskusją na temat strategii rozwiązywania konfliktów. Chociaż dla średniowiecznych pisarzy najważniejszymi elementami były same walki,

to na podstawie tych części *ricordanze*, które wspominają o tle konfliktów, oraz logicznej struktury narracji możemy również prześledzić sytuacje, jakie doprowadziły do wojny, i podjąć próbę analizy strategii przyjętych przez zwaśnione rodziny w zakresie przygotowań do wendety oraz planowania ataków i potyczek.

Słowa kluczowe: vendetta, wendeta, Velluti, Mannelli, Panzani, *ricordanze*, teoria gier, kroniki włoskie, zemsta, Toskania

Золтан Сольноки

ПОДГОТОВКА К ВЕНДЕТТЕ. СЕМЕЙНЫЕ РАСПРИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОСКАНЕ

Аннотация. Согласно хроникам того времени, уличные бои были обычным явлением в средневековых тосканских городах. В городской среде необходимо было постоянно поддерживать психологическую и тактическую готовность, а также демонстрировать знание функционирующих в городах политических связей. Хотя фон этих конфликтов был описан в основном великими историками города, такими как Джованни Виллани и Дино Компани, существуют и конкретные источники, так называемые *ricordanze*, которые раскрывают различные менее известные элементы этих «микровойн». Эти источники, которые можно охарактеризовать как купеческие дневники, представляли собой более личную точку зрения, чем великие хроники, а в отношении исследования источников конфликтов носили более практический характер. Вендетта Веллутти-Маннелли, которая произошла в 1295 г. и была описана Донато Веллутти, заставляет нас осознать, что время и место событий были запланированы сознательно. Атаки готовились не только с политической и тактической точек зрения, но и с экономической, что видно и из хроники Луки ди Фиридольфи да Панцано, описавшего охоту на убийц своего отца – мстители прошли сотни километров и использовали инструменты средневековой разведки и искусства шпионажа. В статье автор объясняет и анализирует мышление людей, пишущих *ricordanze*, заканчивая свою аргументацию обсуждением стратегий разрешения конфликтов. Хотя для средневековых писателей наиболее важными элементами были сами бои, из тех частей *ricordanze*, которые упоминают предысторию конфликтов и благодаря их логической повествовательной структуре, мы также можем проследить ситуации, которые привели к войне. В то же время можно попытаться проанализировать стратегии, принятые враждующими семьями при подготовке к вендетте и планировании нападений и стычек.

Ключевые слова: вендетта, Веллутти, Маннелли, Панцани, *ricordanze*, теория игр, итальянские хроники, месть, Тоскана

Jan Szymczak

University of Lodz

ORCID ID: 0000-0003-0705-4450

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 143-159

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.06>

‘HARCE’, OR SINGLE COMBAT BEFORE THE BATTLE

Summary. *Harce* or *harc* (Hungarian: *harcz*; Italian: *arciere*; Russian: *стычка/стычка*) are single combat skirmishes between individual warriors fought before a battle in front of both enemy armies. Sometimes it was a duel between the commanders of the army or the best warriors delegated by the opposing sides, which would decide the outcome of the battle without it being fought.

The first place on the list of knights who won fame for the Polish army belongs to the Silesian prince Boleslav I the Tall, who defeated an opponent of enormous stature during the Italian expedition of Emperor Frederick Barbarossa in 1162 near Milan.

In the 13th–16th centuries in Poland, *harce* were popular in battles fought on an open field and during sieges of fortified structures. Both heavy knights and light cavalymen participated in them.

Harce or single combat is a custom known since ancient times. It was popular in the era of knightly cavalry in the Middle Ages and persisted into early modern times.

Keywords: Poland 10th–16th century, war, solo duels, skirmishers, knightly ethos

The volume *Before the Battle* in the *Faces of War* series would be incomplete without a paper on *harce* (single combat)¹ and *harcownicy* (skirmishers) who, by solo duels with their opponents often initiated the main fight between military units or even entire armies from antiquity to the modern era.

¹ *Vide:* J. SZYM CZAK, *Pojedynki i harce, turnieje i gonitwy. Walki o życie, cześć, sławę i pieniądze w Polsce Piastów i Jagiellonów*, Warszawa 2008, pp. 70–83.

According to various dictionaries and lexicons,² *harce* or *harc* (Hungarian: *harcz*; Italian: *arriere*; Russian: *стычка/стычка*) is the beginning of a battle, a *mêlée*, a duel before a battle, or a fight between single warriors in front of both enemy armies. Sometimes the definition also states that these were fights between ‘lightly armed warriors,’³ which, after all, must be confronted with the collected source material in relation to the pre-16th century period for which – but only for it and the following centuries – such a definition seems adequate. It is also important to note that *harcować* (to skirmish) also meant to jump, to chase on horseback, or to show off one’s dexterity in the art of chivalry.⁴ *Harc* is furthermore ‘*initium vel pro ludium pugnae = pro cursio ante aciem = poiedynek* (duel),’ while *harcownik* is a *prouocator* ‘*qui unus unum provocat hostem*’ – as we read in Grzegorz Knapski’s 17th-century dictionary.⁵ Thus, if one is to believe the quote stating that *harce* were ‘*imaginariae bellorum pro lusiones*,’ they were a rehearsal, a prelude, an apparent or symbolic introduction, usually acted out by cavalymen (to cover the full set of meanings), to the battle proper.⁶

Although this prelude did not always take the form of *harc* (single combat, i.e., a solo cavalry duel before a battle), it constituted an introduction to the battle proper – sometimes meant as a provocation [*sic*].⁷ After all, David and Goliath were skirmishers representing the Israelites and the Philistines, respectively.

There is an interesting entry on the topic of *harce* in the Polish chronicle written by Jan Długosz (*Johannes Longinus*), who based his *Annales* on the earlier account of the battle between the armies of Boleslav I the Brave and

² S.B. LINDE, *Słownik języka polskiego*, vol. 2: *G–L*, ed. 3, Warszawa 1951, p. 172; *Słownik języka polskiego*, vol. 1: *A–K*, ed. M. SZYM CZAK, Warszawa 1978, p. 725; *Słownik polszczyzny XVI wieku*, vol. 8, ed. M.R. MAYENOWA, Wrocław *et al.* 1974, pp. 304–305, 307; *vide*: I. SZLESIŃSKI, *Słownictwo wojskowe w wybranych tekstach literackich i historycznych XVII wieku*, Wrocław *et al.* 1985, pp. 30–31.

³ *Słownik polszczyzny XVI wieku*, vol. 8, p. 304.

⁴ *Ibidem*, p. 306.

⁵ G. KNAPSKI, *Thesaurus Polono-latino-graecus seu Promptuarium Linguae Latinae et Graecae, Polonorum usui accomodatam*, Kraków [1621], p. 225.

⁶ *Słownik języka polskiego*, vol. 1, ed. M. SZYM CZAK, p. 725.

⁷ *Vide*: M. STRICKLAND, *Provoking or Avoiding Battle? Challenge, Judicial Duel, and Single Combat in Eleventh- and Twelfth-Century Warfare*, [in:] *Armies, Chivalry and Warfare in Medieval Britain and France. Proceedings of the 1995 Harlaxton Symposium*, ed. M. STRICKLAND, Harlaxton Medieval Studies VII, Stamford 1998, pp. 317–343.

Prince Jaroslav on the Bug River in 1018 written by Gallus Anonymus,⁸ noted (under the year 1008) that both armies, standing for several days on opposite banks of the river engaged in '*excursiones et (certaminis mutua) preludia*' [emphasis – J.S.]. However, there could not be typical skirmishing, as the two armies were separated by a river [*sic*]. Finally, "in the end, clods of mud were thrown, there were mutual insults and a major confrontation, and small deeds, as it happens, led to a battle between both sides."⁹ The Latin expressions used by the chronicler do indeed allude to preliminary fights, except that in this case, I would translate *excursio* as an 'excursion' rather than a skirmish, which is more in line with Długosz's intention, who treated the words in brackets (originally written in the margins of his work) as an explanation of the expression used in the text itself. This does not change the fact that this is how the chronicler imagined the beginning of the Polish-Rus' clash, although he did not read it in Gallus Anonymus' account.

Harce was often equated with a duel, in the same way that a battle itself was a duel but fought between two armies rather than two single combatants. This is most clearly evidenced by this 16th-century record: "Duellum, sive Duellium; Woyná / bitwá miedzi dwiémá ftronómá / álbo dwiémá porfonómá / yáko, gdy rycérze ná hárc wyeżdżá" (*Duellum, or Duellium; a war / a combat between two parties / or two individuals / when the knights ride out to hárc*).¹⁰

According to Wincenty Kadłubek, a master champion of such *singulares conflictus* was the legendary ruler of Poland known as Lestek, who challenged his enemies to duels and, having won, seized their lands/kingdoms.¹¹ However, this phenomenon was different from *harce*, being rather a *duellum*, although also not exactly a duel either, as the prince was more an example of an 'obsessive duellist,' focused on seizing the wealth of defeated opponents rather than fighting in the name of a higher cause. But perhaps, for him, such 'higher cause' was the expansion of the boundaries of his dominion.

⁸ *Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum*, ed. K. MAŁECZYŃSKI, [in:] *Monumenta Poloniae Historica* (hereinafter: MPH), Series nova (hereinafter: GALLUS), vol. 2, Kraków 1952, pp. 23–25.

⁹ J. DŁUGOSZ, *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, book 1–2, Warszawa 1964 (hereinafter: DŁUGOSZ), p. 260.

¹⁰ J. MAŁCZYŃSKI, *Lexicon latino-polonicum ex optimis Latinae Linguae scriptoribus concinnatum*, [Königsberg] 1564, p. 97; *vide*: *Słownik polszczyzny XVI wieku*, vol. 8, p. 305.

¹¹ J. BANASZKIEWICZ, *Polskie dzieje bajeczne Mistrza Wincentego Kadłubka*, Wrocław 1998, pp. 187–192.

* * *

Harce was played out in front of two battle-ready armies. They, therefore, took place on an open field or near the fortifications of the besieged defensive structure. For obvious reasons, they could not be performed during an unexpected attack, a planned ambush, or a plundering raid with no other purpose than to demonstrate one's military superiority.

When describing the siege of Budziszyn (German: *Bautzen*) in 1004, Thietmar, Bishop of Merseburg, noted that both sides – German and Polish – suffered significant losses.

“On our side, Hemuzo, a warrior noble in lineage and vigorous in manner, had repeatedly provoked the occupants to battle and pursued them almost to the walls, but he was killed when half of a millstone struck his helmeted head. The jeering enemy dragged his corpse into the burg” – wrote the chronicler.¹² Thus, Hemuzo was going out to perform *harce/certamine*, or a duel (martial, not judicial), but instead died simply in battle.

In 1109, German troops passing by the fortified and unconquerable Bytom Odrzański (German: *Beuthen an der Oder*) stopped and “some of his [Henry V's] more famous knights strayed towards the stronghold, wishing to show their chivalrous virtue in Poland and test the strength and courage of the Poles. And the inhabitants of the stronghold, having opened the gates, came out with drawn swords, fearing neither the great number of various troops nor the belligerence of the Germans, (...) men without protective armour fought with bare swords against shield bearers, and shield bearers against armoured men, rushing eagerly into battle as if for a feast. (...) It was there that the Emperor first experienced the courage of the Poles, since not all his knights survived the battle unscathed.” Jacek Banaszkiwicz rightly commented that this was no ordinary armed confrontation, but “heightened its participants' awareness that by going out to the enemy and facing him eye to eye they were tempting fate.”¹³

Plenty of such duels took place during the long and usually monotonous sieges of strongholds, castles, towns, and other fortified sites in the following

¹² Translation of the *Chronicon of Thietmar of Merseburg* after DAVID A. WARNER, *Ottoman Germany. The Chronicon of Thietmar of Merseburg*, Manchester 2001, pp. 247–248, Polish translation in *Kronika Thietmara*, ed. M.Z. JEDLIŃSKI, Poznań 1953, pp. 334–337.

¹³ GALLUS, p. 131. *Vide*: J. BANASZKIEWICZ, „Nadzy wojownicy” – o średniowiecznych pogłoskach dawnego rytu wojskowego (*Prokopiusz z Cezarei, Paweł Diakon, Girard z Walii, Sakso Gramatyk i Gall Anonim*), [in:] IDEM, *Takie sobie średniowieczne bajeczki*, Kraków 2013, p. 385.

centuries. It is sometimes difficult to categorise them into the appropriate type of warfare, as in the case of the so-called 'counter-fortresses,' i.e., makeshift fortresses built in the vicinity of a besieged stronghold. In the last years of the 11th century, the Pomeranians erected their stronghold opposite the fortified settlement in Santok (German: *Zantoch*), which was manned by a Polish garrison. According to Gallus Anonymus' vivid description, this 'counter-fortress' was "so close to the Christians that the pagans could see and hear everything that was being said or was happening in Santok."¹⁴ The crews of both fortresses undoubtedly fought each other, but since written records are silent on this matter, we do not know the nature of these skirmishes. In 1244, a new small fortress appeared next to the above-mentioned stronghold of Santok, this time erected by Barnim I, Duke of Western Pomerania.¹⁵ In such cases, crews manning the 'counter-fortresses' were a substitute for much larger military forces that normally would be required to lay siege to the fortified site in question. The task of the knights stationed in these makeshift fortresses was to obstruct the supply of food and weapons to the opposing side and prevent the besieged crew from carrying out any offensive actions.¹⁶

The role of counter-fortresses was particularly stressed by the Greater Polish sources when reporting on the events at Nakło (German: *Nakel*) from September 1255 to July 1256. Both crews – the Pomeranian troops of Swietopelk II, Duke of Pomerania and the Greater Poland units of Przemysł I – often provoked and challenged each other to fight and then clashed (*sepius se provocabant et inter se pungnabant*) in order to take over the initiative.¹⁷ However, the actions described in the written records are more typical of siege battles than of *harce*, which were characterised by different rules. Therefore, while we point out this problem, we will not here continue the discussion on counter-fortresses.

¹⁴ GALLUS, p. 84.

¹⁵ *Rocznik kapituly gnieźnieńskiej*, [in:] *Roczniki wielkopolskie*, ed. B. KÜRBIS, MPH, SN, vol. 6, Warszawa 1962, p. 7.

¹⁶ *Vide*: J. SZYM CZAK, *Sposoby zdobywania i obrony grodów w Polsce w okresie rozbitcia dzielnicowego*, "Studia i Materiały do Historii Wojskowości" 1979, vol. 22, p. 36; B. ŚLIWIŃSKI, *Wojna o Nakło między księciem wschodniopomorskim Świętopelkiem a księciem poznańskim Przemysłem I i o okolicznościach zawarcia pokoju w Kcyni z lipca 1256 r.*, [in:] *In tempore belli et pacis. Ludzie – miejsca – przedmioty. Księga pamiątkowa dedykowana prof. dr. hab. Janowi Szymczakowi w 65-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowo-dydaktycznej*, eds T. GRABARCZYK, A. KOWALSKA-PIETRZAK, T. NOWAK, Warszawa 2011, pp. 485–494.

¹⁷ *Rocznik kapituly poznańskiej*, [in:] *Roczniki wielkopolskie*, p. 35.

Duels fought between individuals were the most prestigious and spectacular. During the siege of Tillières, Count Robert forbade his Norman warriors to accept the challenges thrown daily by a menacing-looking French knight. On hearing this, Serlon, son of Tancred, who was in Brittany at the time, unable to bear the ignominy of his fellow countrymen's failure to take up the gauntlet, went to Tillières, challenged the French knight to a duel and defeated him.¹⁸ This 11th-century episode shows the duel as both a knight's fight 'for honour' and a prediction as to the fate of the entire war.

Indeed, such skirmishes had a symbolic character, since a 'win' was supposed to herald victory for the side represented by the triumphant warrior. However, above all, it was a personal victory, as such fortunate knights were rewarded with worldly goods and immortalised in literature and tales of bravery, while others – who perhaps fought no less effectively but anonymously with the entire battle crowd – were ignored. According to one legend, the *Topór* ('axe') coat of arms was awarded to a knight who, in single combat with a pagan, having lost his weapon [sword?], reached for an axe and cleaved his opponent and his horse with it.¹⁹ In the legend of the *Strzemię* ('stirrup') coat of arms, that family's ancestor – allegedly in Boleslav I the Brave's times – was taking part in a duel with the Rus' troops when his horse collapsed and his leg remained caught in the stirrups. He then, powered by fear, yanked his leg and "tore it from the stirrup (...) unable to reach the sword (...) holding the stirrup leather with his left hand bravely hit the knight and cut him on the face" and later, having captured the Rus' warrior he brought him to the king. The yellow stirrup in a red field supposedly commemorates this feat.²⁰

One of the oldest forms of settling armed conflicts was a duel between the commanders of the armies played out according to Germanic custom in front of assembled troops, which would decide the outcome of the battle. In fact, this custom was not limited to the Germanic world.²¹ According to Hungarian sources, when the Pomeranians refused to pay tribute to Mieszko II in 1033 (or possibly

¹⁸ J. FLORI, *Rycerze i rycerstwo w średniowieczu*, transl. E. TROJAŃSKA, Poznań 2003, p. 111.

¹⁹ M. CETWIŃSKI, *Nie samym mieczem: broń heraldycznych bohaterów*, [in:] *Non sensistis gladios. Studia ofiarowane Marianowi Głowskiemu w 70. rocznicę urodzin*, eds O. ŁAWRYNOWICZ, J. MAIK, P.A. NOWAKOWSKI, Łódź 2011, p. 79.

²⁰ B. PAPROCKI, *Gniazdo cnoty*, Kraków 1578, p. 48; *vide*: M. CETWIŃSKI, *Nie samym mieczem...*, p. 80; J. SZYM CZAK, *Rycerz i jego konie*, Bellerive-sur-Allier 2018, p. 167.

²¹ P. CONTAMINE, *Wojna w średniowieczu*, transl. M. CZAJKA, Warszawa 1999, pp. 269–270.

later, during the reign of Casimir the Restorer, according to other sources) and when the Polish and Pomeranian armies stood facing each other, Prince Béla stepped forward on behalf of the Polish kingdom and its ruler. He threw a Pomeranian warrior off his horse with a spear and pierced him with a sword. Recognising the outcome of this trial by combat, the Pomeranians agreed to pay the tribute.²² Jan Długosz was familiar with this event, as he recorded that Béla distinguished himself in a battle with the Pomeranians in 1032, but at the same time the chronicler noted that according to other [sources], “the Hungarian prince Béla fought a battle with the Pomeranian ruler and conquered him in a duel (*congressum singulari illum certamine vicisse*), for which the king [Mieszko II] awarded him by choosing him as his son-in-law.”²³

However, the first place on the list of knights who won fame for the Polish army belongs to Boleslav I the Tall. After a disappointment with Emperor Frederick Barbarossa’s expedition to Poland in 1157, when his father Władysław II the Exile’s hopes of returning to Poland and seizing the throne of Kraków failed, Boleslav I the Tall set off with the emperor on an expedition to Italy (1158–1162). According to later legend, during that expedition, Boleslav distinguished himself by his bravery, especially during the siege of Milan, where in 1162 he defeated a warrior of gigantic stature (*virum giganteum*), as reported in the 13th-century Polish source *Chronicon Polono-Silesiacum* (also known as the *Polish-Silesian Chronicle*).²⁴ However, as is often the case, more information on the matter is provided in another Silesian chronicle, *Chronica principum Poloniae* (the *Chronicle of the Princes of Poland*), according to which Prince Boleslav was at the time confronted by a Milanese knight, a *vir giganteus*. The mighty Italian knight, confident in his strength, challenged the emperor’s knights to a duel, but for many days no one – lacking courage, according to some, or for prudence, according to others – accepted his challenge. This *certamen singulare* demonstrated the superiority of the Polish prince’s martial training, as Boleslav defeated the Milanese in single combat – almost like David conquered Goliath – in front of the besiegers and besieged and the emperor himself.²⁵ However, the

²² G. LABUDA, *Mieszko II król Polski (1025–1034). Czasy przelomu w dziejach państwa polskiego*, Kraków 1992, pp. 175–176, 183.

²³ DŁUGOSZ, p. 307; *vide*: A. SEMKOWICZ, *Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384)*, Kraków 1887, p. 107.

²⁴ *Kronika polska*, ed. L. ĆWIKLIŃSKI, MPH, vol. 3, Lviv 1878, p. 637.

²⁵ *Kronika książąt polskich*, ed. Z. WĘCLEWSKI, MPH, vol. 3, p. 481: “paratus in prelium clam solus cum solo congregitur et favente deo hostem prosternit in humum, tamquam alterque David

most detailed description of this event can be found in Jan Długosz's chronicle under the year 1161. "In the greatest rush of the horses they clash first with their lances, but when the blow of the Milanese knight missed, and Boleslav, prince of Poland, struck him so with his lance and shook him [so hard] that the giant, having received a fatal wound, fell from his horse to the ground to die. And Boleslav, not hesitating, for he was a very vigorous man, also jumped down from his horse. He killed the lying giant and left his naked dead body stripped of armour in the middle of the square."²⁶ As we can see, our famous chronicler seems to be the best-informed person, which supports the observation made earlier in this paper that an account of an event becomes more and more detailed with the passing of time. In fact, Jan Długosz did not provide any new information over what was already known from earlier sources but served it differently dressed.

An especially grotesque and bizarre challenge was that supposedly issued by Casimir the Great to the blind king of Bohemia, John of Luxembourg, who was besieging Kraków in 1345. Casimir proposed the duel to decide victory and spare the lives and health of many people. However, in response, John of Luxembourg suggested that his opponent should gouge his eyes out in order to even the odds,²⁷ a proposal that we will leave without further comment.

The Bohemian King George of Poděbrady also wanted to pit his strength against the Hungarian King Matthias Corvinus in person, whom he challenged in 1470 *ad duellum* or *ad universalem dimicationem*, i.e., to a duel or to an ordinary fight, and this *pugna privata* witnessed by the assembled Czech and Hungarian armies was to decide the outcome of the war. Jan Długosz devoted a separate chapter to this challenge although he did not include in it anything interesting apart from the vocabulary itself.²⁸ The meeting never took place, so the outcome of the dispute depended on the military prowess of the mercenaries – and not the national troops – sent against the Hungarian king's Silesian allies.

In the spirit of armed confrontation between commanders, Prince Władysław the White demanded a single combat with lances against Bartosz Wezenborg

Goliath superans illum, amputans eius capite, victor redit ad castra". *Vide*: B. ZIENTARA, *Bolesław Wysoki – tułacz, repatriant, malkontent. Przyczynek do dziejów politycznych Polski XII wieku*, "Przegląd Historyczny" 1971, vol. 62 (3), p. 373.

²⁶ DŁUGOSZ, book 5–6, Warszawa 1973, p. 71.

²⁷ W. IWAŃCZAK, *Tropem rycerskiej przygody. Wzorzec rycerski w piśmiennictwie czeskim XIV wieku*, Warszawa 1985, pp. 78–79.

²⁸ DŁUGOSZ, book 12/2, Kraków 2005, p. 255.

while he was handing the castle in Złotoria over to him in 1376. "The latter agreed to this and, behold, charging their horses, the prince with his lance against Bartosz and Bartosz against the prince, they rushed at each other with great force and the prince received from Bartosz a rather serious wound in his right arm," as we read in the chronicle of Jan of Czarnków.²⁹ Therefore, it was a symbolic and honourable fight fought by two individuals to avoid an outbreak of an armed conflict or a siege of the castle. Furthermore, since Władysław the White surrendered the castle without a fight and did not try to defend the fortress – which would cause him great embarrassment – the duel with Bartosz Wezenborg provided the prince with an alibi that allowed him to save his knightly honour. It had the character of a classic 'juste á outrance' race but in this case, it did not take place in normal circumstances – as a part of a tournament – but on the field in front of the stronghold that was the subject of the dispute. Jan Długosz summarised it in one sentence, stating that "as he was leaving the castle, he [Władysław the White] came to a spear fight against Bartosz of Wezenborg" and "he was severely wounded by Bartosz."³⁰ The whole lusus nature of that skirmish was thus omitted. I also do not think that the lexicon requirement concerning the combat between 'lightly armed warriors' was fulfilled in such a duel.³¹

An excursion of a single knight against an opponent selected from the enemy ranks had a similar nature. Such individual encounters, i.e., *Stich ze rechten tjust* of Dypold von Kökeritz against Władysław II Jagiełło and Dobiesław of Oleśnica against the Grand Master of the Teutonic Knights Ulrich von Jungingen were observed in the final stage of the Battle of Grunwald in 1410, when the Grand Master threw the last 16 of his banners into the attack.³²

Jan Długosz left us the following account of these events:

Meanwhile, a knight of German origin, Dypold von Kockritz of Eeber from Lusatia, detached himself from the Prussian army on a red horse, wearing a golden belt and a white tunic, which in Polish we call 'jaka,' and in full armour. Thus, he charged from the ranks of the larger Prussian banner located between the

²⁹ *Joannis de Czarnkow Chronicon Polonorum*, ed. J. SZLACHTOWSKI, MPH, vol. 2, Lviv 1872, p. 660.

³⁰ DŁUGOSZ, book 10, Warszawa 1985, p. 46: "acutis hastis Barthossium de Vizsemburg ludere secum optinens".

³¹ *Słownik polszczyzny XVI wieku*, vol. 8, p. 304.

³² A. NADOLSKI, *Grunwald. Problemy wybrane*, Olsztyn 1990, pp. 33, 91, 176, 178; D. PIROWARCZYK, *Poczet rycerzy polskich XIV i XV wieku*, Warszawa 2004, pp. 211–212.

other sixteen up to where the king was standing, and brandishing a lance, in front of the entire sixteen banners of the Prussian army, he intended, it seems, to attack the king. When the Polish king, Władysław, tried to fight him off, wielding his own lance, the king's secretary, Zbigniew Oleśnicki, who was unarmoured and unarmed and only had a half-broken lance, clashed with the German, stuck him in the side and knocked him off his horse to the ground. While he was lying on his back seized by convulsions, King Władysław aimed his lance at the German's forehead – which was exposed as his visor opened up – and left him unharmed. However, the German was immediately killed by the knights protecting the King and the footsoldiers stripped him of his armour and his spoils.³³

Soon after this incident, Grand Master Ulrich von Jungingen, who was commanding the Teutonic Knights' reserves, directed the troops against the royal banners. Because his men carried light spears called *sulica*, some of the Polish knights thought that they were a Lithuanian unit and did not attack them. Wishing to put an end to the uncertainty in the Polish ranks, Dobiesław of Oleśnica "with his lance raised, [he alone] spurred his horse and charged towards the enemy. A Teutonic Knight, a commander of the banner and the troops [or perhaps the Grand Master himself?³⁴] jumped out of the Prussian cavalry at him and, blocking the attacking Dobiesław's way with an agile move of his lance, bounced Dobiesław's outstretched lance up and threw it over his head. Dobiesław Oleśnicki pulled out his lance. The Teutonic Knight, by slightly tilting and lowering his head, having bounced the lance upwards, dodged it and thwarted Dobiesław's blow as he was trying to strike him. Dobiesław, seeing clearly that his blow missed, deeming it too risky and unwise to fight the entire unit, returned quickly to his own troops. The Teutonic Knight, who chased after him, stabbing his horse with spurs and also dangerously striking Dobiesław with his lance, only wounded Dobiesław's horse in the loins – through the cloth we call caparison so that the wound was not fatal – and quickly re-joined his own men, lest the Polish knights seize him."³⁵

³³ DEUGOSZ, book 10–11, Warszawa 1997, p. 111; *vide*: A. NOWAKOWSKI, *O pewnym grunwaldzkim epizodzie*, [in:] *Arma et ollae. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Nadolskiemu w 70 rocznicę urodzin i 45 rocznicę pracy naukowej. Sesja naukowa, Łódź, 7–8 maja 1992 r.*, Łódź 1992, p. 137; J. SZYM CZAK, *Z otwartą przyłbicą. Wojskowa i kulturowa rola hełmu w średniowieczu*, "Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza" 1995, no. 2, pp. 190–191; IDEM, *Rycerz w hełmie, w zbroi i z tarczą*, Warszawa–Bellerive-sur-Allier 2016, p. 69.

³⁴ A. NADOLSKI, *op. cit.*, p. 55.

³⁵ DEUGOSZ, book 10–11, pp. 112–113.

In both cases, the knights attacked with pole weapons: lance, or *sulica*, i.e., a light spear. The situation was similar a few months later, when, on 10 October 1410 at Koronowo, the Silesian knight Konrad von Nimptsch (d. 1446) from Szczepanów near Świdnica challenged his opponents to a duel (*privatum (...) certamen*) in front of the battle-ready armies. The challenge was accepted by Jan Szczycki from Szczyty of the Doliwa coat of arms, who knocked him off his horse and trampled him. Jan Długosz briefly dealt with the incident, and commented on its outcome as an omen as to “how the fate of both armies would unfold.”³⁶

* * *

Harce soon turned out to be a regular element of battles and skirmishes (though we likely do not know about many such earlier single combats). Jan Długosz, when describing the events preceding the Battle of Grunwald, noted that Władysław Jagiełło did not order the attack, although both armies had already been prepared and stood against each other on the battlefield, and there were initial, single combats between them (*preludia quoque cencertacionum inter illos per singularia certamina fierunt* [emphasis – J.S.]).³⁷

We also find references to single combat in the chronicles written after the times of Jan Długosz. Thus, we know that single combat also preceded the Battle of Orsha in 1514, when before the battle Jan Amor Tarnowski of the Leliwa coat of arms “rode out to *harc*, challenging one of the enemies to a duel” and was rebuked by Hetman Konstanty Ostrogski.³⁸ This event was not mentioned by Marcin Bielski who only recorded that “some men from both sides were riding out to *harc*.”³⁹ This was put into a better literary form by the poet Andrzej Krzycki (1482–1537), who in his *Song of the victory over the Muscovites won on the Nativity of the Blessed Virgin Mary 1514* (Polish: *Pieśń o zwycięstwie nad Moskalami odniesionym w dniu Narodzin Panny Marii 1514 roku*) wrote:

³⁶ *Ibidem*, p. 153.

³⁷ *Ibidem*, p. 99.

³⁸ S. ORZECHOWSKI, *Żywot i śmierć Jana Tarnowskiego, kasztelana krakowskiego i hetmana wielkiego koronnego*, ed. K.J. TUROWSKI, Sanok 1855, pp. 45–46.

³⁹ M. BIELSKI, *Kronika polska*, ed. K.J. TUROWSKI, Sanok 1856 (hereinafter: BIELSKI), p. 975.

When the dawn breaks
 on the holy day of the Birth of the Virgin Mary
 from the darkness of the night

and further:

*Pauce pugnae faciebant
 Cum hoste praeludia*

which the poet translates as:

And before the battle, they started
 riding out for initial *harc*.⁴⁰

During the autumn expedition to Silesia in 1474, after the Poles had set camp near Wrocław, “there were some skirmishes between the besiegers and the besieged” (*certamina, que harcze vocamus*).⁴¹

In the entry from 1524, chronicler Marcin Bielski wrote that at Rohatyn besieged by the Turks “one Turkish invader, having ridden out to *harc*, lured our knights; one willing man stepped out to face him: Prince Mikołaj Zamoyski, son of Florian from Skokówka, of the Jelita coat of arms, got ahead of him and knocked the Turk off his horse and won.”⁴² This account vividly matches the adventures of the protagonist Colonel Michał Wołodyjowski described by Henryk Sienkiewicz on the pages of his historical novel *With Fire and Sword* (Polish: *Ogniem i mieczem*).

During the Battle of Obertyn on 22 August 1531, the approaching Moldavian army of the hospodar Petru Rareș came under fire from the Polish cannons in the war wagon. ‘One young Moldavian,’ writes a reporter of the battle, “rode closer and, shouting for the Poles to leave the camp, insulted the hetman [Jan Tarnowski] calling him a coward. A Polish infantryman knocked him off his horse with a shot from a handgunne.”⁴³ This probably was not the only episode during the skirmish with the Moldavian scouts in front of the southern wall

⁴⁰ A. KRZYCKI, *Carmina*, ed. K. MORAWSKI, Kraków 1888, book 2: *Carmina regalia*, p. 47; IDEM, *Poezje*, transl. E. JEŃDRKIEWICZ, ed. A. JELICZ, Warszawa 1962, p. 47.

⁴¹ DEUGOSZ, book 12/2, p. 341.

⁴² BIELSKI, p. 1027.

⁴³ Z. SPIERAŁSKI, *Kampania obertyńska 1531 roku*, Warszawa 1962, p. 181.

of the war wagon, but a more serious confrontation did not take place as the hetman forbade the horsemen to leave the camp, because the Moldavians “surrounded the Polish camp and began to attack and invade the camp luring our people out to harc and used our customs against us,” as recorded Marcin Bielski, who participated in the battle.⁴⁴

In the same chronicle, Marcin Bielski wrote under the year 1568, that Filon Kmita, having gathered about 4000 men, set off for Smolensk, from where “a large number of Muscovites rode out outside the town to *harc*, but he crushed them and captured several of them so they no longer dared to leave.”⁴⁵

* * *

As we conclude this discussion of the various types of single combat or *harce*, let us also note the tasks of the *gończa* banner, which probably served as vanguard and was intended for initiating combat, to perform *harc*.⁴⁶ Its name, derived from Polish words *gonitwa* (a chase/hunt), *gonić* (to chase/hunt), and *goniec* (pursuer/hunter) comes from the now forgotten word ‘*gon*’, which in Old Polish variably meant a chase, a rush, a run, also a hunt and pursuit, a competition and a tournament, but also a measure of the length of land [for such a *gon*], i.e., *zagon* (a strip of farmland).⁴⁷ Grzegorz Knapski, in his dictionary from 1621, recorded that *gonitwá* was *zbiianie się* [fighting], *igrzysko* żołnierskie [military game], *ludicrum certamen*, *militia imaginaria*.⁴⁸

Although single combat was an almost permanent feature of battles, we do not know of any deed or document laying down its rules, if indeed any such document existed. Quoting a passage from the so-called ‘Hussite regulations’ concerning single combat (with horses) by Jan Hájek of Hodětín: “If anyone should

⁴⁴ BIELSKI, p. 1051.

⁴⁵ *Ibidem*, p. 1165.

⁴⁶ A. NADOLSKI, *op. cit.*, p. 65.

⁴⁷ F. SŁAWSKI, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, vol. 1: A–J, Kraków 1952–1956, pp. 316–318; *Słownik staropolski*, vol. 2, Wrocław–Kraków–Warszawa 1958, pp. 453–455; *Słownik polszczyzny XVI wieku*, vol. 7, ed. M.R. MAYENOWA, Wrocław *et al.* 1973, pp. 534, 540; *Wyrazy polskie w słowniku polsko-lacińskim Jana Mączyńskiego*, part 1: A–O, ed. W. KURASZKIEWICZ, Wrocław 1962, p. 116; *vide*: A. SAMSONOWICZ, *Łowiectwo w Polsce Piastów i Jagiellonów*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1991, pp. 23–24.

⁴⁸ G. KNAPSKI, *op. cit.*, p. 202.

knock an enemy off his horse during harc, to him the horse is to be given as a prize; and whoever should catch the horse, to him 60 groschen should be given from the one who knocked off the opponent, if he wants to have that horse.⁴⁹

Summarising the events presented above and their interpretations, I think that *harce* went through two stages as duels initiating a battle. Initially, *harce* was a duel between knights, often noble lords, in their normal combat gear, usually so-called ‘heavy armed’ cavalry (in full armour). After the 15th century *harce* evolved into *mêlées* of so-called ‘light armed’ warriors intended for reconnaissance tasks, taken over from the pursuit banner, but still carried out in single combat, that is, in duels: one-on-one, as in *duellum* – although these = may also have been collective confrontations [*sic*].

This text only hints at and, as it were, opens a page – so far, still unwritten – in the history of single combat and the exploits of distinguished skirmishers in Poland in modern times, whom we should consider as perpetuating old, mainly medieval, military customs.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła drukowane • Primary printed sources • Печатные источники

BIELSKI M., *Kronika polska*, ed. K.J. TUROWSKI, Sanok 1856.

DEUGOSZ J., *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, book 1–2, Warszawa 1973, book 5–6, Warszawa 1964, book 10, Warszawa 1985, book 10–11, Warszawa 1997, book 12/2, Kraków 2005.

GALLI ANONYMI, *Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum*, ed. K. MALECZYŃSKI, [in:] *Monumenta Poloniae Historica*, Series nova, vol. 2, Kraków 1952.

JOANNIS DE CZARNKOW, *Chronicon Polonorum*, ed. J. SZLACHTOWSKI, [in:] *Monumenta Poloniae Historica*, vol. 2, Lviv 1872.

⁴⁹ “Jestliže by kto zbold nepřitele na harci, tomu má ten kuoň býti dán; a ktož by ten kuoň lapil, tomu jedna kopa grošow dána býti má od toho, ktož onoho zboldl, ač chce a bude chtieti ten kuoň jmieti,” *Staročeské vojenské řády: Hájek – Vlček – Žižka*, ed. F. SVEJKOVSKÝ, introduction by J. DURDÍK, Praha 1952, p. 38. I would like to thank my colleague Tadeusz Grabarczyk from the Department of Medieval History at the University of Lodz, for pointing out this source.

- KNAPSKI G., *Thesaurus Polono-latino-graecus seu Promptuarium Linguae Latinae et Graece, Polonorum usui accomodatum*, Kraków [1621].
- Kronika książąt polskich*, ed. Z. WĘCLEWSKI, [in:] *Monumenta Poloniae Historica*, vol. 3, Lviv 1878.
- Kronika polska*, ed. L. ĆWIKLIŃSKI, [in:] *Monumenta Poloniae Historica*, vol. 3, Lviv 1878.
- Kronika Thietmara*, ed. M.Z. JEDLICKI, Poznań 1953.
- KRZYCKI A., *Carmina*, ed. K. MORAWSKI, Kraków 1888.
- KRZYCKI A., *Poezje*, transl. E. JĘDRKIEWICZ, ed. A. JELICZ, Warszawa 1962.
- MĄCZYŃSKI J., *Lexicon latino-polonicum ex optimis Latinae Linguae scriptoribus concinnatum*, [Königsberg] 1564.
- ORZECZOWSKI S., *Żywot i śmierć Jana Tarnowskiego, kasztelana krakowskiego i hetmana wielkiego koronnego*, ed. K.J. TUROWSKI, Sanok 1855.
- Ottonian Germany. The Chronicon of Thietmar of Merseburg*, transl. D.A. WARNER, Manchester 2001.
- PAPROCKI B., *Gniazdo cnoty*, Kraków 1578.
- Rocznik kapituły gnieźnieńskiej*, [in:] *Roczniki wielkopolskie*, ed. B. KÜRBIS, [in:] *Monumenta Poloniae Historica*, Series nova, vol. 6, Warszawa 1962.
- Rocznik kapituły poznańskiej*, [in:] *Roczniki wielkopolskie*, ed. B. KÜRBIS, [in:] *Monumenta Poloniae Historica*, Series nova, vol. 6, Warszawa 1962.
- Staročeské vojenské řády: Hájek – Vlček – Žižka*, ed. F. SVEJKOVSKÝ, introduction by J. DURDÍK, Praha 1952.

Opracowania • Secondary sources • Литература

- BANASZKIEWICZ J., „Nadzy wojownicy” – o średniowiecznych pogłoskach dawnego rytu wojkowego (Prokopiusz z Cezarei, Paweł Diakon, Girard z Walii, Sakso Gramatyk i Gall Anonim), [in:] J. BANASZKIEWICZ, *Takie sobie średniowieczne bajeczki*, Kraków 2013, pp. 361–389.
- BANASZKIEWICZ J., *Polskie dzieje bajeczne Mistrza Wincentego Kadłubka*, Wrocław 1998.
- CETWIŃSKI M., *Nie samym mieczem: broń heraldycznych bohaterów*, [in:] *Non sensistis gladios. Studia ofiarowane Marianowi Głóskowi w 70. rocznicę urodzin*, eds O. ŁAWRYNOWICZ, J. MAIK, P.A. NOWAKOWSKI, Łódź 2011, pp. 79–85.
- CONTAMINE P., *Wojna w średniowieczu*, transl. M. CZAJKA, Warszawa 1999.
- FLORI J., *Rycerze i rycerstwo w średniowieczu*, transl. E. TROJAŃSKA, Poznań 2003.
- IWAŃCZAK W., *Tropem rycerskiej przygody. Wzorzec rycerski w piśmiennictwie czeskim XIV wieku*, Warszawa 1985.
- LABUDA G., *Mieszko II król Polski (1025–1034). Czasy przełomu w dziejach państwa polskiego*, Kraków 1992.

- LINDE S.B., *Słownik języka polskiego*, vol. 2: G–L, ed. 3, Warszawa 1951.
- NADOLSKI A., *Grunwald. Problemy wybrane*, Olsztyn 1990.
- NOWAKOWSKI A., *O pewnym grunwaldzkim epizodzie*, [in:] *Arma et ollae. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Nadolskiemu w 70 rocznicę urodzin i 45 rocznicę pracy naukowej. Sesja naukowa, Łódź, 7–8 maja 1992 r.*, Łódź 1992, pp. 137–145.
- PIWOWARCZYK D., *Poczet rycerzy polskich XIV i XV wieku*, Warszawa 2004.
- SAMSONOWICZ A., *Łowiectwo w Polsce Piastów i Jagiellonów*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1991.
- SEMKOWICZ A., *Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384)*, Kraków 1887.
- SŁAWSKI F., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, vol. 1: A–J, Kraków 1952–1956.
- Słownik języka polskiego*, vol. 1: A–K, ed. M. SZYMCZAK, Warszawa 1978.
- Słownik polszczyzny XVI wieku*, ed. M.R. MAYENOWA, vol. 7, Wrocław *et al.* 1973, vol. 8, Wrocław *et al.* 1974.
- Słownik staropolski*, vol. 2, Wrocław–Kraków–Warszawa 1958.
- SPIERAŁSKI Z., *Kampania obertyńska 1531 roku*, Warszawa 1962.
- STRICKLAND M., *Provoking or Avoiding Battle? Challenge, Judicial Duel, and Single Combat in Eleventh- and Twelfth-Century Warfare*, [in:] *Armies, Chivalry and Warfare in medieval Britain and France. Proceedings of the 1995 Harlaxton Symposium*, ed. M. STRICKLAND, Harlaxton Medieval Studies VII, Stamford 1998, pp. 317–343.
- SZLESIŃSKI I., *Słownictwo wojskowe w wybranych tekstach literackich i historycznych XVII wieku*, Wrocław *et al.* 1985.
- SZYMCZAK J., *Pojedynki i harce, turnieje i gonitwy. Walki o życie, cześć, sławę i pieniądze w Polsce Piastów i Jagiellonów*, Warszawa 2008.
- SZYMCZAK J., *Rycerz i jego konie*, Bellerive-sur-Allier 2018.
- SZYMCZAK J., *Rycerz w hełmie, w zbroi i z tarczą*, Warszawa–Bellerive-sur-Allier 2016.
- SZYMCZAK J., *Sposoby zdobywania i obrony grodów w Polsce w okresie rozbitcia dzielnicowego*, “*Studia i Materiały do Historii Wojskowości*” 1979, vol. 22, pp. 3–63.
- SZYMCZAK J., *Z otwartą przyłbicą. Wojskowa i kulturowa rola hełmu w średniowieczu*, “*Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza*” 1995, no. 2, pp. 183–192.
- ŚLIWIŃSKI B., *Wojna o Nakło między księciem wschodniopomorskim Świętopełkiem a księciem poznańskim Przemysłem I i o okolicznościach zawarcia pokoju w Kcyni z lipca 1256 r.*, [in:] *In tempore belli et pacis. Ludzie – miejsca – przedmioty. Księga pamiątkowa dedykowana prof. dr. hab. Janowi Szymczakowi w 65-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowo-dydaktycznej*, eds T. GRABARCZYK, A. KOWALSKA-PIETRZAK, T. NOWAK, Warszawa 2011, pp. 485–494.
- Wyrazy polskie w słowniku polsko-łacińskim Jana Mączyńskiego*, part 1: A–O, ed. W. KURASZKIEWICZ, Wrocław 1962.
- ZIENTARA B., *Bolesław Wysoki – tułacz, repatriant, malkontent. Przyczynek do dziejów politycznych Polski XII wieku*, “*Przegląd Historyczny*” 1971, vol. 62 (3), pp. 367–396.

Jan Szymczak

HARCE, CZYLI SOLOWA WALKA PRZED BITWĄ

Streszczenie. Harce (węg.: *harcz*; wł.: *arciere*; ros.: стычка) to walki przed bitwą pojedynczych wojowników na oczach obu nieprzyjacielskich wojsk. Niekiedy był to pojedynek pomiędzy wodzami armii lub delegowanymi z niej najlepszymi wojownikami, który miał zadecydować o wyniku bitwy bez jej podjęcia.

Pierwsze miejsce na liście rycerzy rozstawiających sławę oręża polskiego zajmuje książę śląski Bolesław Wysoki, który w trakcie wyprawy włoskiej cesarza Fryderyka Barbarossy pokonał pod Mediolanem w 1162 r. przeciwnika olbrzymiego wzrostu. W XIII–XVI w. w Polsce harce były popularne w bitwach na otwartych polach i podczas oblężeń obiektów ufortyfikowanych. Uczestniczyli w nich zarówno ciężkozbrojni rycerze, jak i lekkozbrojni kawalerzyści.

Harce to zwyczaj znany od czasów starożytnych. Był popularny w epoce kawalerii rycerskiej w średniowieczu i utrzymał się w czasach nowożytnych.

Słowa kluczowe: Polska X–XVI w., wojna, solowe pojedynki, harcownicy, etos rycerski

Ян Шимчак

HARCE – «ХАРЦЭ», ИЛИ ПОЕДИНКИ ПЕРЕД БОЕМ

Аннотация. Старопольские *harce* – «харцэ» (венг.: *harcz*; ит.: *arciere*; укр.: герць; руск.: поединок) это вооруженная борьба отдельных воинов перед битвой на глазах вражеских армий. Иногда это был поединок между военачальниками или делегированными лучшими воинами, который должен был решить исход битвы, не вступая в нее.

Первое место в списке рыцарей, прославивших польское войско, занимает сilesский князь Болеслав Высокий, который во время итальянского похода императора Фридриха Барбароссы победил под Миланом в 1162 году противника огромного роста.

В XIII–XVI веках в Польше были популярны поединки перед сражениями в чистом поле и при осадах укрепленных объектов. В нем участвовали как тяжеловооруженные рыцари, так и легковооруженные кавалеристы.

Поединок – обычай, известный с древних времен. Он был популярен в эпоху рыцарской кавалерии в средние века, перешел он и в Новое время.

Ключевые слова: Польша X–XVI вв., война, одиночные поединки, поединщики, рыцарский этос

Yaroslav Andrusyak (Ярослав Андрусяк)

Высшее государственное учебное заведение
«Ужгородский национальный университет»

 ORCID ID: 0000-0002-7021-3402

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 161-176

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.07>

Yana Tovtyn (Яна Товтин)

Высшее государственное учебное заведение
«Ужгородский национальный университет»

 ORCID ID: 0000-0002-0558-0513

БИТВА ПРИ МОХАЧЕ 1526 Г. И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Аннотация. Проблема турецкой экспансии, в контексте которой рассматривается битва при Мохаче, является с исследовательской точки зрения весьма актуальной. События первой трети XVI в. кардинально изменили историческое развитие Центрально-Восточной Европы, что напрямую связано с результатами битвы при Мохаче (29 августа 1526 г.). Дата сражения стала хронологической границей в истории не только Венгерского, Чешского королевств и территорий, входивших в их состав (например, современные Словакия, Хорватия и других). Неудачная внутренняя политика представителей чешско-венгерской линии династии Ягеллонов привела к потере поддержки влиятельных чешских панов и венгерских магнатов. Не удалось привлечь в борьбу против турецкой агрессии ведущих монархов Европы. Венгерские и чешские сословия недооценили уровень опасности и заботились больше о собственных политических и экономических интересах. Все это привело к «Мохачской катастрофе», где погиб цвет венгерского дворянства. Согласно разным статистическими данным, королевское войско насчитывало 25 000–28 000 (из них 8000 иностранцев: чехи, поляки, хорваты, сербы, немцы, итальянцы, испанцы) воинов и 53–80 орудий. Численность турецкого войска составляла 55 000–65 000 воинов и 160 пушек. Поражение при Мохаче имело тяжелейшие геополитические последствия. Так, большинство венгерской мелкой и средней шляхты поддержало Яноша Запольяи, а представители высшей знати – Фердинанда I Габсбурга, избранного и на чешский трон. На карте Европы появилось зависящее от Турции Трансильванское княжество, а на другой части Венгрии возникла так называемая Королевская Венгрия. Таким образом, Турецкая империя установила гегемонию в центрально-восточном регионе Европы с дальнейшим расширением своего влияния.

Ключевые слова: Мохач, Центрально-Восточная Европа, битва, войска, турки, венгры, чехи, сословия, магнаты, шляхта

События первой трети XVI в. кардинально изменили историческое развитие Центрально-Восточной Европы ключевым из которых стало поражение войск Венгерского королевства в битве возле Мохача 29 августа 1526 г. Соответственно, проблема турецкой экспансии в данном контексте до сих пор является достаточно актуальной среди современных славистов, ориенталистов, гунгарологов и богемистов. В свое время ее изучал Ф.В. Сасинек¹. Сквозь призму общей истории венгерских земель исследователь вникал в борьбу за венгерский престол между Яношем Запольяи и Фердинандом I Габсбургом, а также отдельные аспекты внешней политики, в частности – отношения обеих венгерских королей с турецким султаном, внутреннее развитие страны после прекращения борьбы за венгерскую корону.

П. Раткош² в своем исследовании затрагивал вопросы турецких нападений 1529–1532 гг. в контексте противостояния за венгерский трон. Автор рассматривал данные события, пытаясь проанализировать основные мотивы турецких вторжений, их масштаб и последствия. Представленный материал аргументируется доступной источниковедческой базой.

П. Горват³ акцентировал внимание на последствиях этнических изменений в ходе турецкой экспансии. Отдельные аспекты исследуемой проблемы в своих трудах представили Я. Блашкович⁴ и В. Дангл⁵.

Кроме обобщающих работ, проблема османской экспансии нашла отражение и в более предметных студиях, например монографии В. Копчана и К. Крайчевичевой⁶, а также А. Горвата в соавторстве с В. Копчаном⁷. Труд первых двух авторов касается практически всех связанных с военно-окупационным положением словацких земель XVI в. аспектов, начиная

¹ F.V. SASINEK, *Stručný dejepis Uhorska*, Turčiansky Sv. Martin 1913, Díl 3.

² P. RATKOŠ, *Slovensko za osmanskej expanzie v rokoch 1526–1532 (Prva osmanska výprava na Slovensko r. 1530)*, „Historický časopis“ 1967, вин. 15, № 2, с. 219–235.

³ P. HORVÁTH, *Slovenská národnosť v 16. a 17. storočí*, „Historický časopis“ 1980, вин. 28, ч. 3, с. 364–379.

⁴ J. BLAŠKOVIČ, *K dejinám tureckej okupácie na Slovensku*, „Historické štúdie“ 1965, вин. 8, с. 95–117.

⁵ V. DANGL, *Bitky a bojiska. Od Wogastisbergu do Lomač*, Bratislava 1984, с. 251; IDEM, *Slovensko vo víre stavovských povstani*, Bratislava 1986, с. 216.

⁶ V. KOPČAN, *Slovensko v tieni polmesiaca*, Martin 1983, с. 216; IDEM, *Turecké nebezpečenstvo a Slovensko*, Bratislava 1986, с. 222.

⁷ A. HORVÁTH, *Turci na Slovensku*, Bratislava 1971, с. 210.

с проблем общего характера, продолжая описанием основных сражений, причин и следствий, и заканчивая разбором функционирования налоговой системы санджаков, деятельностью некоторых капитанов, строительством оборонительных систем и т. д. Книга А. Горвата и В. Копчана в словацкой исторической науке одна из первых посвящена общей характеристике турецкой экспансии и оккупации части современных словацких земель. Историки проанализировали развитие Османской империи сквозь призму общественных и военных аспектов, сыгравших важную роль в турецкой завоевательной политике.

Достаточно обстоятельно рассматриваемая проблема исследована в еще одной работе В. Копчана. Ее ценность в привлечении автором большого количества источников – как архивных, так и опубликованных документов словацкого, венгерского, чешского и турецкого происхождения. Историк затрагивает важные вопросы, раскрывающие не только последовательность оккупации словацких земель, но и указывающие на их внешнеполитические причины.

Трудом, в котором едва ли не наиболее полно изображены исторические события 1526–1610 гг., является, составленное знатоками турецкой проблематики в Словакии, В. Данглом и В. Копчаном, исследование⁸. Его ценность в традиционном привлечении большого количества источников, в частности хроник и материалов эпистолярного жанра. Кроме освещения общих и отдельных аспектов данного вопроса, значительное внимание уделяется раскрытию событий борьбы за венгерскую корону, турецких нападений, причин османской экспансии, ее этапов и результатов.

Последствия битвы под Мохачем нашли свое отражение и в относительно недавно появившихся трудах. Н. Мальярикова⁹ анализирует вопрос об изменении статуса словацких земель и разделение Венгрии. Основная часть текста работы касается именно событий после поражения венгерских войск под Мохачем в 1526 г. и распада страны в 1547 г. на три части.

Историческое развитие центрально-европейских земель после поражения при Мохаче и до раздела Венгрии в ряде своих статей описывал

⁸ V. DANGL, *Vojenské dejiny Slovenska. II zväzok. 1526–1711*, Bratislava 1995, с. 226.

⁹ N. MALIARIKOVÁ, *Uhorské dejiny a Slovensko*, „Historická revue“ 2004, вин. 15, ч. 7–8, с. 3, 14.

М. Складаны¹⁰. Ключевыми сюжетами его работ являются борьба за венгерскую корону, роль Османской империи в распаде Венгрии. Исследователь также представил краткое описание реформационных идей на словацких землях, затрагивая вопросы принятых символов веры и постановлений Жилинского синода.

Наиболее совершенными исследованиями, посвященными битве при Мохаче являются монографии и статьи Й. Сабо и З. Вибирала¹¹.

Попытки описать общую картину развития событий начала XVI в. встречаются и в обобщающих работах начала XXI в.¹² В эпицентре внимания авторских коллективов – последствия Мохачской катастрофы 1526 г.¹³

В исследованиях венгерских ученых заметное место занимает так называемый послемохачский период. Наибольший интерес представляют вопросы борьбы за венгерскую корону на фоне турецкой экспансии. Именно истории османской оккупации посвятил свою статью П. Фодор¹⁴. Последствия османского влияния на историческое развитие Трансильвании исследовала Т. Оборни¹⁵. Целесообразно вспомнить и работу шотландского историка-востоковеда Джона Патрика Дугласа Бальфура, барона Кинросса *Расцвет и падение Османской империи*¹⁶. Отдельные аспекты борьбы с турецкой угрозой представлены в трудах советских, российских и украинских исследователей Л. Лаптевой, Ю. Петросяна, А. Крымского, Я. Товтин¹⁷ и т. д.

¹⁰ M. SKLADANÝ, *Slovensko ako suplent „Uhorského kralovstva“, „Priroda a spoločnosť“* 1970, вин. 19, ч. 3, с. 40–45; IDEM, *V smutných časoch pomoháčskych*, „Historická revue“ 2005, вин. 11, ч. 6, с. 18–20.

¹¹ J. SZABÓ, *Mohács*, Budapest 2006; *Sperfogel Konrád löcsei városi tanácsos naplója (részlet)*, ред. J. SZABÓ, Budapest 2006; Z. VYBÍRAL, *Bitva u Moháče: Krvavá porážka uherského a českého krále Ludvíka Jagellonského v boji s Osmany 29. srpna 1526*, Praha 2008, с. 226.

¹² *Dejiny Slovenska II. (1526–1848)*, ред. V. MATULA, J. VOZÁR, J. SZABÓ et al., Bratislava 1987, с. 856; *Dejiny Slovenska*, ред. D. ČAPLOVIČ, V. CIČAJ, D. KOVAČ, Bratislava 2000, с. 310.

¹³ *Krátke dejiny Slovenska*, ред. E. MANNOVÁ, Bratislava 2003, с. 368.

¹⁴ P. FODOR, *A szimurg és a sárkány: az Oszmán Birodalom és Magyarország (1390–1533)*, [в:] *Közép-Európa harca a török ellen a 16. század első felében*, ред. I. ZOMBORI, Budapest 2004, с. 9–35.

¹⁵ T. OBORNI, *Tartományból ország: Erdélyi változások a 16. század első felében*, [в:] *Közép-Európa...*, с. 165–178.

¹⁶ ЛОРД КИНРОСС, *Расцвет и упадок Османской империи*, Москва 1999.

¹⁷ Л.П. ЛАПТЕВА, *История Чехии периода феодализма (X – середина XVII ст.)*. Учебное пособие, Москва 1993; Ю. ПЕТРОСЯН, *Османская империя*, Москва 2013; А. КРИМСЬКИЙ,

Следует отметить, что ключевые источники указанной в названии статьи проблемы надлежащим образом обработаны и изданы в нескольких сборниках, например: *Источники из истории Словакии и словаков, Мохач, История в документах*¹⁸ и др.

Цель нашего исследования – проанализировать сражение при Мохаче 1526 г., раскрыв влияние его последствий на, в целом, геополитическую ситуацию в Центрально-Восточной Европе. В ходе поставленной задачи попытаемся осветить предпосылки, повод и причины битвы при Мохаче; проследить ее ход; раскрыть последствия поражения венгерских войск и их союзников; определить геополитические изменения, произошедшие далее в близлежащих странах.

«Мохачская катастрофа» и гибель короля Людовика II (1516–1526) ознаменовали конец чешско-венгерской династической ветви Ягеллонов, а также наступление хронологического важного рубежа в истории обеих стран. 180 лет, разделяющих поражение под Мохачем и Сатмарский мир отождествляются с периодом кризиса на землях Центральной Европы. Битва 29 августа 1526 г., в которой турецкие войска Сулеймана I Великолепного (1520–1566) победили войско 21-летнего венгерского короля Людовика II, по мнению большинства исследователей, непосредственно повлияла на дальнейший ход истории в данной части континента, практически полностью изменив здесь расположение политических сил на протяжении последующих 160 лет господства Османской династии. Турки открыли дорогу к центру Венгрии, превратившейся в своеобразный форпост для дальнейших вторжений в Западную Европу. Период, когда часть страны попала под влияние и власть мусульман, оставил глубокий след в духовной и материальной культуре местного населения.

Исторія Туреччини, Київ–Львів 1996; Я. Товтин, *Суспільно-політичне становище словацьких земель у складі монархії Габсбургів (1526–1610 рр.)*, Ужгород 2011.

¹⁸ J. SZABÓ, *op. cit.*; *Opis nešťastnej bitky pri Moháči Mikuláša Ištvaního, Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov VII, Turci v Uhorsku I, Život v Uhorskom kralovstve počas tureckých vojen od tragickej bitky pri Moháči až do Bratislavského snemu*, ред. P. DVOŘÁK, Bratislava 2005, с. 22–24; *Verný opis tureckej masakry po bitke pri Moháči, Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov VII, Turci v Uhorsku I, Život v Uhorskom kralovstve počas tureckých vojen od tragickej bitky pri Moháči až do Bratislavského snemu*, ред. P. DVOŘÁK, Bratislava 2005, с. 25–26; J. KVIRENC, E. KUNSTOVÁ, *České dějiny do roku 1914. Historie v dokumentech*, Liberec 2006.

Заметим, что турецкая опасность висела над Европой уже несколько десятилетий. Однако венгерских королей, начиная со второй половины XV в., она волновала не слишком сильно. Попытка короля Владислава II Ягеллона (1471–1516) начать войну с турками в 1500 г. потерпела фиаско потому, что шляхта не имела ни желания принимать в ней участие, ни средств для этого. Крестовый поход 1514 г. закончился крестьянским восстанием под предводительством Дьердя Дожи, королевская казна была опустошена, из-за чего не было возможности вооружить войско даже для защиты страны¹⁹.

Крепости, построенные вдоль рек Сава и Дунай, были главной оборонной линией против турок, но в результате повреждений утратили свое первичное военное предназначение. Например, одна из крепостей, Белград, в 1521 г. вела оборонные действия старым и непригодным оружием.

В правление Людовика II внутренние противоречия еще больше усложнились. Таким образом, в 1526 год королевство Венгрия вступило бедным, политически разобщенным и в военном отношении слабо организованным. В свою очередь, Османская империя в это же время переживала мощный расцвет. Селим I Грозный, отец Сулеймана I, проводил удачную захватническую политику. Одержав победу над персидским шахом и взяв главный город Персии – Тавриз, он продвинулся к Курдистану, Сирии и Египту. С его смертью и приходом к власти в огромной стране Сулеймана I дальнейшему продвижению Османов в Европе мешало Венгерское королевство²⁰.

Турецкий вопрос остро встал после того, как Сулейман I в течение лета 1524 г. захватил достаточно важные крепости Печ (*Pétikosteli*), Оршаву (*Orschowa*) и Северин (*Caras-Severin*). Это вызвало возмущение сословий бездеятельностью короля и его окружения, не сумевших обеспечить необходимую оборону. Ходили слухи, что граф Янош Запольяи (1526–1540) и граф Темеша Петр из Перина специально оставили эти укрепления без достаточного количества воинов, чтобы спровоцировать недовольство властью. Это привело к нагнетанию противоречий между магнатами и шляхтой, значительно усложнив ситуацию в стране. Отметим, что

¹⁹ E. MANNOVÁ, *A Concise History of Slovakia*, Bratislava 2000, с. 111.

²⁰ D. KOVÁČ, *Kronika Slovenska I. Od najstarších čias do konca 19. storočia*, Bratislava 1998, с. 217.

венгерские сословия так и не смогли достичь соглашения и объединиться в период опасности²¹.

Людовик II возлагал большие надежды на венгерские и чешские войска. Выступив из Буды, король рассчитывал на венгерское войско – до 50 000, из Чехии и Моравии – до 16 000 В Фёльдваре (*Dunaföldvár*), куда он прибыл 28 июля 1526 г., его ожидали две плохие новости – потеря Петроварадина (*Petrovaradin*), захваченного турками после осады 13–27 июля 1526 г., а также задержка Яноша Запольяи и хорватов (последние должны были выслать пять тыс. тяжеловооруженных рыцарей и 10 000 пехоты). Можно предположить, что Янош Запольяи намеренно задержался возле Затисья (приблизительно 400 км. от Мохача), с целью использовать текущую ситуацию в своих дальнейших планах получения венгерской короны. Другая версия связана с географическими особенностями Балкан. Следует заметить, что точных данных о перемещении турецких войск не было. Какое направление выбрали османы стало известно лишь тогда, когда они перешли Балканы (главной целью турок была Буда). Таким образом, Янош Запольяи защищал путь через Трансильванию, не зная направления движения армии врага. Несмотря на то, что он, по сути, не смог предоставить помощь, к королю присоединился его брат, граф Дьердь Запольяи (1488–1526) с пятью тыс. воинов. К королевскому войску также прибыл присланный Сигизмундом I польский воевода Леонард Гноенски с 1500 воинами²².

Главным препятствием и опасностью для войск Сулеймана I было форсирование р. Драва, впадавшей в Дунай недалеко от города Осиек (хорв. *Osijek*). Однако, не встретив никакого сопротивления в таком стратегически важном месте, турки, построив наплавной мост, на протяжении 21–23 августа 1526 г. беспрепятственно переправились на другой берег. Заметим, что 8 августа 1526 г. в Осиек был отправлен Иштван Батори (1477–1534) с целью помешать переправе. Однако, местная знать отказалась подчиниться ему, аргументировав это решение тем, что они сохраняют свои отряды для генеральной битвы. Сбор войск короля Людовика II

²¹ F. PALÁSKÝ, *Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě*, Praha 1930, Díl 5, s. 563.

²² Я.Я. Андрусяк, *Чесько-турецьке протистояння за правління Владислава II та Людовика II Ягеллонів (кінець XV – перша чверть XVI ст.)*, „Історичний часопис з богемістики і словачістики” 2018, вип. 7, с. 25–26.

состоялся в Тольне 6–14 августа 1526 г., однако его численность была меньшей от ожидаемой.

Соответственно, королевское войско насчитывало 25 000–28 000 воинов (из них 8000 иностранцев – чехи, поляки, хорваты, сербы, немцы, итальянцы, испанцы) и 53–80 пушек. Его возглавили архиепископ Пал Томори (1475–1526), хорватский бан Ференц Баттьяни (1497–1566) и трансильванский воевода Петр Переньи (1502–1548). 19 августа 1526 г. войско стало лагерем под местечком Мохач (венгр. *Mohács*). Численность турецкого войска составляла 55 000–65 000 воинов, артиллерийских орудий насчитывалось 160. На венгерском военном собрании было принято решение не отступать, а дать бой на болотистой равнине под Мохачем между реками Дунай и Драва, ставший на тот момент кульминационным в противостоянии с Османской империей²³.

Король Людовик II возлагал большие надежды на венгерские и чешские войска. Он рассчитывал на чешское и моравское войско численностью до 16 000 чел. Однако помощь оказалась меньшей от ожидаемой. Известно, что на присланные папой Римским средства (25 000 дукатов), удалось нанять 4000 чешских и немецких, а также 1500 польских жолднеров. Количество прибывших чешских войск достоверно неизвестно. В распоряжении короля было также около 1300 моравских жолднеров. Что касается графа Яноша Запольяи, то он с войском (около 8000–10 000 чел.) на бой опоздал. Исходя из основной версии, считается, что он предал короля. При таком раскладе сил явное преимущество было у османов²⁴.

Турки начали тактические маневры в пять часов утра 29 августа 1526 г. Профессиональная пехота (янычары) и кавалерия (сипахи) заняли центр армии во главе с Яхья-пашой. Их поддерживала артиллерия. На левом фланге разместились Румелийская армия – сипахи и акинджи (легкая кавалерия) под командованием Ибрагима-паши. На правом фланге находилась Анатолийская армия (сипахи и акинджи) под предводительством

²³ *Мохач – 1526. 100 битв которые изменили мир*, Москва 2014, № 181, с. 13–14.

²⁴ Y. ANDRUSYAK, *The Opposition of the Ottoman Empire and the Holy Roman Empire in Central and Eastern Europe and the Position of the Czech Szlachta (the End of the XVth – the 30-ies of the XVIth Century)*, „Skhidnoievropeiskiy istorychnyi visnyk [East European Historical Bulletin]” 2020, № 15, т. 3, с. 29–30.

Бехрем-паши. Резервный корпус янычар и капитул (кавалерии султана) возглавил Сулейман I.

Войско короля Людовика II расположилось следующим образом. Центр заняли пехота (крестьяне) и артиллерия под личным руководством главнокомандующего армией епископа Пала Томори. За ним разместился резерв – тяжелая артиллерия и наемная пехота с королем Людовиком II. Левое крыло – тяжелая и легкая кавалерия во главе с Петром Переньи, а правое – бан Ференц Баттьяни.

Битва началась после обеда в четыре часа и закончилась через два часа полным поражением королевских войск. Причина провала – неудачная атака венгерских войск, планировавших сперва отбить атаку турок, однако увидев, что те укрепляют позиции и готовятся к послеобеденной молитве, нанеших неожиданный удар. При поддержке артиллерии тяжелая кавалерия отеснила Румелийскую армию. Но, расстояние в 2 км., которое кавалерия преодолела за несколько минут, для пехоты длилось свыше 30 минут. Туркам этого было достаточно, чтобы мобилизоваться и отбить атаку. Еще одной ошибкой венгерских войск была преждевременная иллюзия победы, о которой сообщили самому королю, и тот с резервом двинулся на помощь. Это привело к тому, что венгерская кавалерия попала под удар турецкой артиллерии. К канонаде присоединились янычары, применившие мушкетный залп. Левое крыло венгерских войск начало отступление, а остальные вскоре попали в окружение²⁵. Официальная историографическая версия свидетельствует, что король Людовик II погиб, пытаясь спастись бегством (перебираясь через дунайскую затоку Челе (*Csele-patak*), он упал с раненого коня и утонул)²⁶.

В письме папского легата А. Буржио в Рим указано, что „29 числа прошлого месяца, в среду Его Высочество принял бой с турками, который закончился полным поражением наших”²⁷. Немецкие хроники за ноябрь 1526 г. писали, что турки уничтожили все население в окрестности, кроме детей до семи лет. Описание событий епископа С. Бродарича фиксирует

²⁵ *Мохач – 1526...*, с. 16–27.

²⁶ J. ČECHURA, *České země v letech 1437–1526. Jagellonci na českém trůně 1471–1526*, Praha 2012, Díl 2, с. 206; Z. VYBÍRAL, *op. cit.*, с. 73–75; Л.П. ЛАПТЕВА, *op. cit.*, с. 105; J. KVIRENC, E. KUNSTOVÁ, *op. cit.*, с. 93; ЛОРД КИНРОСС, *op. cit.*, с. 202–203.

²⁷ *Antonio Giovanni da Burgio pápai követ levele Jacobo Saboletto pápai titkárnak, Pozsony, 1526 szeptember 5*, Mohács–Budapest 2006, с. 93–94; D. KOVÁČ, *op. cit.*, с. 217.

списки погибших, среди которых были как церковные, так и политические деятели²⁸. Всех пленных (около 1500 чел.) по приказу Сулеймана I казнили. Погибли архиепископы Салкан, Томори (всего семеро прелатов), Дьердь Запольяи, Ян Драгфи, Амврож Шаршень (всего 28 панов и 500 шляхтичей)²⁹. По результатам последних исследований под Мохачем погибло около 10 000 венгерских пехотинцев (5/6 целого пешего войска), 4000 всадников (1/3 всех всадников страны) и около 5000 местного населения. Таким образом, Мохачская битва унесла жизнь более чем 35 000 человек. Через две недели, 10 сентября 1526 г., турки захватили Буду. Заметим, что османские войска были остановлены только под Веной в 1529 г.³⁰

Следует отметить, что данное поражение было в первую очередь результатом внутренней несобранности Венгрии, чем воспользовались турки, господствовавшие на трети ее территории 160 лет. Однако Османы встретились с сопротивлением династии Габсбургов, имевших после трагической гибели Людовика II Ягеллона право на венгерский престол³¹. Именно Фердинанд I Габсбург (1526–1564) подготовил почву для дальнейшего противостояния с Османской империей³².

После Мохачской победы шансы Сулеймана I развить дальнейшее наступление в направлении Вены значительно улучшились. Султану удалось нейтрализовать Польшу, а французский король, претерпев сокрушительное поражение от императора Карла V, предложил ему поддержку против Габсбургов³³. Кроме собственно военных последствий, события под Мохачем имели серьезные геополитические последствия. Так, большинство венгерской мелкой и средней шляхты поддержало Яноша I

²⁸ *Verný opis...*, с. 25; I. BRODARICS, *Igaz történet a magyarok és Szulejmán török császár ütközetéről, 1527, Mohács–Budapest* 2006, с. 143.

²⁹ J. SZABÓ, *op. cit.*, с. 143; *Sperfogel Konrád...*, с. 155–156; *Opis nešťastnej bitky...*, с. 22–24; *Verný opis...*, с. 25–26.

³⁰ А. КРИМСЬКИЙ, *op. cit.*, с. 161; Ю. ПЕТРОСЯН, *op. cit.*, с. 69–70.

³¹ J. BAĎURÍK, *Osobitosti habsburskej politiky Ferdinanda I v čase po Moháči*, [В:] *Slovensko v habsburskej monarchii, 1526–1918*, ред. J. BAĎURÍK, P. KÓNYA, Bratislava 2000, с. 26.

³² J. LUKAČKA, *Pokusy Habsburgovcov o prienik do Uhorska v období stredoveku*, [В:] *Slovensko v habsburskej monarchii...*, с. 21.

³³ P. FODOR, *op. cit.*, с. 30.

Запольяи, представители высшей шляхты – Фердинанда I Габсбурга одновременно, согласно матримониальному пакту 1515 г., ставшим и чешским королем³⁴.

Итак, катастрофа при Мохаче спровоцировала распад средневекового венгерского государства. После легкой победы над Людовиком II перед турками открылся путь на запад. Однако видимо султан и визирь Ибрагим не ожидали такого моментального разгрома и поэтому не были готовы к быстрой интервенции вглубь Венгрии. Одновременно в Анатолии происходили восстания, нуждавшиеся в подавлении. Продовольственные запасы империи временно опустели именно тогда, когда после смерти венгерского короля в стране началась борьба за престол³⁵.

Выводы. Таким образом, объяснение поражения под Мохачем следует искать не только в неправильной тактике ведения боя или в более слабой и менее многочисленной армии Венгерского королевства. Они гораздо глубже. Прежде всего, это политические и социально-экономические причины.

В первую очередь, следует обратить внимание на саму систему государственного правления в Венгерском и Чешском королевствах при династии Ягеллонов, возглавивших данные сословно-представительные монархии. Власть принадлежала панам, магнатам, рыцарям, прелатам, а полномочия короля были существенно ограничены. Большинство дворян и знати не должны были выполнять прямую воинскую повинность. Поэтому система сеймов решала вопросы войны и мира.

Во-вторых, население постоянно страдало от произвола знати, негативно отражаясь на социально-экономических отношениях в целом. Не все в порядке было и в плане религиозных отношений, особенно в Чехии. Неудачная внутренняя политика представителей чешско-венгерской линии династии Ягеллонов привела к потере поддержки среди чешских панов, венгерских магнатов и представителей горожан.

В-третьих, к борьбе против турецкой агрессии не удалось привлечь ведущих монархов Европы. Сословия недооценили уровень опасности

³⁴ I.G. Tóth, *Millenniumi magyar történet. Magyarország története a honfoglalástól napjainkig*, Budapest, с. 234; M. SKLADANÝ, *Slovensko ako suplent...*, с. 44; Я. ТОВТИН, *op. cit.*, с. 35–36; J. BAÐŪRÍK, *op. cit.*, с. 15; J. ČECHURA, *op. cit.*, с. 64–80.

³⁵ P. FODOR, *op. cit.*, с. 30.

и больше заботились о собственных политических и экономических выгодах. Свидетельством этого являются письма чешских господ, рыцарей, горожан. Имея обязанность оказывать военную помощь королю только в случае непосредственной опасности для Чешского королевства, Людовик II, по сути, был предан собственными сословиями. Чешская высшая шляхта уже не принимала непосредственного участия в военных кампаниях, а мелкая знать от этой повинности могла откупиться.

Однако, как покажет история, последствия «Мохачской катастрофы» Чешское королевство ощутило позже. Сначала чешское население особых изменений не чувствовало. Турки были остановлены под Веной и не вторгались больше в чешские земли. Скрытой угрозой стала династия Габсбургов. Уже в 30-х гг. XVI в. возникли тенденции к централизации власти, а после 1547 г. и к абсолютизму. В отношении к венгерским землям последствия были еще более значительнее. Страна оказалась разделенной, а значительная часть венгерского дворянства, имеющая управленческие функции, уничтожена. Появилось Трансильванское княжество (вассал Турции) и возникла так называемая Королевская Венгрия (принадлежала Габсбургам). Все это привело к значительным геополитическим изменениям в Центрально-Восточной Европе.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

Antonio Giovanni da Burgio pápai követ levele Jacobo Saboletto pápai titkárnak, Pozsony, 1526 szeptember 5, Mohács– Budapest 2006, c. 93–94.

BRODARICS I., *Igaz történet a magyarok és Szulejmán török császár ütközetéről, 1527, Mohács–Budapest 2006, c. 134–155.*

KVIRENC J., KUNSTOVÁ E., *České dějiny do roku 1914. Historie v dokumentech, Liberec 2006.*

Opis nešťastnej bitky pri Moháči Mikuláša Ištvániho, Pramene k dejinám Slovenska a Slovakov VII, Turci v Uhorsku I, Život v Uhorskom kralovstve počas tureckých vojen od tragickéj bitky pri Moháči až do Bratislavského snemu, ред. P. DVOŘÁK, Bratislava 2005, c. 22–24.

Sperfogel Konrád lőcsei városi tanácsos naplója (részlet), ред. J. SZABÓ, Mohács–Budapest 2006, с. 155–156.

Verný opis tureckej masakry po bitke pri Moháči, Pramene k dejinám Slovenska a Slovakov VII, Turci v Uhorsku I, Život v Uhorskom kralovstve počas tureckých vojen od tragickej bitky pri Moháči až do Bratislavského snemu, ред. P. DVOŘÁK, Bratislava 2005, с. 25–26.

Opracowania • Secondary sources • Литература

Андрусак Я.Я., *Чесько-турецьке протистояння за правління Владислава II та Людовіка II Ягеллонів (кінець XV– перша чверть XVI ст.)*, „Історичний часопис з богемістики і словакістики” 2018, вип. 7, с. 22–32.

Історія Центрально-Східної Європи. Посібник для студентів історичних і гуманітарних факультетів університетів, ред. Л. ЗАШКІЛЬНЯКА, Львів 2001.

КИНРОСС ЛОРД, *Расцвет и упадок Османской империи*, Москва 1999.

КРИМСЬКИЙ А., *Історія Туреччини*, Київ-Львів 1996.

ЛАПТЕВА Л.П., *История Чехии периода феодализма (X – середина XVII ст.)*. Учебное пособие, Москва 1993.

Мохач – 1526. 100 битв которые изменили мир, Москва 2014, № 181.

ПЕТРОСЯН Ю., *Османская империя*, Москва 2013.

ТОВТИН Я., *Суспільно-політичне становище словацьких земель у складі монархії Габсбургів (1526–1610 рр.)*, Ужгород 2011.

ANDRUSYAK Y., *The Opposition of the Ottoman Empire and the Holy Roman Empire in Central and Eastern Europe and the Position of the Czech Szlachta (the Eend of the XVth – the 30-ies of the XVIth Century)*, „Skhidnoievropeiskyi istorychnyi visnyk [East European Historical Bulletin]” 2020, № 15, т. 3, с. 23–34.

BAĎURÍK J., *Osobitosti habsburskej politiky Ferdinanda I v čase po Moháči*, [В:] *Slovensko v habsburskej monarchii. 1526–1918*, ред. J. BAĎURÍK, P. KÓNYA, Bratislava 2000, с. 122.

BLAŠKOVÍČ J., *K dejinám tureckej okupácie na Slovensku*, „Historické štúdie” 1965, т. 8, с. 95–117.

ČECHURA J., *České země v letech 1437–1526. Jagellonci na českém trůně 1471–1526*, Praha 2012, Díl 2.

DANGL V., *Bitky a bojiska. Od Wogastisbergu do Lomač*, Bratislava 1984.

DANGL V., *Slovensko vo vire stavovských povstaní*, Bratislava 1986.

DANGL V., *Vojenské dejiny Slovenska. II zväzok. 1526–1711*, Bratislava 1995.

Dejiny Slovenska II. (1526–1848), ред. V. MATULA, J. VOZAÁR, J. SZABÓO, K. KRÁLOVA, D. ŠKVARNA, H. BAKALJAROVÁ, L. BORODÁČ, R. BUNČÁK, M. ČERVEŇANSKÝY, P. FIRAÁK, O. GAŽOVÁ, Bratislava 1987.

- Dejiny Slovenska*, ред. D. ČAPLOVIČ, V. CIČAJ, D. KOVAČ, L. LIPTÁK, J. LUKAČKA, Bratislava 2000.
- FODOR P., *A szimurg és a sárkány: az Oszmán Birodalom és Magyarország (1390–1533)*, [B:] *Közép-Európa harca a török ellen a 16. század első felében*, ред. I. ZOMBORI, Budapest 2004, с. 9–37.
- HORVÁTH A., *Turci na Slovensku*, Bratislava 1971.
- HORVÁTH P., *Slovenská národnosť v 16. a 17. storočí*, „Historický časopis” 1980, вин. 28, ч. 3, с. 364–379.
- KOPČAN V., *Slovensko v tieni polmesiaca*, Martin 1983.
- KOPČAN V., *Turecké nebezpečenstvo a Slovensko*, Bratislava 1986.
- KOVÁČ D., *Kronika Slovenska I. Od najstarších čias do konca 19. storočia*, Bratislava 1998.
- Krátke dejiny Slovenska*, ред. E. MANNOVÁ, Bratislava 2003.
- LUKAČKA J., *Pokusy Habsburgovcov o prienik do Uhorska v období stredoveku*, [B:] *Slovensko v habsburskej monarchii. 1526–1918*, ред. J. BAÐURÍK, P. KÓNYA, Bratislava 2000, с. 15–23.
- MALIARIKOVÁ N., *Uhorské dejiny a Slovensko*, „Historická revue” 2004, вин. 15, ч. 7–8, с. 3, 14.
- MANNOVÁ E., *A Concise History of Slovakia*, Bratislava 2000.
- OBORNI T., *Tartományból ország: Erdélyi változások a 16. század első felében*, [B:] *Közép-Európa harca a török ellen a 16. Század első felében*, ред. I. ZOMBORI, Budapest 2004, с. 165–178.
- PALACKÝ F., *Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě*, Praha 1930, Díl 5.
- RATKOŠ P., *Slovensko za osmanskej expanzie v rokoch 1526–1532 (Prva osmanska výprava na Slovensko r. 1530)*, „Historický časopis” 1967, вин. 15, № 2, с. 219–235.
- SASINEK F.V., *Stručný dejepis Uhorska*, Turčiansky Sv. Martin 1913, Díl 3.
- SKLADANÝ M., *Slovensko ako suplent „Uhorskeho kralovstva”*, „Príroda a spoločnosť” 1970, вин. 19, ч. 3, с. 40–45.
- SKLADANÝ M., *V smutných časoch pomoháčskych*, „Historická revue” 2005, вин. 11, ч. 6, с. 18–20.
- SZABÓ J., *Mohács*, Budapest 2006.
- TÓTH I.G., *Millenniumi magyar történet. Magyarország története a honfoglalástól napjainkig*, Budapest 2022.
- VYBÍRAL Z., *Bitva u Moháče: Krvavá porážka uherského a českého krále Ludvíka Jagellonského v boji s Osmany 29. srpna 1526*, Praha 2008.

Yaroslav Andrusyak, Yana Tovtyn

BATTLE OF MOHACS 1526 AND ITS IMPACT ON THE GEOPOLITICAL SITUATION IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Summary. The problem of Turkish expansion, in the context of which the Battle of Mohacs is considered, is very relevant among researchers. Events of the first third of the 16th century radically changed the historical development of the region of Central-Eastern Europe, and this change was directly related to the defeat at the Battle of Mohacs on August 29, 1526. The date of the battle became a chronological border in the history of the Hungarian, Czech Kingdom and adjacent territories (Slovakia, Croatia and others). The unsuccessful internal policy of the representatives of the Czech-Hungarian line of the Jagiellonian dynasty led to a loss of support among the Czech szlachta and Hungarian magnates. It was not possible to attract the advanced monarchs of Europe to the fight against Turkish aggression. The Hungarian and Czech estates underestimated the level of danger and cared more about their own political and economic interests (The unsuccessful policy of the representatives of the Czech and Hungarian Jagiellon dynasty led to the loss of the support among the Czech lords, Hungarian magnates). All this led to the „Mohacs catastrophe”, where the flower of the Hungarian nobility died. According to various statistics, the royal army numbered 25 000–28 000 (of which 8000 foreigners: Czechs, Poles, Croats, Serbs, Germans, Italians, Spaniards) soldiers and 53–80 guns. The number of Turkish troops was 55 000–65 000 soldiers and 160 guns. The defeat at Mohacs had serious geopolitical consequences. Thus, the majority of the Hungarian small and middle gentry supported Janos Zapolyai, and representatives of the higher gentry supported Ferdinand I of Habsburg, who was also elected to the Czech throne. The Transylvanian principality appeared (depended on Turkey), and the so-called Royal Hungary arose on the other part of Hungary. Thus, the Turkish Empire established hegemony in the central-eastern region of Europe.

Keywords: Mohacs, Central-Eastern Europe, battle, troops, Turks, Hungarians, Czechs, estates, magnates, gentry

Yaroslav Andrusyak, Yana Tovtyn

BITWA POD MOHACZEM 1526 ROKU I JEJ WPŁYW NA SYTUACJĘ GEOPOLITYCZNĄ W EUROPIE ŚRODKOWO-WSCHODNIEJ

Streszczenie. Problem ekspansji tureckiej, w której kontekście jest rozpatrywana bitwa pod Mohaczem, jest bardzo istotny z perspektywy badawczej. Wydarzenia z pierwszej połowy XVI w. radykalnie zmieniły historyczny rozwój Europy Środkowo-Wschodniej, co jest bezpośrednio związane z wynikiem bitwy pod Mohaczem (29 sierpnia 1526). Data bitwy stała się punktem odniesienia w dziejach nie tylko Królestwa Węgierskiego, Czeskiego i obszarów wchodzących w ich skład (np. współczesnej Słowacji, Chorwacji i in.). Nieudana polityka wewnętrzna przedstawicieli linii czesko-węgierskiej dynastii Jagiellonów doprowadziła do utraty poparcia wpływowych panów czeskich i magnatów węgierskich. Nie udało się przyciągnąć czołowych monarchów Europy do walki z agresją turecką. Węgierskie i czeskie stany nie doceniły poziomu zagrożenia i dbały bardziej o własne interesy polityczne i gospodarcze. Wszystko to doprowadziło do „katastrofy pod Mohaczem”, w której zginął kwiat szlachty węgierskiej. Według

różnych danych statystycznych armia królewska liczyła 25 000–28 000 żołnierzy (w tym 8000 cudzoziemców: Czechów, Polaków, Chorwatów, Serbów, Niemców, Włochów, Hiszpanów) i miała do dyspozycji 53–80 dział. Liczebność wojsk tureckich wynosiła 55 000–65 000 ludzi, a na ich wyposażeniu było 160 dział. Klęska pod Mohaczem miała poważne konsekwencje geopolityczne. Większość drobnej i średniej szlachty węgierskiej poparła Jana Zápolye, a przedstawiciele szlachty wyższej poparli Ferdynanda I Habsburga, który także został wybrany na tron czeski. Na mapie Europy pojawiło się zależne od Turcji Księstwo Siedmiogrodzkie, w innej zaś części Węgier powstały tzw. Węgry Królewskie. W ten sposób Imperium Tureckie ustanowiło hegemonię w środkowo-wschodnim regionie Europy z dalszą ekspansją swoich wpływów.

Słowa kluczowe: Mohacz, Europa Środkowo-Wschodnia, bitwa, wojska, Turcy, Węgrzy, Czesi, stany, magnaci, szlachta

Taras Kovalets

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

ORCID ID: 0000-0002-0028-6788

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 177-194

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.08>

MOBILISATION OF THE ARMIES OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH BEFORE THE BATTLE OF PEREYASLAV IN 1630

Summary. This article outlines the mobilisation efforts made by both the Royal and the Hetman's Chancellery with the aim of concentrating the maximum armed forces of the Crown army to suppress the uprising of the Zaporozhian Host under the command of Taras Fedorovych and Anton But. Particular aspects of the mobilisation were considered, such as the methodology of its implementation with regard to units of the so-called 'quarter' army (Polish: *wojsko kwarciane*), foreign troops, private cavalry banners, separate banners of the Lithuanian army, and the remnants of the Zaporozhian Host that remained loyal to the Commonwealth.

Based on various published and archival sources (registers of army levies, official and private letters, narrative texts, etc.), the geography and chronology of the movement of the Commonwealth army units during this mobilisation, their composition, numbers, and the names of their commanders have been established as far as possible.

Particular attention was paid to aspects of the mobilisation of the private cavalry banners of the local magnates from the Zbaraski, Zasławski-Ostrogski, and Zamoyski families, which have been little studied by historians so far, although soon after their mobilisation provided significant support for the quarter army. The beginning of the long and difficult mobilisation of a foreign regiment under the command of Jakub Butler and the Denhoff brothers and the preparation of the Crown artillery for the campaign are also discussed.

The research also helped to conclude that after the first stages of mobilisation before the Battle of Pereyaslav, Field Crown Hetman Stanisław Koniecpolski had sufficient forces (in terms of quality and numbers) to stop the main part of the insurgents' army and to attempt to engage the enemy in gruelling battles in open field.

Keywords: Cossack Uprising in 1630, Zaporozhian Host, Polish-Lithuanian Commonwealth, Stanisław Koniecpolski, Taras Fedorovych, military mobilisation

Introduction

The Cossack uprising of 1630 was caused by a number of complicated processes within the Zaporozhian Cossack milieu, such as the deliberate breach of the conditions of the Treaty of Kurukove of 1625 due to the authorities of the Commonwealth encouraging the Zaporozhians to take part in the civil wars in the Crimea and some internal unresolved contradictions within the Kurukove commission, which divided the Zaporozhian Host into two separate organisations – a registered army subordinated to the Field Crown Hetman, and numerous detachments of ‘non-registered’ and ‘de-registered’ (ex-registered army soldiers) Cossack population and opposition against the older register, residing in Zaporozhzhia.

Stefan Chmielecki, the Kyiv voivode in charge of Cossack politics, in order to suppress the rebellion in Zaporozhzhia, worked out and began to implement a plan to carry out an inspection of the registered regiments and to prepare a punitive expedition of the registry army to Zaporozhzhia and its logistic blockade. As a result of the threat from the Tatars, Chmielecki’s plan was not executed in time. The lawlessness of the soldiers of the Prussian army, deployed there in the number of at least 25 cavalry banners, which had not been paid for their service during the recent war with Sweden, further intensified the crisis that ensued in Ukraine in the winter of 1629/1630.

With the onset of spring thaws at the end of March, a Cossack army of several thousand men arrived in the Kyiv region from Zaporozhzhia under the command of Taras Fedorovych, an experienced commander and veteran of various campaigns. On 3 April, the rebels bloodily dealt with the leaders of the registry army, after which they began an open armed conflict with the Crown banners deployed in the Dnieper Ukraine. The number of the uprising participants began to grow dramatically, as a result of which their forces grew to 30 000–40 000 people. The uprising had begun for good.

First mobilisations

On 4 April – Easter Sunday – the first major conflict took place between the Crown army and the insurgents. By this time, there had been some concentration of forces (probably through so-called ‘cards,’ messages that were circulated between mid-tier officers) of Crown army units stationed in the Dnieper

Ukraine (Polish: *Naddnieprze*) around Korsun. The choice of this town as the centre of defence for the Crown troops against the insurgents seems rather strange. According to a contemporary account, “There is no castle or manor of HRH in this town, only a fortified settlement (...). This town has no artillery.” At first glance, it may also appear that the enemy arrived unexpectedly quickly. The fact that there were several such gathering points was reported by Andrzej Kościa-Zbirohowski in his diary, who noted that already on 18 March “a company arrived from Left-bank Ukraine (Polish: *Zadnieprze*)” in Kyiv, and under the date of 2 April, i.e., 2 days before the battle of Korsun, recorded that a council of the Crown army was held ‘on safety from the Cossacks’ in Kyiv.¹ As we can see, the arrival of Fedorovych and the insurgents in Kyiv land could not have been a complete surprise for the Crown troops.

The group of Crown units in Korsun consisted of three Cossack banners that nominally comprised 100 horses each: the rittmeister Andrzej Śladkowski of Marcin Kazanowski’s regiment, and Samuel Łaszcz and Jan Bąk-Lanckoroński of Mikołaj Potocki’s regiment.² The rittmeisters themselves did not accompany these troops. About 1500–2000 registered Cossacks joined the Crown soldiers. We suppose the above-mentioned troops concentrated the majority of the members of two or three registered regiments (because this is how registered Cossacks would normally behave in the 1630s in similar situations, i.e., internal disagreements usually resulted in the Cossacks dividing into separate regiments). The gathering of the Crown army and the registered regiments was defeated by the insurgents in a battle near Korsun.

¹ *Повідомлення щоденника Анджєя Кості-Збіроховського, товариши козацької хоругви коронного війська (фрагменти за 18 листопада 1629 р. – 17 червня 1630 р.), [in:] Проект «Україна». Повстання Війська Запорозького 1630 року. Документи і матеріали, ed. T. KOVALETS, Харків 2017, p. 311.*

² *Реляція невідомого про події козацького повстання..., [in:] Проект «Україна»..., p. 252; Повідомлення „Хроніки” Павла Пясецького, [in:] Проект «Україна»..., p. 305; Анонімний лист про козацьке повстання..., [in:] Проект «Україна»..., p. 269. In some sources we find references to two banners, vide: *Лист королівського секретаря Якуба Заджіка до Т. Замойського (фрагмент), із Варшави 1630, квітня 16, [in:] Проект «Україна»..., p. 238. Also, at the end of April there were rumours in Warsaw that these were hussar banners, vide: Повідомлення інформатора Йогана Хемніца для невідомих осіб у Гданську (фрагменти), із Варшави, 1630, квітня 20, [in:] Проект «Україна»..., p. 154.**

The beginning of the mobilisation of the main forces

The radical mood and actions of the insurgents came as quite a surprise to the soldiers of the Crown army and, above all, its commander, Field Hetman Stanisław Koniecpolski, who was staying in Bar. He must have learnt about the events in Korsun from the messengers sent by registered Cossacks who arrived 2–3 days later, having travelled approximately 400 km.³

The main strategic imperative of the enraged Koniecpolski was quick, immediate action to suppress the uprising with armed forces,⁴ which also determined how the mobilisation of the Crown troops was to be carried out. In a very short time, in order to gather together the defeated units and carry out reconnaissance, Samuel Łaszcz, the Crown rittmeister and outstanding *zagończyk* (commander of borderland mobile units), was sent at the head of 12 ‘quarter’ army banners and several of his private cavalry units, comprising up to several thousand cavalry men, which must have been stationed nearby in Podolia. Łaszcz followed the route from Kyiv to Korsun, stopping the survivors – groups of soldiers and registered Cossacks – and turning them back to Bar.⁵

Timing and methodology of mobilisation

It is not known when the mobilisation of the main forces of the Crown army actually began. As we have already mentioned, certain groups of cavalry banners assembled in individual towns as early as the first days of April, while their final concentration was set by Koniecpolski’s orders probably in the second week of April. The Hetman’s chancellery sent *universals* (official commands) to the various units on duty with orders to come to Bar on the appointed dates. Private letters with requests to come to the assistance of the Crown army were sent to specific local magnates that maintained their own large armed forces. Also, widespread calls were addressed to the local nobility inviting them to take part in the expedition against the Cossacks as volunteers.

³ Виступ С. Конєцпольського на вальному сеймі (регести), [Б. д. — 1631, початок], [б. м. — Варшава], [in:] Проект «Україна»..., р. 189.

⁴ Лист С. Конєцпольського до Зигмунта III, 1630, квітня 17, із Бару, [in:] Проект «Україна»..., р. 239.

⁵ Повідомлення щоденника Владислава Халецького, товариша гусарської хоругви коронного війська (регести, фрагменти за 4 квітня – 8 червня 1630 р.), [in:] Проект «Україна»..., р. 222.

Capacity and accounts of the first phase of mobilisation

It is difficult to ascertain the number of Crown units available to the Field Hetman at the beginning of the campaign. According to some information, up to 8000 soldiers were stationed in Ukraine at that time,⁶ but we very much doubt such large numbers. The gathering of forces was carried out in an exceptionally short time, in less than two weeks. On 16 April Koniecpolski set off from Bar to the north-east. In his letter to the king, he also mentioned the artillery, informing that he had taken only the 'lighter cannon' with him, and ordered the rest of the artillery to wait for the arrival of the wagons. The dragoons, or at least some of their units, also did not accompany him, and some "cavalry banners were left behind."⁷ According to information from an unknown Lviv informant of the Radziwiłłs, at the beginning of the campaign the Field Hetman of the Crown had a 'quarter' army comprising "four thousand cavalry and several hundred infantry."⁸

Koniecpolski was also worried that the Tatars, with whom the Cossacks had agreements of mutual assistance,⁹ might join the uprising. For this reason, despite great problems associated with the gathering of the army, he was forced to send a corps under the command of Adam Kalinowski, starost of Bratslav, to the borderland "to discourage pagan incursions;"¹⁰ these forces could have comprised up to 2000 soldiers (or at least this number was actively rumoured).¹¹

In almost every military campaign of the time, the private armies of the magnates and the numerous local nobility who joined the army (and often pursued their own goals), were a very important force. The mechanism for sending letters to the magnates and nobility of the Ukrainian provinces, and also of Volhynia

⁶ М. Антонович, *Переяславська кампанія 1630 р.*, Prague 1944, pp. 17–19.

⁷ Лист С. Конєцпольського до Зигмунта III, 1630, квітня 17, із Бару, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 239.

⁸ *Анонімний лист про козацьке повстання...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 269.

⁹ For more on Cossack-Tatar relations in this period *vide*: Т. КОВАЛЕЦЬ, „*Kozak, Tatar, dwa bratanki, i do szabli, i do szklanki*”... *Співпраця Запорозжся і Криму у повстаннях 20–30 х років XVII ст. в Україні*, [in:] „*Dialectica necesităţii și libertăţii în educație*”, *conferință științifică internațională (2016; Chișinău)*, 30 martie – 1 aprilie 2016, Chișinău, ed. V. CONSTANTINOV *et al.*, Kishinev 2016, pp. 161–185.

¹⁰ Лист С. Конєцпольського до Зигмунта III, 1630, квітня 17, із Бару, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 239.

¹¹ С. Рудницький, *Українські козаки в 1625–30 рр. Критично-історичні розвідки*, Львів 1899, p. 50.

(where troops that belonged to the Ostrogski and Zasławski families were concentrated), encouraging them to participate in Koniecpolski's expedition was well underway when news of the uprising reached Warsaw.¹²

In Vasytkiv, Stanisław Potocki, castellan of Kamieniec, joined Samuel Łaszcz with his private banners and took command of the joined armed forces. Seeing the increase in the enemy forces, the Cossacks stopped harassing the Crown units and moved eastwards from Hambykiv to the Dnieper River to cross to the left bank. Potocki ordered his units to move in pursuit of the Cossacks.¹³

Soon the Hetman was joined by the castellan of Kamieniec, Stanisław Rewera Potocki, the starost of Kalush, Łukasz Żółkiewski, and their men.¹⁴ The units of the Voivode of Ruthenia Stanisław Lubomirski and the Deputy Chancellor of the Crown Tomasz Zamoyski had probably not yet arrived.¹⁵ Some of the registered Cossacks, about 1000–2000, remained loyal to the Commonwealth, while the rest either dispersed or joined the insurgents.¹⁶

Outstanding military pay

After the war with Sweden, the Commonwealth faced the great problem of paying the Crown army its military pay. In a letter to the king dated 7 November 1629, Koniecpolski described the state's debt to the soldiers in the following way: "Over two million is owed to the army, and there is not even three hundred thousand" in the state treasury.¹⁷

¹² *Універсал С. Конєцпольського до влади і лицарства Волинського воеводства, 1630, квітня 7, із Бару, [in:] Проект «Україна»..., pp. 236–237; Лист Зигмунта III до С. Конєцпольського, 1630, квітня 13, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., p. 237; Лист королівського секретаря Якуба Заджіка до Т. Замойського (фрагмент), 1630, квітня 16, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., p. 238.*

¹³ *Повідомлення щоденника Владислава Халецького, товариша гусарської хоругви коронного війська (регести, фрагменти за 4 квітня – 8 червня 1630 р.)..., [in:] Проект «Україна»..., p. 222.*

¹⁴ *Лист С. Конєцпольського до Зигмунта III, 1630, квітня 17, із Бару, [in:] Проект «Україна»..., p. 239.*

¹⁵ *Лист Зигмунта III до С. Конєцпольського (фрагмент), 1630, травня 11, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., p. 243.*

¹⁶ *Львівський літопис..., [in:] Проект «Україна»..., p. 302.*

¹⁷ *Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, sign. 365, p. 309.*

With the outbreak of the uprising, the problem of paying service pay to the Commonwealth's army became even worse. In his instructions to the local parliaments of 4 September, Sigismund III complained to the nobility that "we collect soldiers faster than money," and that it is "*fatale* to our Commonwealth: to begin every war, end no war without a sufficient war apparatus."¹⁸ Having realised that the state again unexpectedly desperately needed their services, the soldiers did not stop looting and were in no particular hurry to obey royal and Hetman's orders.

On 24 April, in the course of the expedition, "the army, in general, refused to continue service" and remained at Rzhyshchivka until 27 April, in the suburb of Stebliv, conducting negotiations with Koniecpolski.¹⁹ It seems that the Hetman nevertheless managed to convince his troops to continue the expedition with promises of generous pay to the army or even the distribution of certain 'hand-outs', i.e., bribes to the officers.

First disappointments of the mobilisation

After some clashes with the enemy, having crossed to the left bank of the Dnieper River, the Crown came to the town of Pereyaslav fortified by the Cossacks, where a hard four-week battle began on 7 May. The Cossacks surrounded the town with advanced Dutch-style field fortifications, and although on 8 May Koniecpolski managed to capture the insurgents' most advanced rampart, further assaults were not successful due to the inaccessibility of the enemy's fortifications and the small number of infantry.

We doubt that the mistakes made by the command of the Crown army at the beginning of the concentration of forces could be rectified in the later course of the military campaign.²⁰ Having set off with a small army deep into the country controlled by the insurgents, and deceived by the easy expulsion of the Zaporozhians from the right bank of the Dnieper River, Koniecpolski faced the impregnable fortifications of Pereyaslav.

¹⁸ Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, sign. 365, p. 272.

¹⁹ *Повідомлення щоденника Анджея Кости-Збіроховського товариша козацької хоругви коронного війська (фрагменти за 18 листопада 1629 р. – 17 червня 1630 р.), [in:] Проект «Україна»..., p. 312.*

²⁰ *Стратегия в трудах военных классиков*, vol. 2, ed. А. СВЕЧИН, Москва 1926, p. 177.

However, he was aware of the precarious situation and for good reasons, too, as he later recalled during his speech at the General Sejm:

To cross the Dnieper River in such a small number as we were then, without infantry, without a cannon, was dangerous because the territory was also more suitable for infantry than for mounted troops, and with a handful of soldiers one did not know whether to fight the enemy or to guard the men who were arriving from behind the lines. On the other hand, one thought that if we did not cross the Dnieper now, it would be even more difficult to do so later, or nearly impossible, if the enemy was allowed to strengthen fortifications and obstruct all fords.²¹

Already the first skirmishes showed that the Field Hetman had insufficient forces to capture such powerful fortifications. The heavy battles of 16–17 May gave Konięcpolski much to consider about his further steps. As A. Kościa recalled, the commander of the Crown army was forced not only to abandon the idea of a quick victory over the rebels but even “had to entrench [his] camp set up near the enemy lines.”²²

Nowadays, it is very difficult to estimate – even approximately – the numbers of Crown troops, since no military records have survived from the campaign itself,²³ and the only mentions found in the available written sources are of a descriptive character.

Second phase of the mobilisation

The Field Hetman was hoping for reinforcements – additional troops that were already coming or could potentially arrive to his aid. According to a letter from one of the officials to T. Zamoyski, Jakub Butler’s regiment of German mercenaries was ravaging the Kraków Voivodship in winter and spring, while Podolia complained “about the ‘quarter’ army soldiers that harassed the subjects in the Sharhorod land,” to the extent that even “the peasants were

²¹ *Виступ С. Конєцпольського на вальному сеймі (регести), [Б. д. – 1631, початок], [б. м. – Варшава], [in:] Проект «Україна»..., p. 190.*

²² *Анонімний лист про козацьке повстання..., [in:] Проект «Україна»..., p. 269.*

²³ Although, of course, detailed registers did exist. In particular, the King mentioned them in a letter to the ‘Prussian army’. *Vide:* Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, List Zygmunta III do skonfederowanego wojska pruskiego, z Warszawy, 15 VI 1630 r., sign. 365, p. 266.

fleeing.”²⁴ S. Kurosz, in a letter to his patron dated 29 April, stated: “The mercenaries do not want to go’ against the Cossacks, and because of the deficit of money and the delay in paying the military pay, a confederacy may start any moment, “for which there has already been a great deal of grumbling.”²⁵

The process of payment of the outstanding military pay and the return of the dragoons under the command of J. Butler and Ernest Denhoff to royal service was an ordeal. As late as April they received “a considerable part of the sum due in order to go to Ukraine” (although Stanisław Łubieński, Bishop of Płock and royal secretary, not without reason claimed that this army “had already taken their payment tenfold through debauchery and thievery”),²⁶ as evidenced by Sigismund III’s letter to the Hetman dated 1 May, in which the King wrote: “To the dragoons, who are already on their way, we have given our strict orders that they should hurry to Your Grace, nor delay anywhere at any stops, for which our bailiff will admonish them.”²⁷ The King’s letter of 22 May testifies that the dragoons, however, “do not want to leave until they have been paid in full,”²⁸ and of 24 May that “money was not sufficient for them to dispatch the regiment of the noble Buthler, which remains in its in posts.”²⁹ Finally, after they received the rest of their pay the drama with the dragoons was over and they joined S. Koniecpolski’s army. This happened, however, on 9 June,³⁰ i.e., the day after the peace agreement with the Cossacks was concluded.

It is not quite clear whether the royal peasant infantry troops (Polish: *piechota wybraniecka*), who had been decimated in the battles with the Swedes,

²⁴ Archiwum Główne Akt Dawnych (hereinafter: AGAD), Archiwum Zamoyskich, List niewiadomego do T. Zamoyskiego, z Zamościa, 20 IV 1630 r., sign. 930, p. 70.

²⁵ *Лист старости м. Орля Станіслава Куроша до польного гетьмана Великого князівства Литовського князя Кишиштофа II Радзивіла (фрагмент), 1630, квітня 29, з Орлі, [in:] Проект «Україна»..., p. 82.*

²⁶ Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu, List S. Łubieńskiego do Zygmunta III, z Jablonny, 25 V 1630 r., sign. 157/2, k. 184v (another copy of the letter: Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, sign. 123, p. 145).

²⁷ *Лист Зигмунта III до С. Конєцпольського (фрагмент), 1630, травня 1, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., p. 242.*

²⁸ *Лист Зигмунта III до С. Конєцпольського (фрагменти), 1630, травня 22, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., p. 248.*

²⁹ Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, List Zygmunta III do Jerzego Zbaraskiego, kasztelana krakowskiego, z Warszawy, 24 V 1630 r., sign. 365, p. 166.

³⁰ *Повідомлення щоденника Анджея Кости-Збіроховського..., [in:] Проект «Україна»..., p. 314.*

participated fully in the Pereyaslav campaign. Even at the beginning of the process of the army's concentration on 13 April, the King wrote to the Hetman: "It would seem to us that the royal peasant infantrymen from these lands, who are badly worn out, should be set free for this year so that they may be more suitable for a later war expedition."³¹

Another reference preserved in written records mentions certain master gunners who arrived in Warsaw before 22 May, and who, according to Sigismund III's instructions, having been given "some money, were ordered to leave" for Ukraine to join the Hetman. We doubt, however, that they would have managed to arrive in Pereyaslav before 8 June.³²

Significant support for the Crown army at Pereyaslav, as well as during the campaigns against the Cossacks in 1625 and the Tatars in 1629, was to be provided by the private troops of a number of magnates, 'Ukrainian lords,' who came to S. Koniecpolski's aid in 'great numbers.'³³ The Hetman's and King's chancelleries began sending letters to them with unexaggerated requests to 'save' HRH's army³⁴ soon after the Cossacks had captured Korsun.³⁵ A letter dated 11 May from Sigismund III to S. Koniecpolski lists some of the most important 'invitees' – Jerzy Zbaraski, castellan of Kraków, Adam Kazanowski, Voivode of Ruthenia, and Tomasz Zamoyski, Deputy Chancellor of the Crown.³⁶

We also know that, during the fighting at Pereyaslav, the troops of Prince Władysław Dominik Zasławski-Ostrogski, in the number of 600 soldiers, were hurrying to join the Field Hetman.³⁷ Near the town of Stayky, around

³¹ Лист Зигмунта III до С. Конєцпольського, 1630, квітня 13, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., р. 237.

³² Лист Зигмунта III до великого підканцлера коронного Хермолауса Лігензи, 1630, травня 21, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., р. 247.

³³ Королівська інструкція на сеймики, [з Варшави], [перед 4 вересня 1630 р.], [in:] Проект «Україна»..., р. 291.

³⁴ Лист королівського секретаря Якуба Заджіка до Т. Замойського (фрагмент), 1630, квітня 16, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., р. 239.

³⁵ *Vide:* for example, references to this in a letter from Sigismund III to S. Koniecpolski of 13 April: Лист Зигмунта III до С. Конєцпольського, 1630, квітня 13, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., р. 237.

³⁶ Лист Зигмунта III до С. Конєцпольського (фрагмент), 1630, травня 11, із Варшави, [in:] Проект «Україна»..., р. 243.

³⁷ Лист С. Куроша до К. Радзивіла, 1630, червня 17, із Орлі, [in:] Проект «Україна»..., р. 266.

16–17 May, a battle took place at the ford on the left bank of the Dnieper River between the insurgents and the Zasławski-Ostrogski's army.

During the battle of Pereyaslav, the Cossacks insurgents captured an informant from whom they received precise information about the reinforcements that were going to Koniecpolski's aid, magnates' private armies, units of the Crown army, and artillery. From Pereyaslav the information of the arrival of enemy reinforcements was passed to the insurgents' commander colonel Fedir Korobka, who was in charge of supplies at the time,³⁸ and who immediately set off for the river ford. Two descriptions of the battle provide slightly different information, which, however, allow us to reconstruct the course of the fighting. According to S. Kurosz, the entire army of Zasławski-Ostrogski was defeated – “of which there were 600 soldiers” – and Colonel Stanisław “Trzecieski, their officer, was shot and captured.”³⁹ According to P. Bielecki's sources, the Cossacks “on the Dnieper River, in the wilderness, at the Stayky crossing, slaughtered 200 infantrymen and 100 Cossacks from Prince Zasławski's army, including a large number of barmaids and peddlers who went to the Crown camp with food and drink deliveries.”⁴⁰

After heavy fighting on 16–17 May, changes in tactics were made on the Polish side. In the *universals* sent out by the Field Hetman, Koniecpolski demanded the concentration of the troops and the arrival of the royal peasant infantry units, German infantry, and the magnate's troops as soon as possible.

On 19 and 20 May, S. Koniecpolski's dream of large reinforcements finally came true, since the whole army consisting of the private troops that belong to the Crown arrived at Pereyaslav together with the hetman's artillery which, however, “was in danger and under Cossack attack.”⁴¹ Apparently, the insurgents' watchmen, having destroyed the vanguard comprised of Zasławski-Ostrogski units, did not have enough strength remaining to beat the stronger approaching army made up of the combined magnate troops and parts of the Crown army, although probably there were some attempts to ‘rattle’ these troops. In addition to private units, the artillery could be defended by 12 banners of German infantry

³⁸ *Реляція невідомого про події козацького повстання...*, [in:] *Проект «Україна»...*, pp. 252–253.

³⁹ *Ibidem*.

⁴⁰ *Ibidem*, p. 252.

⁴¹ *Лист С. Куроша до К. Радзивіла, 1630, червня 17, із Орлі*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 266.

and dragoons under the command of Colonel Jakub Butler, and “with the same German infantry His Grace [Stanisław Lubomirski] the Voivode of Ruthenia’s 500 infantrymen” led by rittmeister Jan Żółtowski.⁴² On 19 May the Germans and their artillery reached Koniecpolski.

Following the artillery, by the morning of 20 May, a large regiment made up of Prince Zbaraski’s private army and Deputy Chancellor of the Crown Tomasz Zamoyski’s troops had arrived.⁴³ The number of Zbaraski’s units is difficult to determine. In 1617, Prince Jerzy Zbaraski ‘reportedly brought as many as 3000 men’ into the camp of the Crown army at the time of the threat from the Sublime Porte.⁴⁴ During the autumn campaign against the Cossacks in 1625, Koniecpolski was joined by a much less numerous force, “5 banners from Kraków.”⁴⁵ We suppose that the Zbaraski’s reinforcements at Pereyaslav in 1630 may have numbered between 500 and 1000 soldiers.

The exact number of T. Zamoyski’s private banners is also unknown.⁴⁶ In 1626, he dispatched 820 soldiers to Prussia, and in 1633, he sent 500 men to fight against the Turks.⁴⁷ It is possible that at Pereyaslav there were also at least half a thousand soldiers in the Deputy Chancellor’s units, which were led, among others, by Semen Bajbuza and Stefan Chmielecki’s son Łukasz.⁴⁸ It is possible that these magnates’ troops were also joined, as was the case in 1625, by other families’ numerous private banners (numbers according to data from 1625): Tyszkiewicz (5 banners), Korecki (3 banners), Potocki (5 banners), Nemiryecz, Bałaban, various infantry units (8), etc.⁴⁹ We suppose that the total number of troops was no less than 2000–3000, and possibly even as high as 5000–6000 soldiers. When assessing their quality, one should note that, as a rule, private

⁴² *Реляція невідомого про події козацького повстання...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 253.

⁴³ *Статті прошивського сеймика (фрагмент), 1630, вересня 4, [Прошив],* [in:] *Проект «Україна»...*, p. 292.

⁴⁴ Z. ANUSIK, *Kasztelan krakowski Jerzy ks. Zbaraski (1574–1631): szkic do portretu antyregalisty*, “Przegląd Nauk Historycznych” 2010, vol. 9, no. 1, p. 64.

⁴⁵ Т. КОВАЛЕЦЬ, *Козацькі повстання 1625 та 1630 рр. в Україні за матеріалами діаріуша Анджея Кості-Збіроховського*, [in:] *Україна в Центрально-Східній Європі*, vol. 15, Київ 2015, p. 376.

⁴⁶ *Повідомлення щоденника Анджея Кості-Збіроховського...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 312.

⁴⁷ R. SIKORA, *Wojskowość polska w dobie wojny polsko-szwedzkiej 1626–1629. Kryzys mocarstwa*, Poznań 2005, p. 59.

⁴⁸ *Лист Війська Запорозького та гетьмана Антона Бута до С. Конєцпольського...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 256.

⁴⁹ According to A. Kościa-Zbirohowski, *vide*: Т. КОВАЛЕЦЬ, *Козацькі повстання...*, pp. 375–376.

troops also received higher service pay and were better equipped than soldiers of the ‘quarter’ army banners.⁵⁰

By 19–20 May the concentration of the Crown forces at Pereyaslav was more or less completed, as the vast majority of the ‘magnate’ troops that Koniecpolski had counted on had arrived at that gathering point. Bielecki soon recalled that “the Ukrainian lords with their troops are with His Grace the Hetman in the camp; only Prince Wiśniowiecki and his men have not arrived, and food of all sorts is going to the Cossack forces from his Ukrainian estates, for which His Grace the Hetman is very sorry.”⁵¹

The climax of the Battle of Pereyaslav took place on 25 May, when the insurgents stormed the enemy’s positions throughout the day, seized one of the entrenchments and were close to capturing the main Crown camp, inflicting huge losses on Polish units.

The Cossacks seized some artillery from the captured entrenchment, which sources describe in various ways (“2 cannons and 2 arquebuses;”⁵² “one demolition cannon, a *falconet* (field cannon), and a light cannon (smigownica);”⁵³ “they took the 3 largest cannons and 2 arquebuses”⁵⁴).⁵⁵ The large calibre artillery, too heavy to be removed by the Cossack troops, would be clogged with nails, after which it required lengthy repair.

Final chords of the mobilisation

At the end of May and the beginning of June, separate detachments of Crown and, interestingly, also Lithuanian forces were still approaching Pereyaslav. However, they were often successfully intercepted and destroyed by the insurgents.

⁵⁰ A. BOROWIAK, *Powstanie kozackie 1638*, Zabrze 2010, p. 108.

⁵¹ *Реляція невідомого про події козацького повстання...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 254.

⁵² *Повідомлення щоденника Анджея Кості-Збіроховського...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 313.

⁵³ *Реляція невідомого про події козацького повстання...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 253.

⁵⁴ *Львівський літопис...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 200.

⁵⁵ It is interesting that the surrendering of the seized artillery did not take place immediately after the peace agreement but continued until the council of the Zaporozhian Host in Cherkasy in July 1630. *Vide*: *Лист П. Белецького до Я.-С. Сапєги (регести), 1630, серпня 26, із Варшави*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 148.

Major clashes occurred, for example, in the town of Dymer, 35 km north of Kyiv. According to Bielecki, a larger unit of Cossack scouts stayed here together with the townspeople. The insurgents first “took the wagons of Master Cetner’s banner, having killed all the company and servants,” and then attacked the Crown reinforcements in the form of certain banners under the command of “Master Tryzna from Lithuania” and Master Onichowski. (Interestingly, during the recent Polish-Swedish war, rittmeister Pawel Piotr Tryzna had commanded a Lithuanian infantry banner with 400 soldiers.) The rittmeister himself was shot and “escaped to Kyiv only with a third of the banner;” Onichowski and 20 comrades from his banner were killed.

“After the Pentecost on Friday,” i.e., on 1 June, the same insurgents in the number of “several hundred men” moved south, harassing the soldiers. In the town of Białogrodzia, they “took wagons from 4 Prussian army banners,” and also “beat up all the company and servants that accompanied the wagons.”⁵⁶ In Bilhorodka, the insurgents reportedly managed to seize around 600 horses of the Crown army. During the above-described battles, the Cossacks also used various deceptions, including dressing up as Crown soldiers.⁵⁷ On 2 June, a certain banner under the command of ‘Master Olizar’ [Ludwik Olizar-Włóczkiewicz] reached the camp.⁵⁸

Troops of the imperial army, who had already received part of their outstanding pay, were also on the way. On 3 June, Cossacks near Kyiv “burned 50 baidaks and numerous dinghies, so that the Poles would not have anything with which to cross to this side to the hetman.” At this time, imperial troops arrived and several days of clashes between the ‘Germans’ and the Cossacks began near Kyiv. Their main object of interest was the Orthodox monasteries and their riches.

First, the imperial infantry stormed the Pechersk Lavra monastery, having plundered the nearby town. Then they allegedly plundered the Desert St. Nicholas Monastery and the Jordan Monastery; they tried to storm the Mezhyhirya Monastery, but were unsuccessful.⁵⁹ These reinforcements managed to cross the

⁵⁶ *Реляція невідомого про події козацького повстання...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 254.

⁵⁷ *Львівський літопис...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 201.

⁵⁸ *Повідомлення щоденника Анджея Кості-Збіроховського...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 313.

⁵⁹ *Львівський літопис...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 202.

Dnieper River only on 9 June, after the campaign had already ended.⁶⁰ The author of the Lviv chronicle thus described the change in the situation: The Cossacks “besieged the Poles from all sides so that they could no longer do anything, like the rich man with Lazarus. A camp is a camp, while numerous regiments roam all over Ukraine.”⁶¹

The Zaporozhian Host soon began to gain strategic advantage and Koniecpolski, faced with the prospect of defeat and, for that matter, rebellion among the Crown soldiers, found himself in a no-win situation. He was forced to initiate negotiations with the Cossacks, which proved very useful for the Polish side, as the conflict was in fact settled at the price of minor concessions.

Conclusions

By the end of the Battle of Pereyaslav, the command of the Commonwealth army had forces of 10 000 soldiers (or even exceeding that number). These forces were sufficient in terms of quality and numbers to attempt to hold back the main body of the insurgents' army in one place, but too small to carry out gruelling combat in an open field. The very difficult mobilisation of units was precisely the reason why the 1630 campaign ended in failure for the Polish side.

We completely agree with the conclusion of the Ukrainian historian Mykhailo Antonowycz that “the execution of the Polish mobilisation plan has all the characteristics of being a somewhat unfinished, impulsive, not to say chaotic business.”⁶² On the other hand, this chaotic mobilisation was due to Stanisław Koniecpolski's initial strategic intention aimed at a quick and decisive offensive.

⁶⁰ *Повідомлення щоденника Анджея Кості-Збіроховського...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 314.

⁶¹ *Львівський літопис...*, [in:] *Проект «Україна»...*, p. 201.

⁶² М. АНТОНОВИЧ, *op. cit.*, p. 17.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ**Źródła archiwalne • Achival primary sources • Архивные источники**

Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD)

Archiwum Zamoyskich, sign. 930.

Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie

Sign. 123, 365.

The Ossolineum Library in Wrocław

Sign. 157/2.

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

КОВАЛЕЦЬ Т., „*Kozak, Tatar, dwa bratanki, i do szabli, i do szklanki*”... *Снівпраця Запорожжя і Криму у повстаннях 20–30 х років XVII ст. в Україні*, [in:] „*Dialectica necesităţii şi libertăţii în educaţie*”, *conferinţă ştiinţifică internaţională (2016; Chişinău). 30 martie – 1 aprilie 2016, Chişinău*, ed. V. CONSTANTINOV *et al.*, Kishinev 2016, pp. 161–185.

КОВАЛЕЦЬ Т., *Козацькі повстання 1625 та 1630 рр. в Україні за матеріалами діаріуша Анджея Кості-Збіроховського*, [in:] *Україна в Центрально-Східній Європі*, вип. 15, Київ 2015, pp. 363–399.

Проект «Україна». Повстання Війська Запорозького 1630 року. Документи та матеріали, ed. Т. КОВАЛЕЦЬ, Харків 2017.

Стратегия в трудах военных классиков, vol. 2, ed. А. СВЕЧИН, Москва 1926.

Opracowania • Secondary sources • Литература

АНТОНОВИЧ М., *Переяславська кампанія 1630 р.*, Прага 1944.

РУДНИЦЬКИЙ С., *Українські козаки в 1625–30 рр. Критично-історичні розвідки*, Львів 1899.

ANUSIK Z., *Kasztelan krakowski Jerzy ks. Zbaraski (1574–1631): szkic do portretu antyregalisty*, "Przegląd Nauk Historycznych" 2010, vol. 9, no. 1, pp. 56–138.

BOROWIAK A., *Powstanie kozackie 1638*, Zabrze 2010.

SIKORA R., *Wojskowość polska w dobie wojny polsko-szwedzkiej 1626–1629. Kryzys mocarstwa*, Poznań 2005.

Taras Kovalets

MOBILIZACJA WOJSK RZECZYPOSPOLITEJ OBOJGA NARODÓW PRZED BITWĄ POD PEREJASŁAWIEM W 1630 ROKU

Streszczenie. W artykule przedstawiony został zarys działań mobilizacyjnych poczynionych przez kancelarię królewską i hetmańską, których celem była koncentracja maksymalnych sił zbrojnych wojsk koronnych dla stłumienia powstania wojska zaporoskiego pod dowództwem Tarasa Fedorowicza i Antona Buta. Omówiono poszczególne aspekty mobilizacji, takie jak metodyka jej przeprowadzenia w odniesieniu do jednostek wojska kwarcianego, cudzoziemskiego, chorągwi prywatnych, odrębnych chorągwi wojska litewskiego oraz tych resztek zaporoskiego, które pozostały wierne Rzeczypospolitej.

Na podstawie różnorodnych źródeł opublikowanych oraz archiwalnych (regestrów opłat wojska, listów oficjalnych i prywatnych, tekstów narracyjnych itd.) ustalono, o ile to było możliwe, geografię i chronologię przemieszczania się jednostek wojsk Rzeczypospolitej podczas owej mobilizacji, ich skład, liczebność oraz imiona dowódców.

Szczególną uwagę zwrócono na dotychczas mało zbadane przez historyków aspekty mobilizacji chorągwi prywatnych miejscowych magnatów Zbaraskich, Zaslawskich-Ostrogskich, Zamoy-skich, które w bliskiej przyszłości zaczęły stanowić znaczne wsparcie dla wojska kwarcianego. Omówiono także początek długiej i trudnej mobilizacji chorągwi regimentu cudzoziemskiego pod dowództwem Jakuba Butlera i braci Denhoffów oraz przygotowanie do kampanii artylerii koronnej.

Przeprowadzone badania pomogły z pewnością stwierdzić, że po pierwszych fazach mobilizacji przed bitwą pod Perejasławiem hetman polny koronny Stanisław Koniecpolski dysponował siłami wystarczającymi pod względem jakości i liczebności do powstrzymania głównej części wojska powstańców w jednym miejscu oraz prób nawiązania z przeciwnikiem wyczerpujących walk na otwartym terenie.

Słowa kluczowe: powstanie kozackie 1630 r., wojsko zaporoskie, Rzeczpospolita Obojga Narodów, Stanisław Koniecpolski, Taras Fedorowicz, mobilizacja

Тарас Ковалець

МОБИЛИЗАЦИЯ ВОЙСКА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПЕРЕД ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ БИТВОЙ 1630 ГОДА

Аннотация. В статье представлен очерк мобилизационных мероприятий, предпринятых королевской и гетманской канцеляриями, целью которых было сосредоточение максимальных сил коронного войска для подавления восстания Войска Запорожского под командованием Тараса Федоровича и Антона Бута. Были обсуждены отдельные аспекты мобилизации, такие как методика ее проведения в отношении частей кварцяного войска, иноземных войск, частных хоругвей, отдельных хоругвей литовского войска и тех остатков Войска Запорожского, которые остались верны Речи Посполитой. На основании различных опубликованных и архивных источников (реестров выплаты жалования, официальных и частных писем, повествовательных текстов и др.) были установлены, насколько это возможно, география и хронология передвижений частей польского войска в период мобилизации, его состав, численность и имена командиров. Особое внимание было уделено аспектам мобилизации частных хоругвей местных магнатов Збаржских, Заславских-Острожских и Замойских, которые в ближайшем будущем стали значительной опорой кварцяного войска. Обсуждается также начало долгой и трудной мобилизации компаний иноземного регимента под командованием Якуба Батлера и братьев Денхофф, а также подготовка к кампании коронной артиллерии. Проведенное исследование также помогло сделать вывод, что после первых этапов мобилизации перед битвой под Переяславом полевой коронный гетман Станислав Конецпольский имел достаточно сил с точки зрения качества и численности, чтобы остановить основную часть армии повстанцев на одном месте и попытаться вступить с противником в изнурительные бои на открытой местности.

Ключевые слова: казачье восстание 1630 г., Войско Запорожское, Речь Посполитая, Станислав Конецпольский, Тарас Федорович, мобилизация

Klára Andresová

Czech Academy of Sciences

ORCID ID: 0000-0001-8194-5898

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 195-211

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.09>

CENTRAL EUROPEAN INFANTRY HANDBOOKS IN THE TIME OF EARLY MODERN MILITARY REVOLUTION

Summary. The theory of early modern military revolution, which was presented by Michael Roberts in the 1950s and was later revised by various historians, is well known and still in use even today. One of the pillars of supposed revolution was a change of infantry training and a general change of infantry tactics, which first happened in the Netherlands in the 1590s. Another modification of infantry training and tactics took place in Sweden during the reign of Gustavus Adolphus. These transformations were reflected by a specific genre of period learned literature – military handbooks for infantry. Military manuals were published not only in Western Europe but also in Central Europe, mostly in Germany. In the period of 1550–1650, approximately 125 military handbooks were printed in ca. 225 editions. Twenty-five of these books were concerned specifically with the art of infantry war.

Book history is a transdisciplinary field which offers new methods of studying military history. While researching changes of the content and formal aspects of military publications, it is possible to trace changes of period military theory. The prosopography of military theorists and book publishers helps to reveal how the new ideas were disseminated – in this case how the new approaches to infantry training and the art of war spread from Western and Northern Europe to its centre. The aim of this contribution is not only to describe period infantry handbooks, but also to characterise the transfer of revolutionary changes in infantry warfare from Netherlands and Sweden into Central Europe with the help of period military manuals – especially those intended for infantry.

Keywords: Central Europe, early modern period, infantry, military handbooks, book history

When Johann Jacobi von Wallhausen published his *Kriegskunst zu Fuss* in 1615,¹ it was one of the first detailed treatises on the military art of infantry to appear in print in Europe. Wallhausen soon became known as a military theorist who published at least fourteen writings on military subjects. The most influential of these was the *Kriegskunst zu Fuss*, which was published at least ten times by the mid-17th century in four different language versions. The book was later followed by a number of other authors. While writing it, Wallhausen himself drew on information he had acquired in various ways, both by studying older writings and by personal experience gained from his service in the army of the military reformers Maurice of Orange and his cousins. What was the history of infantry military manuals in Central Europe before and after Wallhausen, and what was the development of this genre?

Military handbooks as a genre of educational literature

The genre of military manuals does not have a universally employed definition; therefore, it is necessary to characterise it at the beginning of this paper. Taking into account the specifics of different historical periods and geographical areas, military manuals can be broadly characterised as educational publications intended for soldiers at various degrees of military hierarchy, containing information either about military service and warfare from a general perspective, or about service and warfare of specific kinds of the army. This information might come from one source or from combination of several kinds of sources, e.g., military and legal regulations, service instructions, or the practical experience of soldiers.

When focusing on the period 1550–1650, the military manuals of the time can be characterised more specifically as scientific publications dealing with military administration, military mathematics, military art, or fortress construction. They focus on the military in general or on the military of particular types of troops – infantry, cavalry, artillery or navy. They are general volumes with international validity, which were not obligatory for the military commanders of the time, but were recommendations on how to train soldiers, what tactics and strategies to use, or how to supply their troops, for example.

¹ J.J. VON WALLHAUSEN, *Kriegskunst zu Fuss*, Oppenheim 1615.

The dissemination of military handbooks through movable type began in the early printing period. The first printed military manual was *De re militari* by the Italian architect Roberto Valturio (1405–1475), a manuscript version of which appeared before 1463 and was first printed in 1472.² It was soon followed by a treatise of the same title by the Roman military theorist Flavius Vegetius Renuatus (4th–5th century AD), issued around 1473. Both of these works were published in Italy, but the Central European press did not take long to follow suit. It was the aforementioned Vegetius's work that became the earliest German military incunabulum.³

Military manuals, which before 1472 were distributed only as manuscripts, could reach a wider circle of readers thanks to the invention of the printing press. In addition to editions of treatises that originated in antiquity or were heavily inspired by ancient writings, new works began to be printed that responded to modern trends in military science. This paper will focus exactly on these books, as they were the only ones that could be used as instructional texts for modern warfare. The Central European military manuals from 1550–1650 can be divided into three similarly long chronological periods, which roughly indicate the development and transformations of the genre.

The period of 1550–1590 was a time when bastion fortresses were developed in Southern and Western Europe and this coincided with the publishing of literature on fortifications. However, in Central Europe, such books still appeared rarely. Publications issued there were mostly of an administrative character, which did not pay much attention to the tactics and which frequently responded to the war with the Turks.

In the period of 1590–1618, the number of books on military administration gradually dropped and publications on military art grew. Besides the works responding to the wars with the Turks, the first publications promoting ideas of the Dutch military reforms started to appear in the German states. In Central Europe, publications on fortification construction were printed more frequently.

² R. VALTURIO, *De re militari*, [Verona] 1472. For more, *vide*: e.g., G. WILSON, *Military Science, History and Art*, [in:] *Artful Armies, Beautiful Battles. Art and Warfare in Early Modern Europe*, ed. P. CUNEO, Leiden 2002, pp. 14–15.

³ In Latin, it was VEGETIUS, *De re militari*, [Köln ca. 1475]. In a German translation: VEGETIUS, [*Kurze Verweisung von der Ritterschafft*], [Augsburg ca. 1475].

The period of 1618–1650 can be identified with the Thirty Years' War and the immediately following years. The new military publications now responded to this major conflict. Books on fortification were still published. Many book militaria were new editions of works from the previous period.⁴

Military handbooks of East-Central Europe

The German-language area, which will be the main topic of following text, became an important centre for the development of military science in the context of the whole of Europe. Military manuals were disseminated there primarily through the printing press, and copies of individual editions can still be found in libraries throughout the continent. The situation was different in the eastern half of Central Europe, where the printing industry spread later. In the case of today's Slovakia, for example, it is impossible to speak of any printing house having been active on its territory for a long period of time before the middle of the 17th century. Books therefore had to be imported from other parts of the Kingdom of Hungary or from abroad. However, military manuals were not printed in Hungarian workshops at that time either, and all military prints had to be imported from abroad.

The situation was different in the territory of the Kingdom of Bohemia and the Kingdom of Poland (later Polish-Lithuanian Commonwealth), where printing had already spread at the end of the 15th century. Although educational publications were disseminated through this region, military manuals usually were not. Between the mid-16th and the mid-17th centuries, only one military manual was printed in the territory of the Kingdom of Bohemia – a translation of the famous work of the imperial general Lazarus von Schwendi, *Kriegs Discurs*,⁵ which was published in Prague in 1618 under the title *Discurs o běhu válečném*.⁶

⁴ More on the reflection of military manuals in modern (mainly dictionary and encyclopaedic) literature, on the specifics of the genre between 1550–1650 and its division into distinctive subcategories in: K. ANDRESOVÁ, *Vojenské příručky raného novověku jako předmět výzkumu historiografie vojenství a knihovnědy. Tisky středovýchodní Evropy v kontextu evropské produkce*, "Vojenská história" 2018, vol. 3, pp. 62–68.

⁵ First issue: L. VON SCHWENDI, *Kriegs Discurs*, Frankfurt am Main 1593.

⁶ IDEM, *Discurs o Běhu Válečném a Auřadech Wogenských*, Praha 1618. More about this book in: K. ANDRESOVÁ, *Česká vojenská příručka z roku 1618*, "Acta Musei Nationalis Pragae – Historia Litterarum" 2020, vol. 1–2, pp. 44–52.

However, no other such book was printed there until 1733. In Poland, slightly more (ca. ten) military manuals were printed between 1550 and 1650, but the situation in the two countries did not differ much. Both Czechs and Poles produced military manuals, but they mostly distributed them in manuscripts. The most important military manuscripts of that time in Bohemia were probably the *Instrukcí vojanská* by Zikmund Chotek of Chotkov⁷ and the *Naučení vojanské* by Jindřich Michal Hýzrlé of Chody.⁸ In Poland it is worth mentioning, for example, *Księgi hetmańskie* by Stanisław Sarnicki.⁹

Other strategies for the dissemination of military ideas included the incorporation of military treatises into larger works, which, however, cannot be described as military manuals due to their more general focus. Some authors chose to publish their military works in foreign printing houses, most notably the Poles Adam Freitag and Kazimierz Siemienowicz.¹⁰ In the period 1550–1650, only one manual of infantry military art was printed in the territory of the Czech and Polish kingdoms – the German-language book *Tyrocinium militare* by Conrad Cölller, published in 1616 in Gdańsk.¹¹ The following text will therefore focus mainly on publications issued in the German-language area.¹²

Infantry handbooks

Between 1550 and 1650 about 225 editions of military manuals were published in Central Europe. As some books were published twice or more, this amounts to a total of about 125 different works. A number of these books dealt with the warfare of the time in general – either in terms of military administration or

⁷ More on the manuscript: O. ŠVEHELKA, „Zbroje a od ní potřebí jest...“ Čtyři texty ze 16. století týkající se tureckých válek, s přihlédnutím k válce patnáctileté, “Historie – otázky – problémy” 2014, vol. 2, pp. 186–196.

⁸ Its edition was elaborated in the master's thesis: T. OPAVOVÁ, *Obraz války a vojenství v 16.–17. století očima českých šlechticů*, Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav českých dějin, 2013, pp. 84–155.

⁹ More on it, e.g., in: Z. SPIERALSKI, *Polska sztuka wojenna w latach 1454–1562*, Warszawa 1958, pp. 137–143, 149–153.

¹⁰ For editions of their works, *vide*: e.g., the database *Universal Short Title Catalogue* (USTC), www.ustc.ac.uk (access: 9 IX 2021).

¹¹ C. CÖLLER, *Tyrocinium Militare*, Gdańsk 1616.

¹² More on the issue of military manuals of East-Central Europe: K. ANDRESOVÁ, *Vojenské příručky...*, pp. 72–76.

military art and training. Twenty-three of the editions dealt exclusively with infantry. If we add the publications that also included passages on artillery and fortifications, this makes a total of 26 editions.¹³ These books fall into three basic groups, which are military mathematics, military administration and military art (drill books and military treatises).

Books of military mathematics were a special kind of literature, usually written not by warriors but by mathematicians. They were either mathematics textbooks, part of which dealt with the use of arithmetic and geometry in military science, or collections of tables supplemented only by a short introduction. Some of these tables were aimed at fortress construction, in which case they specified the recommended angles and dimensions of fortification structures; artillery tables dealt with ballistics. Infantry tables which could also be used by cavalry how a particular number of men in an army should be divided into smaller organisational units. This group of military handbooks might have been accompanied by simple illustrations – woodcuts or typographic illustrations that depicted battle formations. The authors of these books in the period under study were Zacharias Lochner, Johannes Lhor, Caspar Grunewald, and Philipp Geiger.¹⁴

As already indicated, military administrative manuals were the dominant type of military handbook until about 1590. These books dealt primarily with the various ranks and offices in the army and discussed the rights and duties of their holders. The most important author of this type of book in the region under study was Leonhardt Fronsberger. His general-oriented *Fünff Bücher. Vonn Kriegs Regiment vnd Ordnung* of 1555¹⁵ was later expanded into a comprehensive three-volume *Kriegsbuch*, which was published repeatedly until the end of the 16th century.¹⁶ The second volume of the *Kriegsbuch* dealt mostly with infantry and artillery, although one may say it was a general military handbook.¹⁷

¹³ These numbers are based on excerpts from the databases USTC (www.ustc.ac.uk), VD16 (<https://www.vd16.de/>), VD17 (<http://www.vd17.de/>), GLN 15-16 (<http://www.ville-ge.ch/musinfo/bd/bge/gln/>), Bibliografia Staropolska (<https://www.estreicher.uj.edu.pl/staropolska/>), Knihopis (<http://www.knihopis.cz/>) (all access: 9 XII 2021).

¹⁴ If mathematical books dealing with artillery and fortifications are included, it is necessary to mention also Rhodius Ambrosius and Jacob Willemsz Verroten.

¹⁵ First issue: L. FRONBERGER, *Fünff Bücher. Vonn Kriegs Regiment vnd Ordnung*, Frankfurt am Main 1555.

¹⁶ First issue: IDEM, *Kriegsbuch*, Frankfurt am Main 1573. It was last published in 1596.

¹⁷ Title of this volume: *Kriegsbuch. Ander Theyl, Von Wagenburgk vmb die Feldleger...*

The work was a bestseller from the beginning, and was followed by works by other authors.

One such example is the unique book *Kurtzer vnd notwendiger bericht der Feldtschreiberey* by Stanislaus Hohenspach.¹⁸ This publication, unlike most other military manuals, was not primarily intended for officers and military leaders, but for military scribes. It describes the duties of these scribes and also the documents they produce, together with their appropriate formality. The present-day researcher will find in it, among other things, information on the recruitment and mustering of troops or the manning of sentries in a military camp.

After 1590, publications on military art were among the most common types of military manuals (besides books on fortress construction). These books can be subdivided into short but usually richly illustrated drill books and more comprehensive military treatises.¹⁹ The former focused on the operation of weapons and the basic functioning of soldiers in units, while the longer treatises also included texts on military administration, the establishment of military camps, military campaigns, strategies and other related topics. Drill books and military treatises coexisted, and the gradual trend, which became more pronounced in the second half of the 17th century, seems to have been an increase in the number of drill books at the expense of military treatises. This, in turn, is indicative of the changing function of the military manual and the changing demands on this type of literature over the years, as books originally intended for scholars gradually changed to utilitarian writings that helped to unify military practice across Europe.

One of the first and most famous drill books is *Wapenhandelinghe* by Jacques de Gheyn. The core of the book is composed of a series of 117 illustrations showing the operation of infantry weapons – simple handguns, muskets, and pikes. This is why the work is known not by the author of the text (probably Johann of Nassau) but by the author of the illustrations (Jacques de Gheyn). *Wapenhandelinghe* was first published in 1607 in the Netherlands.²⁰ It was soon translated and a German-French version was first published in 1609.²¹ De Gheyn was

¹⁸ S. HOHENSPACH, *Kurtzer vnd notwendiger bericht der Feldtschreiberey*, Heidelberg 1577.

¹⁹ Division into drill books and military treatises is based on D. LAWRENCE, *The Complete Soldier*, Leiden 2008, p. 195.

²⁰ J. DE GHEYN, *Wapenhandelinghe van de Roers, Musquetten ende Spiesen*, The Hague 1607.

²¹ IDEM, *Waffenhandlung Von den Röhren, Mußquetten vnd Spiessen*, Frankfurt am Main 1609.

followed by a number of other authors. A slightly younger infantry drill book was, for example, Peter Isselburg's Franco-German treatise *Künstliche Waffenhandlung* from 1620, which was, in fact, just a reprint of de Gheyn's book.²² From 1619 comes the anonymous drill book *Scola Militaris Exercitationis*.²³

The first military treatise published in the region was issued at the turn of the century: a lesser-known manual of military art by Maurice of Hessen-Cassel.²⁴ The book was relatively short and dealt briefly with basic aspects of warfare, army administration, infantry training, and its basic battle formations.

The best-known military treatise for infantry was not published in the region under study until fifteen years later: Johann Jacobi von Wallhausen's *Kriegskunst zu Fuss*. Its illustrations depicting the operation of the weapons were based on Jacob de Gheyn's copperplates from a few years earlier. As already mentioned, the book was reprinted several times and translated into several European languages. It was a large publication in folio format, accompanied by a number of copper engravings, and was therefore quite expensive. In order to make the basics of military art accessible to poorer people, Wallhausen published an abridgement of the book soon afterwards, entitled *Alphabetum pro tyrone pedestri*.²⁵

One of the first to be inspired by Wallhausen's infantry manual was an officer who very likely knew him personally. Wallhausen entered the service in Danzig in 1613, and in his writings he addressed himself as captain of that city until 1 May 1616.²⁶ When on 29 May 1616 the otherwise unknown Conrad Cöller dated the preface of his handbook *Tyrocinium militare*, he titled himself as a Gdańsk lieutenant. However, lieutenant Cöller did not become as famous as captain Wallhausen, did not write further works, and did not publish his book for a second time. His only known treatise, which contains only one simple illustration, deals mainly with the procedure for handling weapons and training the

²² P. ISSELBURG, *Künstliche Waffenhandlung der Musqueten vn[d] Piquen oder Langen Spiessen*, Nürnberg 1620.

²³ *Scola Militaris Exercitationis*, Köln 1619.

²⁴ M. HESSEN-KASSEL, *Instruction. Was sich unsere Bestellte Kriegsräthe vnd Diener verhalten sollen*, Kassel 1600.

²⁵ J.J. VON WALLHAUSEN, *Alphabetum pro tyrone pedestri*, Frankfurt am Main 1615.

²⁶ More on Wallhausen's life in, e.g., U. WENDLAND, *Zur Lebensgeschichte des Danziger Hauptmanns Johann Jacobi von Wallhausen*, "Mitteilungen des westpreußischen Geschichtsvereins" 1936, vol. 4, pp. 81–92; or H. ZOPF, *Johann Jacobi von Wallhausen als Kriegsschriftsteller*, "Mitteilungen des Westpreussischen Geschichtsvereins" 1938, vol. 2, pp. 34–43.

movements of entire infantry units, and is written in the form of a dialogue between two men, Julius and Cornelius. However, Wallhausen was also followed by a number of other authors who did not necessarily know him personally but were familiar with his writings.

Authors of infantry handbooks

Seventeen different men can be identified as the authors of the 26 books examined, one of which is anonymous. The authors of these infantry manuals – and of contemporary military manuals in general – can be divided into several groups according to their occupation. Some are obvious, others somewhat surprising. In the sample of authors examined, there are well-known military theorists (Johann Jacobi von Wallhausen) and fortress builders (Valentin Friderich). Several military officers, who usually published one theoretical work each, are known to us just from the pages of these works and are otherwise unknown (Conrad Cöller, Zacharias Krammer von Heydeck, Laurentius a Troupitzen, the military scribe Stanislaus Hohenspach). In the case of mathematical books, the authors were mathematicians (Zacharias Lochner, Philipp Geiger, Caspar Grunewald and also Rhodius Ambrosius and Jacob Willemsz Verrotten). The authorship of military manuals, of which the pictorial accompaniment is an essential component, fell to illustrators (Jacob de Gheyn, Peter Isselburg). Somewhat surprisingly, some military or fortification manuals were written by physicians (Gamaliel de La Tour) – and on the contrary, some, for example, fortress builders, devoted themselves to medicine as a secondary subject. The last type of authors were noblemen – in this case it was just one – Maurice of Hessen-Cassel. His military-theoretical contribution is not unusual, as nobles were often educated in military issues and studied the works of older military theorists. Among the most famous examples of this approach is Johann of Nassau, who was writing at the same time, and whose extensive military works remain only in manuscript.²⁷

²⁷ Johann's work has been made accessible editorially: *Die Heeresreform der Oranier. Das Kriegsbuch des Grafen Johann von Nassau-Siegen*, ed. W. HAHLEWEG, Wiesbaden 1973.

Illustrations

Most military manuals from the Central European region of the period under study were illustrated, and infantry manuals are no exception: apart from a few inexpensive, small-format books (mainly on military mathematics), the examined books were illustrated. Three graphic types of illustrations were involved: woodcuts, prevalent in the 16th century, were gradually replaced over the years by the more common copperplates. At the same time, illustrations made of typographic signs, which usually indicated the way soldiers were arranged in units, were used throughout the whole century under study.

The examined infantry manuals are accompanied by two types of illustrations: the first type is educational illustrations depicting the handling of weapons, the ordering of soldiers in units, the structure of military camps or drawings of fortress buildings; the second type lies on the borderline between educational and artistic illustrations and it depicts of the holders of various offices and ranks in the army or scenes from military engagements. All illustrations included in the publications are at least partly educational.

These illustrations are usually not signed. This is true for simple educational diagrams, but often also for more demanding illustrations. In fact, only three illustrators of the manuals examined are known by name: the aforementioned engraver and painter Jacob de Gheyn²⁸ and the draughtsman, engraver and printer Peter Isselburg,²⁹ who followed de Gheyn's illustration book and republished it under his own name. The third illustrator known by name is painter and engraver Jost Amman, who created the illustrations of the *Kriegsbuch* by Leonhardt Fronsberger in the mid-16th century.³⁰ In the case of the infantry part of the book, these are woodcuts depicting various types of soldiers and military officials, as well as copperplates showing military camps or troops on campaign.

²⁸ More on de Gheyn, *vide*: J.P.F. KOK, *Jacques de Gheyn II Engraver, Designer and Publisher – I*, "Print Quarterly" 1990, vol. 3, pp. 248–281.

²⁹ More on Isselburg, e.g., K. PILZ, *Isselburg, Peter*, [in:] *Neue Deutsche Biographie*, vol. 10, Berlin 1974, pp. 201–202.

³⁰ More on Amman, e.g., *The New Hollstein German engravings, etchings and woodcuts 1400–1700, Part I–X*, ed. G. SEELIG, Rotterdam 2002–2003.

Dissemination of ideas through military books

Several inspirational lines can be traced among the infantry manuals examined. Within books on military mathematics, Zacharias Lochner's *Zwey Büchlein der gerechneten Schlachtordnung*, published in 1557, achieved a certain influence.³¹ It was a set of tables advising how to divide a unit of a certain number of soldiers into ranks. Johannes Lhor's *Kriegs Feldbüchlin*, 12 years younger, dealt with the same problem.³² Lochner's book was also mentioned in other literature – for example, from 1561 onwards a page extract from this book appeared in Georg Lauterbeck's *Regentenbuch*.³³ This excerpt was later translated into Czech when a translation of the *Regentenbuch* was published in 1584 and 1606 under the title *Politia historica* in Prague by Daniel Adam of Veleslavín.³⁴ (It should be mentioned that the *Politia historica* was a rather exceptional text in the Czech environment, as it contained several chapters focusing on the warfare of the time. As already mentioned, for the entire period under study, only one separate military manual was published in Czech – *Discurs o běhu válečném*.)

The second source of inspiration is Leonhardt Fronsberger's *Kriegsbuch*. In his work, the war veteran Fronsberger discussed, among other things, the rights and duties of different types of soldiers and military officials. The book was published repeatedly during the second half of the 16th century and achieved considerable fame, to which other authors and printers referred. In 1577, 22 years after the publication of Fronsberger's first military work, a manual for military scribes, *Kurtzer vnd notwendiger bericht der Feldtschreiberey* by Stanislaus Hohenspach, was printed. In a dedication to Colonel Claus von Handtstadt, the printer Müller included the following sentence: "I have no doubt that the *Kriegsordnung*, which was published by the late Leonhardt Fronsberger, and which has been reprinted in Frankfurt, has been seen and read by your Grace."³⁵ The intention of the printer, and perhaps of the author, was therefore evidently to build on Fronsberger's fame and to expand on one of the themes opened up by that author.

³¹ Z. LOCHNER, *Zwey Büchlein der gerechneten Schlachtordnung*, Nürnberg 1557.

³² J. LHOR, *Kriegs Feldbüchlin, von allerlay Schlachtordnungen*, Dillingen 1569.

³³ First issue with this extract: G. LAUTERBECK, *Regentenbuch*, [Leipzig] 1561, p. CCXIIa.

³⁴ First issue: IDEM, *Politia historica*, Praha 1584, pp. 480–481.

³⁵ S. HOHENSPACH, *op. cit.*, p. [3].

Almost everyone who published a military administrative manual in the German-language area, whether specifically infantry or universal, responded to Fronsberger's work. The Dresden topographer and postmaster Daniel Wintzenberger, in his *Beschreibung einer KriegsOrdnung* of 1588, stated:

Useful thoughts have already been written about military order, especially in the great book divided into three parts and published in Frankfurt am Main by Georg [sic] Fronsberger, namely, on the warfare of the Emperor Charles V, as conducted on water and on land, together with artillery and all ammunition, with many illustrations. But not everyone can buy the book, furthermore it takes a lot of time to read such an extensive work, and it is impossible to keep it all in one's head. All this is briefly treated in this book, which every warrior, according to his status and office, needs to know.³⁶

The third source of inspiration came from the Netherlands from military reformers – Prince Maurice of Orange and his cousins William and Johann of Nassau, whose military works remained in manuscript only. Although the most famous of these three men is undoubtedly Maurice of Orange, the main originator of Dutch modernisation and the unification of military training and equipment was Johann of Nassau, author of the manuscript *Kriegsbuch*. In it, he explored both ancient soldiering and ways to apply it in a modern way using the resources that the late 16th century offered. Johann of Nassau was the author of the text part of the drill book illustrated by Jacob de Gheyn. As we have already mentioned, de Gheyn's manual was later followed by another illustrator – Peter Isselburg.

Johann Jacobi von Wallhausen also drew from his contacts with the Dutch reformers. He began his military career in 1599 in the army of Maurice of Orange, later serving in Hungary and Russia and from 1613 in Danzig. In 1616, in collaboration with Johann of Nassau, he prepared the curriculum for the first European military academy in the German town of Siegen, which he ran as its director for several months in 1617.³⁷ It should be recalled that Wallhausen's work was followed by that of another soldier working in Danzig – perhaps Wallhausen's subordinate – lieutenant Conrad Cöller.

³⁶ D. WINTZENBERGER, *Beschreibung einer Kriegs Ordnung zu Roß vnd Fueß*, Dresden 1588, p. [4].

³⁷ More on the Siegen military academy: C. BRACHTHÄUSER, „*Wie sich ein Fürst zum Krieg soll rüsten*“. *Die älteste Militärakademie der Welt*, Groß-Gerau 2016.

Inspiration in Dutch military reforms can be found in a number of military manuals from the first half of the 17th century. In particular, the infantry manual by Valentin Friderich *Kriegs kunst zu Fuß* of 1619 refers to the teachings of Maurice of Orange.³⁸ The Netherlands is mentioned as a leading country where military art was taught by Zacharias Krammer von Heydeck, author of the manual *Bellona* of 1625; he also mentions that he was taught at a ‘high military school,’ by which he could theoretically mean the Siegen Academy.³⁹ Even the French manual by Gamaliel de la Tour, published in Geneva in 1633 and 1634, *Principes de l’art militaire*, refers in its title to military art as practiced in the Netherlands.⁴⁰

In the 1630s, a new stream of ideas came to Central Europe from Sweden. There, Dutch military doctrine was reworked by a commander and, above all, a king – Gustavus Adolphus. An infantry manual published twice in Germany was called *Kriegs Kunst, Nach Königlicher Schwedischer Manier* and was written by an officer in the Swedish service, Laurentius a Troupitzen. In the preface of the book, he praised the order, wisdom, art, and experience of the soldiers in the Dutch service.⁴¹ However, he emphasised above all the contribution of Gustavus Adolphus to the Swedish military, who, in his opinion, improved the discipline and order previously used in Europe, but also, for example, invented new battle formations, thus earning eternal fame.

Theory and praxis

It is clear, then, that Dutch and Swedish reformist ideas reached Central Europe through books shortly after their introduction in Western and Northern Europe. Virtually everyone who published a book on infantry soldiering in the German language area can be linked in some way to the Dutch military reforms, either through personal experience or through study of earlier books. On the other hand, it should be mentioned that not everyone associated with the Dutch tradition actually implemented it in his writings. This is also true for

³⁸ V. FRIDERICH, *Kriegs kunst zu Fuß vnnnd Eige[n]dlicher vnderricht*, Bern 1619, p. 1.

³⁹ Z. KRAMMER VON HEYDECK, *Bellona*, Neuburg am Donau 1625, p. [3].

⁴⁰ First issue: G. DE LA TOUR, *Principes de l’art militaire*, Genève 1633, title page.

⁴¹ First issue: L. A. TROUPITZEN, *Kriegs Kunst, Nach Königlicher Schwedischer Manier*, Frankfurt am Main 1633, p. 4.

Wallhausen himself – while he knew and accepted the Dutch drill, he recommended that troops be trained and organised according to older, proven practices used, for example, on the battlefield in Hungary.⁴²

After all, it is also his work that raises the question of how quickly Dutch military practice really took hold in Central Europe. In 1615, Wallhausen published his first work on the military art of infantry, in which he recalled the art of good warfare – ‘ars bene belligerandi.’ He published the book in the hope that experienced warriors would once again elevate the art. However, in 1621, when he published *Defensio patriae*, Wallhausen mentioned that he had unfortunately not seen the use of this art in practice so far.⁴³

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

CÖLLER C., *Tyrocinium militare*, Gdańsk 1616.

Die Heeresreform der Oranier. Das Kriegsbuch des Grafen Johann von Nassau-Siegen, ed. W. HAHLWEG, Wiesbaden 1973.

FRIDERICH V., *Kriegs kunst zu Fuß vnnd Eige[n]dlicher vnderricht*, Bern 1619.

FRONSBERGER L., *Fünff Bücher. Vonn Kriegs Regiment vnd Ordnung*, Frankfurt am Main 1555.

FRONSBERGER L., *Kriegsbuch*, Frankfurt am Main 1573.

GHEYN DE J., *Waffenhandlung Von den Röhren, Mußquetten vnd Spiessen*, Frankfurt am Main 1609.

GHEYN DE J., *Wapenhandelinghe van de Roers, Musquetten ende Spiesen*, The Hague 1607.

HESSEN-KASSEL M., *Instruction. Was sich unsere Bestellte Kriegsräthe vnd Diener verhalten sollen*, Kassel 1600.

HOHENSPACH S., *Kurtzer vnd notwendiger bericht der Feldtschreiberey*, Heidelberg 1577.

ISSELBURG P., *Künstliche Waffenhandlung der Musqueten vn[d] Piquen oder LangenSpiessen*, Nürnberg 1620.

KRAMMER VON HEYDECK Z., *Bellona*, Neuburg am Donau 1625.

⁴² Cf. J.J. VON WALLHAUSEN, *Kriegskunst...*

⁴³ IDEM, *Defensio patriae*, Frankfurt am Main 1621, p. 6.

- LA TOUR DE G., *Principes de l'art militaire*, Genève 1633.
- LAUTERBECK G., *Politia historica*, Praha 1584.
- LAUTERBECK G., *Regentenbuch*, [Leipzig] 1561.
- LHOR J., *Kriegs Feldbüchlin, von allerley Schlachtordnungen*, Dillingen 1569.
- LOCHNER Z., *Zwey Büchlein der gerechneten Schlachtordnung*, Nürnberg 1557.
- Scola Militaris Exercitationis*, Köln 1619.
- SCHWENDI VON L., *Discurs o Běhu Wálečném a Auřadech Wogenských*, Praha 1618.
- SCHWENDI VON L., *Kriegs Discurs*, Frankfurt am Main 1593.
- VALTURIO R., *De re militari*, [Verona] 1472.
- VEGETIUS, [*Kurze Verweisung von der Ritterschaft*], [Augsburg ca. 1475].
- VEGETIUS, *De re militari*, [Köln ca. 1475].
- WALLHAUSEN VON J.J., *Alphabetum pro tyrone pedestri*, Frankfurt am Main 1615.
- WALLHAUSEN VON J.J., *Defensio patriae*, Frankfurt am Main 1621.
- WALLHAUSEN VON J.J., *Kriegskunst zu Fuss*, Oppenheim 1615.
- WINTZENBERGER D., *Beschreibung einer Kriegs Ordnung zu Roß vnd Fueß*, Dresden 1588.

Opracowania • Secondary sources • Литература

- ANDRESOVÁ K., *Česká vojenská příručka z roku 1618*, “Acta Musei Nationalis Pragae – Historia Litterarum” 2020, vol. 1–2, pp. 44–52.
- ANDRESOVÁ K., *Vojenské příručky raného novověku jako předmět výzkumu historiografie vojenství a knihovnědy. Tisky středověčné Evropy v kontextu evropské produkce*, “Vojenská história” 2018, vol. 3, pp. 61–80.
- BRACHTHÄUSER C., „*Wie sich ein Fürst zum Krieg soll rüsten*“. *Die älteste Militärakademie der Welt*, Groß-Gerau 2016.
- KOK J.P.F., *Jacques de Gheyn II Engraver, Designer and Publisher – I*, “Print Quarterly” 1990, vol. 3, pp. 248–281.
- LAWRENCE D., *The Complete Soldier*, Leiden 2008.
- Neue Deutsche Biographie*, vol. 10, Berlin 1974.
- The New Hollstein German engravings, etchings and woodcuts 1400–1700, Part I–X*, ed. G. SEELIG, Rotterdam 2002–2003.
- OPAVOVÁ T., *Obráz války a vojenství v 16.–17. století očima českých šlechticů*, Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav českých dějin, 2013.
- SPIERALSKI Z., *Polska sztuka wojenna w latach 1454–1562*, Warszawa 1958.
- ŠVEHELKA O., „*Zbroje a od ní potřebí jest...*”. *Čtyři texty ze 16. století týkající se tureckých válek, s přihlédnutím k válce patnáctileté*, “Historie – otázky – problémy” 2014, vol. 2, pp. 186–196.

- WENDLAND U., *Zur Lebensgeschichte des Danziger Hauptmanns Johann Jacobi von Wallhausen*, "Mitteilungen des westpreußischen Geschichtsvereins" 1936, vol. 4, pp. 81–92.
- WILSON G., *Military Science, History and Art*, [in:] *Artful Armies, Beautiful Battles. Art and Warfare in Early Modern Europe*, ed. P. CUNEO, Leiden 2002, pp. 13–34.
- ZOPF H., *Johann Jacobi von Wallhausen als Kriegsschriftsteller*, "Mitteilungen des Westpreussischen Geschichtsvereins" 1938, vol. 2, pp. 34–43.

Netografia • Netography • Интернет-ресурсы

- Bibliografia Staropolska, <https://www.estreicher.uj.edu.pl/staropolska/> (access: 9 XII 2021).
- Das Verzeichnis der im deutschen Sprachbereich erschienenen Drucke des 16. Jahrhunderts (VD 16)*, <https://www.vd16.de/> (access: 9 XII 2021).
- Das Verzeichnis der im deutschen Sprachraum erschienenen Drucke des 17. Jahrhunderts (VD 17)*, <http://www.vd17.de/> (access: 9 XII 2021).
- GLN 15-16, <http://www.ville-ge.ch/musinfo/bd/bge/gln/> (access: 9 XII 2021).
- Universal Short Title Catalogue (USTC)*, www.ustc.ac.uk (access: 9 XII 2021).

Klára Andresová

ŚRODKOWE EUROPEJSKIE PODRĘCZNIKI SZTUKI WOJSKOWEJ DOTYCZĄCE PIECHOTY W DOBIE WCZESNONOWOŻYTNEJ REWOLUCJI MILITARNEJ

Streszczenie. Teoria wczesnonowożytnej rewolucji militarnej, przedstawiona przez Michaela Robertsa w latach pięćdziesiątych XX w., a następnie zrewidowana przez kolejnych historyków, jest dziś powszechnie znana i ciągle stosowana przez badaczy. Jednym z jej filarów była zmiana w szkoleniu piechoty i ogólna ewolucja taktyki wojskowej w odniesieniu do piechoty, która nastąpiła najpierw w Holandii w latach dziewięćdziesiątych XVI w. Kolejne modyfikacje w tym zakresie wprowadzono w Szwecji za panowania Gustawa Adolfa. Odzwierciedleniem tych przemian był specyficzny gatunek literacki epoki nowożytnej – podręczniki wojskowe dla piechoty, publikowane nie tylko w Europie Zachodniej, ale także w Europie Środkowej, głównie w Niemczech. W latach 1550–1650 ukazało się około 125 traktatów wojskowych w blisko 225 wydaniach. Dwadzieścia pięć z tych podręczników koncentrowało się wyłącznie na piechocie. Studia nad historią książki mają charakter interdyscyplinarny, oferujący zarazem nowe metody badania historii wojskowości. Analizując zmiany treści i aspektów formalnych publikacji wojskowych, możemy prześledzić zmiany teorii wojskowej omawianego okresu. Protopografia teoretyków wojskowych i wydawców książek pomaga wykazać sposoby rozpowszechniania się nowych idei – w tym wypadku możemy zobaczyć, jak nowatorskie podejścia do

szkolenia piechoty i sztuki wojennej przenikały z obszaru Europy Zachodniej i Północnej do centrum kontynentu. Celem artykułu było opisanie wczesnonowożytnych podręczników piechoty oraz scharakteryzowanie sposobu, w jaki rewolucyjne zmiany w taktyce wojennej przenikały z Holandii i Szwecji do Europy Środkowej za pomocą podręczników wojskowych – w szczególności traktatów dotyczących piechoty.

Słowa kluczowe: Europa Środkowa, okres wczesnonowożytny, piechota, podręczniki wojskowe, historia książki

Клара Андресова

ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ УЧЕБНИКИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА КААСАЮЩЕЕСЯ ПЕХОТЫ В ЭПОХУ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Теория военной революции раннего Нового времени, представленная Майклом Робертсом в 1950-х гг. и затем пересмотренная последующими историками, в настоящее время широко известна и до сих пор используется исследователями. Одним из ее столпов было изменение в обучении пехоты и эволюция военной тактики по отношению к пехоте, которая впервые произошла в Нидерландах в 1590-х гг. Последующие модификации в этом отношении были введены в Швеции во время правления Густава Адольфа. Эти изменения отразились на специфическом жанре письма эпохи нового времени – военные наставления для пехоты издавались не только в Западной Европе (преимущественно в Германии), но и в Центральной Европе. Между 1550 и 1650 г. было опубликовано около 125 военных трактатов с почти 225 изданиями. Двадцать пять из этих руководств были посвящены исключительно пехоте.

Исследования по истории книги носят междисциплинарный характер и в то же время предлагают новые методы изучения военной истории. Анализируя изменения в содержании и формальных аспектах военных изданий, можно проследить изменения в военной теории рассматриваемого периода. Просопографическое исследование группы военных теоретиков и книгоиздателей помогает показать, как распространялись новые идеи. Таким образом, мы видим, как новаторские подходы к обучению пехоты и военному искусству проникали из Западной и Северной Европы в центр континента. Цель статьи состоит в том, чтобы описать наставления для пехоты раннего Нового времени и охарактеризовать путь, по которому революционные изменения в тактике ведения войны распространялись из Нидерландов и Швеции в Центральную Европу с посредничеством военных наставлений – в частности трактатов о пехоте.

Ключевые слова: Центральная Европа, раннее новое время, пехота, военные уставы, книжная история

Leontiy Voitovych (Леонтий Войтович)

Львовский национальный университет имени Ивана Франка

 ORCID ID: 0000-0002-9191-6537

OB LICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 213-243

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.10>

КРЕПОСТЬ НИКОЛАЕВ В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ ГАЛИЧИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается подготовка к обороне Галичины во второй половине XIX – начале XX века на примере строительства и использования Николаевской крепости на Днестре. Были представлены планы оборонительных сооружений, а также принципиальные изменения, которые претерпела фортификация в рассматриваемый период. Также было представлено создание новой инфраструктуры вокруг крепости, т.е. строительство железнодорожной ветки и дорог с твердым покрытием. Существенное влияние на ход работ оказали изменения политической обстановки, особенно в австрийско-русских отношениях, деятельность русской разведки и т. д. Особое внимание уделено событиям вокруг крепости во время военных действий в Галичине в 1914 г. и во время польско-украинской войны 1918–1919 гг. Большое внимание уделялось военачальникам, действовавшим на этом направлении, генералам: Францу Конраду фон Гётцендорфу, Эдуарду Бём-Эрмоли, Алексею Брусилову, Антону Деникину и другим. Представлены обстоятельства взятия крепости русской армией и ходе боев в районе Николаева. Эта крепость является одним из наиболее хорошо сохранившихся памятников фортификационных сооружений Первой мировой войны на территории Украины.

Ключевые слова: Галичина, крепость, Николаев на Днестре, Первая мировая война, Россия, Австро-Венгрия, Польша, XIX век, XX век

В результате Первого раздела Речи Посполитой 1772 г. Галичина вошла в состав империи Габсбургов как Королевство Галиции и Лодомерии. Тогда же в состав королевства вошло княжество Освенцимское и Заторское, а в 1846 г. – великое княжество Краковское. В XVIII в. империя Габсбургов была союзником империи Романовых, принимая активное участие в разделе дунайских земель Османской империи, а также остальной

части Речи Посполитой (1792 и 1795 гг.). Уже тогда союзники конфликтовали. До середины XIX в. европейские политики наконец поняли, что постоянные российско-турецкие войны являются не желанием улучшить судьбу единоверных православных христиан, терпящих под мумульманским угнетением, а стремлением Российской империи овладеть Боспором и Дарданеллами и выйти к Средиземному морю.

Путь к проливам предполагал занятие устья Дуная, стратегической цели и для дунайских владений Габсбургов. Соответственно германская династия не могла оставаться безучастной к российскому движению на юг. Император Франц Иосиф I, которому царь Николай I помог задавить венгерскую революцию 1848–1849 годов, колебался. Лучший из австрийских полководцев XIX в. фельдмаршал Йозеф Радецкий (1766–1858) первым обратил внимание на российскую опасность еще во время войны с Турцией 1828–1829 гг., когда царские войска легко овладели устьем Дуная, который был главной транспортной артерией империи Габсбургов на юге. Рассматривая возможность войны с Россией, Й. Радецкий пришел к выводу, что оборона Королевства Галиции и Лодомерии и её столицы Львова практически невозможна ввиду открытости территории и отсутствия естественных рубежей. Он предлагал сосредоточить войска на южных отлогах Карпат перед выходами с горных долин, прикрывая бассейн Дуная и опираясь на долговременные фортификации, позволяющие остановить противника и сосредоточить преобладающие силы на нужных направлениях¹.

Не все соглашались с Й. Радецким. Генерал-фельдмаршал эрцгерцог Иоганн фон Габсбург (1782–1859) предлагал построить крепость в Перемышле². Ведущий австрийский фортификатор генерал-майор эрцгерцог Максимилиан фон Габсбург-д'Эсте (1782–1869)³ настаивал на строительстве укрепления во Львове и Стрию⁴. Но авторитет Й. Радецкого

¹ J. RADEZKY, *Militärische Betrachtung der Lage Österreich*, [в:] *Denkschriften militärisch-politischen Inhalts aus dem handschriftlichen Nachlass des k. k. Österreichischen Feldmarschalls Grafen Radetzky*, Stuttgart–Augsburg 1858, с. 423–451.

² A. SCHLOSSER, *Johann Erzherzog von Österreich*, [в:] *Allgemeine Deutsche Biographie*, т. 14, Leipzig 1981, с. 281–305.

³ M.J. VON ÖSTERREICH-ESTE, *Versuch eines kriegs – systemes des österreichischen kaiserthumes*, Wien 1850, с. 47.

⁴ E. HILBRAND, *Maximian Jozeph Erzherzog von Österreich-Este*, [в:] *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*, т. 5, Wien 1975, с. 168.

в армии был непоколебим⁵. Острая дискуссия между австрийскими военными авторитетами по вопросам обороны Королевства Галиции и Лодомерии продолжалась до 1850 г., когда Центральная фортификационная комиссия под председательством фельдцейхмейстера Генриха Германа фон Гесса (1788–1870)⁶ приняла решение о передовом рубеже на Днестре с возведением фланговых крепостей в Кракове, Перемышле, Залещиках и промежуточного тот-де-пону (предмостного укрепления) в Розвадове под Николаевом. Львов из-за своего расположения в 3–4-дневных переходах от границы рассматривался как вспомогательный пункт между укреплениями над Саном и Днестром. Поэтому кроме цитадели, строительство, начавшееся в 1849 г., новых укреплений здесь не предвидело⁷.

Очередная русско-турецкая (Крымская) война заставила в 1854 г. приступить к возведению крепости в Залещиках, тот-де-пону в Розвадове под Николаевом, дополнительных укреплений в Галиче-Мартынове и во Львове⁸. Тот-де-пон (*Brückenkopf*) в районе Розвадова возле Николаева должен был защитить мост на Днестре. Укрепление состояло из 7 *редутов*⁹ и 1 *люнета*¹⁰, расположенных на высотах вокруг Розвадова, над Николаевом с южной стороны и Дроговижем. Город не вошел в систему

⁵ C. VON WURZBACH, *Radetzky Joseph Graf*, [в:] *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich*, т. 24, Wien 1872, с. 177–193; A. SKID, *Field Marshal Radetzky, Imperial victor and military genius*, London 2011, с. 296.

⁶ Бывший начальник штаба в Итальянской армии фельдмаршала Й. Радецкого, авторитетный генерал, позже фельдмаршал (C. VON WURZBACH, *Hes, die Freiherr von*, [в:] *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich*, т. 8, Wien 1862, с. 415–423).

⁷ О. ДЕДИК, *Галичина у планах віденських стратегів: концепції, комунікації та фортифікації*, „Цитаделя” 2013, ч. 1 (9), с. 20–30.

⁸ М. БОГДАНОВИЧ, *Восточная война 1853–56 гг.*, т. 1, Санкт-Петербург 1876, с. 272–275; E. VON STEINITZ, T. BROSCHE, *Fortyfikacje Austro-Węgier w czasach Conrada von Hotzendorf*, [в:] *Klasyka architektura militaris*, т. 5, Pułtusk 2007, с. 9; Т. ПНЯЖКО, *Львівська Цитадель*, Львів 2008, с. 25–27.

⁹ Редут – закрытое укрепление круговой, прямоугольной, квадратной либо правильной многоугольной формы со рвом, валом с земельным барбетом для размещения стрелков и орудий, внутренним рвом для укрытия гарнизона и горжевым фасом с проходом, за которым устраивался насыпь для стрелков (Л. ВОЙТОВИЧ, *Еволюція системи фортифікації. Bastionна система*, [в:] *Історія війн і військового мистецтва*, т. 2, ред. Л. ВОЙТОВИЧ, В. ГОЛУБКО, Харків 2018, с. 95–96).

¹⁰ Люнет (франц. *lunettes* – окуляри) – полевые или крепостные укрепления, полностью открытые с горжи (тыльной стороны) с одним либо двумя *фасами* и двумя *фланками* (*ibidem*, с. 96).

укреплений и остался перед фронтом в зоне действия артиллерии укреплений. Три редута были размещены на склонах горба между Дроговижем и Николаевом, два – на склонах горы Липа над городом с южной стороны, по одному на флангах возле Днестра – при дороге с северо-запада в с. Розвадов и с юго-востока из Верина до Розвадова. Люнет размещался с западной стороны горы Липа, контролируя отрезок Львовского тракта с Николаева до Розвадова. Редуты были рассчитаны на 3–4 пушки, 1–3 гаубицы и пехотную полуроту прикрытия. Промежутки между ними были в пределах 700–1000 м, что позволяло эффективно обстреливать их не только с орудий, но и с митральез и винтовок¹¹. Строительство началось 7 ноября 1854 г. Общее руководство работами по возведению укреплений осуществлял пионерный (саперный) лейтенант Гуттер, строительство каждого объекта – пионерный унтер-офицер, в распоряжении которого находилось 6–7 пионеров и до 200 пехотинцев¹². Строительство остановили в начале апреля 1856 г. после подписания Парижского мира.

Редуты остались неоконченными – без палисадов и блокгаузов в горах. Их просто бросили, и никто ими больше не занимался. Военный министр (1867–1868), а потом начальник генерального штаба фельдцейхмейстер Франц фон Йон (1815–1876) в 1874 г. вообще отбросил вариант обороны в Прикарпатье, предлагая использовать эту территорию в качестве плацдарма для наступления. Новый военный министр (1868–1874) фельдцейхмейстер Франц фон Куненфельд (1817–1896), тоже воспитанник Й. Радецкого, разделяющий его взгляды¹³, вообще считал нужным вступить в наступательный союз с Россией и Францией против Пруссии, рвущейся к гегемони в Европе, и для успеха такого союза был готов отказаться от активной балканской политики, используя своё влияние на наследника престола эрцгерцога Рудольфа¹⁴. Строительство железных дорог побудило следующего начальника генерального штаба фельдмаршал-лейтенанта Антона фон Шенфельда осенью

¹¹ М. ЮЩЕНКО, В. ПЕТРИК, Т. ПНЯЖКО, *Миколаїв-Розвадівське передмістове укріплення 1854–1914 рр. (Bruckenkopf Mikolajow-Rozwadow)*, [в:] *Збірник матеріалів: археологія і фортифікація України*, Кам'янець-Подільський 2019, с. 165–166.

¹² О. ДЄДИК, *op. cit.*, с. 26–27.

¹³ F. KUNR, *Der Gebirgskrieg*, Wien 1870, с. 129–141.

¹⁴ F. ILWOF, *Kuhn, Franz Freiherr von Kunnensfeld*, [в:] *Allgemeine Deutsche Biographie*, т. 51, Leipzig 1906, с. 422–428; В. НАМАНН, *Kronprinz Rudolf. Ein Leben*, München 2007, с. 351–354.

1877 г. в предложенном плане войны против России вернуться к идее Франца фон Йона, предвидя успех такого наступления из Прикарпатья за счет быстрого развертывания мобилизации, обустроенной к тому времени сетки железных дорог¹⁵.

В 1879 г. Австро-Венгерская монархия вошла в союз с новообразованной Германской империей, к которому позже присоединилась Италия. В 1880 г. старые заброшенные укрепления осмотрела специальная комиссия. Значение Розадова, через который проходила железная дорога с мостом, еще больше возросло. Строительство этой ветки через Карпаты интенсивно продолжалось. Комиссия решила возобновить и достроить старые укрепления, усилив их еще несколькими объектами. Отдельную оборону должны были получить железнодорожная станция и железнодорожный мост¹⁶. Двумя укреплениями, соединенными стрелковым окопом с бруствером, планировали прикрыть непосредственно железнодорожную станцию со стороны Николаева. Еще два укрепления должны были построить на правом берегу Днестра возле моста, а еще два – на расстоянии трех километров по обе стороны от железной дороги и львовского тракта. Возле Приймы в лесу предполагалось строительство блокауза¹⁷. Австрийское командование не без основания боялось рейдов численной российской конницы и риска сорвать мобилизационное перемещение войск. От таких рейдов должна была защитить круговая оборона железнодорожных мостов и станций. Со временем был учтен опыт англичан по защите железнодорожных станций в ходе англо-бурской войны 1898–1902 гг. Были разработаны специальные проекты типовых оборонительных сооружений для защиты железнодорожных станций и тоннелей с толщиной стен до 50 см, рассчитанных на защиту от огня карабинов и пулеметов, находившихся на вооружении российской кавалерии¹⁸.

¹⁵ О. ДЕДИК, *op. cit.*, с. 27–28.

¹⁶ W. BRZOSKWINIA, P. BUJAS, *Ufortyfikowane strażnice kolejowe w Galicji na początku XX wieku. Zarys problemu. Stan badań. Problemy ochrony*, „Forteca” 1997, № 2 (2), с. 21–34; M. BACZKOWSKI, *Wartownie kolejowe w systemie obronnym Galicji*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne” 2004, ч. 131, с. 127–135.

¹⁷ М. ЮЩЕНКО, В. ПЕТРИК, Т. ПІНЯЖКО, *op. cit.*, с. 166.

¹⁸ J. BOGDANOWSKI, *Fortyfikacja austriacka na ziemiach polskich w latach 1850–1914*, „Studia i Materiały do Historii Wojskowości” 1966, т. 12, ч. 1, с. 72–96; M. BACZKOWSKI, *Austro-węgierskie inwestycje militarne w Galicji w planach strategicznych Franza Conrada fon Hötzendofra (1906–1914)*,

В конце XIX в. в Австро-Венгрии, Германии и России начался подъем экономики и интенсивное строительство новых железных дорог¹⁹. Политики говорили о разоружении, открытии границ, а в то же время главные европейские государства готовились к войне²⁰. Новый этап строительства николаевской крепости пришелся на 1895–1902 гг. Были учтены изменения в фортификации. Из восьми старых укреплений шесть перестроили, одно реконструировали без перестройки, а одно, полуразрушенное, оставили. На станции построили каменный двухэтажный блокгауз²¹. В перестроенных укреплениях подняли брустверы и установили деревянные крыши-прикрытия для защиты от шрапнели. В то же время начали сооружать четыре новых опорных пункта (форты): Зубра, Дубина, Адамов форт и Верин²². Всего было построено 21 пехотный редут та девять артиллерийских батарей²³.

Россия не жалела денег для расширения своего влияния на славянское население Австро-Венгрии, поддерживая различные славянофильские течения, которые в среде галицких украинцев, называющих себя *русинами*, с русофильских постепенно трансформировались в откровенное

[в:] *Śląsk, Polska, emigracja. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Pilchowi*, ред. I. РОСЗЫЃСКА, Kraków 2002, с. 111–122; ИДЕМ, *Wartownie kolejowe...*, с. 127–135; F. SUCHOŃ, *Brytyjskie strażnice kolejowe w Południowej Afryce 1900–1902*, „Infort” 2009, № 22, с. 51–59; F. SUCHOŃ, J. OLESIAK, *Zespół ufortyfikowanych strażnic kolejowych w Kamionce Wielkiej*, „Małopolska” 2019, т. 21, с. 89–107.

¹⁹ К. ВИНОГРАДОВ, *Некоторые особенности экономического развития Австро-Венгрии накануне первой мировой войны*, „Ученые записки Ленинградского гос. ун-та”, Ленинград 1955, вып. 23, с. 67–91.

²⁰ А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, *Подготовка России к мировой войне в международном отношении*, Москва 1926, с. 440; Э. ЛЮДВИГ, *Последний Гогенцоллерн*, Ленинград 1929, с. 316; E. VON STEINITZ, E. GLAISE VON HORSTENAU, *Die Reichsbefestigung Österreich-Ungarns zur Zeit Conrads von Hötzendorf*, Wien 1937, с. 140; А. МОГИЛЕВИЧ, М. АЙРАПЕТЯН, *На путях к мировой войне 1914–1918 гг.*, Москва 1940, с. 294; В. БОВЫКИН, *Из истории возникновения первой мировой войны: отношения между Россией и Францией в 1912–1914 гг.*, Москва 1961, с. 208; А. ИГНАТЬЕВ, *Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.)*, Москва 1962, с. 400; И. БЕСТУЖЕВ, *Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны*, „Исторические записки” 1965, т. 75, с. 44–85; К. ВИНОГРАДОВ, Ю. ПИСАРЕВ, *Главные направления внешней политики Австро-Венгрии*, „Вопросы истории” 1966, № 6, с. 84–101; F. FISCHER, *Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914*, Düsseldorf 1969, с. 805.

²¹ М. ЮЩЕНКО, В. ПЕТРИК, Т. ПІНЯЖКО, *op. cit.*, с. 166.

²² О. ДЄДИК, *op. cit.*, с. 29–30.

²³ М. ЮЩЕНКО, В. ПЕТРИК, Т. ПІНЯЖКО, *op. cit.*, с. 167.

москвофильство. Лидерами москвофилов выступали священники, имеющие значительное влияние на сельскую и мещанскую верхушку, поэтому российская разведка легко находила в их среде конфиденентов, получая достаточно детальную информацию о строительстве и состоянии укреплений на территории Восточной Галичины²⁴. Поэтому подполковник Генштаба России граф Сергей Потоцкий (1877–1954), опираясь на информацию войсковой разведки, заметил, что двойной тот-де-пон Николаев, имея по 8-километровой дуге 27 укреплений, „при этом укреплении правого фланга бодем уязвимые, ибо обзору и обстрелу мешает лес”²⁵.

Партнеры по коалиции Германия и Австро-Венгрия имели различные взгляды на будущую войну. Германский план Шлиффена предусматривал стремительным ударом быстрое выведение из войны Франции (фактически повторением успеха франко-прусской войны 1870–1871 гг.)²⁶. За это время Австро-Венгрия должна была выстоять против России, отвлекая силы последней вспомогательным ударом на Варшаву. Но Австро-Венгрия видела свой интерес в завоевании Балкан, тем более, ведь ожидалось, что сателиты России – Сербия и Черногория – будут на её стороне. Опасность для коалиции со стороны громадной русской армии была явной, тем более что, владея Варшавой и большей частью Польши, Россия могла отрезать Восточную Пруссию и даже по прямой линии повести наступление на Берлин. Поэтому немцы усиливали свою оборону фортификационными сооружениями. Планы России быстрого завоевания Галичины были известны. Сил для войны на два фронта Австро-Венгрия, экономившая на военном бюджете, не имела. Наступать на варшавском направлении, чтобы отвлечь царские силы от Галичины, можно было только при условии встречного удара немцев из Восточной Пруссии. Но немцам нужна была быстрая нейтрализация Франции, поэтому

²⁴ О. СУХИЙ. *Від русофільства до москвофільства (російський чинник в громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті)*, Львів 2003, с. 498; В. ГАЙСЕНЮК, *Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918)*, Чернівці 2017, с. 90–149.

²⁵ С. ПОТОЦКИЙ, *Австро-Венгрия. Военно-географический очерк и вооруженные силы*, [в:] *Военная энциклопедия*, т. 1, Санкт-Петербург 1911, с. 75.

²⁶ G. RITTER, *Der Schlieffenplan Kritik einer Mythos. Mit erstmaliger Veröffentlichung der Texte und 6 Kartenskizzen*, München 1956, с. 201; A. MOMBAUER, *Of War Plans and War Guilt. The Debate Surrounding the Schlieffen Plan*, „Journal of Strategic Studies” 2005, т. 28, с. 857–885; H. EHLERT, *Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente*, ред. М. ЕРКЕНХАНС, G.P. GROS, Paderborn 2006, с. 496.

они стремились все силы сосредоточить на Западном фронте. Начальник Генерального штаба Австро-Венгрии генерал от инфантерии Франц Ксавер Йосиф барон Конрад фон Гетцендорф (1852–1925), опираясь на разработки предшественников, видел единственно возможное направление удара по России, в состоянии отвлекти её силы – неожиданное наступление из Галицкого плацдарма, где железнодорожная сетка позволяла быстрее противника развернуть нужные силы²⁷. Развертывание этих ресурсов должно было происходить за Саном, Верещицей и Днестром, поэтому на указанной дуге планировалось дополнительно укрепить кроме Перемышля ещё Галич и Николаев, а также Львов, как передовой пункт развертывания.

Фиг. 1. Генерал кавалерии Франц граф Конрад фон Гетцендорф (всеобщее достояние)

²⁷ R. KISZLING, *Franz Graf Conrad von Hötzendorf*, [в:] *Tausend Jahre Österreich. Eine Biographische Chronik*, ред. W. POLLAK, т. 3, Wien 1974, с. 39–46.

Фиг. 2. Полковник Альфред Редль (всеобщее достояние)

Новое обострение вызвали *Балканский кризис 1912–1913 гг.* и блестящий успех русской разведки. Российский военный агент (так тогда называли военных атташе) при австрийском дворе полковник Митрофан Марченко (1866–1932) сумел заставить работать на русскую разведку самого начальника контрразведки австрийского генштаба полковника Альфреда Редля (1864–1913), воспользовавшись увлечением того мальчишками. В австрийской армии офицеров-гомосексуалистов изгоняли с позором. У А. Редля не было выбора. Он сфотографировал для русской разведки мобилизационный план Австро-Венгерской армии (план „R”), в числе переданных документов были также и планы крепости Николаев²⁸.

²⁸ М. Мильштейн, *Дело полковника Редля*, „Военно-исторический журнал” 1966, № 1, с. 47–56; G. MARKUS, *Der Fall Redl*, Wien–München 1984, с. 286; M. RAUCHENSTEINER, *Redl Alfred*, [в:] *Neue Deutsche Biographie*, т. 21, Berlin 2003, с. 244–245; V. MORITZ, H. LEIDINGER, *Oberst Redl. Der Spionagefall, der Skandal, die Fakten*, Wien 2012, с. 320; Л. Войтович, *Зрада*

Российское командование было удивлено и восхищено смелостью австрийского плана²⁹. Сложнее было Конраду фон Гетцендорфу. Он вынужден был отказаться от идеи внезапного удара из Галичины. Опираясь на Карпаты, Перемышль и Краков, генерал надеялся удержаться, прикрывшись заболоченной местностью между Саном, Верещицей до Днестра, а дальше Днестром, а все возможные силы (свободные от операции в Сербии) бросить для атаки линии Томашув–Холм–Люблин во фланг польского выступления. Таким образом он пытался отвлечь российские войска от Днестра. Эта идея понравилась немцам, которых тревожило возможное наступление царских сил в Силезии, и они пообещали выделить ресурс для встречного удара на Седлиц. Львов должен был быть оставлен. С целью, скорее всего, запутать русскую разведку, возобновились интенсивные фортификационные работы на окраинах города, начатые ещё в 1887 г.³⁰ При этих условиях оба тот-де-поны в Галиче и Николаеве получали ключевое значение и именно туда были брошены основные ресурсы в 1913–1914 гг.³¹

На этот раз быстрыми темпами сооружалась новая линия обороны севернее Николаева с использованием каменно-бетонных сооружений, подземных ходов и блиндажей с четырьмя опорными пунктами (фортами): Лысая гора, высота 363, Воля и Радев³². Теперь тот-де-пон (предместная крепость) Николаев двумя изгибами прикрывал мосты на Днестре, занимающая громадную территорию от р. Колодницы возле Дубровы до р. Щирки около Устя. На крайних флангах уже во время войны были оборудованы пулеметные гнёзда и пехотные окопы. Сам генерал К. фон Гетцендорф хорошо знал эту территорию, ещё будучи начальником штаба 11-й пехотной дивизии во Львове (1883–1887)³³.

полковника Редля і обговорення Миколаївської фортеці у російській військовій пресі напередодні Першої світової війни, [в:] Миколаїв – фортеця на Дністрі. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції (3–4 вересня 2021 р. м. Миколаїв), Львів 2021, с. 56–59.

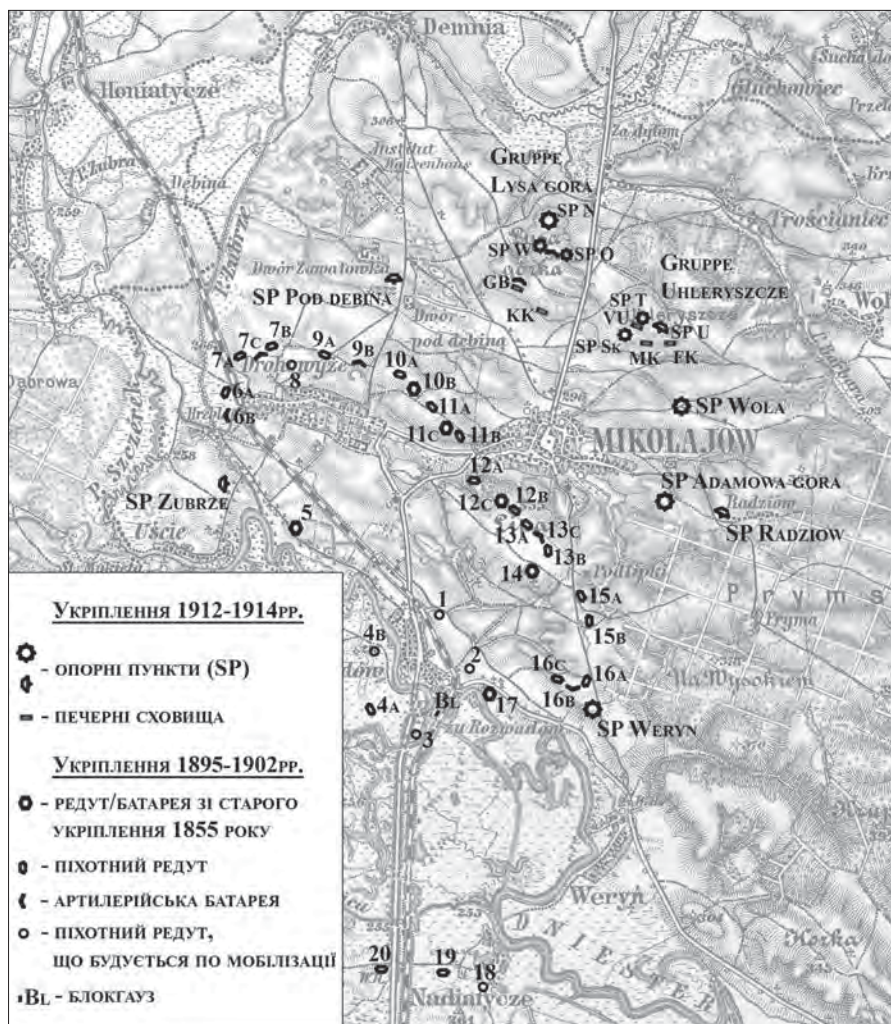
²⁹ Ю. Данилов, *Россия в Мировой войне 1914–1915 гг.*, Берлин 1924, с. 75–101; А. Зайончковский, *op. cit.*, с. 417–418.

³⁰ Т. РАВЛИК, *Bitwa pod Lwowem*, Warszawa 1932, с. XI+341+XVII; О. Волков, *Австрійські укріплення кінця XIX – початку XX ст. на околицях Львова*, „Вісник інституту Українадіпроект-реставрація” 2009, № 19, с. 154–156.

³¹ М. WACZKOWSKI, *Austro-węgierskie inwestycje militarne...*, с. 111–112.

³² О. ДЄДИК, *op. cit.*, с. 27–39.

³³ А. URBAŃSKI VON OSTRYMIECZ, *Conrad von Hötendorf. Soldat und Mensch*, Graz–Leipzig–Wien 1938, с. 212; О. REGELE, *Feldmarschall Conrad. Auftrag und Erfüllung 1906–1918*, Wien–München 1955, с. 122.

Фиг. 3. Крепость Николаев по состоянию на лето 1914 г. (из австрийского военного архива за: М. Ющенко, В. Петрик, Т. Пеняжко, *Миколаїв-Розвадівське передмістове укріплення 1854-1914 рр. (Bruckenkopf Mikolajow am Dnister)*, [w:] *Миколаїв - фортеця на Дністрі. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції. 3-4 вересня 2021 р. м. Миколаїв, Львів 2021*, с. 45)

Было решено построить новую северную линию обороны с фортами *Лиса гірка*, *Углярище*, *Адамів форт*, где одними с первых в Европе австрийские инженеры планировали использовать стрельбу с закрытых артиллерийских позиций³⁴.

³⁴ В 1882 г. российский артиллерист полковник Карл Гук издал работу *Закрытая стрельба полевой артиллерии*, где предлагал использование геометрии углов к точкам прицеливания,

В новом виде крепость Николаев была рассчитана на дивизию. Минимальный гарнизон предусматривался в 10 тыс. человек. Фактически же на начало войны здесь были дислоцированы два батальйона 19-го полка ландштурма, три роты охраны мостов, 4-я рота 14-го пионерного (саперного) батальйона, 12-я рота 3-го полка крепостной артиллерии, 4-я рота 9-го батальйона крепостной артиллерии и артиллерийское подразделение ландштурма. Всего на позициях разместили 52 9-см пушки М75/96 и шесть крепостных 12-см пушек М61/95³⁵. Личного состава насчитывалось около 3,5 тыс. человек.

Лучше других сохранились укрепления форта «Лиса гірка» (Тарандов), потерны-пещеры которых были способны выдерживать обстрелы тяжёлой артиллерии³⁶. Потерны шириной 230–240 см, высотой 220–230 см с заокругленным сводом и длиной 20–25 м, соединены между собой переходами, предназначались не только для защиты личного состава и сохра-

которые могли находиться в любом направлении относительно цели. Это позволило бы разместить артиллерию за склонами высот, пряча ее от наблюдения противника. Но проблема была в отсутствии азимутального инструмента, позволившего бы это сделать. Ее устранили немецкие конструкторы уже в 1890 г., создав *richtfläche* (пушечный открытый прицел, закреплённый и выровненный относительно ствола, который вращался и был способен измерять большие углы). Первой стрельбу с закрытых позиций применила английская полевая артиллерия 26 октября 1899 г. во время англо-бурской войны. И уже в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. обе стороны применили артиллерийскую стрельбу с закрытых позиций с использованием дальномеров, панорам и телефонной связи. С 1908 г. царская артиллерия начала применять новый немецкий панорамный прицел Герца, имеющий градуирование с пятиминутным интервалом, дециградрах и милсах (4320, 4000 или 6000/6300/6400 к окружности). На маневрах в 1908–1909 гг. российская, немецкая, австрийская и французская армии проверили эффективность стрельбы из закрытых артиллерийских позиций с использованием передовых наблюдательных пунктов, связанных с батареями полевыми телефонами. Эти проверки показали необходимость не только маскировки, но и быстрой смены позиций артиллерийских батарей, так как противник после засечки размещения батареи, получал возможность накрыть её шрапнельным огнём. Теперь батареи можно было размещать не на вершинах высот, а на их противоположных склонах. При этом казематы для размещения личного состава и амуниции помещались в потернах, оборудованных на склонах этих высот. Укрепленные каменной или кирпичной кладкой такие потерны сверху накрывались ещё и землей, что гасило эффективность при попадании фугасных снарядов. Такие батареи соединялись с передовыми командно-наблюдательными пунктами (КНП) подземным телефонным кабелем, что значительно увеличивало надежность связи. Сами КНП можно было помещать в бетонных или бронированных постах, надёжно замаскированных. Для прикрытия таких батарей на фронтальных склонах разворачивались пехотные позиции с пулеметными гнёздами (П. Ткачук, *Захриті артилерійські позиції у практиці фортифікації на початку Першої світової війни*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...* с. 46–48).

³⁵ О. ДЄДИК, *Галичина у планах віденських стратегів*, „Цитаделя” 2014, ч. 11, с. 22–32.

³⁶ К. MATKOWSKI, Z. DZIEŚLEWSKI, *Druga bitwa pod Lwowem*, „Bellona” 1933, т. 92, с. 89.

нения амуниции. Использование привязанных аэростатов и аэропланов позволяло легко засекти батареи, потому их необходимо было маскировать. Для крепостной артиллерии, занимающей стационарные позиции на «барбетах» (открытых площадках), необходимо было обеспечить возможность вести огонь без потерь личного состава в условиях противодействия противника, который, получив нужные параметры, мог обстрелять «барбетты» шрапнелью. В таких условиях лучше всего подходили потерны, куда можно было затолкать орудия при опасности обстрела (ширина колеи 1610-мм) и вход в потерну можно было закрыть деревянным щитом, защищающим от шрапнели. Именно такая защита для крепостных батарей считалась перспективной³⁷. И одной из первых, где это было применено, была крепость Николаев.

Одна из батарей крепостных 12-см пушек М61/95 с дальностью стрельбы до 8 км находилась перед потернами на «барбетах», оборудованных на обвалованной площадке на правом крыле форта «Лиса гірка» (Тарандов), и держала под обстрелом подходы к дефиле, которым проходил львовский тракт к Николаеву. Батарея была соединена телефонной связью с командно-наблюдательным пунктом (КНП)³⁸. Со стороны поля эти батареи прикрывала трехрядная линия полевых укреплений, в системе которых находились три батареи 8-см (фактически 76,5-мм) пушек М.17 конструкции фирмы Шкода с дальностью стрельбы 6,7-кг гранатами до 7 км, пулеметные гнезда, наблюдательные пункты и блиндажи, соединенные подземными галереями и ходами сообщения. Большинство этих объектов были построены из камня либо же имели железобетонные перекрытия, рассчитанные на защиту от российских гаубиц 122-мм и 152-мм. Эти укрепления усиливали обычные окопы³⁹.

³⁷ P. de MONDÉSIR, *La fortification cuirassée*, Paris 1909, с. 370; M. VON BRUNNER, *Die beständige Befestigung: für die k. u. k. Militärbildungsanstalten und zum Selbstunterrichte für Offiziere alter Waffen herausgegeben*, Wien 1909, с. 149; К. Величко, *Новые формы Антверпена*, «Инженерный журнал» 1910, № 3, с. 46–47; W. STAVESHAGEN, *Grundriss der befestigungslehre, sowie des verkehrs und nachrichtenwesens*, 4 aufl., Berlin 1910, с. 338; А. Олейников, *Огонь по невидимой цели*, «Военно-промышленный курьер» 2017, № 9 (673), с. 8.

³⁸ Это сохранившееся сооружение в Николаеве неверно называют «дзотом» (ДЗОТ – деревяно-земляная огневая точка).

³⁹ М. Ющенко, В. Петрик, Т. Пинячко, *Миколаїв-Розвадівське передмістове укріплення (Bruckenkopf Mikolajow am Dniester)*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 7–45.

Фиг. 4. Потерны батареи 12-см пушек М61/95 форта «Лиса гірка» (источник: Л.В. Войтович, *Фортеця «Миколаїв» у системі оборони галичини у 1850–1914 рр.*, „Військово-науковий вісник” 2022, № 37, с. 27)

Фиг. 5. Граффито в потерне форта «Лиса гірка» (Тарандов) с датой 1912 г. по принятым тогда армейским сокращениям: царский королевский 10-й корпус 24-я дивизия инфантерии, 10-й пионерный батальон, 4-я рота (фото из коллекции автора)

Сооружением новой северной линии обороны крепости Николаев занимался 10-й пионерный батальон 24-й дивизии инфантерии X (Перемышльского) корпуса. Граффити, оставленное пионерами (сапёрами)

в потернях, можно увидеть и сегодня. К работе привлекали солдат пехотных подразделений, помогавших сапёрам. Чтобы сохранить тайну, из местного населения к работе непосредственно на укреплениях привлекали только каменщиков, в основном поляков, которым доверяли больше. Украинцы своим гужевым транспортом завозили на площадки камень из каменеломен в Демне и на Поляне и роздольский кирпич. Вывозили песок. С площадок материалы забирали уже солдаты. Рабочие привлекались по найму и получали высокую зарплату⁴⁰. Сам район размещения строительства фортов был огражден и предупредительные надписи на немецком, украинском и польском языках предупреждали о штрафах и возможных арестах за переход без разрешения. Эти предупредительные мероприятия дали положительный эффект, русские узнали о наличии долговременных укреплений на новой северной линии обороны только в процессе непосредственного контакта в ходе боевых действий.

Фиг. 6. Артиллерийский наблюдательный пункт (источник: Л.В. Войтович, *Фортеця «Миколаїв» у системі оборони галичини у 1850–1914 рр.*, „Військово-науковий вісник” 2022, № 37, с. 26)

⁴⁰ В среднем 1 корона 20 галеров за день работы (фунт яловичины стоил 56 галеров, коза – 20 крон), годовая зарплата жандарма выносила 800 крон, то есть в среднем 3 кроны 60 галеров за 1 день на службе) (С. Качараба, *Участь населення Галичини у будівництві Дністровської лінії укріплень у 1911–1914 рр.*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 60–62).

Фиг. 7. Потерны артиллерийской батареи 8-см пушек М.17 (источник: Л.В. Войтович, *Фортеця «Миколаїв» у системі оборони галичини у 1850-1914 рр.*, „Військово-науковий вісник” 2022, № 37, с. 34)

Фиг. 8. Форт «Лиса гірка». Блиндаж для стрелкового отделения (фото из коллекции автора)

Фиг. 9. Склад боеприпасов (фото из коллекции автора)

Война началась при неблагоприятных условиях для австро-венгерской армии. Новый план генерала К. фон Гетцендорф всё-таки имел смысл и ослабил результаты предательства А. Редля. Люблин-Холмская операция действительно отвлекла значительные силы русского фронта. 8-я армия генерала от кавалерии Алексея Брусилова (1853–1926), лучшего из царских полководцев Первой мировой войны, сначала ударила по пустому месту, а позже, оставив XXIV-й корпус для блокады крепости Галич, начала активно наступать на запад. Командующий 2-й австрийской армией генерал кавалерии Эдуард Бем-Эрмоли (1856–1941) отступал левым берегом Днестра к реке Гнилая Липа, на берегах которой развернулась грандиозная битва. Чтобы прикрыть днестровскую линию обороны спешно из Сербии перебрасывалась группа фельдмаршал-лейтенанта Германа Фрейгера Кевеша фон Кевешгаза (1854–1924). Этот венгерский барон закончил войну фельдмаршалом и оказался последним австрийским верховным главнокомандующим в 1918 г. Но силы были слишком неравны. Против трех корпусов А. Брусилова фон Кевешгаз мог использовать только один 12-й корпус⁴¹.

⁴¹ *Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.*, ч. 1, Москва 1922, с. 146–148; F.C. von HÖTZENDORF, *Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918*, т. 4, Wien 1923, с. 52, 593–596, 603–610; А. БЕЛОЙ, *Галицийская битва*, Москва 1929, с. 353; А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, *Мировая война*

Сначала гарнизон Николаева был усилен 68-й бригадой генерал-майора Людвиг Эдлера фон Росслера из состава 34-й пехотной дивизии, которой командовал фельдмаршал-лейтенант Иосиф Риттер Краутвальд фон Аннау (1856–1925). Дивизия прибыла в июле из Трансильвании и личный состав её полков состоял в основном из венгров. Постепенно почти все подразделения гарнизона, кроме артиллеристов и сапёров, использовали в битве на р. Гнилая Липа и они были разгромлены вместе с 34-й пехотной дивизией. В крепости Николаев остался всего один 29-й венгерский пехотный полк, под началом полковника Трояна Бачила (1867–1931). По штатному расписанию полк насчитывал 4411 человек, в т. ч. 84 офицеры и 16 фенрихов. Но отдельные подразделения полка тоже частично принимали участие в битве на Гнилой Липе. Поэтому к началу российского наступления в гарнизоне вместе с артиллеристами оставалось не более 4 тыс. человек⁴².

После победных операций на Золотой Липе (26–28 августа 1914 г.) и Гнилой Липе (29–30 августа 1914 г.)⁴³ 8-я российская армия пыталась по фронту Ходоров–Галич не дать противнику отойти за Днестр. Австрийцы отступали, оставив Львов, куда 3 сентября 1914 г. вошли русские части. Одновременно 4 сентября 1914 г. австрийцы оставили Галич. Направив 2-ю сводную казачью дивизию из Галича на Станислав–Стрый, А. Брусилов спешно перебросил два корпуса ближе ко Львову. По его приказу от 4 сентября 1914 г. VIII-й армейский корпус генерал-лейтенанта Радка Радко-Дмитриева (1859–1918) и XXIV-й – генерала от инфантерии Афанасия Цурикова (1858–1922) должны были овладеть крепостью Николаев, начав наступление после 15 часов 5 сентября, когда должны были подойти основные части XXIV-го корпуса, двигаясь от

1914–1918 гг., т. 1: *Кампании 1914–1915*, Москва 1938, с. 68–70, 189–194, 200–202; А. Брусилов, *Мои воспоминания*, Москва 1963, с. 97–110, 124–127; И. Ростунов, *Галицийская битва*, [в:] *История Первой мировой войны 1914–1918*, т. 1, Москва 1975, с. 333–346; N. Stone, *The Eastern Front, 1914–1917*, London 1998, с. 90–91; Дж. КИГАН, *Первая мировая война*, Москва 2002, с. 199–200; А. Уткин, *Первая Мировая война*, Москва 2002, с. 147–148.

⁴² *Österreich-ungarns letzter krieg 1914–1918*, т. 1, Wien 1931, с. 56–84; Е. Румянцев, *Справочник по организации и составу австро-венгерской армии после проведения мобилизации в августе 1914 года*, www.grwar.ru/library/Rumyantsev-Austro-HungarianArmy1914/RM_AHA1914_4.html (доступ: 20 IX 2021).

⁴³ Даты по новому стилю.

Галича форсованным маршем. Тогда 10-я конная дивизия генерал-лейтенанта графа Фёдора Келлера (1857–1918) выдвигалась на Янов (сегодня село Ивано-Франковое) с задачей проведения разведки в направлении Вербяны – Судовая Вишня и выяснения, занята ли Городецкая позиция. В это время 12-я конная дивизия генерал-лейтенанта Алексея Каледина (1861–1918) сосредоточилась вблизи Щирца с задачей разведки этой позиции на линии р. Верещицы⁴⁴.

Фиг. 10. Генерал от кавалерии Алексей Брусилов (всеобщее достояние)

⁴⁴ В. Грицюк, А. Науменко, *Здобуття російськими військами фортеці Миколаїв під час Галицької битви*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 49–52.

Фиг. 11. Генерал-лейтенант Лавр Корнилов (всеобщее достояние)

Фиг. 12. Генерал-лейтенант Антон Деникин (всеобщее достояние)

На протяжении 4–5 сентября 1914 г. разведка VIII-го корпуса установила, что противник занимает высоты фронтом на север по обе стороны от с. Лубяны и дальше на восток к Воле Великой, откуда фронт передовой позиции сворачивал на юг к высоте „385”, восточнее Розадова. Проанализировав данные разведки, генерал-лейтенант Р. Радко-Дмитриев, не подозревая о наличии здесь мощных фортов «Лиса гірка» и «Углярище», решил, что с этой стороны австрийцы занимают полевые укрепления силами не более дивизии с 3–4 батареями, что не могло создать значительных проблем для его корпуса. Но солдаты были измотаны маршем, и он отложил наступление до утра.

Тем временем в авангарде XXIV корпуса подошла 48-я пехотная дивизия генерал-майора Лавра Корнилова (1870–1918), будущего организатора белого движения и первого вождя Добровольческой армии⁴⁵. Тот сходу занял высоты на правом берегу р. Колодницы перед Дубровкой возле Стольска, где было несколько пулемётных гнёзд. Тяжелый мортирный дивизион 152-мм мортир с дальностью стрельбы 14 км, заняв позиции напротив Радева (пригорода Николаева) открыл огонь по «Адамовому форту», укрепления которого ещё не были достроены. Для пристрелки артиллеристы использовали башню городской Ратуши, сгоревшей вместе с Ратушей.

В ночь на 6 сентября 1914 г. выдвинутая из резерва 4-а отдельная стрелечья бригада подошла к Роздолу. Здесь её ждал новый командир, знаменитый позже генерал Антон Деникин (1872–1947). Бригаду от Нижнева привел генерал-майор Владислав Бауфал (1853–1914), совершая переходы по 45–50 км за сутки. Сдав бригаду А. Деникину, он поехал принимать 3-ю гренадерскую дивизию. А. Деникин сразу же атаковал веринские укрепления и до рассвета роздольской дорогой бригада зашла в город. Первым вошел в Николаев 14-й стрелечий полк полковника Сильвестра Станкевича (1866–1919).

⁴⁵ Войну А. Корнилов окончил верховным главнокомандующим в ранге генерала от кавалерии. Выпускник Михайловского артиллерийского училища (1882), Николаевской академии генштаба (1898), участник русско-японской войны, экспедиций в Афганистан и Персию, смелый, упертый, с самоотдачей, прозванный „генерал вперед”, он не боялся рисковать, зажигая подчиненных личным примером (В. БОНДАРЕНКО, *Лавр Корнилов*, Москва 2016, с. 220).

Полковник Троян Бачила, котрому не хватало артиллеристов, оценив, что ему с неполным полком не удержать позиции против двух царских корпусов, не стал готовиться к сопротивлению и до рассвета вывел остатки 29-го венгерского пехотного полка в направлении на Городок, бросив артиллерию и припасы. Уже когда взошло солнце, в город вошли по радевской дороге полки 48-й дивизии А. Корнилова. И уже около полудня части VIII корпуса вступили в пустые укрепления северной линии обороны. Местные жители долго помнили, как полки А. Деникина и А. Корнилова разместились на поле за Черным потоком и церковью Св. Михаила вблизи Заведения графа Скарбка, где теперь находится стадион. Здесь развернули полевые кухни, где кормили также всех желающих мещан и детей, а также спали усталые и измотанные маршами солдаты. От большого количества коней поле и прилегающие улицы были заполнены конским навозом и вонь стояла ещё целый месяц⁴⁶.

Фиг. 13. Генерал от кавалерии Эдуард фон Бём-Эрмоли (всеобщее достояние)

⁴⁶ А. Брусилов, *op. cit.*, с. 100–104; А. Деникин, *Путь русского офицера*, Москва 1991, с. 258–260; Г. Ипполитов, *Деникин*, Киев 2006, с. 665; А. Кривизюк, *Бої на підступах до фортеці Миколаїв наприкінці літа – на початку осені 1914 р.*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 53–55; І. Соляр, *Перша світова війна в історичній пам'яті українського населення Галичини у міжвоєнний період 1920–1939 рр.*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 70–72.

Фиг. 14. Генерал-четар Виктор Курманович (всеобщее достояние)

Тем временем, севернее Львова австрийцы отчаянно атаковали в направлении Холма. К Городку и Комарно спешно подтягивались новые силы. Судьба Галицийской кампании всё еще не была решена. Поэтому А. Брусилов поставил задачу перед XXIV корпусом, заняв николаевские укрепления и высоты севернее города, обеспечить прикрытие фланга армии, разворачивающейся перед Городецкой позицией. В дальнейшем он планировал обойти этим корпусом Городецкую позицию. Начальником штаба корпуса был генерал-майор Евгений Трегубов (1862–1919), – позже начальник штаба Западного фронта Александра Колчака, – растрелянный чекистами. Под Николаевом Е. Трегубов случайно сервал планы А. Брусиллова и фактически на грани катастрофы оказалась вся кампания. Е. Трегубов пристал на уговоры Л. Корнилова и позволил тому преследовать противника в направлении на Комарно. Когда об этом узнал А. Брусилов, он немедленно снял с должности Е. Трегубова и пообещал отдать под военно-полевой суд. Под суд Е. Трегубов не пошел: все закончилось более-менее нормально. Його перевели в VI Сибирский корпус на такую же должность, позже он успешно командовал 6-й пехотной дивизией.

Ошибка Е. Трегубова и Л. Корнилова, начавших преследование отходящего противника без организации надежной разведки, закончилась полным разгромом дивизии последнего. Начальник австрийского генштаба К. фон Гетцендорф запланировал контрудар через Николаев силами 2-й армии во фланг Львова с одновременным ударом на Львов с севера от Белза силами 4-й армии. 3-я армия генерала кавалерии Рудольфа Риттера фон Брудермана тем временем должна была сковать силы противника на городоцкой позиции. Фельдмаршал-лейтенант фон Кевешгаза получил помощь (две с половиной дивизии, переброшенные с других направлений). Его удар пришелся по дивизии Л. Корнилова 10 сентября 1914 г. на р. Щирка. Австрийцы охватили дивизию с юга. Бросив 26 орудий, 48-я пехотная дивизия начала хаотично отходить в направлении Николаева. Генерал А. Цуриков так и не простил Л. Корнилову этого шага. В 1917 г. он выступил против своего бывшего подчиненного, а позже занял в Красной армии пост инспектора конницы.

Закреть «дырку» на левом фланге было неким. Контрнаступление австрийцев грозило потерей Львова и срывом всех предыдущих успехов кампании. А мешане небольшого Николаева тем временем тоже не дремали. Менее чем за день они успели перетащить на свои дворы громадные запасы продовольствия и амуниции, оставленные австрийцами. Отдельные хазяева брали полевые кузницы и другое воинское имущество, так как охрана захваченных складов не была организована. Брали даже снаряды.

А. Брусилов бросил к Николаеву свои последние резервы. 12-я кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта А. Каледина была полностью укомплектована слободскими украинцами. В её составе находились знаменитые 12-й Ахтырский гусарский полк и Белгородский уланский полк. А. Каледин оставил в укреплениях на Тарандове часть ахтырских гусар, а сам повел в конную атаку остальные эскадроны при поддержке артдивизиона. Эта атака на поле между Демней и Линденфельдом (Липовкой) 11 сентября 1914 г. спасла ситуацию. Австрийцы остановились на Щирку и не пошли дальше⁴⁷. От Стрыя тем временем подходила 2-а

⁴⁷ Об этом бое его участники и их потомки-белоэмигранты вспоминали до конца прошлого столетия как об одном из славнейших эпизодов в истории кавалерии, а для знаменитого Ахтырского гусарского полка – как день его славы. Еще одной особенностью сражения было то, что

сводная казачья дивизия, под командованием генерал-майора Александра Павлова (1867–1935), получившего за эти бои повышение в чине и золотое георгиевское оружие⁴⁸. Позже он командовал Астраханской

с обеих сторон гибли в основном украинцы, хотя слава досталась царской и австрийской армиям. 12-й гусарский Ахтырский генерала Дениса Давыдова её императорского высочества великой княгини Ольги Александровны полк, сформированный в 1765 г. на базе Ахтырского слободского казачьего полка (возник в 1651 г.) и укомплектованный украинцами со Слобожанщины, был элитной частью, под командованием с 1911 г. полковника Николая Трингама (1860–1914), которому после Гнилой Липы присвоили звание генерал-майора, хотя он так и не успел надеть генеральский мундир. Ахтырские гусары носили коричневые доломаны, коричневые накидки-ментики и ташки. Чакчиры и конские черпаки были темносинего цвета, воротник, обшлаги и обкладки черпаков – желтого. Эти особенности формы отличали их от других полков. В полку было шесть эскадронов по четыре взвода и 128 гусар. Генерал А. Каледин силами кавалерийской дивизии не мог оборонять форты Николаева. Австрийцы наступали тремя линиями пехоты между Демней и Линденфельдом силами бригады в первой линии которой находился 89-й Городоцкий полк инфантерии на 60% укомплектованный местными украинцами. У А. Каледина не было выбора и он бросил на пехотные цепи, поддерживаемые пулеметным огнем, 12-й Ахтырский гусарский полк, с которым сам пошел в кавалерийскую атаку. Шли по два взвода в одну шеренгу рысью на 100 шагов дистанции. Эта убийственная атака под огнем пулемётов противника закончилась успехом. Первые две линии были отброшены, а третья, прижата к Щирку, начала бросать оружие. В бою погибли четыре офицера (в т. ч. командир полка) и 44 гусары (еще 14 пропало без вести). Пять офицеров и 72 гусары были ранены. Австрийцы потеряли шесть офицеров, 34 солдат убитыми, 60 пропавшими без вести и 90 ранеными. С обеих сторон это были в основном украинцы. Сражение сыграло и свою психологическую роль: конная атака на пехотные цепи, поддержанные пулемётами и фантастический героизм ахтырских гусар стал последней славной страницей истории кавалерии. От подобной практики после этого отказались. Австрийское командование позаботилось и чтобы полки X и XI корпусов, укомплектованные преимущественно украинцами, не воевали на Восточном фронте против полков русской армии. Их перебросили на Сербский, а потом Итальянский и Румынский фронты. Один из героев этой атаки ротмистр Георгий Ельчанинов (1871–1924), командовавший 3-м эскадромом, за этот бой был награжден золотым оружием, скоро получил чин полковника, а с 17 сентября 1915 г. и до конца войны командовал 12-м Ахтырским гусарским полком. В 1917 г. ему присвоили чин генерал-майора. В Гражданскую войну он преподавал в военной школе УНР и был командиром 2-й бригады 4-й конной дивизии украинской армии. После падения гетмана Павла Скоропадского он остался в Одессе, потом вступил в ряды Добровольческой армии генерала А. Деникина, был комендантом Мариуполя (1919) и Севастополя (1920). С группой генерала Николая Бредова перешел в Польшу, где и умер в эмиграции. Его родственник украинский композитор Владимир Ельчанинов (1947–2008) жил и творил в городе Николаеве (А. Войтович, *Забутий епізод Галиційської битви: бій між Демнею і Линденфельдом*, [в:] *Перша світова війна у військово-історичному вимірі (до 100-річчя події)*, Львів 2014, с. 160–163).

⁴⁸ Генералу А. Павлову повезло и ему не припомнили, что дивизия задержалась в Стрию и Песочной, опустошая еврейские корчмы. Правда, дальше в боях на Городоцких позициях дивизия и её командир проявили себя очень хорошо.

армией белых и 4-м Донским корпусом у А. Деникина. Дивизия А. Павлова заняла укрепления на городище древнего Дроговижа и прикрыла мосты. Интересно, что все будущие вожди российской белой гвардии собрались в Николаеве в сентябре 1914 г.

Успехи царских войск севернее Львова, угроза окружения 4-й армии и неудача под Николаевом вынудили К. фон Гетцендорфа отказаться от дальнейших контратак. Он начал отводить свои войска до Сана, что было завершено до 16 сентября 1914 г. Русские не ожидали такого поворота событий и опоздали с организацией преследования противника⁴⁹. Таким образом, можно констатировать, что в силу различных причин крепость Николаев, построенная по последнему слову европейской фортификации, не оправдала всех положенных на неё надежд⁵⁰.

Понятно, что задуманная как прикрытие днестровских переправ, ориентированная на север, крепость Николаев не сыграла никакой роли во время отступления русских из Галичины в 1915 г. В апреле 1919 г. начальник штаба Галицкой армии генерал-четар Виктор Курманович (1876–1945) и в ходе Чортковской оффензивы в июне 1919 г. главнокомандующий Галицкой армии генерал-четар Александр Греков (1875–1959) предлагали отвести войска за линию Днестра, организовав оборону с центром в Николаеве и дружественной Чехо-Словакией в тылу. Оттуда в обмен на бориславскую нефть можно было бы получать боеприпасы, что позволило бы столкнуть польскую армию Юзефа Галлера с большевиками и, в определенной степени, могло бы повлиять на решения Парижской мирной конференции. Но высшее руководство УНР эти предложения не поддержало⁵¹. После 1920 г. крепость потеряла свое значение и дальше не использовалась.

Укрепления Николаева, остатки которых лучше всего сохранились в северной части города, длительное время привлекали только ребят школьного возраста. На территории форта «Лиса гірка» было устроено стрельбище, в других частях проходили военно-спортивные

⁴⁹ В. Голубко. *Миколаївська фортеця у Галицькій битві у серпні–вересні 1914 р.*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 63–66.

⁵⁰ Л. Войтович, *Фортеця Миколаїв*, [в:] Л. Войтович, Н. Ощипок, *Миколаїв над Дністром: місто і люди*, Львів 2020, с. 389–409.

⁵¹ М. Галушак, *Миколаївська фортеця у планах головнокомандувача Галицької Армії Олександра Грекова під час Чортківської оффензивы*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 77–80.

соревнования. И уже после возрождения независимой Украины появились бизнесмены, решившие уничтожить остатки фортификационных сооружений, развернув здесь песчаные карьеры. Учитывая, что Николаевская крепость на сегодняшний день имеет лучше всего сохраненные укрепления времен Первой мировой войны на территории Украины, за их сохранение выступили специалисты и местные активисты. Снесение горок, окружающих город, безусловно угрожает также экологии и условиям жизни жителей. В то же время, уцелевшие остатки крепости, расположенные вблизи международной автотрассы Киев–Чоп, выглядят перспективными туристическими объектами⁵².

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

Брусиллов А., *Мои воспоминания*, Москва 1963.

Деникин А., *Путь русского офицера*, Москва 1991.

Opracowania • Secondary sources • Литература

BACZKOWSKI M., *Austro-węgierskie inwestycje militarne w Galicji w planach strategicznych Franza Conrada von Hötzendorfa (1906–1914)*, [в:] *Śląsk, Polska, emigracja. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Pilchowi*, ред. I. PACZYŃSKA, Kraków 2002, с. 111–121.

BACZKOWSKI M., *Wartownie kolejowe w systemie obronnym Galicji*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne”, Kraków 2004, ч. 131, с. 127–135.

BOGDANOWSKI J., *Fortyfikacja austriacka na ziemiach polskich w latach 1850–1914*, „Studia i Materiały do Historii Wojskowości” 1966, т. 12, ч. 1, с. 72–96.

BRUNNER VON M., *Die beständige Befestigung: für die k. u. k. Militärbildungsanstalten und zum Selbstunterrichte für Offiziere alter Waffen herausgegeben*, Wien 1909.

⁵² Л. ОЗІРКОВСЬКИЙ, *Перспективи збереження і використання історичних пам'яток Миколаївщини*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі...*, с. 96–99.

- BRZOSKWINIA W., BUJAS P., *Ufortyfikowanie strażnicy kolejowej w Galicje na początku XX wieku. Zarys problemu. Stan badań. Problemy ochrony*, „Forteca” 1997, № 2 (2), c. 21–34.
- Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente*, пер. М. EPKENHANS, G.P. GROS, Paderborn 2006, c. 496.
- FISCHER F., *Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914*, Düsseldorf 1969.
- HAMANN B., *Kronprinz Rudolf. Ein Leben*, München 2007.
- HILBRAND E., *Maximian Jozeph Erzherzog von Österreich-Este*, [B:] *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*, т. 5, Wien 1975, c. 168.
- HÖTZENDORF VON F. C., *Aus müener Dienstzeit. 1906–1918*, т. 4, Wien 1923.
- ILWOF F., *Kuhn, Franz Freiherr von Kuhnfeld*, [B:] *Allgemeine Deutsche Biographie*, т. 51, Leipzig 1906, c. 422–428.
- KISZLING R., *Franz Graf Conrad von Hötzendorf*, [B:] *Tausend Jahre Österreich. Eine Biographische Chronik*, т. 3, пер. W. POLLAK, т. 3, Wien 1974, c. 39–46.
- KUHR F., *Der Gebirgskrieg*, Wien 1870.
- MARKUS G., *Der Fall Redl*, Wien–München 1984.
- MATKOWSKI K., DZIEŚLEWSKI Z., *Druga bitwa pod Lwowem*, „Bellona” 1933, т. 92, c. 89.
- MOMBAUER A., *Of War Plans and War Guilt. The Debate Surrounding the Schlieffen Plan*, „Journal of Strategic Studies” 2005, т. 28, c. 857–885.
- MONDÉSIR DE P., *La fortification cuirassée*, Paris 1909.
- MORITZ V., LEIDINGER H., *Oberst Redl. Der Spionagefall, der Skandal, die Fakten*, Wien 2012.
- ÖSTERREICH-ESTE VON M.J., *Versuch eines kriegs – systemes des österreichischen kaisertumes*, Wien 1850.
- Österreich-ungarns letzter krieg 1914–1918*, т. 1, Wien 1931.
- PAWLIK T., *Bitwa pod Lwowem*, Warszawa 1932.
- RADETZKY J., *Militärische Betrachtung der Lage Österreich*, [B:] *Denkschriften militärisch-politischen Inhalts aus dem handschriftlichen Nachlas des k. k. Österreichischen Feldmarschlls Grafen Radetzky*, Stuttgart–Augsburg 1858, c. 423–451.
- RAUCHENSTEINER M., *Redl Alfred*, [B:] *Neue Deutsche Biographie*, т. 21, Berlin 2003, c. 244–245.
- REGELE O., *Feldmarschall Conrad. Auftrag und Erfüllung 1906–1918*, Wien–München 1955.
- RITTER G., *Der Schlieffenplan Kritik einer Mythos. Mit erstmaliger Veröffentlichung der Texte und 6 Kartenskizzen*, München 1956.
- SCHLOSSER A., *Johann Erzherzog von Österreich*, [B:] *Allgemeine Deutsche Biographie*, т. 14, Leipzig 1981, c. 281–305.
- SKID A., *Field Marshal Radetzky, Imperial victor and military genius*, London 2011.
- STAVESHAGEN W., *Grundriss der befestigungslehre, sowie des verkehrs und nachrichtenwesens*. 4 aufl., Berlin 1910.

- STEINITZ VON E., BROSCHE T., *Fortyfikacje Austro-Węgier w czasach Conrada von Hotzendorfa*, [в:] *Klasyka architektura militaris*, т. 5, Pułtusk 2007, с. 9.
- STEINITZ VON E., HORSTENAU GLAISE VON E., *Die Reichsbefestigung Österreich-Ungarns zur Zeit Conrads von Hötzendorf*, Wien 1937.
- STONE N., *The Eastern Front, 1914–1917*, London 1998.
- SUCHOŃ F., *Brytyjskie strażnice kolejowe w Południowej Afryce 1900–1902*, „Infort” 2009, № 22, с. 51–59.
- БЕСТУЖЕВ И., *Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны*, „Исторические записки” 1965, т. 75, с. 44–85.
- БОВЫКИН В., *Из истории возникновения первой мировой войны: отношения между Россией и Францией в 1912–1914 гг.*, Москва 1961.
- ВИНОГРАДОВ К., *Некоторые особенности экономического развития Австро-Венгрии накануне первой мировой войны*, „Ученые записки Ленинградского гос. ун-та”, Ленинград 1955, вып. 23, с. 67–91.
- ГРИЦЮК В., НАУМЕНКО А., *Здобуття російськими військами фортеці Миколаїв під час Галицької битви*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції (3–4 вересня 2021 р. м. Миколаїв)*, Львів 2021, с. 49–52.
- МОГИЛЕВИЧ А., АЙРАПЕТЯН М., *На путях к мировой войне 1914–1918 гг.*, Москва 1940.
- ОЗІРКОВСЬКИЙ Л., *Перспективи збереження і використання історичних пам'яток Миколаївщини*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції (3–4 вересня 2021 р. м. Миколаїв)*, Львів 2021, с. 96–99.
- ОЛЕЙНИКОВ А., *Огонь по невидимой цели*, „Военно-промышленный курьер” 2017, № 9 (673), с. 8.
- ПІНЯЖКО Т., *Львівська Цитадель*, Львів 2008.
- ПОТОЦКИЙ С., *Австро-Венгрия. Военно-географический очерк и вооруженные силы*, [в:] *Военная энциклопедия*, т. 1, Санкт-Петербург 1911.
- РОСТУНОВ И., *Галицийская битва*, [в:] *История Первой мировой войны 1914–1918*, т. 1, Москва 1975, с. 333–346.
- СОЛЯРІ., *Перша світова війна в історичній пам'яті українського населення Галичини у міжвоєнний період 1920–1939 рр.*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції (3–4 вересня 2021 р. м. Миколаїв)*, Львів 2021, с. 70–72.
- Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.*, ч. 1, Москва 1922.
- СУХИЙ О., *Від русофільства до москвофільства (російський чинник в громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у ХІХ столітті)*, Львів 2003.
- ТКАЧУК П., *Закриті артилерійські позиції у практиці фортифікації на початку Першої світової війни*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі. Збірник матеріалів*

Міжнародної наукової конференції (3–4 вересня 2021 р. м. Миколаїв), Львів 2021, с. 46–48.

Уткин А., *Первая Мировая война*, Москва 2002.

Ющенко М., Петрик В., Піняжко Т., *Миколаїв-Розвадівське передмістове укріплення 1854–1914 рр. (Bruckenkopf Mikolajow–Rozwadow)*, [в:] *Збірник матеріалів: Археологія і фортифікація України*, Кам'янець-Подільський 2019, с. 165–166.

Ющенко М., Петрик В., Піняжко Т., *Миколаїв-Розвадівське передмістове укріплення (Bruckenkopf Mikolajow am Dniester)*, [в:] *Миколаїв – фортеця на Дністрі. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції (3–4 вересня 2021 р. м. Миколаїв), Львів 2021, с. 7–45.*

Netografia • Netography • Интернет-источники

Румянцев Е., *Справочник по организации и составу австро-венгерской армии после проведения мобилизации в августе 1914 года*, www.grwar.ru/library/Rumyantsev-Austro-HungarianArmy1914/RM_AHA1914_4.html (Доступ: 20 IX 2021).

Leontiy VOITOVYCH

THE FORTRESS OF MYKOLOAIV IN GALICIA'S DEFENCE SYSTEM IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Summary. The article discusses the preparations for the defence of Galicia in the second half of the nineteenth – early twentieth century using the example of the construction and use of the Mykolaiv fortress on the Dniester River. The plans of the defensive structure are presented, as well as its fundamental transformations during the period in question. The article also discusses the creation of new infrastructure around the fortress, i.e. the construction of a railway line and paved roads. The redevelopment works were considerably affected by the changes in political conditions, especially Austro-Russian relations, the activities of Russian intelligence, etc. Particular attention was paid to the events that took place around the fortress during the hostilities in Galicia in 1914 and the Polish-Ukrainian war in 1918–1919 and the commanders that operated in the area, including generals Frantz Konrad von Götcendorf, Edward Böhm-Ermolli, Alexei Brusilov, and Anton Denikin. The paper also presents the circumstances of the capturing of the fortress by the Russian army and the course of the military actions in the Mykolaiv area. The discussed fortress is one of the best-preserved monuments of WWI fortifications on the territory of Ukraine.

Keywords: Galicia, fortress, Mykolaiv on the Dniester, World War I, Russia, Austria-Hungary, Poland, 19th century, 20th century

Leontiy VOITOVYCH

TWIERDZA MIKOŁAJÓW W SYSTEMIE OBRONNYM GALICJI W DRUGIEJ POŁOWIE XIX I NA POCZĄTKU XX WIEKU

Streszczenie. W artykule podjęto rozważania na temat przygotowań do obrony Galicji w drugiej połowie XIX – na początku XX w. na przykładzie budowy i użytkowania twierdzy Mikołajów nad Dniestrem. Zaprezentowane zostały plany budowli obronnej oraz zasadnicze przemiany, jakie fortyfikacja ta przeszła w omawianym okresie. Przedstawiono również tworzenie nowej infrastruktury wokół twierdzy, tj. budowę linii kolejowej i utwardzonych dróg. Niemały wpływ na przebieg prac miały zmiany warunków politycznych, zwłaszcza stosunków austriacko-rosyjskich, działania rosyjskiego wywiadu itd. Szczególną uwagę zwrócono na wydarzenia wokół twierdzy podczas działań wojennych na terenie Galicji w 1914 r. i w czasie wojny polsko-ukraińskiej w latach 1918–1919. Dużo uwagi poświęcono działającym na tym terenie dowódcom, generałom: Francowi Konradowi von Götcendorf, Edwardowi von Böhm-Ermoli, Aleksemu Brusilowowi, Antonowi Denikinowi i innym. Przedstawiono okoliczności zdobycia twierdzy przez wojska rosyjskie i przebieg walk w rejonie Mikołajowa. Omawiana twierdza jest jednym z najlepiej zachowanych zabytków fortyfikacji I wojny światowej na terytorium Ukrainy.

Słowa kluczowe: Galicja, twierdza, Mikołajów nad Dniestrem, I wojna światowa, Rosja, Austro-Węgry, Polska, XIX w., XX w.

Taras Piatnychuk (Тарас Пятничук)

Черновицкий национальный университет
имени Юрия Федьковича

ORCID ID: 0000-0002-5285-2067

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWA • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 245-259

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.11>

КОНЦЕПЦИЯ «МОРСКОЙ СИЛЫ» И ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА 1898 Г.: РЕФЛЕКСИЯ КАПИТАНА А.Т. МЭХЭНА

Аннотация. В статье рассматривается проблема рецепции итогов и уроков испано-американской войны 1898 г. сквозь концепцию «морской силы». Её идеолог, американский капитан Альфред Тайер Мэхэн, считал, что залогом могущества и процветания великой державы является наличие боеспособного военного флота. Следовательно, Соединенным Штатам, которым Мэхэн также отводил место среди могущественнейших держав мира, следовало активно наращивать свои ВМС.

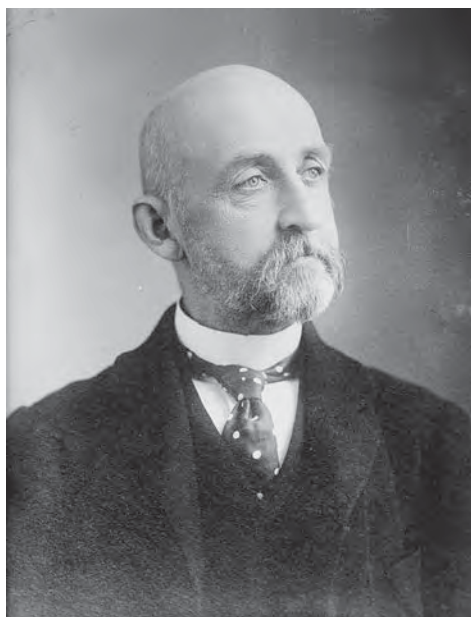
Война с Испанией не только подтвердила верность идей Мэхэна, но и позволила капитану дополнить свою концепцию дополнительными тезисами, изложенными в книге *Уроки войны с Испанией и другие статьи*. Отмечая успешное завершение боевых действий на суше и на море, Мэхэн указывал на серьёзные просчеты, которые следовало исправить как можно скорее. В частности, правительству США следовало позаботиться об улучшении своих прибрежных укреплений. В случае выбора Испанией тактики налетов на прибрежные города урон, понесенный США, был бы колоссальным.

Среди прочих проблем, на которые Мэхэн обращал внимание, было увеличение количества кораблей военно-морского флота и армии. Для достижения этой цели следовало не только выделять дополнительные ассигнации, но и проводить среди населения соответствующую пропаганду.

Анализируя состав военно-морского флота США, капитан рекомендовал в дальнейшем делать акцент на строительстве двух типов кораблей. Первым из них были линкоры, которым Мэхэн отводил основную роль в морских сражениях. Крейсера, лишённые брони, должны были служить в качестве поддержки последних. Одновременно Мэхэн утверждал, что от конструирования более старых типов кораблей, коими были мониторы, следовало отказаться вообще.

Ключевые слова: морская сила, военно-морской флот, линкор, крейсер, монитор, испано-американская война

Альфред Тайер Мэхэн (фиг. 1) вошел в историю США как военно-морской теоретик, автор концепции «морской силы», а также идеолог экспансионистской внешней политики. Будучи преподавателем Военно-морского колледжа, он обнаружил отсутствие надлежащих учебников по морскому делу, а то, что имелось, по его мнению, было довольно фрагментарным и несистематизированным. Пытаясь исправить эту ошибку, Мэхэн решил собственноручно написать стоящий учебник. Итогом его работы стал труд *Влияние морской силы на историю 1660–1783*, который был опубликован в 1890 г. Впоследствии то, что первоначально задумывалось в качестве учебника, не только принесло Мэхэну известность (в основном, за границей) но также стало наглядным пособием для военно-морской политики государства. Германский император Вильгельм II, оценивая работу Мэхэна, указывал что: „Это первоклассный и классический во всех отношениях труд”¹.

Фиг. 1. Альфред Тайер Мэхэн (источник: *Adm. A. Mahan*, www.loc.gov/pictures/resource/ggbain.17956/, доступ: 30 IX 2021)

¹ J. MAURER, *The Influence of Thinkers and Ideas on History. The Case of Alfred Thayer Mahan*, <https://www.fpri.org/article/2016/08/influence-thinkers-ideas-history-case-alfred-thayer-mahan/> (доступ: 30 IX 2021).

Спустя 7 лет была опубликована еще одна его книга *Интерес Америки в морской силе. Настоящие и будущее*², в которой Мэхэн уделил больше внимания рекомендациям правительству США касательно развития флота и военно-морской политики в целом.

Не углубляясь в детали, изложим в общих чертах основные элементы его концепции. Итак, в чем же суть «морской силы»? Согласно Мэхэну, решающая роль практически во всех военных конфликтах сводилась к противостоянию на море. Именно контроль морских путей, а также коммуникаций – главный фактор победы над врагом. Соответственно, именно флот являлся залогом мощи и процветания государства, ведь от него, по мнению Мэхэна, зависел престиж государства и его статус на международной арене. Учитывая это обстоятельство, капитан утверждал, что среди первоочередных заданий правительства должен стоять вопрос о наращивании и поддержании военно-морского флота в надлежащем состоянии. Помимо этого, Мэхэн также обращал внимание на необходимость развития коммерции и торгового флота, а также приобретения опорных пунктов в виде колоний, портов, заправочных станций или военно-морских баз. Именно в таких местах корабли могут пополнить запасы топлива и разного рода припасов, укрыться от опасностей и т. д.³ Концепцию Мэхэна, таким образом, можно выразить в следующей формуле: $N + MM + NB = SP$. То есть, военный флот (English: *navy*) + торговый флот (English: *merchant marines*) + военно-морские базы (English: *navy bases*) = морское могущество (English: *sea power*).

Аргументируя свои идеи, он ссылался на конкретные исторические факты, в частности: пунические, англо-голландские и англо-французские войны XVII–XVIII вв. Эталоном же военно-морской и торговой державы для Мэхэна была Англия, чей опыт следовало бы позаимствовать также и Соединенным Штатам. При этом он подчеркивал, что американцы владеют всеми благоприятными условиями для того, чтобы утвердить свое господство на море. К примеру, географические контуры страны не имели слабых мест, а внутренние ресурсы практически безграничны⁴.

² А. МАНАН, *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*, <http://www.gutenberg.org/files/15749/15749-h/15749-h.htm#I/> (доступ: 30 IX 2021).

³ А. Мэхэн, *Влияние морской силы на историю, 1660–1783*, Санкт-Петербург 1895, с. 31.

⁴ *Ibidem*, с. 48–49.

Идея необходимости обладания могущественным флотом, с трудом воспринималась представителями политической элиты США, которая продолжала придерживаться изоляционистского курса, оставляя проблемы внешней политики на втором плане.

Спустя год после выхода роботы Мэхэна разразилась война между Испанией и США. Нужно сказать, что конфликт этот не отличался продолжительностью и масштабами⁵, а его участники – высоким уровнем мастерства ведения войны. Последнее было подмечено еще современником тех событий, немецким адмиралом Альфредом Штенцелем. В частности, описывая уровень артиллерийской подготовки моряков американского флота, он указывал на довольно низкий её уровень. Так, во время морского сражения при Сантьяго-де-Куба, из 138 американских корабельных орудий было произведено около 9 тыс. выстрелов, среди которых лишь около 160 достигло своей цели. Что касается испанцев, то их уровень подготовки, по мнению Штенцеля, был на еще более низком уровне⁶.

Об уровне подготовки США к войне также свидетельствуют понесенные потери: итогом испано-американской войны стала потеря около 6000 солдат армии США, среди которых непосредственными жертвами боевых действий было не более 1000. Испанская же армия утратила на порядок меньше – около 2500 убитыми и ранеными⁷.

И тем не менее, война 1898 г., в политическом плане, стала знаменательным событием, причем как для США, так и для Мэхэна лично. Несмотря на то, что боевые действия во время этого конфликта велись как на суше, так и на море, её итог был решен именно на морском театре, а именно в двух морских сражениях (фиг. 2). В частности, 1 мая испанский флот был разгромлен в Манильской бухте, а 3 июля еще один испанский флот потерпел сокрушительное поражение в уже упомянутой битве при Сантьяго-де-Куба. Таким образом, данный конфликт стал для Мэхэна наглядным примером того, что его концепция верна. Более того, война

⁵ Фактически, война началась 22 IV 1898 г., когда США направили свой флот для блокады Кубы, принадлежавшей Испании. Военные действия окончились подписанием перемирия 12 VIII 1898 г.

⁶ А. ШТЕНЦЕЛЬ, *История войн на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики*, <http://commi.narod.ru/txt/shtenc/index.htm> (доступ: 30 IX 2021).

⁷ Л. БАЙБАКОВА, *Новый взгляд на боеспособность армии США в годы испано-американской войны 1898 г.*, „Исторические исследования” 2014, № 1, с. 113.

подтолкнула капитана к изданию еще одной книги – *Уроки войны с Испанией и другие статьи* (1899 г.), в которой он изложил свои замечания по поводу ошибок, допущенных во время войны, а также рекомендации, которые следовало бы учесть при подготовке к будущим военным конфликтам. Помимо этого, следует отметить, что, если прошлые его труды были построены на документах и воспоминаниях современников той, либо иной эпохи, в которых, к тому же, господствовали парусные флоты, то события войны 1898 г. кардинально от них отличались, ведь теперь на морях господствовал стальной паровой флот. То есть, условия и специфика войны изменились, а потому Мэхэн имел возможность внести некоторые замечания и дополнить свою теорию выводами, сделанными на основе практических наблюдений. Таким образом, книга *Уроки войны с Испанией* представляет собой, с одной стороны, описание хода боевых действий на море, а с другой – замечания касательно совершенных ошибок и рекомендации по их исправлению. Научный интерес для нас представляют, как раз, последнее. Рассмотрим их в тезисном виде.

Одно из наиболее важных, по-нашему мнению, замечаний, сделанных Мэхэном по поводу завершившейся войны – это её результат. Не смотря на неоспоримую победу США, он с досадой указывал, что Соединенным Штатам попросту повезло с противником. „Мы не можем ожидать, что когда-нибудь снова у нас будет такой совершенно неумелый враг, каким показала себя Испания”⁸ – подводил он по этому поводу итоги. Следовательно, правительству США необходимо было в дальнейшем обратить внимание на свои слабые стороны.

Среди стратегических огрехов, допущенных американским правительством, в первую очередь, Мэхэн указывал на плохо организованную береговую оборону, то есть, отсутствие надлежащих прибрежных укреплений. „Защищенные от любой серьезной попытки вторжения нашим изолированным положением и нашей огромной внутренней силой, мы, тем не менее, уязвимы на обширном побережье, более значительном... чем у любого другого государства”⁹, – указывал Мэхэн. Это обстоятельство, в свою очередь, имело, а в некоторых случаях – могло иметь, следующие довольно серьезные последствия.

⁸ А. МАНАН, *Lessons of the War with Spain and Other Articles*, Boston 1899, с. 157.

⁹ *Ibidem*, с. 16.

Во-первых, Испания, при выборе иной стратегии, могла воспользоваться этим и провести атаку на прибрежные города США, нанеся тем самым довольно серьёзный урон.

Во-вторых, неуверенность в своей безопасности, вызванная таким состоянием береговой обороны, повлекла панику среди гражданского населения ряда городов и поселений.

В-третьих, это продиктовало необходимость разделить флот для возможного отражения атаки (создание в составе ВМФ так называемой «Летучей эскадрильи»).

Акцентируя внимания на последствиях и важности существующей проблемы, Мэхэн отмечал, что: „Оборона и военно-морские силы не являются взаимозаменяемыми вещами; они также не являются противниками, а дополняют друг друга. Один стационарный – другой мобильный, и, каким бы совершенным не был один из них, другой необходим для его полноты”¹⁰.

Следующим упущением со стороны правительства США, на которое Мэхэн обратил внимание, было отсутствие надлежащей пропаганды среди населения военных идей (развитие флота, функционирование различных типов кораблей, принципы ведения войны и т. д.), что, в итоге, и повлекло волнения по поводу возможных испанских атак на прибрежные города. Как позже вспоминал в своей автобиографии президент Теодор Рузвельт, паническим настроениям поддались даже некоторые представители политических и деловых кругов американского общества, обращаясь в Военно-морское министерство с просьбами об отправке боевых кораблей для защиты того, либо иного объекта, представлявшего для них исключительное значение¹¹.

Пожалуй, наиболее острой была проблема численности флота, на которой Мэхэн делал особый акцент. Дело в том, что по окончании Гражданской войны в США федеральное правительство проводило целенаправленную политику по сокращению количества кораблей военно-морского флота, а также офицерского корпуса и матросов. Так, если в 1866 г. общий тоннаж ВМС США составлял около 510 000 т., то к 1883 г. он не превышал 60 000 т.¹²

¹⁰ *Ibidem*, с. 48.

¹¹ T. ROOSEVELT, *An Autobiography*, New York 1919, с. 235.

¹² National Archives in Washington DC (далее: NAW), Tonnage of the United States Navy 1776–1921, Box 674, Folder 1, Statistical statements as to number of men, number of vessels, tonnage and cost of U.S. Navy at various periods, с. 2–3.

Сокращение личного состава ВМФ было еще более стремительным: из 7000 офицеров и 51 000 матросов, которые пребывали на службе в 1865 г., в течении последующих двух лет было отправлено в отставку 45 000 (из них 5000 офицеров и 40 000 матросов соответственно)¹³.

Ситуация оставалась неизменной вплоть до начала 80-х гг. XIX в., когда правительство США, все больше осознавая важность боевых кораблей для будущего страны, наконец начало уделять им должное внимание. В частности, на нужды ВМФ и на постройку новых кораблей ежегодно выделялись ассигнации. Как следствие этого, перед войной с Испанией общий тоннаж военно-морского флота США составлял уже 262 936 т.¹⁴ Если конкретизировать эти данные, то по состоянию на конец 1897 г. в распоряжении США находилось уже 72 боевых корабля, среди которых было 6 линкоров и 16 крейсеров¹⁵.

И все же, по мнению Мэхэна, этого было явно недостаточно для ведения (в дальнейшем) эффективных боевых действий на море в случае конфликта с более сильным, чем была Испания, противником.

Такое положение вещей Мэхэн объяснял двумя причинами. Во-первых, это значительно сужало возможности для ведения наступательных боевых действий. „Нам пришлось экономить наши корабли, потому что их было слишком мало. Никакого резерва не было”¹⁶, – отмечал Мэхэн. Указывая на ценность и важность сохранения военных кораблей в условиях морской войны, Мэхэн, с нотой цинизма, отмечал: „Если мы потеряем десять тысяч человек, страна сможет их заменить; если мы потеряем линкор, его нельзя будет заменить”¹⁷.

Во-вторых, ограниченное количество кораблей влияло на плотность блокады испанских владений в Карибском бассейне.

Следующая проблема, на которой капитан сделал акцент – блокада портов противника. В частности, Мэхэн отмечал:

¹³ S. HOWARTH, *To Shining Sea. A History of the United States Navy, 1775–1998*, Norman 1999, с. 219.

¹⁴ NAW, Tonnage of the United States Navy 1776–1921, Box 674, Folder 1. Statistical statements as to number of men, number of vessels, tonnage and cost of U.S. Navy at various periods, с. 2–3.

¹⁵ *U.S. Navy Ship Force Levels, 1892–1897*, www.history.navy.mil/research/histories/ship-histories/us-ship-force-levels.html#1898 (доступ: 30 IX 2021).

¹⁶ А. МАНАН, *Lessons of the War...*, с. 185–186.

¹⁷ *Ibidem*, с. 186.

Блокада – одна из форм бескровного давления, оказываемого на врага путем прерывания его коммерческой деятельности. Полное или частичное прекращение торговли приводит к истощению без борьбы. Она принуждает к миру, не жертвуя жизнью. Это наиболее научная война, поскольку она наименее кровопролитная и, как и высшая стратегия, направлена против коммуникаций – ресурсов, а не людей¹⁸.

Однако, для организации эффективной блокады, опять же таки, необходимо достаточное количество военных кораблей. При наличии последних США могли бы совершать атаки не только на торговые линии Испании, но даже прибрежные города на Пиренейском полуострове.

Хотя Мэхэн и был идеологом морской войны, он, тем не менее, не отбрасывал и необходимость развития сухопутных сил. После окончания Гражданской войны вооруженные силы, подобно флоту, также подверглись систематическому сокращению, вследствие чего к 90-м гг. XIX в. на военной службе оставалось 2117 офицеров и 25 778 солдат¹⁹. Таким образом, США занимали 14 место в мире, после Болгарии, по численности военных сил²⁰. Вступив в войну с Испанией, президент Уильям Мак-Кинли издал прокламацию, направленную на увеличение военных сил, в частности: регулярные войска возросли до 60 000 человек и еще около 200 000 добровольцев было принято в состав вооруженных сил на время ведения боевых действий²¹. Это количество, по мнению Мэхэна, было явно недостаточным для поддержания статуса США на международной арене и контроля за приобретенными территориями. Следовательно – правительству следовало бы позаботиться об увеличении регулярной армии.

Помимо улучшения береговой обороны и наращивания численности ВМФ Мэхэн сделал некоторые замечания и по поводу различных типов кораблей, которые впредь следовало строить Соединенным Штатам. Основным звеном, костяком, скажем так, всего флота, согласно Мэхэну,

¹⁸ *Ibidem*, с. 106.

¹⁹ G. CLEVELAND, *First Annual Message December 4, 1893*, www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29534 (доступ: 30 IX 2021).

²⁰ Z. FARID, *From Wealth to Power. The Unusual Origins of America's World Role*, Princeton 1998, с. 49.

²¹ M. CLODFELTER, *Warfare and Armed Conflicts. A Statistical Encyclopedia of Casualty and Other Figures, 1494–2007*, Jefferson, North Carolina–London 2008, с. 273.

должны были быть линейные корабли (фиг. 3). Их первостепенное задание состояло в том, чтобы принимать на себя весь удар противника, а потому важнейшей их характеристикой должна была быть мощь и броня. Такому показателю, как скорость, капитан отводил второстепенную роль. По его мнению, увеличение показателей скорости корабля автоматически означало уменьшение его мощи, поскольку достигнуть этого можно было бы путем уменьшения орудий или брони. Однако, он не возражал против того, если конструкторы в дальнейшем смогут увеличить скорость линкоров, не жертвуя при этом их боевыми характеристиками. Оптимальный тоннаж для линкора должен был составлять не меньше 10 000 т. и, по возможности, не превышать 12 000 т. Все линкоры должны были быть однотипными ради обеспечения единообразия движения²².

Фиг. 3. Линейный корабль типа «Массачусетс» (источник: USS Massachusetts, <https://www.history.navy.mil/our-collections/photography/us-navy-ships/battleships/massachusetts-bb-2/NH-46423.html>, доступ: 30 IX 2021)

Другим классам кораблей отводилась роль поддержки. Особое место Мэхэн отводил крейсерам, основным показателем которых как раз и была скорость (фиг. 4). „Они (крейсера – авт.) кавалерия флота”²³ – разъяснял Мэхэн. Среди функций крейсеров он называл разведку, доставление

²² А. МАНАН, *Lessons of the War...*, с. 264–266.

²³ *Ibidem*, с. 270.

информации, а также атаки на вражеские коммуникации. В отличие от линкоров, крейсеры не следовало оснащать броней, поскольку это нивелировало их скоростные показатели, и, следовательно, не давало возможности надлежащим образом исполнять возложенные на них функции. Однако, если крейсер все же оснащали броней, он мог в определенных ситуациях брать на себя роль линейного корабля, хотя и не был сопоставим с линкорами по уровню боевой мощи²⁴.

Фиг. 4. Бронепалубный крейсер «Олимпия» (источник: *USS Olympia*, <https://www.history.navy.mil/content/history/nhnc/our-collections/photography/numerical-list-of-images/nhnc-series/nh-series/NH-93000/NH-93400.html>, доступ: 30 IX 2021)

Среди других типов кораблей Мэхэн упоминал мониторы, которые показали свою эффективность в период Гражданской войны, но уже на момент войны с Испанией представляли собой пережиток прошлого (фиг. 5). В частности, Мэхэн давал им следующую характеристику:

В защитном отношении монитор очень силен. В нападении... он слаб, обладает тяжёлой пушкой, но ему не хватает скорострельности. Следовательно, его полезность ограничивается главным образом действиями против укреплений... редко подходящего объекта для морской атаки²⁵.

²⁴ *Ibidem*, с. 270–272.

²⁵ *Ibidem*, с. 268.

Фиг. 5. Монитор типа «Амфитрит» (источник: *Amphitrite (BM-2)*, <http://navsource.org/archives/01/monitors/amphitrite200.jpg>, доступ: 30 IX 2021)

С учетом указанных фактов, Мэхэн пришел к выводу, что дальнейшее производство мониторов следовало прекратить.

В целом, испано-американская война 1898 г. стала для теории Мэхэна проверкой на достоверность, позволив капитану не только дополнить её новыми размышлениями, но и указать на изъяны в ВМС США. В дальнейшем, его концепция «морской силы» была взята за основу тогдашней политической элитой страны и начала воплощаться в жизнь. Особенно рьяным и её сторонником был президент Т. Рузвельт. В свою очередь, гонка ворожений, а точнее гонка дредноутов, которую вели великие державы, готовясь к противостоянию, переросшее позже в мировую войну, может свидетельствовать о том, что идеи Мэхэна также были позаимствованы правящими кругами и генеральными штабами другим государств.

Однако, Первая мировая война кардинально изменила ситуация, поскольку те новшества, которые она внесла в правила и способы ведения боевых действий, как на суше, так и на море, отчётливо показали, что практически все военные концепции, разработанные ранее, безнадежно устарели и попросту не оправдывают возложенных расчетов. Не стала исключением и концепция «морской силы» А.Т. Мэхэна, для которой Ютландское сражение, имевшее место с 31 мая по 1 июня 1916 г.

стало наглядным примером того, что многие умозаключения, отлично подходящие для прежних эпох, попросту изжили себя. В частности, это касалось таких её элементов, как опора и отведение основной роли в сражении линейному кораблю, а также виктория в войне путем победы в генеральном морском сражении. Но, несмотря на такой результат, идеи Мэхэна оставались популярными и после завершения Первой мировой войны.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła archiwalne • Achival primary sources • Архивные источники

National Archives in Washington DC

Tonnage of the United States Navy 1776–1921, Box 674, Folder 1. Statistical statements as to number of men, number of vessels, tonnage and cost of U.S. Navy at various periods.

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

МЭХЭН А., *Влияние морской силы на историю (1660–1783)*, Санкт-Петербург 1895.

МАНАН А., *Lessons of the War with Spain and Other Articles*, Boston 1899.

ROOSEVELT T., *An Autobiography*, New York 1919.

Opracowania • Secondary sources • Литература

БАЙБАКОВА Л., *Новый взгляд на боеспособность армии США в годы испано-американской войны 1898 г.*, „Исторические исследования” 2014, № 1, с. 86–119.

CLODFELTER M., *Warfare and Armed Conflicts. A Statistical Encyclopedia of Casualty and Other Figures, 1494–2007*, Jefferson, North Carolina–London 2008.

FARID Z., *From Wealth to Power. The Unusual Origins of America's World Role*, Princeton 1998.

HOWARTH S., *To Shining Sea. A History of the United States Navy, 1775–1998*, Norman 1999.

Netografia • Netography • Интернет-ресурсы

Войны эпохи империализма. Испано-американская война, <https://konturmap.ru/spain-america.html> (доступ: 30 IX 2021).

ШТЕНЦЕЛЬ А., *История войн на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики*, <http://commi.narod.ru/txt/shtenc/index.htm> (доступ: 30 IX 2021).

Adm. A. Mahan, www.loc.gov/pictures/resource/ggbain.17956/ (доступ: 30 IX 2021).

Amphitrite (BM-2), <http://navsource.org/archives/01/monitors/amphitrite200.jpg> (доступ: 30 IX 2021).

CLEVELAND G., *First Annual Message December 4, 1893*, www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29534 (доступ: 30 IX 2021).

МАНАН А., *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*, <http://www.gutenberg.org/files/15749/15749-h/15749-h.htm#I> / (доступ: 30 IX 2021).

MAURER J., *The Influence of Thinkers and Ideas on History. The Case of Alfred Thayer Mahan*, <https://www.fpri.org/article/2016/08/influence-thinkers-ideas-history-case-alfred-thayer-mahan/> (доступ: 30 IX 2021).

U.S. Navy Ship Force Levels, 1892–1897, www.history.navy.mil/research/histories/ship-histories/us-ship-force-levels.html#1898 (доступ: 30 IX 2021).

USS Massachusetts, <https://www.history.navy.mil/our-collections/photography/us-navy-ships/battleships/massachusetts-bb-2/NH-46423.html> (доступ: 30 IX 2021).

USS Olympia, <https://www.history.navy.mil/content/history/nhhc/our-collections/photography/numerical-list-of-images/nhhc-series/nh-series/NH-93000/NH-93400.html> (доступ: 30 IX 2021).

Taras Piatnychuk

THE 'SEA POWER' CONCEPT AND SPANISH-AMERICAN WAR 1898: REFLEXION OF CAPTAIN A.T. MAHAN

Summary. The article discusses the problem of results of and lessons from the Spanish-American war of 1898 through the 'sea power' concept. American captain Alfred Thayer Mahan, who was the author of this concept, believed that the guarantee of the power and prosperity of any great political power was a powerful navy. In this view, the United States, which Mahan also counted among the mightiest world powers, should build its navy more actively.

Not only did the war with Spain confirm Mahan's ideas, but also allowed him to expand his concept, leading to the publication of his book *Lessons of the War with Spain and Other Articles*. Although Mahan noticed the successful ending of the war on land and at sea, he also pointed out some serious miscalculations that should be corrected as soon as possible. In particular, the US government had to take care of improving its coastal fortifications. If Spain had chosen the tactics of raiding coastal cities, the US would have suffered colossal damage.

Other issues postulated by Mahan included increasing the number of warships and army units. In his opinion, it was necessary to allocate additional funds for that purpose and launch a publicity campaign to win the people's support.

While analysing the composition of the US Navy, Captain Mahan recommended focusing on the construction of two types of warships: battleships, to play the main role in sea battles and cruisers that, stripped of armour, were to serve as support for the battleships. Mahan also argued that the construction of older types of ships, such as monitors, should be abandoned.

Keywords: sea power, navy, battleship, cruiser, monitor, Spanish-American war

Taras Piatnychuk

KONCEPCJA „SIŁY MORSKIEJ” (NAVY POWER) I WOJNA HISZPAŃSKO-AMERYKAŃSKA Z 1898 ROKU: REFLEKSJE KAPITANA A.T. MAHANA

Streszczenie. W artykule opisano skutki wojny hiszpańsko-amerykańskiej z 1898 r. i ich wpływ na postrzeganie koncepcji „siły morskiej”. Jej ideolog, amerykański kapitan Alfred Thayer Mahan, uważał, że gwarantem potęgi i dobrobytu wielkiego mocarstwa jest pozostająca w gotowości bojowej flota wojenna. W związku z tym Stany Zjednoczone, które Mahan również zaliczył do najpotężniejszych mocarstw świata, powinny być aktywnie zwiększać swoje siły morskie. Wojna z Hiszpanią nie tylko potwierdziła słuszność koncepcji Mahana, ale także pozwoliła kapitanowi uzupełnić swoje wizje o dodatkowe tezy, zawarte później w książce: *Lekcje z wojny z Hiszpanią i inne artykuły (Lessons of the War with Spain and Other Articles)*. Odnotowując pomysły zakończenia walk na lądzie i na morzu, Mahan wskazał na poważne błędy, które należało jak najszybciej skorygować. W szczególności rząd USA powinien był zadbać o ulepszenie swoich fortyfikacji przybrzeżnych. Gdyby Hiszpania wybrała taktykę nalotów na nadmorskie miasta, straty poniesione przez Stany Zjednoczone byłyby ogromne.

Wśród innych problemów, na które zwrócił uwagę Mahan, była potrzeba zwiększenia liczby statków w marynarce wojennej i armii. Aby osiągnąć ten cel, konieczne było wyasygnowanie dodatkowych środków oraz przeprowadzenie odpowiedniej akcji informacyjnej wśród ludności. Analizując skład marynarki wojennej Stanów Zjednoczonych, kapitan zalecił w przyszłości skupienie się na budowie dwóch typów okrętów. Pierwszym z nich były pancerniki, którym Mahan przypisywał główną rolę w bitwach morskich. Wsparcie dla nich miały stanowić pozbawione opancerzenia krążowniki. Jednocześnie Mahan argumentował, że należałoby całkowicie zrezygnować z projektowania okrętów starszych typów, jakimi były monitory.

Słowa kluczowe: potęga morska, marynarka wojenna, pancernik, krążownik, monitor, wojna hiszpańsko-amerykańska

Urszula Kurcewicz

University of Warsaw

ORCID ID: 0000-0001-5808-9851

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 261-281

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.12>

PRO-DEFENCE ACTIVITIES OF WOMEN'S ORGANISATIONS DURING THE WARS FOR INDEPENDENCE AND THE ESTABLISHMENT OF THE POLISH BORDERS IN THE YEARS 1914–1921

Summary. The aim of the study is to show the levels on which Polish women joined the endeavour to regain independence after the period of the Partitions. Principally, the study covers the time period from 1914 to the end of the Polish-Bolshevik War in 1921. However, in order to fully present the background of the pro-defence activities of Polish women, the text also refers to a number of events from the period preceding the outbreak of World War I. The activity of female combatants in the struggle for independence and establishment of national borders during the Second Polish Republic is also discussed. The text consists of two parts: in the first part, the author presents the participation of women in paramilitary organisations and armed struggle during World War I and their participation in the Greater Poland Uprising and in the battles for Lviv in Eastern Galicia. She also discusses the activities of women in the Legions, the Polish Military Organisation, and the Voluntary Legion of Women. The second part of the study presents the contribution of civilian women's organisations, in particular the Polish White Cross, to help soldiers and civilians injured in combat. The author points to the role played by the Women's League for War Alert and the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia in securing the army's material base. Faced with the threat of the Bolshevik invasion, women not only actively supported the combatants, but also created a resilient defence propaganda machine in dozens of magazines. The author discusses the agitation campaign for joining the Volunteer Army. The activists of women's associations organised lotteries, festivities, and competitions, during which they raised funds to support the fighters. The sources of the paper are memoirs and the relevant period press, as well as contemporary monographs and scientific articles.

Keywords: Women's League for War Alert, League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia, Voluntary Legion of Women, Polish White Cross, World War I, feminism

Introduction

Ever since the defeat of the January Uprising in the mid-19th century, Polish women were actively involved in national liberation activities, mainly in the field of education and the patriotic upbringing of children. The approach of World War I, however, opened the possibility for young Polish women to participate in paramilitary organisations. Social activists associated with the feminist movement established civil organisations whose aim was to support the struggle for independence.

The author of the present text attempts to show some aspects of the participation of women's organisations in broadly defined 'pro-defence activity' in the period of the reconstruction of the Second Polish Republic. Women's struggle for independence and the establishment of the borders of the Polish state took many different forms: the most radical activities included active service in the Legions (Polish: *Legiony*), the Polish Military Organisation (Polish: *Polska Organizacja Wojskowa*, abbr.: POW), and the Voluntary Legion of Women (Polish: *Ochotnicza Legia Kobiet*, abbr.: OLK). The more conservative women's circles – who were not in favour of women's active military service – promoted the view that female patriotic service to the motherland involved, above all, promoting the idea of independence and operating behind the front line.

The study is presented chronologically and divided into two main parts. In the first part, the author discusses women's activities in paramilitary organisations and in the army, and in the second part describes the activities of women's civilian organisations, including the Women's League for War Alert (Polish: *Liga Kobiet Pogotowia Wojennego*, abbr.: LKPW), the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia (Polish: *Liga Kobiet Galicji i Śląska Cieszyńskiego*) and the Polish White Cross (Polish: *Polski Biały Krzyż*, abbr.: PBK).

The time period covered by the study is from 1914 until the end of the Polish-Bolshevik War in 1921. Understanding the origins of the activities of women's pro-defence organisations and showing the continuation of women's participation in paramilitary organisations in times of peace required referring to some events beyond the covered time period. The study applies research methods that are relevant for historical sciences as well as those used in political science research – analysis of archival materials, the descriptive method, and the analysis of legal acts, in addition to the biographical method. The source basis of the paper are memoirs and relevant period press, as well as monographs and historical studies.

Women's participation in paramilitary organisations and service in regular military formations

The implementation of the idea of an armed struggle for Polish independence was the creation of numerous paramilitary organisations: the Riflemen's Association (Polish: Związek Strzelecki), the Polish Rifle Squads (Polish: Polskie Drużyny Strzeleckie), the field brigades of the Polish Gymnastic Society "Sokół" (Polish: Polskie Towarzystwo Gimnastyczne "Sokół"), and the Bartosz Brigade (Polish: Drużyny Bartoszone). Initially, these paramilitary organisations admitted only young men; however, due to the tense situation in Europe and the anticipation of an armed conflict between the superpowers, women were also admitted to military training. These young women, who mainly came from families of intelligentsia, were trained in the principles of military tactics, signalling, field studies, and military geography, and were taught to use weapons and explosives.¹ Aleksandra Szczerbińska² recalled the training effects as follows: "I remember that I knew the distinctions of all regiments of the Russian army by heart. If I am not mistaken, we were the first female auxiliary unit in the army of any country."³

Riflemen's organisations developed in three main city centres: in Lviv, Kraków and Warsaw. The training of women in the Riflemen's Association was initiated in the spring of 1912, with 55 female members participating in Kraków and 64 in Lviv. In the summer of 1912, the female section of the Riflemen's Association was established in Warsaw. In January 1913, a shortened

¹ A. PIŁSUDSKA, *Wspomnienia*, Warszawa 1989, p. 126.

² Aleksandra Piłsudska née Szczerbińska (1882–1963), an independence activist, the second wife of Józef Piłsudski. In 1904, she joined the Polish Socialist Party (Polish: Polska Partia Socjalistyczna, abbr.: PPS) and took part in many combat actions. In Lviv, she collaborated with the Riflemen's Association and co-founded the Society for the Welfare of Political Prisoners (Polish: Towarzystwo Opieki nad Więźniami Politycznymi). After the outbreak of World War I, she served in the 1st Brigade of the Polish Legions. She was also active in the POW, for which she was arrested by the Germans in 1915, and interned in Szczypiorno. She was released in 1916. Having returned to Warsaw, she continued to work as a courier carrying explosives, and also conducted intelligence operations. In the interwar period, as the wife of J. Piłsudski, she was involved in social and honorary activities. After the outbreak of World War II, she was evacuated from the country and died in London. She was presented with many awards, including the Great Cordon of Polonia Restituta, the War Order of Virtuti Militari, and the Gold Cross of Merit.

³ A. PIŁSUDSKA, *op. cit.*

non-commissioned officer school training for girls was conducted, which was attended by over a dozen students.⁴

Upon the outbreak of the war, the POW, which operated underground, was established by order of Józef Piłsudski. Within its structure the auxiliary Women's Unit was created, the core of which were the female members of the Riflemen's Association and the Rifle Squads. The Women's Unit included intelligence, distribution, commissary, and sanitary divisions. The unit also supervised the ammunition and weapons storehouse.⁵ Some women, including Jadwiga Barthel de Weydenthal,⁶ Zofia Szturm de Sztrem,⁷ and Wanda Piekarska⁸ served in the top secret Flying Squad of the POW, which conducted subversive activities behind enemy lines – blowing up bridges, destroying tracks and telegraph wires, and attacking Russian offices.

Upon the outbreak of World War I, there were approximately three hundred riflemen ready to be deployed. In the beginning of August of 1914, the Headquarters of the Riflemen's Association also established the recruitment

⁴ D. WANIEK, *Uczestnictwo kobiet w organizacjach militarnych i działaniach bojowych przed I wojną światową oraz w czasie jej trwania*, [in:] *Polki – bieg przez historię. Emancypantki, bojowniczkini, obywatelki*, ed. D. WANIEK, Warszawa–Kraków 2020, p. 143.

⁵ *Ibidem*, p. 144.

⁶ Jadwiga Barthel de Weydenthal (1884–1961) was a sculptor and an independence activist who joined the unit of the Polish Rifle Squads in Lviv in 1912. She studied at the Sorbonne in Paris, then in 1916–1919 at the Sculpture Department of the School of Fine Arts in Warsaw. From 1921, she studied at the Academy of Fine Arts in Kraków. During World War I, she organised the Women's Unit of the Polish Military Organisation, becoming the head of the intelligence section. When Poland regained its independence, she edited the memoirs of people associated with the Legions. In 1935, she was chosen as godmother of the MS Batory passenger ship. During World War II, she participated in the Siege of Warsaw. She was awarded the War Order of Virtuti Militari.

⁷ Zofia Szturm de Sztrem (1891–1965) graduated from the Faculty of Mathematics and Physics in St. Petersburg. She was a member of the Union of Active Struggle and the Riflemen's Association. In the POW, she was the head of the Armoury Section responsible for storing weapons and ammunition. She was awarded the War Order of Virtuti Militari.

⁸ Wanda Piekarska (1893–1972) was a sanitary non-commissioned officer of the Legions and the Polish Army. She studied chemistry at the University of Brno and the Jagiellonian University. From 1913, she was a member of the Rifle Squads and the Flying Squad of the POW. From 1915, she served in the Legions as a courier and in the intelligence service. After the end of the war, she studied at the Warsaw University of Technology. She worked, among others, as a laboratory technician at the Podlasie Aircraft Factory. During World War II, she was active in the Union of Armed Struggle (Polish: Związek Walki Zbrojnej). She was imprisoned by the Germans in the Ravenbrück camp. She was awarded the War Order of Virtuti Militari.

commission for the female unit. J. Piłsudski himself, however, was not an advocate of women's military service on the front line. In a conversation with one of the members of the Riflemen's Association, he expressed the following opinion: "I believe that work in strictly military formations is not suitable for women, but elsewhere in the back of the army, they can be used to replace a man in any job and thus join the ranks of the army."⁹

The task of the riflemen was mainly to help feed and equip the Polish Army. Some women decided to make radical changes to their appearance in order to be able to serve in the front line units on an equal footing with men: they cut their hair, wore male uniforms, and adopted male nicknames. In male disguise, women served mainly in the infantry of the 1st Brigade; among them were Ludwika Daszkiewicz¹⁰ (aka Stanisław Kepisz) and Wanda Gertz¹¹ (aka Kazimierz Żuchowicz).

The service of riflemen in the Legions was very brief, with women being withdrawn from the front line units as early as at the beginning of September. The order to send them back to Kraków was given by J. Piłsudski himself on 10 September 1914, after the rifle squads had left Kielce. The removal of women from service in the Legions provoked their enormous resentment – only some of them managed to find another job directly related to the legionary movement, such as in a military hospital, or to get employment in the civilian bodies of the Military Department of the Supreme National Committee (Polish: Departament Wojskowy Naczelnego Komitetu Narodowego).¹²

⁹ *Cit. per:* J. DUFRAT, *Kobiety w Legionach i kobiety związane z ideą Legionów*, [in:] *Legenda Legionów. Opowieść o Legionach oraz ludziach Józefa Piłsudskiego*, ed. W. SIENKIEWICZ, Warszawa 2008, p. 246.

¹⁰ Ludwika Daszkiewicz (1882–1945) worked as a teacher at folk schools in the villages of Lesser Poland. In 1911, she joined the Rifle Squads and then the Military Treasury. Under a male surname, she served in the Legions, where she performed front-line medical service. From 1920, she participated in all retreats from the Berezina River and then in the Polish counteroffensive. During World War II, she served in the Army of General Władysław Anders. She died in Palestine. She was awarded the War Order of Virtuti Militari.

¹¹ Wanda Gertz (1896–1958) was an independence activist and a major of the Polish Army who served in the Artillery of the Brigade I of the Legions and in the communications platoon. She was the commander of the volunteer battalion of the OLK in Vilnius. In the interwar period, she worked at the General Inspectorate of the Armed Forces in Warsaw. During World War II, she fought first in the Siege of Warsaw and later organised and commanded the Dysk Home Army Unit, a sabotage and diversion women's unit. She carried out sentences on Gestapo collaborators. She took part in the Warsaw Uprising. She was awarded the War Order of Virtuti Militari and the Cross of Valour five times.

¹² J. DUFRAT, *op. cit.*, pp. 247–248.

The only exception was the elite Intelligence Unit, which was formed from August to September 1914. It turned out that stereotypes favoured this activity as women drew the attention of the Russian gendarmerie less and were generally not subject to detailed searches. The female agents varied greatly in terms of age and previous employment – the oldest was Waleria Golińska¹³ (she was over sixty at the outbreak of the war). In the field of intelligence activities, women also played a significant role during the Polish-Bolshevik War.¹⁴

During the Greater Poland Uprising several hundred women were active in the anti-German activist organisation known as Skaut ('scout'), 1921 battle for Poznań distributing patriotic leaflets as well as spying on secret Prussian police officials and hiding conspirators. The liaison officers also took part in acquiring weapons and ammunition. Skaut trained over three hundred nurses who served as medical orderlies during the battle of Poznań, the capital of Greater Poland. The women also organised food deliveries for the insurgents and ran permanent kitchens at the Bazar hotel and the Grand Café restaurant.¹⁵

Women also fought on the eastern front during the Polish-Ukrainian conflict over Lviv, carrying orders, weapons, ammunition, and explosives, and some even defending individual premises in the city. In 1919, the female defenders of Lviv initiated the establishment of the Voluntary Legion of Women, who were in service during the entire war with Soviet Russia. The origins of the establishment of the OLK date back to 30 January 1918, when the local branch of the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia in Lviv merged with the Committee of Women's Civic Work (Polish: Komitet Pracy Obywatelskiej Kobiet), thus resulting in the establishment of the Civic Committee of Polish Women (Polish: Komitet Obywatelski Polek, abbr.: KOP).

¹³ Waleria Golińska née Raczyńska (1848–1921) was a member and activist of the PPS from 1905–1907. She ran a haberdashery warehouse which served as a weapons depot and the PPS information office. After the outbreak of World War I, despite her advanced age, she volunteered for the intelligence and courier service in the Flying Unit of the POW. In July 1915, she was arrested by the Tsarist authorities and sent deep into Russia. She did not return to Poland until independence was regained. Posthumously, she was awarded the War Order of Virtuti Militari in 1921 and the Cross of Independence with Swords in 1930.

¹⁴ A. PEPLŃSKI, *Kobiety w wywiadzie Polskiej Organizacji Wojskowej na Wschodzie*, [in:] *Kobiety w wojnach o niepodległość i granice 1918–1921*, ed. W. REZMER, Toruń 2012, pp. 63–73.

¹⁵ H. LISIAK, *Kobiety w walce o granice II Rzeczypospolitej (1918–1921)*, [in:] *Obywatelki na obcasach. Kobiety w życiu publicznym (XIX–XXI w.)*, vol. 1, eds U. KOZŁOWSKA, T. SIKORSKI, A. WĄTOR, Radzymin–Warszawa 2016, pp. 102–104.

The Polish-Ukrainian War began on the night of 31 October – 1 November 1918, when the Ukrainians began taking over key civic and military premises in Lviv. During the fights for the city, criminals and depraved soldiers committed acts of violence and plundered the civilian population. At that time, the KOP came up with the idea to establish a female military formation. KOP activist Aleksandra Zagórska¹⁶ obtained permission to organise a courier and intelligence unit subordinate to the Polish Army Recruiting Command. Initially, the unit had only seventeen members, whose task was to gather intelligence and recruit volunteers to fight in Lviv.¹⁷ It was also on the initiative of A. Zagórska that the intelligence unit was armed and entrusted with the task of helping to maintain law and order in the city. In December 1918, the Women's Citizens Militia (Polish: *Milicja Obywatelska Kobiet*) was established as a sub-unit of the Municipal Civic Guard (Polish: *Miejska Straż Obywatelska*). The Women's Citizens Militia consisted of a combat group that could take part in military operations, a civic guard performing guard and patrol service, and a courier group responsible for the communication liaison between military commanders and the Municipal Civic Guard.¹⁸ In late December 1918, the combat group was transformed into the regular military formation of the OLK. In February 1919, the OLK had about 350 female soldiers serving in four platoons. The number of female legionnaires in Lviv increased as volunteers arrived mainly from Warsaw, Kraków, Łódź, and Sosnowiec. By mid-1919 the OLK has as many as 600 members.¹⁹ The core of the OLK was an assault company of 70 female legionnaires, who participated, among others, in the battle of Zboiska near Lviv. Many legionnaires lost their lives while fighting for Lviv, with the exact number of the fallen currently being impossible to determine.²⁰ However, the victims

¹⁶ Aleksandra Zagórska (1884–1965) was an independence activist and a lieutenant colonel of the Polish Army. She participated in the underground activities of the PPS. From 1905, she worked in a secret explosives laboratory in Warsaw. In 1908, she was imprisoned in the Pawiak prison. From 1911 she lived in Lviv, where she joined the Union of Active Struggle and the Riflemen's Association. She was the commander of the OLK. She was awarded the Cross of Independence with Swords twice.

¹⁷ A. ŚWIĄTKOWSKA, *Kobiety w wojnach o niepodległość i granice 1918–1921*, [in:] *Kobiety w wojnach...*, pp. 16–18.

¹⁸ J. KAPSA, *Jej opowieści. Rzecz o równouprawnieniu kobiet*, Częstochowa 2018, p. 217.

¹⁹ J. DUFRAT, *Kobiety w kręgu lewicy niepodległościowej. Od Ligi Kobiet Pogotowia Wojennego do Ochotniczej Legii Kobiet (1908–1918/1919)*, Toruń 2001, p. 321.

²⁰ Michał Klimecki attempted to reconstruct the list of the fallen in the battle for Lviv. He identified thirty-four people, including nurses, doctors, OLK members, and civilians. M. KLIMECKI, *Lwów w listopadzie 1918 roku. Kobiety w obronie miasta*, [in:] *Kobiety w wojnach...*, pp. 61–62.

are still remembered, one of them being Helena Grabska,²¹ a fifteen-year-old girl who died fighting for the Lviv Railway Station.

The activities of the OLK were of great importance for the recognition of women's ability to defend the country with weapons in hand. However, the real conditions of service in the formation cannot be idealised: as Anita Świątkowska emphasises, the OLK was rigorous and the legionnaires were carefully selected. From 1920, candidates were required to present a certificate of good conduct confirmed by their parish priest and the police, as well as the opinion of a social organisation, if the candidate belonged to one. The penalties for violating the rules were draconian – e.g., for insulting the uniform, a legionnaire could be whipped twenty-five times in front of the entire squad. The functioning of the OLK was hampered by numerous cases of desertion. Yet another problem was suicide, caused by the excessively strict system of penalties and limited passes, or even a complete ban on leaving the unit.²²

The peace treaty with Soviet Russia having been signed, the process of the reorganisation of wartime structures ensued. On 1 February 1922, the OLK was dissolved. Some of the officers were concentrated in the Department for the Military Training of the Women's Reserves within the Department for the Military Training of the Reserves of the Third Division of the General Staff, which was responsible for training professional forces in the field of auxiliary services (sanitary, communication, and economic). The task of the trained, in the face of another war, would be to take over positions within the country, and thus increase the number of male troops on the frontline. The department was responsible for cooperation with women's associations that were active during the fight for independence, such as the Polish Women's Circle (Polish: Koło Polek), the PBK, the female units of the Riflemen's Association, and the Association of Girl Scouts (Polish: Organizacja Harcererek). This cooperation was supposed to result in the military training of women's reserves in the event of another war; however, successive bills on universal compulsory military training for the defence of the country did not provide for the military training of women. Thus, the 'Act on Universal Compulsory Military Service' of 23 May 1924 did not mention

²¹ Helena Grabska (1904–1919) was one of the Lviv Eaglets. She came from an old noble family. She studied at the Gymnasium and Lyceum of Hetmanowa Regina Żółkiewska in Płock. She was a volunteer in the battle for Lviv and a private in the OLK. She was only fifteen when she died at the Lviv Railway Station while on duty.

²² A. ŚWIĄTKOWSKA, *op. cit.*, pp. 38–41.

women's military service at all.²³ Despite this omission, the veterans of the OLK conducted activities in the field of training and instruction throughout the interwar period. The activity of the Club of Senior Instructors for the Military Training of Women (Polish: Klub Starszych Instruktoerek Przysposobienia Wojskowego Kobiet), established in 1922, and the Organisation for the Training of Women for the Defence of the Country (Polish: Organizacja Przysposobienia Kobiet do Obrony Kraju), operating since 1928, should be noted here.²⁴

Pro-defence activities of civil women's organisations

Activists of the feminist movement in the Kingdom of Poland established the underground LKPW in Warsaw in 1913.²⁵ The founders of the organisation represented various political affiliations: Izabela Moszczeńska-Rzepecka (the first president of the LKPW)²⁶ and Jadwiga Marcinowska²⁷ were associated with the peasant movement, while Teresa Ciszkieviczowa²⁸ and Helena

²³ Ustawa z dnia 23 maja 1924 r. o powszechnym obowiązku służby wojskowej, <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19240610609/O/D19240609.pdf> (access: 13 VI 2021).

²⁴ The activity of veterans of the fight for independence was successful only in the face of another war, when on 11 February 1939, the Organisation for the Military Training of Women was granted the status of an association of higher utility. It was granted the privilege of exclusive action throughout the country in the field of organising and conducting military training for women. M. SOŁTYSIAK, *Przysposobienie Wojskowe Kobiet jako jedno z następstw zaangażowania się kobiet w walkę o niepodległość w latach 1918–1921*, [in:] *Kobiety w wojnach...*, pp. 78–82.

²⁵ D. WANIEK, *op. cit.*, pp. 147–148.

²⁶ Izabela Moszczeńska-Rzepecka (1864–1941), the first president of the LKPW, was a journalist, an author of political and educational texts, and a feminist activist. Before World War I, she was a member of the PPS. After Poland regained independence she worked at the Military Publishing Institute. In 1927–1934 she was a member of the Warsaw City Council on behalf of the National Women's Organisation (Polish: Narodowa Organizacja Kobiet).

²⁷ Jadwiga Marcinowska (1877–1943) was an activist of the peasant and feminist movements, a writer, and the author of numerous press articles. She participated in the underground education in the Radom Governorate. During the revolution of 1905–1907, she organised the village clubs of the Polish Educational Society (Polish: Polska Macierz Szkolna). She was associated with the Polish Rifle Squads and was the founder of the Women's League for War Alert in the Lublin, Kielce, and Radom regions. She was a co-editor of the "Na Posterunku" magazine. In 1922–1938 she worked at the Polish Embassy in Washington, D. C. In 1931, she was awarded the Cross of Independence.

²⁸ Teresa Ciszkieviczowa (1848–1921), a doctor, political and educational activist, and feminist, graduated from University in Brno, Switzerland. She was a member of the Crown and Lithuania Women's Circle (Polish: Koło Kobiet Korony i Litwy) and was active in the Polish Educational

Ceysingerówna²⁹ were associated with the National League. They were involved in journalistic activities and organised underground education. They believed that women's work for independence should primarily consist in supporting the struggle for independence led by men, and were not in favour of female military service. Two years later, in 1915, on the initiative of the Supreme National Committee (abbr.: NKN) in Kraków, an organisation similar to the one in Warsaw was established under the name of the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia, whose members included Zofia Moraczewska,³⁰ Zofia Daszyńska-Golińska,³¹ Helena Witkowska,³² Cecylia Gumpłowiczowa,³³

Society (Polish: Polska Macierz Szkolna). During World War I, she worked for the Legions and collaborated with the Military Department of the Supreme National Committee. She was awarded the Cross of Independence with Swords, the Cross of Independence, and the Medal of Independence.

²⁹ Helena Ceysingerówna (1869–1950), a poet and a writer, a feminist and educational activist, sat in the central authorities of the Society of People's Education (Polish: Towarzystwo Oświaty Ludowej) associated with the PPS and later cooperated with the National League. She was a co-organiser of the LKPW. During the Polish-Bolshevik War, she served in the Polish Army, in which was a co-organiser and officer of the OLK. She completed her military service with the rank of Lieutenant. She collaborated with the "Bluszcz" and "Współczesna Kobieta" magazines. In 1928–1939 she was active in the Women Citizens' Work Association (Polish: Związek Pracy Obywatelskiej Kobiet). In 1930 she was awarded the Knight's Cross of the Order of Polonia Restituta and the Cross of Independence in 1933.

³⁰ Zofia Moraczewska (1873–1958), (wife of Jędrzej Moraczewski) was a social activist who co-created the riflemen's movement. During World War I, she worked in the Orderlies' Union (Polish: Związek Sanitariuszek). On behalf of the PPS, she held a parliamentary seat in the Legislative Sejm. From 1919, she edited materials published in "Głos Kobiet", the press organ of the Women's Department of the PPS. In 1931, she was awarded the Cross of Independence.

³¹ Zofia Daszyńska-Golińska (1860–1934) was the first woman to obtain a doctoral degree in economics from the University of Zurich in 1891. She lectured at the Flying University in Warsaw. From 1899 she was a lecturer in economics at Adam Mickiewicz People's University in Kraków. She was one of the founders of the Progressive Women's Political Club (Polish: Klub Polityczny Kobiet Postępowych). In 1928–1930 she was a senator from the list of the Nonpartisan Bloc for Cooperation with the Government (Polish: Bezpartyjny Blok Współpracy z Rządem).

³² Helena Witkowska (1870–1938) was a teacher, a creator of the concept of civic education, and a feminist activist. During World War I, she was a member of the Supreme Board of the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia. She was the editor-in-chief of the League's "Na Posterunku" magazine. After the May Coup of 1926, she was in the Sanation movement and was active in the Women Citizens' Work Association.

³³ Cecylia Gumpłowiczowa (1870–1930), a member of the PPS and an underground activist, was imprisoned many times by Tsarist authorities. In Kraków, from 1902, she published the "Robotnica" magazine that was the press organ of the leftist Women's Union. She supported the creation of the

Aniela Krzyżanowska,³⁴ and Dorota Kłuszyńska.³⁵ The League published the *Na Posterunku* weekly which was edited by the socialist Z. Daszyńska-Golińska and supported the activities of J. Piłsudski. The first issue of the magazine opened with the following declaration:

Polish women in Galicia and the Kingdom of Poland stood on alert, from the moment the historical bell heralded the enormous struggle of nations from which independent Poland could emerge. Upon the war alert, Polish women got united in the Women's League to perform civil service for those who had gone to shed their blood for their homeland. (...) Polish women have never recognised the restrictions artificially imposed on them, they have not developed neighbourhood patriotism, have no ambitions for any of the districts, they only know Poland as their goal and the Polish military action that fights for it.³⁶

Initially, the activities of the LKPW focused mainly on agitation and propaganda campaigns. They organised lectures on the history of Poland and talks at which the ideas of independence were promoted, and young men were encouraged to take up military service. The work of the founders of the LKPW enjoyed the full support of J. Piłsudski, who promoted the establishment of the League's clubs along the route of the planned march of the riflemen's units, e.g., in Jędrzejów, Kielce, and Olkusz, and later in Dąbrowa Górnicza, Częstochowa, and Piotrków. By May 1915, there were already twenty-eight such clubs in the Kingdom of Poland, whose members focused on supplying the legionnaires with food, sending them parcels with underwear, warm clothes, and other necessary

Legions. From the autumn of 1914, she was active in the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia. She was posthumously awarded the Cross of Independence.

³⁴ Aniela Krzyżanowska (1883–1958) was a co-organiser of the women's Provisional Auxiliary Committee (Polish: Tymczasowy Komitet Pomocniczy) which supported first the riflemen's movement and later the Legions. From 1914, she was a member of the Polish Military Treasury, and from 1915, she was active in the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia. After Poland regained independence she joined the Progressive Women's Political Club. After the May Coup of 1926, she was associated with the Sanation movement and was active in the Women Citizens' Work Association.

³⁵ Dorota Kłuszyńska (1876–1952), a feminist and a social activist, was active in the League of Women of Galicia and Cieszyn Silesia during World War I. She edited the "Głos Kobiet" magazine. In the Second Polish Republic, she was a member of the Central Executive Committee of the PPS. She was active in the Clinic of Conscious Motherhood (Polish: Poradnia Świadomego Macierzyństwa) which was founded by Tadeusz Boy-Żeleński. After World War II she co-founded the Society of the Friends of Children (Polish: Towarzystwo Przyjaciół Dzieci).

³⁶ *Deklaracja ideowa pisma*, "Na Posterunku" 1917, no. 1 (1), p. 1.

items to the frontline. The clubs were less involved in sanitary aid, although it is worth mentioning that the League's members took duty shifts in hospitals and sanitary facilities. The LKPW's members also looked after the legionnaires' families: they provided allowances, helped to find employment, and organised shelters for orphaned children.³⁷

As Joanna Dufurat emphasises, both women's associations were founded on the belief that the Polish nation should fight for independence with weapons in hand and that it was women's duty to participate in this fight by helping to create the material base of the Polish Army, as well as actively shaping the public opinion.³⁸ The conclusion drawn by the researcher seems to be fully justified in the light of the memories of Leokadia Śliwińska,³⁹ who described the organisation's activities as follows:

Among the society, mostly indifferent, if not even hostile, to the Legions, the yet few clubs of the League have been overcoming the difficulties with unflagging enthusiasm to obtain the resources necessary to supply the Legions. Almost all of the League's clubs ran taverns, tea rooms, shelters, canteens at railway stations, sewing rooms, and laundries. Parcels with underwear, warm clothes, shoes and food were constantly sent to the frontline. (...) A soldier on leave got a cordial reception at the back of the frontline. Tea rooms, social gatherings, and evening parties made his moments of rest pleasant, and the shows, lectures, talks for soldiers, courses for the illiterate, and libraries satisfied his cultural desires.⁴⁰

L. Śliwińska's account is a good illustration of the activities of both associations before their merger into the League of Polish Women (Polish: Liga Kobiet Polskich, abbr.: LKP) at the unification congress in December 1918. From that

³⁷ J. DUFRAT, *Kobiety w kręgu...*, pp. 147–156.

³⁸ EADEM, *Kobiety w Legionach...*, p. 260.

³⁹ Leokadia Śliwińska (1875–1949) was a socialist and an independence and feminist activist. A graduate of the Faculty of Natural Sciences at the Sorbonne University in Paris, she organised secret educational groups as part of the Flying University in Kyiv. From 1905 she was a member of the Borderlands Political Society (Polish: Kresowe Towarzystwo Polityczne) which sympathised with the PPS. She co-founded the LKPW and was also a member of the POW. After the May Coup of 1926, she was associated with the Sanation movement and was active in the Women Citizens' Work Association. During World War II, she was active in the underground, and after the Warsaw Uprising, she was imprisoned in the Pruszków camp, from which she managed to escape. After the war, she moved to Łódź. She was awarded the Cross of Independence.

⁴⁰ L. ŚLIWIŃSKA, *Liga Kobiet Pogotowia Wojennego*, [in:] *Służba Ojczyźnie. Wspomnienia uczestniczek walk o niepodległość 1915–1918*, ed. A. PIŁSUDSKA, Warszawa 1929, pp. 157–158.

moment on, the League's activists did not hide their political ambitions, and preparations began for the Legislative Sejm election to be held on 26 January 1919. The LKP promoted equal rights for women and men in all spheres of public life. The event that most fully testifies to the political awareness of women on the threshold of regaining independence was undoubtedly the National Congress of Women⁴¹ organised on 8–9 September 1917 in Warsaw on the initiative of the LKPW. The congress was opened by Justyna Budzińska-Tylicka,⁴² a doctor and social activist, saying, among other things, that:

One of the issues that must be revised in the newly-built Poland is undoubtedly the so-called women's case. A Polish woman, drawn into (...) the consequences of the present war, suffers with a man, works with him and builds the future of the homeland. And wider and wider masses are rightly convinced that without the participation of women our social, economic, and mainly national life would not be able to survive. There is no field in which a woman does not work, no sufferings which she does not face, and no burdens which she would not bear; so the moment has come for the Polish woman to feel her strength, and to understand her own worth; she has begun to feel the civic dignity and the conviction that only such rights can be permanent that are just and the same for all. Rights that handicap

⁴¹ At the end of the nineteenth century, women's circles began to hold general congresses. The first three were held secretly in 1891, 1894, and 1899; it was only in 1905 that the first open general meeting of feminist circles was held in Kraków, called the 'I Congress of Polish Women.' The resolutions of the conventions prove that the women's movement tried to combine emancipation goals with national ones. J. SIKORSKA-KULESZA, *Trójjaborowe zjazdy kobiet na ziemiach polskich na przełomie XIX i XX wieku*, [in:] *Działaczki społeczne, feministki, obywatelki... Samoorganizowanie się kobiet na ziemiach polskich do 1918 roku (na tle porównawczym)*, eds A. JANIĄK-JASIŃSKA, K. SIERAKOWSKA, A. SZWARC, Warszawa 2008, pp. 81–82.

⁴² Justyna Budzińska-Tylicka (1867–1936) was a doctor, a socialist, and a social and feminist activist. She studied medicine in Paris. In 1895, she joined the Foreign Union of Polish Socialists (Polish: Związek Zagraniczny Socjalistów Polskich). After the outbreak of the Russian Revolution in 1905, she moved to Kraków with her husband Stanisław Tylicki, and later moved to Warszawa, where she worked as a doctor at the Holy Spirit Hospital. She was active in a number of societies, including the Society of Polish Culture (Polish: Towarzystwo Kultury Polskiej) and Bolesław Prus Society of Practical Hygiene (Polish: Towarzystwo Higieny Praktycznej im. Bolesława Prusa). During World War I, she ran a field hospital for soldiers. For some time, she also managed the Military Infectious Diseases Hospital in Pułtusk. She was active in the feminist movement and belonged to the Polish Women's Equal Rights Association (Polish: Związek Równouprawnienia Kobiet Polskich). She was also involved in the work of the LKPW. In 1922, she joined the PPS and became a member of the Central Women's Department of the PPS, of which she was the president from 1930. After the May Coup of 1926, she did not support the Sanation authorities. In 1931, she was arrested and sentenced to a year in prison, but the sentence was lifted after an appeal. She died suddenly in Warszawa.

half the nation solely on the basis of gender are based on a false assumption and cannot correspond to modern living conditions. The proper development of the nation can only be ensured if the broad masses are appointed to participate in the management of the country under the principle of universal suffrage *without distinction between the sexes*.⁴³

The convention selected a delegation that first submitted a memorial on women's electoral rights to the Regency Council, and after J. Piłsudski's return from Magdeburg, J. Budzińska-Tylicka and Maria Chmieleńska⁴⁴ handed him a declaration demanding political equality for women.⁴⁵

The idea of fighting for a sovereign state was alive among Poles who found themselves in exile; they saw the need to support fellow Poles fighting on Polish soil. The PBK, the core of which was mainly women, was established in exile. According to Aneta Niewęgłowska's research, the PBK was a civilian institution supporting the Polish Army. At the beginning, it was an institution which helped the victims of World War I and the wars for the borders of the reborn state, and during the Second Polish Republic, the activity of the PBK focused on supporting the Polish Army in the field of education, culture, and upbringing.

The origins of the PBK date back to the establishment of the Polish Central Rescue Committee (Polish: Polski Centralny Komitet Ratunkowy, abbr.: PCKR)⁴⁶ in the United States on 12 October 1914. Its main goal was to provide material, food, and sanitary aid to Polish society. Food and medicines

⁴³ J. BUDZIŃSKA-TYLICKA, *Słowo wstępne*, [in:] *Pamiętnik Zjazdu Kobiet Polskich w Warszawie w roku 1917*, ed. J. BUDZIŃSKA-TYLICKA, Warszawa 1918, p. 1.

⁴⁴ Maria Chmieleńska (1869–1945), a socialist and an independence and feminist activist. In her youth, she worked as a teacher. In 1898, she joined the PPS. Under the nickname *Klara*, she distributed illegal party's press. She was arrested by the Tsarist authorities in 1901 and imprisoned in the tenth Pavilion of the Warsaw Citadel, then in 1903 she was sent to the Vyatka Governorate. She was given an amnesty and in 1905 she returned to Warszawa, where she secretly worked for the PPS. In 1905, she was arrested again and this time imprisoned in the *Pawiak* prison. After the outbreak of the war, she joined the POW. At the same time, she participated in the work of the LKPW. Since 1918, she was active in the Central Committee for Women's Equal Rights. After regaining independence by Poland, she worked as a clerk at the Ministry of Labour and Social Welfare. She was active in the PPS Central Women's Department and in the feminist movement. In the years 1919–1930 she was a member of the Progressive Women's Political Club. She spent World War II in Warsaw and died after the defeat of the Warsaw Uprising in one of the hospitals near Warsaw. She was awarded the Cross of Independence and the Silver Cross of Merit twice.

⁴⁵ D. WANIEK, *op. cit.*, s. 171; J. KAPSA, *op. cit.*, p. 251.

⁴⁶ A. CHWAŁBA, *Wielka Wojna Polaków 1914–1918*, Warszawa 2018, p. 244.

were shipped to Poland. Helena and Ignacy Jan Paderewski were the initiators of charity actions in North America. H. Paderewska⁴⁷ promoted the aid campaign among the Polish women living in the USA. She initiated the creation of a specialised humanitarian organisation (modelled on the activities of the Red Cross⁴⁸) whose main goal was to support fighting soldiers and their families. The originator of the name, in turn, was I.J. Paderewski.⁴⁹ The symbol of the PBK was the reverse of the Red Cross emblem – a white cross on a red field.

The original goal of the PBK was to provide help and care to the paramedics serving in the Polish Army fighting in France. There were seven departments within the PBK: 1) Department of Propaganda and Collection of Gifts, 2) Department of Care for Soldiers, 3) Department of Dressing Materials, 4) Helena Paderewska Department of Polish Women's Organisation, 5) Department of Purchases, 6) Expeditionary Department, and 7) Department of Nurses.⁵⁰

PBK branches were established in large numbers at parishes in the United States and Canada. Members of the PBK were obliged to participate in social work for the organisation, for example doing a monthly fundraiser with PBK donation boxes or making small gifts for soldiers for Christmas and Easter.⁵¹

With the increase in the number of wounded on the Western Front, there was a need to send qualified nurses to Europe. Therefore, in June 1918 the PBK launched a course for nurses in New York. After its completion on 16 July 1918, the women who completed the training were sent to France, where they were assigned to work in hospitals of the American Red Cross and at the Polish Army hospital in Le Perray.⁵²

⁴⁷ Helena Paderewska (1856–1934), a social activist, the wife of the composer and Prime Minister Ignacy Jan Paderewski. During World War I, she actively participated in humanitarian actions. She was the founder of the PBK and from 1919 – the chairman of its Supreme Council. In 1921, she was awarded the cross *Pro Ecclesia et Pontifice* by Pope Benedict XV. At the end of her life, she was seriously ill and died in Switzerland.

⁴⁸ It should be mentioned that during World War I, Poles did not have the right to create their own organisation called the Polish Red Cross.

⁴⁹ The name was officially approved on 2 February 1914. Before the adoption of the name coined by Paderewski, the organisation was known as Helena Paderewska Committee for the Aid to the Polish Army (Polish: Komitet Pomocy Armii Polskiej im. Heleny Paderewskiej).

⁵⁰ A. NIEWĘGŁOWSKA, *Polski Biały Krzyż a wojsko w latach 1919–1939*, Toruń 2005, p. 21.

⁵¹ *Ibidem*, p. 24.

⁵² T. RADZIK, *Działalność Polskiego Białego Krzyża i Sekcji Ratunkowej Polek w Stanach Zjednoczonych Ameryki w latach 1918–1920*, "Przegląd Polonijny" 1990, issue 1 (55), p. 102.

After the Paderewski family left the USA, American authorities did not allow the PBK to continue to operate in the country, claiming that PBK infringed the competence of the American Red Cross.⁵³ The activities of the PBK in America were supported by the Polish Women's Rescue Section (Polish: Sekcja Ratunkowa Polek) established by the Polish National Department (Polish: Wydział Narodowy Polski). In practice, the Section took control of the PBK membership base and continued to organise material aid for its compatriots.

The history of the PBK in Europe began with its reactivation on 1 March 1918 in the territory of France. With the consent of the French authorities, its operation was combined with the activities of the Committee for the Aid to Injured Poles (Polish: Komitet Pomocy Rannym Polakom) in Paris, whose president was Count Mikołaj Potocki. The creation of a hospital for wounded soldiers was an extremely important initiative. The French stage of the PBK operation ended on 1 June 1919, when the soldiers of the Army of General Józef Haller were finally transported to Poland.⁵⁴

The foundation of the PBK in the reborn Polish state took place in 1919 at the initiative of its creator H. Paderewska and her husband. H. Paderewska encouraged the entire society, not only women, to join. The social organisations which had operated in the former partitions were invited to co-create the PBK in the rebuilding state. In total, the PBK patronage covered 106 different clubs and institutions.⁵⁵

The official statute of the PBK was passed in 1919. It defined the structure and the directions of further activities. Initially, the PBK's activities focused mainly on medical and charitable aid for the army. In Warsaw, a hospital for soldiers was established at 67 Dzielna Street. An equally important initiative was the creation of a warehouse that supplied the fighters with underwear, food, cigarettes, and writing paper. The PBK ran three types of canteens: unit canteens, garrison canteens, and mobile canteens, which were closest to the frontline. In 1919, the PBK launched the so-called sanitary train, which supplied the soldiers with underwear and wound dressing materials, and which was also used to transport the wounded from the frontline.

⁵³ *Ibidem*, pp. 102–103.

⁵⁴ A. NIEWĘGŁOWSKA, *op. cit.*, pp. 26–27.

⁵⁵ *Ibidem*, p. 29.

After the borders of the reborn Polish state were stabilised, the White Cross conducted further general and vocational training for soldiers as well as specialist, methodological, and instructional courses. An important aspect of the PBK's activities during the peace period was the fight against illiteracy in the army, supporting libraries and soldiers' reading rooms. The institution also ran military clubs, was in charge of the artistic movement, and financially supported the organisation of cultural events.⁵⁶

Faced with the threat of the Bolshevik invasion, women not only actively supported the fighters, but also created a resilient machine of defence propaganda in dozens of magazines. Women's organisations and their most famous activists signed up to the appeals and calls to join the Volunteer Army. In magazines such as "Bluszcz", "Orędownik", "Gazeta Warszawska", and "Dziennik Ludowy", they asked women to condemn all passivity and unpatriotic attitudes. Calls were made for an end to internal disputes and for society to unite in the face of the threat to Poland's newly regained statehood. One leaflet from this period stated:

If each of you really loves someone, then you should not only not dissuade him, but order him to go to the front. And if he does not listen, despise him as a coward, as a wicked fraud (...). If you love him, do not expose him to disgrace and being pointed at later when our victorious troops return home, so that after many years his own children will suffer with shame for his weakness.⁵⁷

During the days of fighting for Warsaw, during the so-called 'raids' on cafes, restaurants and cinemas, men who remained in the cities despite being able to serve in the army were ridiculed. As Henryk Lisiak noticed, the behaviour of groups of girls stopping men in the street, asking the simple question "Why are you not wearing a uniform yet, young man?" caused pressure and undermined manly honour and, as you can imagine, such 'knights' avoided meetings with the women's troops to say the least.⁵⁸ In order to raise morale, the women's circles organised solemn farewell parties for soldiers going to the front.

The participation of women in the Committees of National Defence (Polish: Komitety Obrony Narodowej, abbr.: KONs) which were established to build the

⁵⁶ *Vide*: E.J. KRYŃSKA, *Polski Biały Krzyż 1918–1961*, Białystok 1997.

⁵⁷ *Cit. per*: H. LISIAK, *op. cit.*, p. 106.

⁵⁸ *Ibidem*, p. 107.

country's defence front, was visible. Hundreds of such committees were formed at various levels, from the central to the parish and village level. The KONs were, among other things, involved in fundraising activities, announced lotteries, and obtained clothes and food. On 7 July 1920, the National Women's Service (Polish: Narodowa Służba Kobiet) was established, which united 47 women's associations and unions. Individual committees were responsible for the registration of social forces that could be entrusted by the state and local government authorities with tasks auxiliary to the fighting army.⁵⁹

Conclusion

The great determination of the women involved in the fight for Poland's independence must be emphasised. The patriotic work of women took place at various levels: during Poland's struggle to regain a sovereign state and stabilise its borders, women's organisations made a significant contribution to the act of helping soldiers and civilian victims of the war. Young women did not hesitate to fight with weapons in hand, often paying the highest price. Their dedication was appreciated, and a number of women were awarded the War Order of *Virtuti Militari*. Among them were members of the POW and the OLK, as well as nurses who died helping wounded soldiers.

The period of the struggle for independence was the time when the women's desire for complete equality with men fully matured. Many activists of the women's organisations, as well as those actively participating in the struggle for independence and borders, entered the political scene of the Second Polish Republic (e.g., Zofia Moraczewska, who was a member of the Legislative Sejm). In conclusion, it should be noted that the period of the parliamentary government was a time of dashed hopes for many women. After the end of the Polish-Bolshevik War, women began to be removed from military service and jobs that were traditionally dominated by men. The combatants of the fight for independence, however, did not lay down their arms. Their stubbornness and determination finally resulted in the defence training of the next generation of women who, after September 1939, were also to experience the atrocities of the war.

⁵⁹ M.M. DROZDOWSKI, *Wojna polsko-bolszewicka 1919–1921 z warszawskiej perspektywy*, Warszawa 2020, pp. 221–222.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

Pamiętnik Zjazdu Kobiet Polskich w Warszawie w roku 1917, ed. J. BUDZIŃSKA-TYLICKA, Warszawa 1918.

PIŁSUDSKA A., *Wspomnienia*, Warszawa 1989.

Służba Ojczyźnie. Wspomnienia uczestniczek walk o niepodległość 1915–1918, ed. A. PIŁSUDSKA, Warszawa 1929.

Ustawa z dnia 23 maja 1924 r. o powszechnym obowiązku służby wojskowej, <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19240610609/O/D19240609.pdf> (access: 13 VI 2021).

Prasa • Press • Пресса

“Na Posterunku” 1917.

Opracowania • Secondary sources • Литература

CHWALBA A., *Wielka Wojna Polaków 1914–1918*, Warszawa 2018.

DROZDOWSKI M.M., *Wojna polsko-bolszewicka 1919–1921 z warszawskiej perspektywy*, Warszawa 2020.

DUFRAF J., *Kobiety w kręgu lewicy niepodległościowej. Od Ligi Kobiet Pogotowia Wojennego do Ochotniczej Legii Kobiet (1908–1918/1919)*, Toruń 2001.

DUFRAF J., *Kobiety w Legionach i kobiety związane z ideą Legionów*, [in:] *Legenda Legionów. Opowieść o Legionach oraz ludziach Józefa Piłsudskiego*, ed. W. SIENKIEWICZ, Warszawa 2008, pp. 245–269.

KAPSA J., *Jej opowieści. Rzecz o równouprawnieniu kobiet*, Częstochowa 2018.

KLIMECKI M., *Lwów w listopadzie 1918 roku. Kobiety w obronie miasta*, [in:] *Kobiety w wojnach o niepodległość i granice 1918–1921*, ed. W. REZMER, Toruń 2012, pp. 53–62.

KRYŃSKA E., *Polski Biały Krzyż 1918–1961*, Białystok 1997.

LISIAK H., *Kobiety w walce o granice II Rzeczypospolitej (1918–1921)*, [in:] *Obywatelki na obcasach. Kobiety w życiu publicznym (XIX–XXI w.)*, vol. 1, eds U. KOZŁOWSKA, T. SIKORSKI, A. WĄTOR, Radzymin–Warszawa 2016, pp. 101–112.

NIEWĘGŁOWSKA A., *Polski Biały Krzyż a wojsko w latach 1919–1939*, Toruń 2005.

- PEPŁOŃSKI A., *Kobiety w wywiadzie Polskiej Organizacji Wojskowej na Wschodzie*, [in:] *Kobiety w wojnach o niepodległość i granice 1918–1921*, ed. W. REZMER, Toruń 2012, pp. 63–73.
- RADZIK T., *Działalność Polskiego Białego Krzyża i Sekcji Ratunkowej Polek w Stanach Zjednoczonych Ameryki w latach 1918–1920*, "Przegląd Polonijny" 1990, issue 1 (55), pp. 100–112.
- SIKORSKA-KULESZA J., *Trójzaborowe zjazdy kobiet na ziemiach polskich na przełomie XIX i XX wieku*, [in:] *Działaczki społeczne, feministki, obywatelki... Samoorganizowanie się kobiet na ziemiach polskich do 1918 roku (na tle porównawczym)*, eds A. JANIĄK-JASIŃSKA, K. SIERAKOWSKA, A. SZWARC, Warszawa 2008, pp. 81–95.
- ŚWIĄTKOWSKA A., *Ochotnicza Legia Kobiet*, [in:] *Kobiety w wojnach o niepodległość i granice 1918–1921*, ed. W. REZMER, Toruń 2012, pp. 13–52.
- WANIEK D., *Uczestnictwo kobiet w organizacjach militarnych i działaniach bojowych przed I wojną światową oraz w czasie jej trwania*, [in:] *Polki – bieg przez historię. Emancypantki, bojowniczkini, obywatelki*, ed. D. WANIEK, Warszawa–Kraków 2020, pp. 125–165.

Urszula Kurcewicz

DZIAŁALNOŚĆ PROOBRONNA ORGANIZACJI KOBIECYCH W OKRESIE WOJEN O NIEPODLEGŁOŚĆ I GRANICE POLSKI W LATACH 1914–1921

Streszczenie. Celem opracowania było ukazanie płaszczyzn, na których Polki włączyły się w dzieło odzyskania niepodległości po okresie zaborów. Zasadnicze cezury czasowe obejmują okres od 1914 r. do zakończenia wojny polsko-bolszewickiej. Jednakże w celu pełnego ukazania tła działalności proobronnej Polek w tekście przywołano szereg wydarzeń z okresu poprzedzającego wybuch I wojny światowej. Omówiona została również działalność kombatanek walk o niepodległość i granice w okresie II Rzeczypospolitej. Tekst składa się z dwóch części. W pierwszej części autorka przedstawiła udział kobiet w organizacjach paramilitarnych i walce zbrojnej podczas I wojny światowej, ich uczestnictwo w Powstaniu Wielkopolskim i w walkach w Galicji Wschodniej o Lwów. Omówiona została działalność kobiet m.in. w Legionach, Polskiej Organizacji Wojskowej i Ochotniczej Legii Kobiet. Druga część opracowania prezentuje wkład cywilnych organizacji kobiecych, w szczególności Polskiego Białego Krzyża, w dzieło niesienia pomocy poszkodowanym w walkach żołnierzom i cywilom. Autorka wskazała na rolę, jaką odegrały Liga Kobiet Pogotowia Wojennego oraz Liga Kobiet Galicji i Śląska Cieszyńskiego w zabezpieczeniu materialnego zaplecza armii. W obliczu zagrożenia inwazją bolszewicką kobiety nie tylko czynnie wspierały walczących, ale stworzyły także prężną maszynę propagandy obronnej na łamach dziesiątków pism. Autorka omawia akcję agitacyjną na rzecz wstępowania do Armii Ochotniczej. Działaczki stowarzyszeń kobiecych organizowały loterie, festyny, konkursy, podczas których zbierały środki na wsparcie walczących. Podstawą źródłową opracowania są wspomnienia, prasa z epoki oraz współczesne monografie i artykuły naukowe.

Słowa kluczowe: Liga Kobiet Pogotowia Wojennego, Liga Kobiet Galicji i Śląska Cieszyńskiego, Ochotnicza Legia Kobiet, Polski Biały Krzyż, I wojna światowa, feminizm

Уршула Курцевич

ОБОРОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙН ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ГРАНИЦЫ ПОЛЬШИ В 1914–1921 ГГ.

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы показать области, в которых польские женщины включились в работу по восстановлению независимости после периода разделов. Основные переломные моменты охватывают период с 1914 г. до окончания польско-большевистской войны. Однако, чтобы в полной мере показать подоплеку оборонной деятельности польских женщин, в тексте упоминается ряд событий периода, предшествовавшего началу Первой мировой войны. Обсуждается также деятельность комбатантов, сражавшихся за независимость и границы во время Второй Польской Республики. Текст состоит из двух частей. В первой части автор представил участие женщин в военизированных организациях и вооруженной борьбе в годы Первой мировой войны, их участие в Великопольском восстании и в боях в Восточной Галиции за Львов. Обговаривается также деятельность женщин в легионах, Польской военной организации и Женском добровольческом легионе. Во второй части исследования представлен вклад гражданских женских организаций, в частности Польского Белого Креста, в работу по оказанию помощи солдатам и гражданским лицам, пострадавшим в ходе боевых действий. Автор подчеркивает ту роль, которую сыграли *Женская лига Военной скорой помощи* и Женский союз Галиции и Тешинской Силезии в обеспечении материальной базы армии. Перед лицом угрозы большевистского вторжения женщины не только активно поддерживали бойцов, но и запустили отлаженную машину оборонной пропаганды на страницах десятков газет. Автор обсуждает агитационную кампанию за вступление в Добровольческую армию. Активистки женских объединений устраивали лотереи, фестивали, конкурсы, в ходе которых собирали средства для поддержки бойцов. Источниковой базой исследования являются мемуары, периодическая печать и современные монографии и научные статьи.

Ключевые слова: Женский союз скорой помощи, Женский союз Галиции и Тешинской Силезии, Женский добровольческий легион, Польский Белый Крест, Первая мировая война, феминизм

David Hubený (Давид Губены)

Национальный архив, Чехия

 ORCID ID: 0000-0002-6680-7152

OBLICZA WOJNY

Том 7 • PRZED BITWA • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 283-301

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.13>

Nadezda Kruglova (Надежда Круглова)

Национальный архив, Чехия

 ORCID ID: 0000-0002-7565-6536

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ АРМИЯ И ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ОТРЯДЫ 1918–1939 ГГ.

Аннотация. В последней трети XIX в. развитие велоспорта привлекло внимание передовых армий, вскоре осознавших преимущества в скорости передвижения пехоты и возможности оставить велосипеды без присмотра, в отличие от, например, кавалерии, часть рядового состава которой выделялась для ухода за лошадьми. Уход за велосипедом оказался значительно проще и дешевле, чем за дорогими животными. Чехословацкая армия использовала велосипедные отряды с момента своего создания. Например, они действовали на территории Подкарпатской Руси. У каждого пограничного батальона была своя рота велосипедистов. В начале 1930-х гг. появилось несколько исследований велосипедных отрядов, а вскоре после этого к кавалерийским бригадам присоединились четыре велосипедных батальона. В 1937 г. добавился пятый. Эти подразделения считались одними из наиболее подготовленных и входили в состав быстрых дивизий. В 1938 г. велосипедные батальоны приняли участие в подавлении восстания генлейновских террористов, а на территории Подкарпатской Руси подавляли деятельность польских и венгерских диверсионных групп. В статье речь пойдет о развитии чехословацких велосипедных подразделений (прежде всего на примере 1-го велосипедного батальона), взглядах представителей чехословацкой армии касательно их использования. Авторы статьи также обратят свое внимание на информацию об иностранных велосипедных отрядах, опубликованную в межвоенных армейских специализированных журналах „Военное воспитание” („Vojenská výchova”) и, в первую очередь, „Военный кругозор” („Vojenské rozhledy”). В исследовании будут использованы архивные материалы, находящиеся в фондах Центрального военного архива – Военного исторического архива (Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv).

Ключевые слова: Чехословакия, армия, велосипедные отряды, модернизация, кавалерия

Введение

Прилагательное «велосипедный» уже само по себе объясняет специфику военного подразделения, а именно использование необычной военной техники – велосипеда. Он использовался для быстрых перемещений¹, что являлось одним из главных его преимуществ.

С момента создания чехословацкой армии после окончания Первой мировой войны в пограничных батальонах всегда действовала одна велосипедная рота². Что касается рядового состава пограничных батальонов, то при призыве учитывалось особое знание пограничных территорий. В велосипедные роты прежде всего призывались механики велосипедных мастерских и добровольцы³.

К одному из полков кавалерийских бригад всегда была прикреплена велосипедная рота⁴. В кавалерии отряд велосипедистов считался, следуя французской модели, укрепляющим элементом кавалерийских подразделений⁵. Среди других подразделений, использующих велосипеды, был, например, учебный батальон, в котором на протяжении 1928–1935 гг. действовала одна велосипедная рота⁶.

Велосипедные роты кавалерийских бригад и пограничных батальонов позже вошли в состав образовавшихся велосипедных батальонов. После возникновения велосипедных батальонов начали появляться и отдельные дивизионные велосипедные роты, использовавшиеся в основном для разведки⁷. Однако эти дополнительные велосипедные подразделения создавались только в случае мобилизации.

¹ *Armáda a národ*, Praha 1938, с. 201–202.

² *Vojenský historický archiv Bratislava*, ф. Hraničářský prapor 10, к. 1.

³ *Vojenský historický archiv Bratislava*, ф. Hraničářský prapor 10, к. 2.

⁴ J. ŠRAML, *Motorisace armády*, „Vojenské rozhledy” 1928, вин. 9, с. 187; R. HANÁK, *Je třeba měnit dnešní organizaci našeho jezdeckta, aby vyhovovala nynějším požadavkům boje?*, „Vojenské rozhledy” 1930, вин. 11, с. 647.

⁵ E. FIALA, *Úkoly jezdeckta v budoucích válkách*, „Vojenské rozhledy” 1921, вин. 2, с. 92.

⁶ J. FIDLER, V. SLUKA, *Encyklopedie branné moci Republiky československé 1920–1938*, Praha 2006, с. 297.

⁷ В ходе разведывательных мероприятий велосипедистам приходилось уделять особое внимание своей скорости, из-за которой они могли оказаться в западне. K. PRÁŠIL, *Cyklistické družstvo jako průzkumná hlídka*, „Vojenská výchova” 1936, вин. 12, № 7, а также № 8, с. 103–104.

В начале 1930-х гг. завершилась многолетняя унификация снаряжения и экипировки чехословацкой армии, созданной из нескольких легионерских корпусов, обломков австро-венгерской армии, батальонов ополчения и различных добровольческих отрядов. На этот необходимый, но очень затратный с финансовой точки зрения, процесс ушла большая часть бюджета, поэтому, например, на покупку новых орудий или моторизацию не осталось средств. Моторизации, помимо дорогостоящего топлива, также препятствовало и аграрное лобби. Более того, общая организация армии завершилась в то время, когда стало понятно, что армия должна готовиться к конфликту другого рода, нежели тот, к которому она до этого момента готовилась. Проблема заключалась уже не в Венгрии, окруженной Малой Антантой, а в растущей Германии⁸, против которой Чехословакия должна была вооружиться совершенно по-другому.

Оснащение пехоты велосипедами было для небольших и небогатых государств дешевым и относительно эффективным средством для увеличения скорости и радиуса действия подразделений, в то время это представляло собой приемлемую альтернативу дорогой моторизации, хотя, конечно, полностью ее заменить не представлялось возможным.

Размышления в чехословацкой профессиональной военной прессе

До введения велосипедных подразделений командование армии интересовалось опытом иностранных войсковых подразделений по использованию велосипедов в бою и уделяло внимание теоретическим исследованиям о возможном дальнейшем развитии велосипедных единиц. Например, в армейских журналах „Военное воспитание” („Vojenská výchova”) и „Военный кругозор” („Vojenské rozhledy”) с начала 1930-х гг. публиковались статьи о велосипедных отрядах, их положении в армии и кавалерии, реформе кавалерии. Популяризации велосипеда способствовали статьи, описывающие действия бельгийских штурмовых отрядов во времена Первой мировой войны. Эти отряды передвигались в тылу врага на велосипедах,

⁸ Z. MARŠÁLEK, M. KOLLER, *Československé vojenství mezi dvěma světovými válkami*, [B:] *Český stát a střední Evropa. Od Velké Moravy k NATO*, Praha 2002, с. 146.

нарушали работу немецкого транспорта и распространяли дезинформацию. Среди преимуществ таких отрядов – быстрота и бесшумность⁹. Еще одним преимуществом было то, что велоспорт являлся относительно популярным видом спорта особенно среди молодых людей. Существовал большой резерв юношей, пригодных не только к военной службе, но и непосредственно – в велосипедных подразделениях. Вдобавок велосипедные объединения отработали технику езды большими группами¹⁰, так что для представителей этих объединений упражнения на велосипеде не составляли проблем.

Помимо популяризационных текстов и упоминаний о возможностях использования велосипедов в армии, появлялись и более серьезные размышления на эту тему. На рубеже 1920–1930-х гг. в военных кругах начали активно размышлять о реорганизации отдельных частей армии, особенно ее разведывательных и подвижных подразделений. В то же время часто упоминался термин «велосипед».

В конце 20-х гг. прошлого века, рассматривая моторизацию армии, старший лейтенант Йозеф Шрамл указал на недостаточную моторизацию чехословацкой пехоты. Эту проблему частично могли помочь решить дешевые велосипеды. Он рекомендовал в каждом пехотном полку переформировать одну пехотную роту в велосипедную. Роту должны были сформировать в соответствии с велосипедными ротами пограничных батальонов и усилить одной бригадой с крупнокалиберными пулеметами на мотоциклах. Й. Шрамл справедливо предположил, что среди призывников нашлось бы достаточное количество уверенных велосипедистов, а новичков можно обучить за несколько дней. Личный состав велосипедных рот по мере необходимости можно было использовать и в качестве обычных пехотинцев. А во время крупных учений, вместо спешившихся велосипедистов, можно было использовать рядовых запаса, оставляя велосипедную роту нетронутой. Внутри дивизии из собранных таким образом велосипедных рот можно было сформировать

⁹ *Činnost cyklistických jednotek belgické armády na počátku světové války (1914)*, „Vojenské rozhledy“ 1933, вин. 14, № 3, с. 294–303; с. 294, 299, 302–303.

¹⁰ Národní archiv (далее: NA), Policejní ředitelství Praha II. – stanice a komisariáty, k. 34, inv. № 1507, čj. 1566.

„один целый, мобильный батальон с двумя взводами с крупнокалиберными пулеметами на мотоциклах”¹¹.

Значительно менее затратный велосипедист мог также выполнять большее количество задач, нежели кавалерист. В случае необходимости немедленной боевой готовности велосипедист мог стравиться быстрее, нежели кавалерист, нуждающийся в заботе о своей лошади. Быстрое передвижение велосипедистов на дорогах и тропах, и наоборот, хорошая мобильность кавалерии на местности привели Й. Шрамла к идее объединения этих двух родов войск. Он хотел увеличить количество велосипедных эскадронов (на тот момент в общей сложности их было три), так чтобы они были сформированы в каждом кавалерийском полку. Создание велосипедных эскадронов в кавалерии должно было происходить одновременно с формированием велосипедных рот в пехотных полках. Велосипедистам необходимо было тренироваться вместе со своим формированием, и не всегда существовала возможность позаимствовать велосипеды. Вместо отдельных велосипедных рот у кавалерийских бригад должны были появиться бронированные разведывательные машины¹². В дальнейшем Й. Шрамл интенсивно занимался моторизацией драгунских полков, частично сохраняя их гиппический компонент¹³.

Об увеличении количества велосипедов в армии высказывался и полковник Рудольф Ганак, который в своей обоснованной и обширной статье затронул потребности и развитие кавалерии, предполагая ее задействование в будущих войнах. Он отметил слабости существующих чехословацких кавалерийских бригад, не имевших артиллерии и использующих лишь один велосипедный эскадрон. Именно поэтому у командира бригады не было достаточной огневой мощи или достаточного количества людей для создания собственных патрулей и для защиты флангов без необходимости ослабления ударной мощи бригады. Р. Ганак рекомендовал присоединить артиллерийский батальон к целой бригаде, а отдельные кавалерийские полки хотел разделить собственным

¹¹ J. ŠRAML, *op. cit.*, с. 188.

¹² *Ibidem*, с. 190–192.

¹³ ИДЕМ, *Motorisace v jezdeckém pluku*, „Vojenské rozhledy” 1937, вин. 18, с. 1005–1008; ИДЕМ, *Motorisace u jezdeckého pluku*, „Vojenské rozhledy” 1938, вин. 19, с. 540–551.

велосипедным эскадроном. В то же время он хотел, чтобы у велосипедистов были легкие складные велосипеды, в случае необходимости велосипедист мог спешиться и взять велосипед с собой. Еще больше автору нравилась идея подчинения велосипедных подразделений непосредственно бригаде. Командиры полков также должны были иметь в подчинении специальные пулеметные эскадроны¹⁴. Р. Ганак поставил перед собой задачу создания кавалерийских дивизий, усиленных артиллерией и велосипедистами. Кавалерийская дивизия должна была состоять из одного батальона велосипедистов, включающего три роты¹⁵. Он не считал целесообразным формировать по французскому образцу легкую дивизию, в этом случае к каждой чехословацкой кавалерийской бригаде присоединялась бы одна моторизованная бригада. Автор считал, что моторизованные части не будут достаточно мобильными, кроме того, формирование моторизованных бригад будет очень затратным¹⁶. Еще одной проблемой механизации и моторизации армии было плачевное состояние дорог в некоторых частях республики, важную роль играла и цена топлива. Несмотря на эти трудности, солдаты прекрасно понимали, что без механизированных и моторизованных соединений им не обойтись¹⁷.

В начале 1930-х гг. становилось все более очевидным, что нынешняя форма чехословацкой кавалерии не подходит. „Реорганизация кавалерии является необходимой”¹⁸ – заявил Ярослав Эмингер в начале своей статьи. А немецкие авторы даже указывали на определенную беспомощность чехословацкой кавалерии в военное время¹⁹. Помимо использования пистолетов-пулеметов в кавалерии²⁰, Я. Эмингер предлагал реорганизацию кавалерийских полков и создание четырех кавалерийских дивизий с одной кавалерийской бригадой и подразделениями поддержки в каждой дивизии. Вместе с артиллерией, бронев автомобилями, связистами и инженерными войсками, речь шла и о «быстрой пехоте». Существовавших велосипедных эскадронов пограничных батальонов уже

¹⁴ R. HANÁK, *op. cit.*, с. 647–648.

¹⁵ *Ibidem*, с. 651–652.

¹⁶ *Ibidem*, с. 652.

¹⁷ F. ŠANTORA, *Smíšené vyšší jezdecké jednotky*, „Vojenské rozhledy” 1936, вин. 17, с. 133.

¹⁸ J. EMINGER, *Návrh na reorganizaci jezdeckta*, „Vojenské rozhledy” 1931, вин. 12, с. 122.

¹⁹ F. ŠANTORA, *op. cit.*, с. 134.

²⁰ J. EMINGER, *op. cit.*, с. 123.

не хватало, и велосипедные эскадроны следовало увеличить „хотя бы до сильного велосипедного батальона и, кроме того, в мирное время присоединить к кавалерийскому подразделению один быстроходный батальон (на автомобилях). Один пограничный батальон в распоряжении каждого краевого военного штаба должен быть автомобилизирован, и подчинен в мирное время кавалерийской дивизии”. Таким образом, велосипедный и моторизованный батальон должны сформировать «быстрый полк»²¹. Велосипедисты также должны были участвовать в создании смешанных разведывательных отрядов²².

Анализ опыта использования велосипедов во время Первой мировой войны показал, что велосипедисты одинаково хорошо проявили себя как в задерживающих действиях, так и во время отступления. Подполковник Франтишек Ульман потребовал, чтобы кавалеристы в мирное время учились ездить на велосипеде на случай, если потеря лошадей приведет к необходимости пересечь на более доступное средство передвижения. В то же время в использовании велосипедов он видел промежуточный этап моторизации армии²³. Некоторые немецкие авторы считали велосипедистов слишком неповоротливыми во время сражений при отступлении²⁴, однако чехословацкие авторы в целом считали их подходящими защитниками маршрутов отступления²⁵.

Еще одно важное исследование принадлежит Вацлаву Каутскому, который в 1932 г. получил награду на конкурсе Военно-научного института²⁶. Позже это исследование было опубликовано в журнале „Военный кругозор” („Vojenské rozhledy”)²⁷. В своей статье автор прямо выступал за создание велосипедных отрядов, которые уже в мирное время должны были возникнуть в полном военном составе, чтобы на время мобилизации не

²¹ *Ibidem*, с. 127.

²² *Ibidem*, с. 128.

²³ F. ULMAN, *Jak se osvědčily taktické cyklistické jednotky za světové války?*, „Vojenské rozhledy” 1931, вин. 12, с. 950–951.

²⁴ *Z cizích revuí*, „Vojenské rozhledy” 1932, вин. 13, с. 481.

²⁵ J. TOTUŠEK, *Použití SPO. (PO.). (Úvaha)*, „Vojenské rozhledy” 1932, вин. 13, с. 863.

²⁶ *Vide*: M. SEDLÁŘ, *Nástin historie Vojenského ústavu vědeckého 1919–1949*, „Historie a vojenství” 1992, № 2, с. 47–77 а также K. STRAKA, *Souvislosti vědy a výzkumu s obranou Československé republiky. Vojenský ústav vědecký v letech 1936–1938*, Praha 2006.

²⁷ V. KAUTSKÝ, *Cyklistické jednotky*, „Vojenské rozhledy” 1933, вин. 14, с. 1145–1157.

создавать проблем с физически неподготовленными защитниками²⁸. Его призыв был частично выполнен к 1933 г., когда были созданы четыре велосипедных батальона. В своей работе В. Каутский предлагал сопровождать велосипедистов автомобилями с крупнокалиберными пулеметами и пушками, а также небоевыми припасами. Что касается внутреннего состава велосипедного батальона, то реальность была частично приближена к его идеям. Так, например, фактически создавались пулеметные роты, а не разбросанные по обычным ротам пулеметные взводы²⁹. Позже появились идеи о создании собственных велосипедных батальонов в каждой дивизии. Вместо некоторых пехотных батальонов в существующих пехотных полках предполагалось создать велосипедные батальоны³⁰. Однако такого масштабного развития велосипедных подразделений не последовало.

Вышеупомянутое появление велосипедных батальонов в чехословацкой армии в начале 1930-х гг. было вызвано решением политиков, утвердивших весной 1932 г. четырнадцатимесячную военную службу, что, по мнению солдат, не позволяло безопасно охранять государственные границы. После серии переговоров в первые месяцы 1933 г. министр национальной обороны представил Консультативному совету армии предложение о ряде организационных изменений, касающихся сокращения основной военной службы. Было принято решение увеличить в каждой дивизии количество пограничных батальонов до 11, но убрать из их состава велосипедные роты, которые вместе с велосипедными ротами кавалерийских бригад должны были сформировать четыре велосипедных батальона. Все эти изменения были объявлены 18 мая 1933 г. и реализованы специальными указами осенью 1933 г.³¹

²⁸ V. KAUTSKÝ, *op. cit.*, с. 1026.

²⁹ *Ibidem*, с. 1145–1146, 1148.

³⁰ F. KRYŠTOF, *Rychlé jednotky v příští válce*, „Vojenské rozhledy“ 1936, вин. 17, с. 1285–1286.

³¹ R. SANDER, *Branná povinnost v Československu (1918–1938)*, „Sborník archivních prací“ 1989, вин. 39, № 1, с. 267 и 270–273.

Фиг. 1 и 2. Фотография передачи знамени Первому велосипедному батальону в городе Добрушка (источник: NA, f. Prášil Karel, k. 1)

Первый велосипедный батальон

Рассмотрим создание велосипедных подразделений на примере Первого велосипедного батальона. Приказ о создании батальона был отдан 15 мая, его фактическое создание состоялось в начале нового тренировочного года, 15 сентября 1933 г. Для некоторых командиров отдельные велосипедные

батальоны стали первой ступенью в самостоятельном командовании перед принятием руководства в пехотном полку³². Несмотря на присутствие офицеров из велосипедных подразделений, командовать батальоном были назначены пехотные офицеры, так как существующие «велосипедные» офицеры до сих пор командовали только ротой. В ротах, естественно, уже были офицеры из горных, пограничных и пехотных частей. Эти офицеры были распределены таким образом, чтобы не произошло объединения знакомых офицеров из их первоначальных подразделений³³. Было создано действительно новое подразделение, объединенное новым духом и построенное исключительно на новых традициях. Однако этих офицеров из других частей сначала спросили, заинтересованы ли они в службе в новых отдельных батальонах³⁴.

Во время первой встречи с новыми бойцами подразделения командир батальона Ян Вондрачек выразил пожелание, чтобы они изо всех сил старались быть лучшими и всегда были готовы служить государству и народу. Он также призвал к сохранению памяти о знаменитых традициях легионеров и к демонстрации безупречного поведения. Именно дисциплина первых бойцов нового батальона должна была создать репутацию у граждан республики³⁵. В дополнение к первым четырем батальонам, упомянутым ранее, четыре года спустя, 15 сентября 1937 г., был создан пятый батальон³⁶, для которого Первый велосипедный батальон выбрал и обучил в своей школе несколько младших офицеров³⁷.

Для этого в батальоне применялись также учебные фильмы³⁸. Профессиональные военные были осведомлены батальонным приказом о статье В. Каутского *Велосипедные подразделения*³⁹. В то же время долгослужащие солдаты имели возможность пополнить свои знания чешского,

³² Vojenský ústřední archive – Vojenský historický archive (далее: VÚA – VHA), ф. Kmenové a kvalifikační listiny – František Vondráček.

³³ VÚA – VHA, ф. Velitelství Cyklistického praporu 1 (далее: CP 1), Kronika, fol. 1–3, 5–6.

³⁴ NA, ф. Prášil Karel, k. 1.

³⁵ VÚA – VHA, ф. CP 1, Kronika, fol. 3–4; k. 4, Praporní rozkazy № 1 a 2 z 15. září 1933.

³⁶ P. MINAŘÍK, *Reorganizace armády ve 2. polovině 30. let a vytvoření operační sestavy vojsk po vyhlášení mobilizace*, [B:] *Sborník Vojenské akademie v Brně. Řada C–D*, № 2, Brno 1999, с. 67–68.

³⁷ VÚA – VHA, ф. CP 1, k. 1, čj. 1795/dův./1936.

³⁸ VÚA – VHA, ф. CP 1, k. 5, Denní rozkaz № 5 z 12.01.1938.

³⁹ VÚA – VHA, ф. CP 1, k. 3, Praporní rozkaz № 59 z 24.11.1933.

немецкого, физики, математики, черчения, истории и географии. Занятия проводили в послеобеденное время учителя местной школы⁴⁰. По национальному признаку шестую часть батальона составляли чехословацкие немцы. По словам хроникёра, никакой другой национальности в батальоне не было⁴¹.

Если оставить в стороне монотонные мирные годы с чередованием призывов новобранцев, окончанием военной службы солдат, непрерывных тренировок, большим событием было широко задокументированное пожалование боевого знамени и лент.

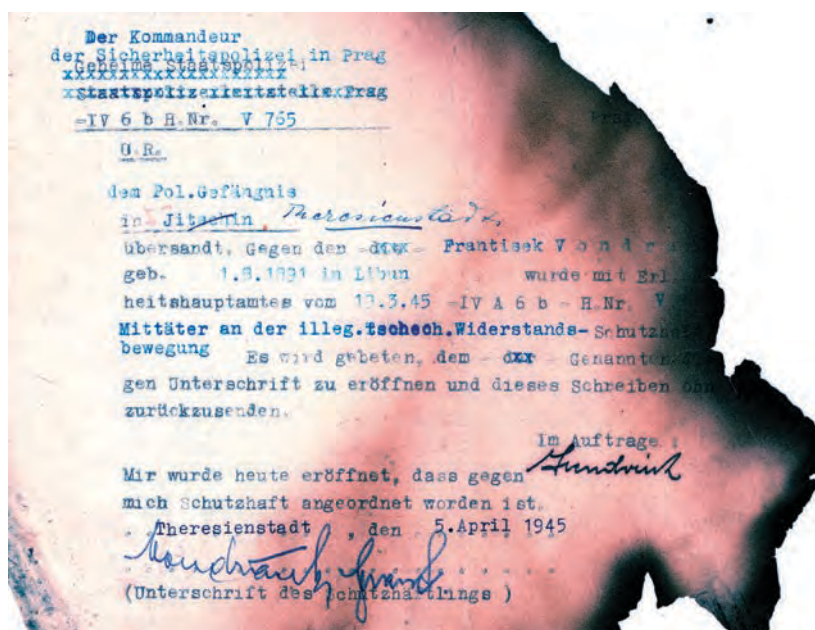
Фиг. 3. Фотография передачи знамени Первому велосипедному батальону в городе Добрушка (источник: NA, f. Prášil Karel, k. 1)

Боевое развертывание подразделения произошло в роковом 1938 г. В начале этого года батальон переместился из Восточной Богемии в районный город Сланы Центральной Богемии.

⁴⁰ VÚA – VNA, ф. СР 1, к. 5, Denní rozkaz № 4 z 7.01.1938.

⁴¹ VÚA – VNA, ф. СР 1, Kronika, fol. 22.

Во время майской мобилизации батальон был перебросен в Южную Богемию и после дальнейших перемещений в конце июня вернулся в Сланы. Восстание судетских немцев после выступления Адольфа Гитлера вечером 12 сентября привело к переброске 1-го и 4-го велосипедных батальонов в место восстания, где велосипедисты вместе с другими силами быстрого реагирования (танки и мотопехота) помогли установить государственную власть после нападения генлейновцев на жандармские отделения и другие правительственные учреждения. Во время этого развертывания батальон потерял несколько человек, убитых стрелком из собственного батальона. Все еще неясно, действовал ли он совместно с местными фашистами или был «всего лишь» сумасшедшим стрелком⁴². В любом случае, дальнейшее развертывание прошло без инцидентов, и вскоре после Мюнхенского соглашения батальон вернулся в Сланы, где в середине марта 1939 г. встретил нацистскую оккупацию.

Фиг. 4. Протокол о заключении под стражей первого командира Первого велосипедного батальона Франтишка Вондрачка. В Терезине он заразился тифом и умер вскоре после освобождения (источник: NA, f. Okupační vězeňské spisy, sign. 101-4-50)

⁴² Vide: D. HUBENÝ, *Střelba mezi slánskými cyklisty v Gossengrünu*, [B:] *Slaný a Slánsko ve XX. století. Život a smrt v kraji pod Slánskou horou*, Slaný 2019, c. 89–100.

Бойцы батальона принимали участие в движении сопротивления, оба командира батальона стали примером для своих подчиненных и были казнены оккупантами⁴³. Часть бывших бойцов подразделений приняла участие в восстании мая 1945 г.⁴⁴ и дальнейшем занятии границ⁴⁵.

Другие пользователи велосипедов в армии и органах правопорядка

Помимо велосипедных батальонов в чехословацкой армии два года существовали две отдельные велосипедные инженерные роты. Первая базировалась в Терезине и входила в состав первого инженерного полка. Вторая располагалась в Комарно и входила в состав третьего инженерного полка. Обе роты были сформированы 1 октября 1935 г. в составе: командование роты и вспомогательная часть, три инженерных отделения и пулеметное отделение. Ровно через два года, 1 октября 1937 г., их преобразовали в 13-ю и 14-ю моторизованные инженерные роты. В ходе этого преобразования сформировались еще две моторизованные роты (11 и 12), присоединенные к пятому и второму инженерному полку. Моторизованные инженерные роты имели тот же состав, что и велосипедные инженерные роты⁴⁶.

Очевидно, что велосипеды были для инженерных рот лишь переходным этапом к полной моторизации. Несмотря на существование этих двух велосипедных инженерных рот чехословацкая кавалерия не пользовалась услугами инженерных войск. В образцовой французской кавалерии командир кавалерийской дивизии напротив имел в распоряжении велосипедную инженерную роту, а также мог рассчитывать на мостовую роту⁴⁷. Командир бельгийской кавалерийской дивизии также имел в распоряжении роту инженеров на велосипедах. При изучении инженерного состава кавалерии сложилось мнение, что чехословацкий

⁴³ Например, IDEM, *Odbojová činnost a odsouzení plukovníka Františka Konopáska*, „Rakovnický historický sborník“ 2013, вин. 10, с. 163–196.

⁴⁴ Например: IDEM, *Josef Bulíř, Matěj Dlouhý a Alois Stoček ve slánském odboji a revoluci*, [B:] *Slaný a Slánsko...*, с. 190–205.

⁴⁵ NA, ф. Prášil Karel, k. 1.

⁴⁶ J. FIDLER, V. SLUKA, *op. cit.*, с. 77–78 и 418.

⁴⁷ V. HÁJEK, *Žemijní výstroj francouzského jezdeckva*, „Vojenské rozhledy“ 1932, вин. 13, с. 476.

велосипедный батальон практически не нуждается в инженерах и ему будет достаточно оборудования для небольших земляных и лесорубных работ для устранения препятствий на дорогах. Пересечение водотоков не входило в его задачи, батальон не был оснащен для этого, за исключением небольшого количества обмундирования для разведывательных патрулей. При строительстве мостов велосипедисты зависели от других кавалерийских подразделений. Кавалерийская бригада, в составе которой была моторизованная рота, должна была быть более оснащена инженерным оборудованием⁴⁸.

Учебный батальон, созданный в 1928 г., также использовал велосипеды. До октября 1935 г. в его состав входила велосипедная рота.

Еще одними пользователями велосипедов были сотрудники правоохранительных органов Министерства внутренних дел: сотрудники государственной полиции (действующая в крупных городах или городах особого значения) и жандармерия (осуществлявшая надзор в малых городах и деревнях).

Для более тщательного контроля безопасности дорожного движения в апреле 1920 г. при Главном управлении полиции в Праге было создано велосипедное подразделение. До 1922 г. группы из трех человек совершали патрулирование менее оживленных улиц и контролировали движение транспорта и пешеходов. Вскоре на смену велосипедистам пришли мотоциклисты⁴⁹. Однако полностью о велосипедистах не забыли. В 30-х гг., когда подразделения начали готовиться к возможным боевым действиям против повстанцев, обсуждалась возможность использовать полицейские дежурные отряды на велосипедах в возможных боях⁵⁰. Была тщательно изучена многочисленная литература германского рейха, базирующаяся на практическом опыте Веймарской республики после окончания Первой мировой войны.

⁴⁸ V. MELICHÁREK, *Jak vybavit jezdeckvo, aby bylo soběstačné pro přechody vodních toků; prostředky pluku, vyšší jezdecké jednotky*, „Vojenské rozhledy“ 1934, вин. 15, с. 1147–1148, 1153.

⁴⁹ J.P. BULAN, *20 let dopravní stráže v Praze*, „Bezpečnostní služba“ 1939, вин. 9, № 10 и 11, с. 347.

⁵⁰ B. BENEŠ, *Velení a jeho prostředky při bojovém použití policie*, „Bezpečnostní služba“ 1934, вин. 4, № 6–7, 9–10, с. 200–201.

Фиг. 5. Жандармский патруль на велосипедах в 1920-е гг. (источник: NA, f. Ministerstvo vnitra I. – prezídium, kart. 241, sign. VI/O/9/2, manipulační období 1925–1930)

Хотя полиция сосредоточила внимание на использовании бронированных автомобилей⁵¹, в случае действий по борьбе с повстанцами наиболее эффективной считалась боевая группа, состоящая из взвода бронетехники (три броневедомола), подкрепленная силами велосипедистов и других полицейских на автомобилях⁵². Бронетехника также могла действовать поодиночке, но опять же только в сопровождении группы поддержки⁵³. Однако этот метод не рекомендовался даже в случае использования бронемшины в военных целях, когда вновь подчеркивалось преимущество использования взвода бронетехники (три броневедомола) в сопровождении велосипедистов или кавалерии⁵⁴. Сходство со смешанными разведывательными подразделениями армии является очевидным⁵⁵. В межвоенный период жандармерия использовала велосипеды – служебные или частные – для патрулирования и связи.

⁵¹ ИДЕМ, *Policejní obrněné auto (O. A.) a jeho úkoly při bojovém použití policie*, „Bezpečnostní služba“ 1935, вин. 5, № 7–9, с. 197–208, 248–252, 261–264.

⁵² *Ibidem*, с. 201.

⁵³ *Ibidem*.

⁵⁴ *Ibidem*, с. 262.

⁵⁵ *Ibidem*, с. 208.

Заклучение

Велосипеды и их использование интересовали армии с последней трети XIX в., а Первая мировая война принесла реальный опыт и знания. Для армий межвоенного периода велосипедные подразделения стали дешевой альтернативой дорогой и, как правило, более тяжелой моторизации. В чехословацких условиях велосипедисты впервые стали использоваться армией как одна из рот пограничных батальонов, призванных остановить первоначальную атаку противника. В первой половине 1930-х гг. были сформированы велосипедные батальоны, являющиеся укрепляющей составляющей кавалерийских частей, включенных уже во второй половине 1930-х гг. в быстрые дивизии. На основании опыта, полученного в 1938 г., эти дивизии должны были преобразовать в танковые, но события марта 1939 г. сделали этот план невозможным. В сентябре 1938 г. чехословацкие велосипедные подразделения были развернуты против генлейновцев. Опыт чехословацкой армии с велосипедистами был настолько положительным, что во время Второй мировой войны плановики правительства в изгнании ожидали не только восстановления этих частей на освобожденной родине, но даже увеличения их численности. Только на чешской территории должны были сформироваться 10 велосипедных батальонов⁵⁶. Эти задумки не были осуществлены.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła archiwalne • Achival sources • Архивные источники

Národní Archiv Praha

Ministerstvo vnitra I. – prezídium

Okupační vězeňské spisy

Policejní ředitelství Praha II. – stanice a komisariáty

Prášil Karel

⁵⁶ VÚA – VHA, ф. Štáb pro vybudování branné moci, k. 25.

Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv Praha

Velitelství Cyklistického praporu 1

Kmenové a kvalifikační listiny

Štáb pro vybudování branné moci

Vojenský historický archiv Bratislava

Hraničářský prapor 10

Opracowania • Secondary sources • Литература*Armáda a národ*, Praha 1938.BENEŠ B., *Policejní obrněné auto (O. A.) a jeho úkoly při bojovém použití policie*, „Bezpečnostní služba” 1935, вин. 5, № 7–9, с. 197–208, 248–252, 261–264.BENEŠ B., *Velení a jeho prostředky při bojovém použití policie*, „Bezpečnostní služba” 1934, вин. 4, № 6–7, 9–10, с. 181–189, 199–207, 262–271, 308–315.BULAN J.P., *20 let dopravní stráže v Praze*, „Bezpečnostní služba” 1939, вин. 9, № 10 и 11, с. 313–316, 345–349.*Činnost cyklistických jednotek belgické armády na počátku světové války (1914)*, „Vojenské rozhledy” 1933, вин. 14, № 3, с. 294–303.EMINGER J., *Návrh na reorganizaci jezdeckva*, „Vojenské rozhledy” 1931, вин. 12, с. 122–128.FIALA E., *Úkoly jezdeckva v budoucích válkách*, „Vojenské rozhledy” 1921, вин. 2, с. 83–92.FIDLER J., SLUKA V., *Encyklopedie branné moci Republiky československé 1920–1938*, Praha 2006.HÁJEK V., *Ženíjní výstroj francouzského jezdeckva*, „Vojenské rozhledy” 1932, вин. 13, с. 475–478.HANÁK R., *Je třeba měnit dnešní organizaci našeho jezdeckva, aby vyhovovala nynějším požadavkům boje?*, „Vojenské rozhledy” 1930, вин. 11, с. 536–545, 643–654.HUBENÝ D., *Josef Bulíř, Matěj Dlouhý a Alois Stoček ve slánském odboji a revoluci*, [B:] *Slaný a Slánsko ve XX. století. Slaňáci ve světě*, Slaný 2017, с. 190–205.HUBENÝ D., *Odbojová činnost a odsouzení plukovníka Františka Konopáska*, „Rakovnický historický sborník” 2013, вин. 10, с. 163–196.HUBENÝ D., *Střelba mezi slánskými cyklisty v Gossengrünü*, [B:] *Slaný a Slánsko ve XX. století. Život a smrt v kraji pod Slánskou horou*, Slaný 2019, с. 89–100.KAUTSKÝ V., *Cyklistické jednotky*, „Vojenské rozhledy” 1933, вин. 14, с. 1017–1026, 1145–1157.KRYŠTOF F., *Rychlé jednotky v příští válce*, „Vojenské rozhledy” 1936, вин. 17, с. 1281–1287.MARŠÁLEK Z., KOLLER M., *Československé vojenství mezi dvěma světovými válkami*, [B:] *Český stát a střední Evropa. Od Velké Moravy k NATO*, Praha 2002, s. 140–152.

- MELICHÁREK V., *Jak vybavit jezdectvo, aby bylo soběstačné pro přechody vodních toků; prostředky pluku, vyšší jezdecké jednotky*, „Vojenské rozhledy” 1934, вих. 15, с. 1144–1155.
- MINAŘÍK P., *Reorganizace armády ve 2. polovině 30. let a vytvoření operační sestavy vojsk po vyhlášení mobilizace*, [B:] *Sborník Vojenské akademie v Brně. Řada C–D, № 2*, Brno 1999, с. 65–90.
- PRÁŠIL K., *Cyklistické družstvo jako průzkumná hlídka*, „Vojenská výchova” 1936, вих. 12, № 7 и 8, с. 103–104.
- SANDER R., *Branná povinnost v Československu (1918–1938)*, „Sborník archivních prací” 1989, вих. 39, № 1, с. 255–278.
- SEDLÁŘ M., *Nástin historie Vojenského ústavu vědeckého 1919–1949*, „Historie a vojenství” 1992, № 2, с. 47–77.
- STRAKA K., *Souvislosti vědy a výzkumu s obranou Československé republiky. Vojenský ústav vědecký v letech 1936–1938*, Praha 2006.
- ŠANTORA F., *Smišené vyšší jezdecké jednotky*, „Vojenské rozhledy” 1936, вих. 17, с. 132–146, 558–574.
- ŠRAML J., *Motorisace armády*, „Vojenské rozhledy” 1928, вих. 9, с. 182–194.
- ŠRAML J., *Motorisace u jezdeckého pluku*, „Vojenské rozhledy” 1938, вих. 19, с. 540–551.
- ŠRAML J., *Motorisace v jezdeckém pluku*, „Vojenské rozhledy” 1937, вих. 18, с. 1005–1008.
- TOTUŠEK J., *Použití SPO. (PO.). (Úvaha.)*, „Vojenské rozhledy” 1932, вих. 13, с. 861–866.
- ULMAN F., *Jak se osvědčily taktické cyklistické jednotky za světové války?*, „Vojenské rozhledy” 1931, вих. 12, с. 947–951.
- Z cizích revuí*, „Vojenské rozhledy” 1932, вих. 13, с. 478–482.

David Hubený, Nadezda Kruglova

CZECHOSLOVAK ARMY AND BICYCLE UNITS

Summary. In the last three decades of the 19th century, the rising popularity of bicycles attracted the attention of army commanders. Soon, they noticed the striking advantages of using bicycles, including speeding up the infantry's movements. Another great benefit was that bicycles did not require much attention, unlike the most renowned yet demanding form of transportation – horses, which necessitated the presence of special troops in the cavalry to take care of the animals.

Therefore, cycling proved to be the cheapest form of personal transportation for the army at that time. Since its establishment, the Czechoslovak army has used bicycle units. Each border battalion had its own company of cyclists. In the early 1930s, there were several studies on bicycle units and shortly after that, four bicycle battalions joined the cavalry brigades. In 1937, a fifth bicycle battalion was formed. These units were considered to be the most well-trained, forming a valuable part of the fast divisions. In 1938, bicycle battalions were a part of the operation against the uprising of Heinlein's terrorists; bicycle units also operated on the territory of Subcarpathian Rus, suppressing the activities of Polish and Hungarian sabotage groups.

The article discusses the history of the development of the Czechoslovakian bicycle units and scrutinises how the Czechoslovak military perceived this phenomenon. The paper also includes information about foreign bicycle units.

Keywords: Czechoslovakia, army, bicycle units, modernisation, cavalry

David Hubený, Nadezda Kruglova

ARMIA CZECHOSŁOWACKA I JEJ ODDZIAŁY ROWEROWE W LATACH 1918–1939

Streszczenie. Pod koniec XIX w. rozwój kolarstwa przyciągnął uwagę rozwiniętych armii, które szybko zdały sobie sprawę z zalet wynikających z szybkości poruszania się piechoty oraz możliwości pozostawienia rowerów bez opieki, w przeciwieństwie do np. kawalerii, gdzie część szeregowych przydzielano do zajmowania się końmi. Opieka nad rowerami okazała się znacznie łatwiejsza i tańsza niż w wypadku drogich zwierząt. Armia czeskosłowacka używała formacji rowerowych od samego początku. Oddziały rowerowe działały np. na terenie Rusi Podkarpackiej. Każdy batalion graniczny miał własną kompanię rowerzystów. Na początku lat trzydziestych pojawiło się kilka opracowań dotyczących jednostek rowerowych, a wkrótce potem do brygad kawalerii dołączyły cztery bataliony rowerowe. W 1937 r. dodano piąty batalion. Jednostki te były uważane za jedne z najlepiej wyszkolonych i wchodziły w skład dywizji szybkich. W 1938 r. bataliony rowerowe brały udział w tłumieniu powstania Konrada Henleina, a na terenie Rusi Podkarpackiej pacyfikowały działalność polskich i węgierskich grup dywersyjnych. W artykule skupiono się na rozwoju czeskosłowackich jednostek rowerowych (przede wszystkim na przykładzie 1 batalionu rowerowego) oraz na poglądach przedstawicieli armii czeskosłowackiej na ich wykorzystanie. Autorzy artykułu zwrócili również uwagę na informacje o jednostkach rowerowych publikowane w specjalistycznych międzywojennych czasopiśmie wojskowych „Wychowanie Wojskowe” („Vojenská výchova”) i „Wojenny Horyzont” („Vojenské rozhledy”). W opracowaniu wykorzystano materiały archiwalne znajdujące się w zasobach Centralnego Archiwum Wojskowego – Wojskowego Archiwum Historycznego w Pradze (Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv).

Słowa kluczowe: Czechosłowacja, wojsko, jednostki rowerowe, modernizacja, kawaleria

Helena Diakova (Елена Дьякова)

Харьковский национальный педагогический университет
им. Г.С. Сковороды

ORCID ID: 0000-0001-7767-0756

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 303-314

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.14>

ФОРМИРОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ХАРЬКОВЕ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ С ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Аннотация. 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Через неделю – 29 июня – Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали директиву партизанским отрядам прифронтовой линии, где одной из задач определялась организация партизанских отрядов и диверсионных групп для борьбы с частями вермахта. Для этого создавались специальные оперативные группы. Уже в начале июля такая опергруппа начала работать в Харькове. Она состояла из партийных, комсомольских, советских активистов областного, городского, районного уровня. Кроме вышеуказанных лиц, в нее вошли и сотрудники Наркомата внутренних дел (далее: НКВД). Созданием партизанских отрядов на местах занимались оперуполномоченные НКВД, а формированием подпольных организаций – соответственно партийные и комсомольские работники.

Кроме партизанских отрядов и подпольных организаций, создавались диверсионные группы, направлялись агенты, связисты, хозяева явочных квартир. Их подбором также занимались представители НКВД.

Для работы во вражеском тылу в основном оставляли руководителей партийных, комсомольских, советских органов, начальствующих лиц некоторых предприятий, учреждений, колхозов, а также сотрудников НКВД, медицинских работников.

Разведчиками оставляли людей, которые сотрудничали с НКВД в довоенное время. Они должны были передавать в советский тыл донесения о политическом и экономическом положении в Харькове и области, отношении местного населения к оккупантам, их союзникам, коллаборационистам.

Для осуществления борьбы с оккупантами для «народных мстителей» создавались специальные базы с боеприпасами, продуктами питания, лекарствами, другими необходимыми вещами.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Харьков, движение сопротивления, партизаны, подпольщики, агенты НКВД

Незадолго до начала Второй мировой войны в Советском Союзе была принята новая наступательно-оборонительная военная доктрина, которая предполагала „в случае нападения фашистской Германии на СССР подготовить Вооруженные Силы к нанесению по врагу мощного ответного удара с целью отражения агрессии и перенесения боевых действий на его территорию”¹. Считалось, что основные силы Красной Армии буквально в первые же часы сорвут стратегические планы противника и создадут необходимые условия для нанесения ответного удара и перенесения боевых действий на чужую территорию. То есть доктрина сводилась к знаменитой фразе: война «малой кровью на чужой территории». В связи с этим использование партизанских отрядов и подпольных организаций считалось нецелесообразным. Существовавшие в 1920-х – 1930-х г. на случай войны «спящие ячейки» партизан и подпольщиков были ликвидированы, а некоторые готовившиеся для такой работы кадры даже репрессированы.

Но после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. пришлось возвратиться к концепции ведения «малой войны», т.к. оккупация территории СССР шла довольно быстро. Для борьбы с оккупантами был принят ряд документов: 23 июня постановление ЦК ВЛКСМ «О мероприятиях по военной работе в комсомоле», 29 июня директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков, 6 июля обращение Президиума Верховного Совета УССР, Совнаркома УССР, ЦК КП(б)У «Ко всем гражданам Украинской Советской Социалистической Республики». В них одной из важных задач определялась организация партизанских отрядов и диверсионных групп для борьбы с частями вермахта.

Для формирования Движения Сопротивления на местах создавались специальные оперативные группы, состоящие из партийных, комсомольских, советских активистов областного, городского, районного уровня. Кроме вышеуказанных лиц, в нее входили и сотрудники Наркомата внутренних дел (далее: НКВД). Созданием партизанских отрядов на местах занимались оперуполномоченные НКВД, а формированием подпольных организаций – партийные и комсомольские работники.

¹ *Советская военная доктрина*, <https://ikrselsov.ru/sovetskaya-voennaya-doktrina-formirovanie-voenno-strategicheskikh-doktrin-v/> (доступ: 8 VI 2021).

Уже 2 июля такая опергруппа начала работать в Харькове². По отрывочным сведениям, можно предполагать, что в состав областной опергруппы входили секретари обкома и горкома партии: А.А. Епишев, И.И. Профатилов, Г.Г. Петров, М.Д. Максимов, В.М. Чураев, А.И. Смирнов. Прямой информации о вхождении в опергруппы сотрудников НКВД нет. Но по косвенным данным можно определить, что от областного НКВД в оперативные группы были включены: начальник управления Б.Г. Сафонов, начальник 4-го отдела П.П. Тихонов и его заместитель И.С. Хименко³.

По мнению российского исследователя В. Боярского в 1941 г. 90% партизанских отрядов, сформированных в СССР, были подготовлены и оставлены уполномоченными НКВД. Они же курировали деятельность партизан и подпольщиков во вражеском тылу⁴.

Один из непосредственных участников тех событий, А.И. Смирнов (в 1941 г. – третий секретарь Харьковского горкома партии) вспоминал, что в обкоме партии основная работа по формированию партизанских отрядов и подполья была возложена на второго секретаря И.И. Профатилова и секретаря по кадрам Г.Г. Петрова; а в горкоме – на секретарей А.И. Смирнова и В.Н. Каверина. Вопросами обеспечения партизан вооружением, экипировкой и продуктами питания в горкоме занимались Ф.К. Сыров, А.И. Глазгирин, В.А. Рыбаков, А.В. Рышков, В.Б. Гливенко⁵.

Также были созданы городские и районные опергруппы, в которые входили ответственные работники гор- или райкомов КП(б)У, комсомола, гор- или райисполкомов, представители гор- или райотделов НКВД. Их возглавляли первые секретари партийных комитетов соответствующего уровня.

Анализ архивных документов свидетельствует, что подбором кадров для партизанских отрядов занимались в основном оперуполномоченные райотделов НКВД. В определенной степени это было позитивным

² О. Дьякова, *Рух опору на Харківщині у період нацистської окупації*, дис. ... канд. іст. наук., Харків 2012, арк. 49.

³ *Ibidem*, арк. 50.

⁴ В. Боярский, *Партизаны и армия: история утерянных возможностей*, Минск–Москва 2001, с. 83.

⁵ А. Смирнов, *Патриоты. 1941 г.*, Государственный архив Харьковской области, ф. П-10417, оп. 5, д. 7010, л. 5.

шагом, т.к. они хорошо знали местный контингент, который планировали оставить в тылу врага.

Параллельно с партизанскими отрядами, но несколько позже – в августе-сентябре 1941 г – стали создавать подполье: областные, районные партийные и комсомольские комитеты под руководством первых секретарей обкома, горкомов и райкомов партии или комсомола, сеть первичных организаций.

Созданием сети подпольных организаций также занимались опергруппы. Но ведущую роль в этом играли партийные и комсомольские работники. В организации подполья в Харьковской области участвовали: секретарь ЦК КП(б)У Д.С. Коротченко, председатель Президиума Верховного Совета УССР М.С. Гречуха, заведующий оргинструкторским отделом ЦК КП(б)У А.М. Зленко, секретарь ЦК АКСМУ М.М. Пидтиченко⁶. После подбора кадров состав подпольных организаций должен был утверждать ЦК КП(б)У.

Сначала предполагалось, что подчиненность подпольных организаций будет осуществляться по общепринятой структуре, т.е. первичные организации (3–5 чел.) будут подотчетны райкомам (2–4 чел.), а те, в свою очередь, – обкому (секретарь и 2–4 члена комитета). Однако от этой структуры отказались и были созданы органы по типу секретариата, т.е. в обком входили первый секретарь и несколько территориальных членов, контролировавших работу в отдельных районах.

Параллельно НКВД создавал агентурно-резидентурную сеть, которая была «озадачена» и «неозадачена» (т.е. имела задание или же должна была получить таковое позже). В ее состав в основном входили внештатные агенты и сотрудники НКВД.

Контакты между подпольными организациями и центром, находившимся на неоккупированной территории («Большой земле»), должны были осуществлять специально подобранные связные. Также в большинстве населенных пунктов области создавались явочные квартиры, на которых подпольщики, партизаны должны были встречаться со связными для получения задания и координации действий по борьбе с противником.

⁶ О. Дьякова, *op. cit.*, арк. 100.

Для ведения борьбы с оккупантами для «народных мстителей» закладывались специальные базы с боеприпасами, продуктами питания, лекарствами, другими необходимыми вещами. Некоторым бойцам движения сопротивления выдавались одежда и обувь.

Многие партизаны прошли 5-дневную учебную подготовку. Подпольщики же получили только инструктаж. Естественно, что такое обучение негативно отразилось на эффективности Движения Сопротивления в регионе, особенно в первые недели оккупации.

В конце осени 1941 года линия фронта стабилизировалась и прошла по территории Харьковской области. Ее восточная часть осталась неоккупированной. Областное руководство разместилось в г. Купянск. Сюда связные и агенты приносили информацию о политической и экономической ситуации на захваченной противником территории. Также в Купянск приходили бойцы Движения Сопротивления, потерявшие связь со своими отрядами, подпольными организациями или растерявшиеся в экстремальной обстановке, а то и просто сбежавшие от возникшей смертельной опасности (следует отметить, что многие из последних через некоторое время возвращались в тыл врага и мужественно сражались с оккупантами).

В области в 1941 г. было создано 118 отрядов: из них до оставления Харькова – 100, после оставления города – 8⁷. Но сегодня точно сказать сколько партизанских формирований **действовало** в регионе сложно, ведь здесь совершали диверсии самостоятельно или вместе с харьковчанами отряды из соседних областей (Сталинской, Ворошиловградской, Курской, Полтавской, Днепропетровской), присланные с Большой земли диверсанты, самоорганизованные отряды.

В 1941 г. в области по партийной линии были сформированы обком и 37 райкомов КП(б)У (в т. ч. четыре в Харькове), а по комсомольской – обком и 25 райкомов ЛКСМУ (в т. ч. два в Харькове), 138 партийных ячеек и 476 комсомольских организаций⁸.

Управлением НКВД в городе было оставлено 9 резидентур и 52 агента⁹.

⁷ *Ibidem*, арк. 52.

⁸ *Ibidem*, арк. 100.

⁹ ЕАДЕМ, *Діяльність радянської агентури в окупованому Харкові*, „Між Бугом і Дніпром: Науково-краєзнавчий вісник Центральної України” 2020, вип. 13, с. 11.

Анализируя качественный состав партизанских отрядов и подпольных организаций, можно увидеть, что в них в основном набирались секретари партийных, комсомольских организаций, коммунисты, комсомольцы, руководители предприятий, учреждений, колхозов, сотрудники НКВД, отставные офицеры, медицинские работники.

Агентами и резидентами НКВД были внештатные агенты, завербованные оперуполномоченными в 1920-е – 1930-е г. Это были люди разных профессий и даже политических взглядов. В отличие от партизан и подпольщиков они должны были передавать в советский тыл донесения о политическом и экономическом положении в Харькове и области, отношении местного населения к немцам, их союзникам и коллаборантам из местного населения.

Уже накануне прихода оккупантов в Движении Сопротивления начались изменения. Это было связано с различными причинами. Например, людей мобилизовывали в армию, отправляли в советский тыл, отстраняли за непристойное поведение, отпускали домой по возрасту или болезни. Были случаи, когда партизан переводили на другую работу. Так, бойцы Змиевского отряда А.П. Коротун и Чугуевского З.В. Сыромятникова стали связными ЦК КП(б)У и по несколько раз ходили в оккупированный Харьков для контакта с представителями подпольного обкома партии.

Когда в декабре 1941 г. линия фронта стабилизировалась, партизанские отряды и подпольные организации, оказавшиеся на неоккупированной территории, были расформированы. Численность отрядов была уменьшена до групп, переведенных в ведение войскового командования.

Приход гитлеровцев показал плюсы и минусы в создании партизанских отрядов, подпольных организаций, агентурно-резидентурной сети.

И сегодня еще окончательно не выяснена судьба подпольного обкома партии. После войны был обнародован такой состав: первый секретарь И.И. Бакулин, члены И.А. Корзин, А.М. Китаенко, Г.П. Синицин, А.И. Мотылевский, И.Ф. Гаркуша. Но после рассекречивания архивных документов периода Второй мировой войны выяснилось, что планировался совсем другой состав: секретари Нагорный (подпольный псевдоним), Д.С. Ермолаев, А.А. Моспанов, А.И. Корзин, И.Х. Палилов. О них имеются следующая информация: кто такой Нагорный до сих пор не выяснено (местные краеведы предполагают, что это секретарь обкома партии

И.И. Профатилов, но он эвакуировался в Купянск), Д.С. Ермолаев был мобилизован на фронт, И.Х. Палилов – эвакуировался, А.А. Моспанов летом 1942 г пропал без вести. Больше известно о А.И. Корзине. Он несколько недель находился в Змиевских лесах, где сосредоточилось несколько партизанских отрядов, намереваясь руководить Движением Сопротивления в закрепленных за ним районах. Однако командиры ему не подчинялись и в декабре 1941 г. А.И. Корзин переехал в Харьков, где жил до первого освобождения города в феврале 1943 г. Он единственный из запланированного до оккупации оказался в обнародованном позднее подпольном обкоме партии.

Кроме А.И. Корзина, остальные, зачисленные после войны в состав подпольного обкома партии, являлись членами подпольных райкомов партии Харькова. В 1942 г. почти все они были арестованы и казнены гитлеровцами.

В январе 1942 г. погибли секретарь подпольного обкома комсомола А.Г. Зубарев и его связная Г.А. Никитина. Третий член подпольного обкома комсомола П.А. Глущенко вел борьбу самостоятельно.

Присланный в 1942 г. второй состав обкома комсомола также не смог начать работу. Секретарь А.М. Щербак и связная Н.Т. Волкова погибли в Волчанске, прикрывая выход из окружения местного партизанского отряда. Еще одна представительница второго состава подпольного обкома комсомола Г.М. Пархоменко вернулась домой и создала подпольную организацию в своем Великобулукском районе.

То, что подпольные обкомы партии и комсомола не развернули работу и не наладили связь с райкомами, находившимися в сельской местности, привело к тому, что последние не сорганизовались. Оказавшись без связи с вышестоящими организациями, многие подпольные райкомы, ячейки бездействовали, просто не зная, что им нужно делать. Тем не менее, некоторые оставленные партизаны и подпольщики, чувствуя свою ответственность за порученное дело, всё же проводили агитационную и террористическую деятельность. Некоторые партизаны и подпольщики, потеряв связь со своими боевыми товарищами, вели борьбу, расклеивая листовки, поддерживая у местных жителей веру в победу Красной Армии.

До лета 1942 г. большинство партизанских отрядов предпочитало действовать на линии фронта, выполняя задания военного командования,

помогая красноармейцам вести разведку, во время боя окружать подразделения противника. Зимой 1941–1942 гг. партизанский отряд Харьковского НКВД под командованием И.Н. Кулишова провел рейд по ближним тылам гитлеровцев и помог Запорожскому партизанскому отряду под руководством И.И. Копёнкина выйти в советский тыл.

Были и изменники. Например, из-за предательства командиров М.А. Михайличенко и П.И. Тесленко погибли бойцы соответственно Коломакского и Изюмского № 1 партизанских отрядов.

В аналогичной ситуации оказались резидентура и агенты НКВД. После первого освобождения Харькова в феврале 1943 г. была установлена судьба восьми из девяти резидентов и сорока одного из 52-х связных¹⁰. Оказалось, что двое резидентов погибли в немецких застенках, трое – не работали, т.к. не имели конкретного задания и ожидали таковое с Большой земли, из-за тяжелого материального положения, один человек перешел в сельскую местность, а еще один – добровольно уехал в Германию. Из связных активно работали 17 человек. Незадолго до занятия гитлеровцами Харькова были мобилизованы в армию два агента и еще двое эвакуировались в советский тыл. Во время оккупации из тех, кто остался в городе, один умер, 12 человек переехали в сельскую местность. Опять же не обошлось и без предательства – два агента пошли на сотрудничество с гестапо¹¹.

Интересной является позиция митрополита Феофила (Булдовского). Он стал секретным сотрудником НКВД еще в 1920-х г. Но уже в конце 1930-х к нему не обращались, считая, что он, в виду преклонного возраста, уже не в состоянии надлежащим образом выполнять поручения правоохранительных органов. Тем не менее, в феврале 1943 г. Ф.И. Булдовский сам пришел в Управление НКВД и передал документы, характеризовавшие „положение церковных дел на оккупированной территории и политику в этой области оккупантов”¹². Причем среди этих бумаг был компромат и на самого митрополита. Позже выяснилось, что в созданном в конце 1941 г. Епархиальном управлении из 5 священников – трое были агентами НКВД¹³.

¹⁰ *Ibidem*, с. 11.

¹¹ *Ibidem*, с. 11–12.

¹² *Cit. per: ibidem*, с. 14.

¹³ *Ibidem*.

Кроме организованной опергруппой сети Движения Сопротивления, некоторые харьковчане поднимались на борьбу с захватчиками по собственному решению, так сказать по зову сердца, не желая мириться с оккупационным режимом. Они расклеивали листовки с призывами к борьбе против нового порядка, помогали советским военнослужащим, евреям, убивали оккупантов и их пособников. Особо следует отметить медиков, которые, подвергая себя смертельной опасности, лечили раненых красноармейцев. Особо выделяется группа из 54-х медиков под руководством главврача 9-й больницы А.И. Мещанинова, которая помогла вырваться из плена трем тысячам советских военнопленных. Во вторую оккупацию (март – август 1943 г.) из госпиталя для советских военнопленных, расположенного недалеко от Южного железнодорожного вокзала, помогали бежать врач В.Ф. Труфанов с коллегами. Фтизиатр К.А. Илиади выдавала фальшивые справки о легочных болезнях горожанам, не желавшим ехать на принудительные работы в Третий рейх.

Сотни харьковчан, рискуя собственной жизнью и жизнями членов своих семей, прятали оказавшихся в окружении советских военнослужащих, раненых и бежавших из плена красноармейцев, помогали партизанам и подпольщикам, спасали от неминуемой гибели евреев. 88 жителей области награждены медалью «Праведник мира»¹⁴, которой награждаются люди, спасавшие евреев во время Холокоста.

Также оккупантам приходилось сталкиваться с актами саботажа на производстве, проявлявшимися в срывах ввода в строй производственных мощностей, диверсиях на железнодорожных, шоссейных магистралях и т.п.

Таким образом, можно констатировать, что в Харькове в начале войны с гитлеровской Германией партизанская, подпольная, диверсионная, агентурная сеть была организована местными советскими, партийными и комсомольскими органами по решению советского правительства и ЦК ВКП(б). Короткие сроки формирования различных видов Движения Сопротивления привели к не вполне качественному подбору кадров. Еще до оставления города некоторых бойцов Движения Сопротивления пришлось отпустить вследствие возраста, болезней, аморального поведения. В первые недели оккупации Харькова из-за жестокого террора некоторые подпольщики

¹⁴ ЕАДЕМ, *Рух отору...*, арк. 85.

растерялись и не понимали, что им следует предпринять. А отдельные личности, оставленные на оккупированной территории для борьбы с гитлеровцами, шли с ними на сотрудничество, выдавая своих соратников по сопротивлению. И всё же многие харьковчане уже в первые дни оккупации вставали на борьбу с оккупантами не по приказу партии и правительства, а по зову сердца и внесли свой достойный вклад в борьбу с нацизмом.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ

Źródła archiwalne • Achival primary sources • Архивные источники

Государственный архив Харьковской области

Ф. П-10417. Воспоминания старых большевиков, оп. 5, Дела воспоминаний участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Д. 70. Смирнов А.И. Патриоты. 1941 г. 10 л.

Źródła drukowane • Printed primary sources • Печатные источники

Советская военная доктрина. Формирование военно-стратегических доктрин в СССР накануне Великой Отечественной войны. Портал знаний – Информатика. История. Культура. Литература. Отчеты. Конспекты, <https://ikrselsov.ru/sovetskaya-voennaya-doktrina-formirovanie-voenno-strategicheskikh-doktrin-v/> (доступ: 8 VI 2021).

Opracowania • Secondary sources • Литература

Дьякова О.В., *Діяльність радянської агентури в окупованому Харкові*, „Між Бугом і Дніпром: Науково-краєзнавчий вісник Центральної України” 2020, вин. 13, с. 9–15.

Боярский В.И., *Партизаны и армия: история утерянных возможностей*, Минск–Москва 2001.

Rozprawy doktorskie • PhD thesis • Кандидатские диссертации

Дьякова О.В., *Рух опору на Харківщині у період нацистської окупації*, дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Дьякова Олена Василівна, Харків 2012, 312 арк.

Helena Diakova

FORMATION OF THE RESISTANCE MOVEMENT IN KHARKIV IN THE FIRST MONTHS OF THE WAR WITH NAZI GERMANY

Summary. On June 22, 1941, Nazi Germany attacked the Soviet Union. A week later, on June 29, the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the communist party (Bolsheviks) of Ukraine (CP(b)U) issued a directive to the front-line party organizations, in which they called for the creation of partisan detachments and sabotage groups to fight against the Wehrmacht. Special forces were established for this purpose, consisting of party members, Komsomol, and Soviet activists at the regional, city, and district levels. Already in early July, such a task force began to operate in Kharkiv.

In addition to the aforementioned persons, the unit included employees of the People's Commissariat of Internal Affairs. The NKVD officers were responsible for the creation of local partisan detachments, and party and Komsomol workers were involved in the formation of underground units. In addition, the anti-German resistance included sabotage groups, scouts, signalmen, and a network of safe houses, also selected by the NKVD.

Leaders of the party, Komsomol, Soviet authorities, heads of some enterprises, institutions, collective farms, NKVD employees, and medical workers operated behind the enemy lines. Special bases holding ammunition, food, medicines, and other necessary supplies were also formed to support the underground units.

People who had collaborated with NKVD before the war became the operatives responsible for sending reports to the Soviets about the political and economic situation in Kharkiv and its environs, and the attitude of the local population towards the Germans, their allies, and collaborators.

Keywords: World War II, Kharkiv, Resistance Movement, partisans, underground fighters, NKVD agents

Helena Diakowa

FORMOWANIE RUCHU OPORU W CHARKOWIE W PIERWSZYCH MIESIĄCACH WOJNY Z HITLEROWSKIMI NIEMCAMI

Streszczenie. 22 czerwca 1941 r. nazistowskie Niemcy zaatakowały Związek Radziecki. Tydzień później – 29 czerwca – Rada Komisarzy Ludowych ZSRR i Komitet Centralny Wszechzwiązkowej Komunistycznej Partii Bolszewików wydały zarządzenie dla przyfrontowych organizacji partyjnych. Jednym z przydzielonych im zadań było organizowanie oddziałów partyzanckich

i grup dywersyjnych do walki z jednostkami Wehrmachtu. W tym celu utworzono specjalne grupy operacyjne. Już na początku lipca taka grupa zaczęła działać w Charkowie. W swoich szeregach miała działaczy partyjnych, komsomolskich, aktywistów radzieckich ze szczebla regionalnego, miejskiego, powiatowego. Oprócz wyżej wymienionych osób znaleźli się tam także pracownicy Ludowego Komisariatu Spraw Wewnętrznych (dalej: NKWD). Oddziały partyzanckie w terenie tworzyli funkcjonariusze operacyjni NKWD, a organizacje podziemne – funkcjonariusze partyjni i komsomolscy. Oprócz oddziałów partyzanckich i organizacji podziemnych tworzone grupy sabotażowe, wysyłano agentów, sygnalistów, szukano właścicieli kryjówek. W ich selekcję również byli zaangażowani przedstawiciele NKWD. Do pracy na tyłach wroga kierowano głównie kierowników partyjnych, komsomolskich, organów sowieckich, kierownictwo niektórych przedsiębiorstw, instytucji, kołchozów, a także pracowników NKWD oraz służby zdrowia. Zwiadowcami zostawali ludzie, którzy w okresie przedwojennym współpracowali z NKWD. Mieli oni przekazywać na tyły sowieckie meldunki o sytuacji politycznej i gospodarczej w Charkowie i regionie, o stosunku miejscowej ludności do najeźdźców, ich sojuszników, kolaborantów. Do prowadzenia walki z najeźdźcami stworzono specjalne bazy dla „mścicieli” z amunicją, żywnością, lekami i innymi niezbędnymi rzeczami.

Słowa kluczowe: II wojna światowa, Charków, ruch oporu, partyzanci, bojownicy podziemia, agenci NKWD

Adam Mordzak

University of Lodz

ORCID ID: 0000-0002-4475-4029

O B L I C Z A W O J N Y

TOM 7 • PRZED BITWĄ • ŁÓDŹ 2023

ISBN 978-83-8331-303-0 • s. 315-330

<https://doi.org/10.18778/8331-303-0.15>

BRITISH DIPLOMATIC AND MILITARY PREPARATIONS FOR THE PACIFIC WAR FROM 17 OCTOBER TO 7 DECEMBER 1941

Summary. The assumption of the post of Prime Minister of Japan by General Tojo Hideki on 17 October 1941 was interpreted in London as a prelude to further aggressive actions on the part of Tokyo. The purpose of this article is to examine what steps the British government took to prepare for a potential confrontation in diplomatic and military fields. A key reinforcement of British forces was the creation of the Far East Fleet squadron intended to serve as a primary deterrent, which was done at the expense of weakening the position of the British Navy in other areas. In contrast, land troops in the Malay region received only token support. The Air Force was in the worst position, as there were far too few aircraft for defensive purposes and they were not of the best quality. However, due to the involvement on other fronts and supplying military equipment to the Soviet Union, it was impossible to deliver more weapons to South-east Asia. In the area of diplomacy, the main effort was directed at securing guarantees of support from the United States. However, due to the Neutrality Acts and the general reluctance of the American public to participate in the war, only verbal promises of assistance were obtained. Cooperation with the Dutch East Indies authorities went much better and they remained the most important ally for the British Empire in the area. In addition, attempts were made to enlist the cooperation of Thailand, but London's offer to that country remained extremely unattractive, as the British were unable to provide guarantees of territorial integrity for the Thais. All these factors, combined with a misreading of Japanese intentions, meant that Britain entered the armed conflict with Japan poorly prepared, leading to the defeat at the Battle of Malaya and the fall of Singapore.

Keywords: United Kingdom, Japan, World War II, Far East, Southeast Asia

In London, the resignation of Fumimaro Konoe as Prime Minister and General Hideki Tojo's assumption of power on 17 October 1941 was perceived as a harbinger of further Japanese aggression.¹ Indeed, a few weeks later, on

¹ A. BEST, *Britain, Japan and Pearl Harbor. Avoiding War in East Asia, 1936-1941*, London-New York 1995, pp. 175-176; R. DALLEK, *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945*, Oxford 1995, p. 303.

7–8 December, the Japanese attacks on Pearl Harbor and Malaya took place. Thus, it is worth asking how the British prepared for this confrontation. This problem should be considered from both a military perspective (military reinforcements *sensu stricto*) and a diplomatic perspective (attempts to gain allies).

The day before the aforementioned change of the Japanese Prime Minister, a meeting of the British government took place, during which an attempt was made to assess the situation of the British Empire in Southeast Asia, including a discussion on a memorandum prepared by Foreign Secretary Anthony Eden concerning this particular geopolitical area.² Eden predicted that faced with economic sanctions, which would be devastating to the Japanese economy, the Japanese Empire would have to withdraw from its existing policy or go to war with the Allies. The implementation of the second scenario (i.e., starting a war) was held up by the ongoing Japanese-American talks in Washington, but their progress to date did not bode well. The parties had been unable to reach a compromise, and the chances to do so dwindled even further after Japanese troops invaded southern Indochina in June 1941. Prime Minister Tojo opposed any concessions to the Americans. As the chances of a breakthrough in negotiations diminished, the risk of Japanese aggression increased. For this reason, Eden's memorandum outlined potential lines of attack: Thailand (plans for Operation Matador had been prepared to counter an attack from this direction³), the USSR, and the Burma Road. In the context of these considerations, Eden suggested that the Chiefs of Staff should be tasked with creating new strategic plans in the event of a Japanese attack in the above-mentioned directions.⁴

There was a brief discussion of Eden's memorandum at the cabinet meeting. On the question of Thailand, Eden referred to a dispatch from Bangkok from Sir Josiah Crosby, the British diplomatic representative. According to the Foreign Secretary, this was the first time the Thais had expressed a genuine desire to cooperate with the British and the Chiefs of Staff should be consulted on this

² The National Archives London (hereinafter: NAL), Cabinet Papers (hereinafter: CAB) 65/XIX, Cabinet meeting of 16 October 1941, pp. 216–218.

³ This operation, which had been prepared in 1940 at the Singapore Defence Conference, was to involve the preventive seizure of the Isthmus of Kra located within Thai territory – the narrowest part of the Malay Peninsula. R. ALDRICH, *A Question of Expediency. Britain, the United States and Thailand, 1941–42*, "Journal of Southeast Asian Studies" 1988, vol. 19, no. 2, pp. 231–232.

⁴ NAL, CAB 66/XIX, Far Eastern Policy. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs, pp. 13–14; F. MARKS, *Facade and Failure. The Hull-Nomura Talks of 1941*, "Presidential Studies Quarterly" 1985, vol. 15, no. 1, pp. 99–102.

possibility. Prime Minister Winston Churchill noted that in the event of an outbreak of a Japanese-Soviet war, the Soviets would certainly press Great Britain to declare war against the Japanese Empire. So far, London had made such a commitment only to the USA; Churchill felt that Britain should not make further such commitments. Churchill further stated that in the Far East, it was necessary for Britain to align its policy with Washington's.⁵

Setting British-American relations as the compass for every action and decision in Southeast Asia had hampered British political activity. After the meeting discussing Eden's memorandum, this way of doing politics was abandoned; however, this move did not assure safety, as Washington's statements about 'increased American involvement in the region' were not backed up by actual guarantees.

According to the prevailing opinion in the Foreign Office at that time, the Japanese government had collapsed because of the unsatisfactory course of the talks in Washington. This belief was expressed in a telegram sent on 17 October to the British Ambassador to the USA, Viscount Halifax, advising him to assure the Americans of London's full support and note that the British would prefer to prevent war with Japan.⁶

The reply from Halifax came the following day. According to US Secretary of State Cordell Hull, the situation in Japan was relatively calm and the government in Tokyo wanted to continue the talks in Washington. However, it was difficult to find a way to reach a compromise: first of all, any deal would be met with a negative reaction from the Chinese; and secondly, it would undo the effects of the hard political line that had been taken to date. Hull was prepared to consider a single small-scale 'barter' as a possible gesture of goodwill and instructed Halifax to consult Eden on the idea.⁷

Eden considered such a strategy to be wrong – in his view, it was impossible to influence the Japanese in this way. The only justification for such a move would be to obtain the materials and supplies needed for war. This was the position that Eden presented at the cabinet meeting on 20 October and it met with the approval of the other ministers. Eden also reported on a meeting with the

⁵ NAL, CAB 65/XXIII, Discussion on the Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs of 16 October 1941, pp. 121–122; R. ALDRICH, *op. cit.*, p. 210.

⁶ NAL, CAB 65/XXIII, Telegram No. 5653 from the Foreign Office to Washington, 17 October 1941, p. 125.

⁷ NAL, CAB 65/XXIII, Telegram No. 4750 from Washington to the Foreign Office, 18 October 1941, p. 126.

Chinese ambassador, according to whom the new Japanese government would likely behave cautiously for the next three weeks and only after that time could aggressive actions be expected. This view was shared among the officials in the Foreign Office. The Chinese ambassador also believed that the USSR would be the most likely target for the Japanese attack.⁸

Churchill himself was convinced that the Japanese would not risk war with the so-called ABCD line⁹ – at least not until the Soviet Union was eliminated. He expressed this view in a telegram to Australian Prime Minister John Curtin; the threat from the Japanese Empire was a major concern for the government in Canberra, which is why it pressed London on the question of sending a squadron of warships to the Far East. Churchill assured the Australians that the *HMS Repulse* battlecruiser, already operating in the Indian Ocean region, would soon be joined by the battleship *HMS Prince of Wales*. Later, naval forces in the region were to be further reinforced with four R-type battleships and a *Renown*-class battlecruiser.¹⁰ Indeed, at a Defence Committee meeting on 20 October, it was decided to form a small fleet squadron centred around the *Prince of Wales* to serve as a deterrent.¹¹

At the Cabinet meeting on 3 November, Eden presented a memorandum on strengthening defence cooperation with the Netherlands and the US in the Far East. He proposed laying down a proposal to sign a defence treaty between the Dutch government and Great Britain, Australia, and New Zealand, as yet another factor to deter Japan from war. At the same time, it had to be borne in mind that a significant weakness of such a pact was the lack of US involvement. According to Eden, this could be mitigated by keeping the US government informed of the whole matter and obtaining its public approval of the treaty.¹²

⁸ NAL, CAB 65/XIX, Cabinet meeting of 20 October 1941, p. 221; NAL, CAB 65/XXIII, Discussion on the Far East Question, p. 124.

⁹ The ABCD line is a term used to describe a potential coalition of Allies in the East Asian region – the United States of America, Britain, China, and the Dutch. S. IENAGA, *The Pacific War, 1931–1945. A Critical Perspective on Japan's Role in World War II*, New York 1978, p. 132.

¹⁰ NAL, CAB 65/XXIII, Telegram T.742 of 25 October 1941 to the Prime Minister of Australia, p. 129; NAL, CAB 65/XXIII, Cabinet meeting of 27 October 1941 – discussion of the situation in the Middle East, p. 128.

¹¹ A. BOYD, *The Royal Navy in Eastern Waters. Linchpin of Victory 1935–1942*, Barnsley 2017, pp. 310.

¹² NAL, CAB 66/XIX, Defence cooperation in the Far East with the Netherlands and the United States. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs, p. 148.

Support from Australia and New Zealand was expected – the New Zealand government had already informed London in September that the Dutch should be given a guarantee of military assistance as soon as possible,¹³ and the Australian authorities were even prepared to send their own troops to the Dutch East Indies.¹⁴ Eden's proposal was discussed at a meeting of the British government, where it met with the support of the Secretary for India and Burma, Leo Amery, whereas the Secretary of State for Dominion Affairs, Viscount Cranborne, believed that British inaction in the event of a Japanese attack on Dutch possessions would have a very negative impact on relations with Australia and New Zealand. In contrast, given information from Chiang Kai-shek, Churchill believed that the target of the next offensive would be China, and for this reason, he argued, the United States should be pressed directly to declare its readiness to stop potential Japanese aggression and initiative in the region should be left to Washington. Government support was split and, as a result of this disagreement, discussion on Eden's proposal was postponed. Churchill was to make a direct request to US President Roosevelt for a 'public declaration' to secure British interests in the South East Asian region.¹⁵

Unfortunately, Washington was not ready for greater involvement: even American military commanders were opposed to making demands on the Japanese and engaging in actions against them. They were primarily concerned with the situation in the Atlantic and thought that their own military reinforcements in the Philippines were a sufficient deterrent to aggression. Meanwhile, the state of American–Japanese negotiations did not inspire optimism. Intelligence indicated that unless there was a breakthrough, the negotiations would be broken off, which meant that Japan had already begun preparations for war.¹⁶

Present at the next meeting of the British government, on 5 November, was Sir Earle Page, the Australian government's special envoy, who rightly pointed out that Japan's attitude indicated an imminent change in the situation. For

¹³ NAL, CAB 66/XIX, Telegram from the New Zealand Government to the Dominions Office, 16 September 1941, p. 149.

¹⁴ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 3 November 1941 – discussion on the Foreign Secretary's memorandum, p. 1c.

¹⁵ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 3 November 1941 – discussion on the Foreign Secretary's memorandum, p. 1c-3.

¹⁶ R. DALLEK, *op. cit.*, pp. 304–306.

this reason, forces in South East Asia had to be immediately strengthened, primarily in terms of reinforcing the navy and air force. The reinforcement of the air force was of particular concern to the Australians: the number of aircraft required for carrying out defence operations in the Malay region was 336, while only 120 were presently combat-ready according to the Australian authorities. In Canberra's opinion, only adequate military strength could deter Japanese aggression. Churchill, in response, pointed out the problems concerning producing enough aircraft due to prior commitments to the Soviet Union and the extensive use of air force on various fronts. For his part, Secretary of State for Air, Sir Archibald Sinclair, noted that the number of aircraft ready for use in Singapore was expected to reach 250 in the next two weeks. With the increased involvement of the navy in the region, this number was expected to be sufficient – the Chiefs of Staff's estimate of Malaya's defensive needs (336 aircraft and 9 brigades) had been determined in the absence of a fleet in the region.¹⁷ The Prime Minister indicated that the very appearance of the *Prince of Wales* in Cape Town would have a deterrent effect on the Japanese. The Australians' demand to let Japan know that an attack on the USSR would be met with military intervention by the British Empire was considered by Churchill to be extremely damaging, as it posed a risk of a situation in which Britain would find itself at war with Japan without the US. To put the Australian envoy at ease, the Prime Minister expressed Britain's willingness to support Australia in the event of a threat, even at the cost of sacrificing its strategic position in the Middle East.¹⁸

Between 6 and 13 November, the British troops stationed in Malaya received a shipment of 25-pounder howitzers in sufficient quantity to equip 3 regiments, and 2-pounder anti-tank guns for one regiment. The howitzers replaced obsolete 18-pounder guns, which were to be used for stationary defence of airfields.¹⁹

Meanwhile, further tensions around Thailand began to mount. At a cabinet meeting on 11 November, Eden presented a message from Crosby, in which the diplomat reported that the Thai government would soon receive, or had already

¹⁷ R. CALLAHAN, *The Illusion of Security. Singapore 1919–42*, "Journal of Contemporary History" 1974, vol. 9, no. 2, p. 83.

¹⁸ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 5 November 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 8–10.

¹⁹ NAL, CAB 66/XIX, Weekly résumé on naval, military and air situation – 6–13 November 1941, p. 209.

received, an ultimatum from Japan. In these circumstances, the Foreign Secretary recommended attempting to influence the situation by economic means, i.e., the supplies of military equipment. This proposal was approved by the government. At the same meeting, the question of guarantees for the Dutch East Indies was also revisited. Eden expressed concern that a declaration of war against Japan in the event of its attack on the US, without giving a similar guarantee to the Dutch government, would be met with a negative response. Churchill responded to this statement with his standard mantra that this carried the risk of being at war with Japan without the US and Britain should wait to see how the situation would unfold. First Sea Lord Sir Dudley Pound suggested another way of assuaging the Dutch fears. The new commander of the Far Eastern Fleet, Admiral Sir Thomas Phillips, was to proceed, immediately upon assuming his post, to confer with US naval representatives on the preparation of plans for war with Japan. Thus, the Dutch side could also be invited to join the discussion. Eventually, the government authorised Eden to inform the Dutch authorities about these talks.²⁰

On the same day, the Admiralty issued a formal order that the *Prince of Wales*, after reaching Cape Town, should remain there only for a short stopover and proceed to Ceylon, where it would meet up with the *Repulse* and from where the two ships would continue their journey together to Singapore.²¹

At the Cabinet meeting the following day (12 November), Sir Earle Page, the envoy of the Australian government, was again present. He stressed the importance of the British Empire's domains in the Far East and the need to ensure their security by keeping peace with Japan, which could only be achieved through cooperation with the US and military reinforcements. The Australian government understood that options in the latter matter were limited and appreciated the progress to date and the risk of sending the *Prince of Wales* to Singapore. However, there were still some shortcomings that needed to be remedied quickly. Page also outlined the Australian authorities' views on what the British reaction to the next steps of the Japanese Empire should be – in the event of a Japanese invasion of the USSR, Thailand, or the Dutch East Indies, the Australians believed the British response should be a declaration of war

²⁰ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 11 November 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 12–13; R. ALDRICH, *op. cit.*, pp. 234–235.

²¹ A. BOYD, *op. cit.*, p. 312.

and direct military engagement. Such a decisive approach would have represented a significant change in previous British policy. The second major point in Page's speech was the question of cooperation with the US, as Washington's position was still somewhat unclear. On one hand, the Americans continued to put economic pressure on Japan and were also determined to defend the Philippines, although they had previously assumed the need to evacuate the islands. At the same time, they still gave no clear guarantee of military support. According to the Australians, the British Empire's resolute stance would be met with sympathy by the American public, which would be a factor in prompting the US government to engage in war. Page also expressed his country's willingness to support the war effort with 150 000 men who could be earmarked for service outside Australian territory.²²

This presentation of the Australian point of view was followed by a summary of the British Empire's military situation. Points that should be taken from this comprehensive description are primarily those relating directly to South East Asia. By early 1942, the Far East Fleet was to consist of HMS Prince of Wales, one cruiser (*Repulse*), and four R-type battleships. The British owed the possibility of creating the Eastern Fleet to the increased American involvement in the Atlantic. Admiral Pound expressed the hope that four more Australian destroyers would join this force. In the event of war, such a squadron consisting of joined British and Australian ships, lacking US naval support, would be far weaker than the Japanese navy. The main part of the US naval forces in the Pacific was still stationed in Hawaii, but there were some signs of changes: the Philippines was reinforced with nine destroyers and 12 submarines; organisational issues and war plans were to be discussed between the British, Americans, and Dutch.

After discussing the Royal Navy, the Cabinet moved on to the Air Force, the situation of which was presented by Marshal Sir Charles Portal, Chief of the Air Staff. About 200 aircraft were to be stationed in Singapore – a number thought to be sufficient for defensive purposes (maximum target number: 330 aircraft). Portal stressed that if the situation demanded, Malaya could be supported by bombers currently operating in the Middle East, but this should not be done until there was an imminent threat. Next, the Chief of the Imperial General Staff, General John

²² NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 12 November 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 22–25.

Dill, assessed the state of the British Army's ground troops: the number of soldiers in Singapore was around 63 000, with an additional 14 000 volunteers. They occupied fortified positions and had more than 200 anti-aircraft guns at their disposal. However, there was a shortage of field and anti-tank guns.²³

Churchill was opposed to reinforcing forces in the Far East, as in his opinion it was probable that there would not be military escalation in that area even for another year. The Prime Minister preferred a strategy of redeploying forces where they were currently needed. This was, of course, dictated by necessity, but nevertheless, his reading of Japanese intentions was completely wrong. On the question of US involvement, Churchill noted that the situation was not straightforward because of the Neutrality Acts and the need for Congressional approval for a declaration of war. He agreed that Washington was already significantly involved in the Allied war effort, if only through the Lend-Lease Act and the provision of escorts for convoys. Nevertheless, in his opinion any attempts to pressure President Roosevelt to speed up the process would be misguided. The Prime Minister sought to reassure Page again of Britain's willingness to sacrifice other fronts to ensure the security of his country. In doing so, he emphasised that, in his view, Japan was not able to threaten Australia. According to Eden, at that point, it was the Dutch East Indies (and not Australia) that was the most threatened area. Britain had no obligations to the Soviet Union in Asia, nor did Moscow have any obligations to the British in this area. What is particularly interesting is that the Soviets did not seek to change this situation. By contrast, in Thailand, the Isthmus of Kra was identified as an area of strategic interest for Britain.²⁴ On 16 November the Hong Kong garrison was reinforced with two infantry battalions from Canada. On the same day, the Prince of Wales arrived in Cape Town escorted by two destroyers. Following the Admiralty orders, the squadron set sail as early as 18 November.²⁵

The Southeast Asia issue did not come up again at the Cabinet meeting until 24 November. Japanese-American negotiations were underway in the US and the British had been briefed on the proposals put forward by Saburō

²³ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 12 November 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 25–27.

²⁴ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 12 November 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 27–29.

²⁵ NAL, CAB 66/XIX, Weekly résumé on naval, military and air situation – 13–20 November 1941, p. 262; A. BOYD, *op. cit.*, p. 312.

Kurusu the Japanese government's 'special envoy': in return for the withdrawal of Japanese forces from the southern part of Indochina, the Allies were to end the economic blockade of Japan and cease their support for the Chinese. Such demands were obviously unacceptable. According to Eden, the Japanese were making exorbitant demands and offering only token concessions in return. It was therefore inappropriate to continue negotiations based on these proposals but to make an analogous tough offer for the Japanese. Churchill himself was reluctant to make any economic concessions to the Japanese. He recognised that maintaining economic pressure would significantly improve the British position in the Far East.²⁶

Reports from Thailand, at the same time, raised concerns. Japanese pressure on the country was so strong that there was considerable risk that the Thai government would succumb to it. Attempts to influence Bangkok through economic support were proving insufficient. In the course of discussions on this matter, it was agreed that it would be most effective to offer some aircraft to Thailand. The Chiefs of Staff were therefore tasked with seeing if there was any possibility of assisting Thailand in this way.²⁷

On 29 November, HMS Prince of Wales and HMS Repulse met in Ceylon. Although Japan was aware of the formation of the Far East Fleet by the British, Tokyo was still preparing for a confrontation; therefore, it appeared that the deterrent function of the squadron had failed before the ships even reached their destination. Despite this, there was no re-evaluation of the previous strategy and the ships continued their journey to Singapore, where they arrived on 2 December. In late November/early December, 25-pound howitzers for two regiments were still delivered to Malaya. On 28 November, a combat alert was issued for British troops in the Far East, and on 1 December a mobilisation of volunteer forces was announced. Information related to the ongoing US–Japanese negotiations in Washington also did not spark optimism. During the negotiations a proposal was made to soften economic sanctions in exchange for a reduced Japanese military presence in Indochina. However, these ideas were met with negative feedback from the British, Dutch, and Chinese, which prompted the

²⁶ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 24 November 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 40–41.

²⁷ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 24 November 1941 – discussion on the Far East Question, p. 41.

US to abandon these notions. Incoming reports of the redeployment of Japanese troops to the south seemed to confirm the conclusion that the political situation in the Far East was becoming increasingly tense.

In Churchill's view, the movements of the Japanese army indicated that its next target would be Thailand. Such a conclusion called for a reconsideration of the operation to seize the Kra Isthmus, and the Dominion authorities were consulted on the matter. The Australian government represented the position that Japanese aggression against Thailand would necessitate a military response by the British Empire in consultation with the US government, which, after all, had publicly committed itself to respond to further aggressive actions by Japan. The Australians also recommended trying to obtain Bangkok's consent to carry out Operation Matador, whereas South African Prime Minister Jan Smuts was quite optimistic that the Americans would certainly provide assistance in the event of British involvement in some sort of a conflict in the Far East. At the same time, he regarded the seizure of the Kra Isthmus as a defensive step intended to protect Malaya against a Japanese invasion. New Zealand authorities presented a slightly more cautious approach, proposing to attempt military cooperation with the Thais while seeking some form of American assistance. However, they left the final decisions to London and promised support for its actions in this matter. The most moderate opinion came from Canada. According to Prime Minister Mackenzie King, under no circumstances should the British be drawn into a war without the United States, which was perfectly in line with Churchill's own position.

Feedback from the Dominions did not change the Chiefs of Staff's view of the situation. They, too, believed that as long as there was no guarantee of US military support, no initiative should be taken in Southeast Asia. The mere occupation of the Isthmus of Kra by the Japanese was not, in the military view, a sufficient reason for military intervention. Churchill, on the other hand, warned against looking too optimistically at US–British relations. Despite Washington's increasing commitment to the Allied operations, US participation in the war was not yet decided. For this reason, the Prime Minister was also opposed to British military intervention, not only in the event of a potential Japanese occupation of the Isthmus of Kra, but also in the event of a Japanese attack on the USSR or the Dutch East Indies. For this reason, once again the fear of American neutrality paralysed the British government. The only decision made

by Churchill was to send another imploring telegram to Roosevelt asking Washington to put pressure on Tokyo. Eden, on the other hand, was not happy with the situation faced by the Dutch, who still could not count on any guarantees from London. He only hoped that the American involvement might soon increase enough for the British government to gain more options in this respect.²⁸

On 26 November, news of Japanese navy movements 'south of Formosa' reached Washington. For Roosevelt, this was proof that there was no point in continuing negotiations given their insincere treatment by the Japanese. The last attempt to salvage the situation was a message from the President to Emperor Hirohito on 6 December, in which he called for the withdrawal of the Japanese Imperial troops from Indochina. While Roosevelt knew in fact that this initiative was futile, it may later have served to convince public opinion that war was unavoidable.²⁹

Telegram No. 5519 from the British Embassy in Washington of 1 December contains a highly significant statement that an attack by Japan on either British or Dutch dominions would also concern the United States. This news opened up new possibilities in British Far Eastern policy. Eden again brought up at the government forum the issue of guarantees for the Dutch East Indies. Washington also expressed its support for the seizure of the Isthmus of Kra, provided that it should be preceded by at least an attempt to obtain consent from the Thai government. In Eden's opinion, this removed the obstacles to carrying out that operation, even though in his view there was no chance of cooperation from Bangkok. Indeed, as recently as November, the British consulted the Thai government about the possibility of cooperating on the issue, but the idea was met with a negative response from Prime Minister Phibunsongkhram. London was unable to guarantee security for the rest of Thailand and was therefore not an attractive partner for the Thai government. In his memorandum, Eden suggested that Crosby, the aforementioned diplomatic representative in Bangkok, should still be consulted on this matter.³⁰

²⁸ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 1 December 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 50–51.

²⁹ R. DALLEK, *op. cit.*, pp. 308–310.

³⁰ NAL, CAB 66/XX, Far Eastern Policy. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs, p. 82; R. ALDRICH, *op. cit.*, p. 235.

Under the influence of this new information, Churchill finally agreed to issuing a declaration of support for the Dutch at a cabinet meeting on 4 December. Following a telegram from Washington, the British government also gave permission to the command in the Far East to carry out Operation Matador, in the event of a Japanese invasion of Thailand. It was also discussed how to get the Thais to resist the Japanese. In the end, the Cabinet decided to propose to the Americans making a joint declaration of support to the authorities in Bangkok, without specifying the details of such potential support. These decisions were telegraphed to, among others, the commander of the Far East Fleet, Admiral Phillips, who was staying in Manila.³¹

A few days later, on 7 and 8 December 1941, the Japanese launched their offensive against the Allies in the Far East by attacking the American base at Pearl Harbor and launching an offensive in Malaya. The following days and weeks clearly demonstrated how unprepared the British Empire was for the confrontation.³²

While the most important step in strengthening the British military position in the Southeast Asian region in the final weeks before the outbreak of war, was the creation of the Far East Fleet, it had virtually ceased to exist by 10 December when the Japanese air force sank HMS *Prince of Wales* and HMS *Repulse* during the Battle of Kuantan. The condition of the British Air Force also left much to be desired. Assurances by RAF Chief of Staff Marshal Portal and the Secretary of State for Air Sinclair that there would be between 200 and 250 aircraft in the Malaya region and that these would be sufficient for defensive purposes were unrealistic, as in fact, in December 1941, there were only 158 aircraft in the region. The ground troops were also in a difficult situation. There were no armoured troops at all and a dire shortage of anti-tank weapons – in November, anti-tank guns for just one regiment had been delivered. Modern artillery was also not supplied in sufficient numbers: in November and December, shipments for only five regiments arrived. Some soldiers were not fully trained, and only two battalions arrived from outside the region for the Hong Kong garrison during the entire period described here.³³

³¹ NAL, CAB 65/XXIV, Cabinet meeting of 4 December 1941 – discussion on the Far East Question, pp. 72–73.

³² E. MAWDSLEY, *December 1941. Twelve Days that Began a World War*, Padstow 2011, pp. 152–175.

³³ *Ibidem*, pp. 231–234; R. CALLAHAN, *op. cit.*, pp. 85–86.

The authorisation for Operation Matador came too late. In addition, due to the indecisiveness and reluctance of the commanders of the British army, it was further delayed because of the continuing fear that the implementation of the operation would lead to the British side being regarded as the aggressor by the Japanese. This could have adversely affected further attempts to enlist American support in the absence of concrete guarantees. When the relevant orders were finally given, it was too late – the isthmus was already held by Japanese troops.³⁴

Little was also achieved in the field of diplomacy. The Thai side was not won over; only cooperation with the Dutch was moving forward. Attempts to secure absolute American support also failed. Unofficial declarations of assistance in the event of the outbreak of war, given quite freely by Roosevelt in his talks with Halifax, among others, did not translate into written guarantees. The American president himself was later to state in conversations with Stalin and Churchill that “if it had not been for the Japanese attack, he would have had great difficulty in getting the American people into the war,”³⁵ as indeed, only 51% of American citizens were convinced that the US would soon find itself at war with Japan.

The above-mentioned argument therefore clearly shows that London did not adequately prepare for the confrontation with Japan. To a large extent, of course, this was due to objective reasons – their extensive involvement on the fronts in Europe and Africa meant that the British Empire could not afford to adequately reinforce the potential war front in the Far East. However, it is more difficult to justify the fact that the full potential of existing forces, e.g., the Dominion troops, was not used. In this context, a much more dangerous mistake was the misreading of the threat posed by Tokyo, which significantly affected the outcome of the military confrontation. It was these errors that significantly contributed to the defeat of the British Empire’s forces in the Malayan armed struggle and the fall of Singapore just two months after the start of war hostilities.

³⁴ R. ALDRICH, *op. cit.*, p. 232.

³⁵ R. DALLEK, *op. cit.*, pp. 307–310.

BIBLIOGRAFIA • BIBLIOGRAPHY • БИБЛИОГРАФИЯ**Źródła archiwalne • Achival primary sources • Архивные источники****The National Archives London**

Cabinet Papers, Series 65, vol. XIX, XX, XXIII, XXIV.

Cabinet Papers, Series 66, vol. XIX, XX.

Opracowania • Secondary sources • Литература

ALDRICH R., *A Question of Expediency. Britain, the United States and Thailand, 1941–42*, “Journal of Southeast Asian Studies” 1988, vol. 19, no. 2, pp. 209–244.

BEST A., *Britain, Japan and Pearl Harbor. Avoiding War in East Asia, 1936–1941*, London–New York 1995.

BOYD A., *The Royal Navy in Eastern Waters. Linchpin of Victory 1935–1942*, Barnsley 2017.

CALLAHAN R., *The Illusion of Security. Singapore 1919–42*, “Journal of Contemporary History” 1974, vol. 9, no. 2, pp. 69–92.

DALLEK R., *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945*, Oxford 1995.

IENAGA S., *The Pacific War, 1931–1945. A Critical Perspective on Japan's Role in World War II*, New York 1978.

MARKS F., *Facade and Failure. The Hull-Nomura Talks of 1941*, “Presidential Studies Quarterly” 1985, vol. 15, no. 1, pp. 99–112.

MAWDSLEY E., *December 1941. Twelve Days that Began a World War*, Padstow 2011.

Adam Mordzak

**BRYTYJSKIE PRZYGOTOWANIA DYPLMATYCZNE I MILITARNE
DO WOJNY NA PACYFIKU OD 17 PAŹDZIERNIKA
DO 7 GRUDNIA 1941 ROKU**

Streszczenie. Objęcie stanowiska premiera Japonii przez generała Tojo Hideki 17 października 1941 r. zostało odczytane w Londynie jako zapowiedź kolejnych agresywnych kroków ze strony Tokio. Celem artykułu jest zbadanie, jakie działania podjął brytyjski rząd, aby przygotować się do potencjalnej konfrontacji z Japonią na polu dyplomatycznym i militarnym. Kluczowym wzmocnieniem było utworzenie eskadry Floty Dalekowschodniej, mającej w założeniu funkcjonować jako podstawowy czynnik odstraszający. Dokonało się to kosztem osłabienia pozycji brytyjskich sił morskich na innych obszarach. Wojska lądowe na obszarze Malajów otrzymały natomiast jedynie

symboliczne wsparcie. W najgorszej sytuacji było lotnictwo, gdyż samolotów było zdecydowanie zbyt mało do celów obronnych, ponadto nie były to jednostki o najlepszej jakości. Ze względu jednak na zaangażowanie na innych frontach oraz na dostarczanie sprzętu wojskowego do Związku Radzieckiego niemożliwe było wysłanie większej ilości uzbrojenia do Azji Południowo-Wschodniej. Na polu dyplomacji starano się przede wszystkim o zapewnienie gwarancji wsparcia ze strony Stanów Zjednoczonych. Lecz ze względu na *Ustawę o neutralności* oraz ogólną niechęć amerykańskiego społeczeństwa do udziału w wojnie udało się jedynie uzyskać werbalne obietnice pomocy. O wiele lepiej układała się współpraca z władzami Holenderskich Indii Wschodnich, które pozostawały najistotniejszym sojusznikiem Imperium Brytyjskiego na tym obszarze. Poza tym próbowano pozyskać do współpracy Tajlandię, ale oferta Londynu dla tego kraju pozostawała wyjątkowo nieatrakcyjna. Brytyjczycy nie byli w stanie zapewnić Tajlandii gwarancji integralności terytorialnej. Te czynniki, w połączeniu z niewłaściwym odczytaniem japońskich intencji, sprawiły, że Wielka Brytania przystępowała do starcia z Japonią słabo przygotowana, czego skutkiem były klęska w bitwie o Malaje i upadek Singapuru.

Słowa kluczowe: Wielka Brytania, Japonia, II wojna światowa, Daleki Wschód, Azja Południowo-Wschodnia

Адам Мордзак

БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ С 17 ОКТЯБРЯ ПО 7 ДЕКАБРЯ 1941 Г.

Аннотация. Вступление в должность премьер-министра Японии генерала Тодзио Хидэки 17 октября 1941 г. было воспринято в Лондоне как заявление о дальнейших агрессивных шагах со стороны Токио. Цель статьи – рассмотреть, какие действия предприняло британское правительство для подготовки к возможной конфронтации с Японией в дипломатической и военной областях. Ключевым усилением стало формирование эскадры Дальневосточного флота, призванной выполнять функции основного средства сдерживания. Это было сделано за счет ослабления позиций британских военно-морских сил на других направлениях. В области дипломатии были предприняты усилия, чтобы заручиться гарантиями поддержки со стороны США. Однако из-за Закона о нейтралитете и общего нежелания американской общественности участвовать в войне были получены только устные обещания помощи. Гораздо лучше было сотрудничество с властями Голландской Ост-Индии, которая оставалась важнейшим союзником Британской империи в этой области. Кроме того, предпринимались попытки склонить Таиланд к сотрудничеству, но предложение Лондона для этой страны оставалось крайне непривлекательным. Британцы не смогли предоставить гарантии территориальной целостности страны. Эти факторы в сочетании с неправильным истолкованием намерений японцев означали, что Великобритания вступила в столкновение с Японией плохо подготовленной, что привело к поражению в битве при Малайе и падению Сингапура.

Ключевые слова: Великобритания, Япония, Вторая мировая война, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия

OBLICZA WOJNY

TOM 7 • PRZED BITWĄ

ŁÓDŹ 2023 • ISBN 978-83-8331-303-0

O AUTORACH • ABOUT AUTHORS • ОБ АВТОРАХ

Klára Andresová

Ph.D., Masaryk Institute and Archives of the Czech Academy of Sciences, e-mail: klara.andresova@email.cz

Yaroslav Andrusyak

Ph.D., Higher State Educational Institution "Uzhgorod National University," Department of Antiquity, the Middle Ages and the History of Ukraine of the Pre-Modern Period, e-mail: yaroslav.andrusyak@uzhnu.edu.ua

Helena Diakova

Ph.D., H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, e-mail: djakova.elena.hnpu@gmail.com

Tadeusz Grabarczyk

Professor, University of Lodz, Faculty of Philosophy and History, Institute of History, Department of Medieval History, e-mail: tadeusz.grabarczyk@uni.lodz.pl

Josef Hložek

Ph.D., University of West Bohemia in Pilsen, Department of Archaeology, e-mail: hlozek@kar.zcu.cz

David Hubený

Ph.D., National Archives: Prague, e-mail: david.hubeny@nacr.cz

Taras Kovalets

Ph.D., Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Department of History of Ukraine, e-mail: t.kovalets@chnu.edu.ua

Nadezda Kruglova

Msc., National Archives: Prague, e-mail: nadezda.kruglova@nacr.cz

Urszula Kurcewicz

Ph.D., University of Warsaw, the Faculty of Political Science and International Studies, Department of Political History, e-mail: uurban@uw.edu.pl

Olgierd Ławrynowicz

Ph.D., University of Lodz, Faculty of Philosophy and History, Institute of Archaeology, e-mail: olgierd.lawrynowicz@uni.lodz.pl

Petr Menšík

Ph.D., University of West Bohemia in Pilsen, Department of Archaeology, e-mail: pmensik@kar.zcu.cz

Adam Mordzak

Ph.D. Student, University of Lodz, Faculty of Philosophy and History, Institute of History, e-mail: adam.mordzak@edu.uni.lodz.pl

Silviu Oța

Ph.D., National Museum of Romanian History, Archaeology Department, e-mail: silviuota@yahoo.com

Taras Piatnychuk

Ph.D., Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Museum of Ethnography and Ancient History, e-mail: taras13a@gmail.com

Magdalena Pogońska-Pol

Ph.D., University of Lodz, Faculty of Philosophy and History, Institute of History, Department of Polish and World History after 1945, e-mail: magdalena.pol@uni.lodz.pl

Zoltán Szolnoki

Ph.D., Móra Ferenc Muzeum, Szeged, e-mail: szolnoki.zol@gmail.com

Jan Szymczak

Professor, University of Lodz, Faculty of Philosophy and History, Institute of History, e-mail: jan.szymczak@uni.lodz.pl

Yana Tovtyn

PhD, Higher State Educational Institution "Uzhgorod National University," Department of Antiquity, the Middle Ages and the History of Ukraine of the Pre-Modern Period, e-mail: yana.tovtyn@uzhnu.edu.ua

Leontiy Voitovych

Professor, The Ivan Franko National University of Lviv, Department of History of Middle Ages and Byzantine Studies

Myroslav Voloshchuk

Professor, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Faculty of the History, Political Science and International Relations, Department of the World History, the head of Centrum Studiorum Mediaevalium, e-mail: myrkomyrko79@gmail.com

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego
90-237 Łódź, ul. Matejki 34a
www.wydawnictwo.uni.lodz.pl
ksiegarnia@uni.lodz.pl
tel. 42 635 55 77

W siódmym tomie serii wydawniczej Oblicza Wojny pt. *Przed bitwą* znalazło się 14 artykułów. Ich autorami są archeolodzy i historycy z Polski, Rumunii, Ukrainy i Węgier. Międzynarodowa obsada badaczy gwarantuje różnorodne ujęcia tematyki związanej z przygotowaniem do zmagania wojennych.

Publikowane studia obejmują okres od wczesnego średniowiecza po II wojnę światową. Dotyczą one szeroko rozumianych przygotowań wojennych – od mobilizacji i szkolenia wojsk, przez budowę fortyfikacji, po działania koncepcyjne i dyplomatyczne. Jest to publikacja godna polecenia nie tylko tym, którzy profesjonalnie zajmują się historią, ale wszystkim zainteresowanym problematyką militarną.

In the seventh volume of the publication series *Faces of War* titled *Before the Battle*, there are 14 articles. They were written by archaeologists and historians from Poland, Romania, Ukraine, and Hungary. The international team of researchers ensures diverse perspectives on the subject of preparations for military confrontations.

The published studies cover the period from the early Middle Ages to World War II. They encompass a wide range of military preparations, including mobilization and troop training, fortification construction, as well as conceptual and diplomatic actions. This publication is highly recommended not only for those who are professionally engaged in history but also for anyone interested in military matters.

Książka dostępna również
jako e-book

WYDAWNICTWO
UNIwersYTETU
ŁÓDZKIEGO

wydawnictwo.uni.lodz.pl

ksiegarnia@uni.lodz.pl

(42) 665 58 63

ISBN 978-83-8331-303-0

9 788383 313030

В седьмом томе серии издательского проекта Лики войны (*Oblicza Wojny*) под названием *Перед битвой* собрано 14 научных статей. Авторами являются археологи и историки из Польши, Румынии, Украины и Венгрии. Международный состав исследователей гарантирует разные взгляды на тему подготовки к военным столкновениям.

Публикуемые исследования охватывают период от Раннего Средневековья до Второй мировой войны. Они касаются широкого спектра военных приготовлений, включая мобилизацию и обучение войск, строительство фортификаций, а также концептуальные и дипломатические действия. Данная публикация рекомендуется не только для тех, кто профессионально занимается военной историей, но и для всех тех, кто интересуется военным делом.